

А.И.Немировский

МИФЫ
ДРЕВНОСТИ

ИНДИЯ

А.И.Немировский

**Труды по мифологии,
археологии, истории**

Мифы древности

Научно-художественная энциклопедия
(Эллада, Италия, Индия,
Восточное Средиземноморье, Месопотамия)

Этруски

Заговорившие камни

Рождение Клио

Идеология и культура раннего Рима

Исторические романы, повести и рассказы

А.И.Немировский

СОБРАНИЕ
ТРУДОВ

МИФЫ ДРЕВНОСТИ

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ИНДИЯ

Москва
Лабиринт
2001

Александр Иосифович НЕМИРОВСКИЙ. Мифы древности: Индия. Научно-художественная энциклопедия. (Собрание трудов). — Москва, Лабиринт, 2001. — 304 с.

Ответственный редактор: В. Ф. Шевченко.

Оформление: В. Е. Граевский.

Компьютерные работы: В. А. Глазов, Н. Е. Еремин.

По своей поэтичности, разнообразию и философской наполненности индийские мифы совершенно уникальны. Знание этого огромного пласта мировой культуры необходимо и для понимания мифологий других народов, и для восприятия религии и искусства Востока и Запада более поздних периодов. Именно поэтому автор — писатель и ученый-историк — погрузился в океан древнеиндийской мифологии в попытке раскрытия ее красоты и бессмертной сути. А результатом этого погружения стал художественный пересказ мифов с элементами исторического и текстологического их комментирования.

Для историков, филологов, искусствоведов и широкого круга читателей.

© А. И. Немировский, текст.

© Издательство «Лабиринт», 2001.

ISBN 5-87604-132-7

Все права защищены.

Откуда пошел, как был организован и защищен мир

Из необозримого числа вопросов, неизбежно встававших перед людьми, как фантом, еще в глубокой древности, наиболее жгучими и волнующими были те, которые касались происхождения и устройства Вселенной, равно как и возникновения рода человеческого, столь непохожего на мир иных живых существ. В донаучную эпоху в распоряжении человека могли быть только мысль и воображение, непосредственное наблюдение и возможность сопоставления разного рода природных явлений. Постепенно выводы, к которым приходили человеческие поколения относительно происхождения мира, приобрели форму мифов. Их, используя греческий термин «космос», принято называть космогоническими.

Древнейшие космогонические мифы индоарьев сохранились в ведах и восходят к представлениям о мироздании, сложившимся у индоевропейцев. «Действующие лица» индоевропейской космогонии, как и у многих других народов, — это Небо, Земля. Небесные светила, Водная и Воздушная стихии. Им в обликах богов приписывалась сверхъестественная творческая мощь, с загадочным проявлением которой люди сталкивались на каждом шагу. Все они мыслились владыками определенным образом упорядоченного ими же пространства и времени и создателями еще в незапамятные времена всего природного мира, включая и мыслящее существо — человека.

В индийских космогонических мифах явственней и ярче, чем в каких-либо других, формируется первоначальная форма логического мышления, уводящая человеческий ум от конкретного к абстрактному и направляющая его к выявлению скрытых от непосредственного наблюдения связей между человеком и миром, в котором он живет, и стоящими за этим миром могущественными силами. Этим силам, еще до создания ими человека, не было чуждо ничто человеческое — тщеславие, любовь, ненависть, коварство, но, разумеется, в масштабах, сопоставимых лишь с космическими величинами.

На почве Индии космогонические представления ариев претерпевали изменения, продиктованные как уникальностью географической и климатической среды этой страны с ее непостижимым богатством и пестротой фауны и флоры так и развитием научных

знаний У богов-творцов появились противники, воплощавшие могущественные природные силы Индии в виде непроходимых лесов, избыточно полноводных рек, труднодоступных гор В поздних космогонических мифах все явственнее ощущаются не только мощь индийской природы ее необычайное разнообразие, но и напряженность духовных и религиозных исканий, пронизанных неотделимым от них духом восточной мудрости

Кому ведома тайна [1]

В Едином и Изначальном не было ни Сата, ни Асата [2] Не было и воздушного пространства с широко распростершимся сводом между ними Что же тогда все покрывало? Что перемещалось туда и сюда? Где? Под чьей защитой? Что за вода была, — бездонная, глубокая? [3]

Не было тогда ни смерти, ни бессмертия Не было ничего, что отличало бы день от ночи Единое, никем не одухотворенное, не колебля воздуха, дышало по собственному закону, и не было ничего иного, кроме него Вначале мрак был сокрыт мраком Единственное жизненное начало было порождено силой жара в пустоте и в ней пребывало

Но на него снизошло вождение, и стало оно первым семенем мысли Происхождение Сата из Асата открыли мудрецы, обратившись мыслью к сердцу своему И отделили они Сат от Асата, протянув между ними шнур Где же был низ, а где верх? Что было оплодотворено и что возросло? Рывок вниз, насыщение — наверх

Кому ведома тайна происхождения и кто ее провозгласит? Откуда это творение? Сотворенный мир породил богов Но кто же знает, откуда и как он возник Само или нет возникло это творение? Было или не было оно сотворено? Знает лишь Все-зрящий на высшем небе Или это неизвестно и ему? [4]

1 Это самое раннее описание создания мира, даваемое в ведах является в то же время наиболее отвлеченным Не упоминается ни один бог или иной мифологический персонаж Автор гимна отказывается от каких-либо твердых суждений Таким образом, общераспространенное мнение, что абстракции чужды первобытному мышлению, опровергается этим текстом

2 Асат («не-сущее») — вселенная, глубинная сфера мира, где нет света и тепла Сат («суть», «сущее») — вселенная, состоящая из трех миров, включая обиталище богов

3 Слова «бездонная и глубокая» могут быть отнесены и к мысли певца, достойного занять место среди семи мудрецов Заданные вопросы остались без ответа, но высказано то самое сокровенное что волнует каждого мыслящего человека верующего и неверующего как бытие

могло возникнуть из небытия. Естественное сомнение в возможности этого перехода рождает категорию вождения, которой найдены великолепные параллели — «семь мыслей» «сила жара». Они так же как, казалось бы, немотивированное появление «бездонной и глубокой воды», сами по себе выводят гимн из философской абстракции в мир высокой поэзии. Но ведь остаются еще непередаваемые при переводе средства — звуки в гимне согласно Т.Я. Елизаренковой присутствует несколько переплетающихся друг с другом звуковых тем. Одна из них наполняющая первую строку определяется глаголом *as* (быть).

4 Вождение лежащее у истоков возникновения мира, тайны сокрытой не только от людей но и богов имеет явную параллель в Эросе гесиодовской космогонической системе где Эрос — одно из четырех космических первоначал необоримая сила влечения существующая в мировом пространстве как непреложный закон (Theog. 120 и сл.). Эта сила приводит в движение и бесформенный, неопределенный в своих размерах Хаос (персонификацию разверстого пространства, близкого по сути ведийскому Асат) и Землю. Хаос производит женское начало — Ночь и мужское начало — Мрак. Этот вполне конкретный образ Ночи и Мрака греческой мифологии в индийской религиозно-философской концепции, отдающей предпочтение тайному знанию и до конца не раскрывающей того, что требует толкования и осмысления с помощью мудреца-учителя, имеет параллель в том рывке (или порыве) вниз и насыщении (удовлетворении) наверху, которые текст гимна связывает с оплодотворением и возрастанием.

Невозможно однозначно ответить на вопрос, чем объясняется совпадение в двух мировоззрениях идеи взаимного влечения, лежащей в основе творения. Индоевропейской общностью. Однако нельзя игнорировать тот факт, что схема Гесиода складывалась под влиянием восточного, точнее малоазиатского мира, того самого малоазиатского мира, куда устремился западный поток движения индоарьев (вспомним общность ряда богов в том числе таких значимых как Митра и Варуна в индийской и хеттской религиях).

Вначале было яйцо

Вначале были только воды, неоглядное море вод [1]. И овладело ими желание творить. Они столкнулись, и запылал жар, отчего возникло золотое яйцо.

Не существовало тогда точного времени, и плавало яйцо так долго, как долго длился год. И за время этого года появилось в яйце живое существо. Это был Праджапати [2]. И если женщина, корова, кобылица производят жизнь в течение года, последовавшего за зачатием, то это потому, что Праджапати родился в течение года, последовавшего за появлением золотого яйца.

Он взломал его скорлупу но поскольку не было никакой точки опоры, золотое яйцо долго еще колебалось во мраке, пока длился год. И возникло в течение этого года у Праджапати желание что-нибудь произнести. И он испустил звук «Бхур» — и появилась Земля «Бхувас» и появилось Пространство, «Сувар¹» [3] — и появилось Небо.

И если верно то, что у ребенка возникает потребность говорить в течение года вслед за рождением, то это потому, что Праджапати заговорил в течение этого года. И если ребенок впервые заговорив, произносит лишь слова, состоящие из одного или двух слогов, то это потому, что Праджапати, впервые заговорив, произнес слова лишь из одного и двух слогов. Из пяти слогов, которые он произнес, сотворилось также пять сезонов [4] — и именно поэтому сезонов существует пять.

На протяжении года Праджапати выпрямился и встал на ноги, чтобы утвердиться в созданных им мирах. И если ребенок в течение года желает встать на ноги, то это потому, что подняться на ноги захотел в течение года Праджапати.

Праджапати рождался на тысячелетие подобно тому как с берега реки издали виден противоположный берег, точно так же и он видел издали противоположный берег своих лет.

Охваченный жаждой творчества он шагал, напрягая мускулы и распевая гимны. Он вложил в свою душу творческую силу и из своего рта сотворил богов. Он создал их, чтобы заселить небо отсюда и их название — боги [5]. И поскольку он создал их для того, чтобы заселить небо, это стало для него, как свет, сияющий днем.

Затем, подув вниз, он создал асуров, чтобы заселить землю. И когда он их таким образом создал, чтобы заселить землю, они сделались для него, как мрак (тьма).

И он сказал себе «Поистине я сотворил нечто дурное, поскольку это возникло, пусть это будет для меня так, словно сделалось темно». И он поразил их злом и они от этого перемерли. Именно поэтому нужно считать ложными рассказы или легенды, касающиеся соперничества богов и асуров, ведь Праджапати поразил асуров злом и они немедленно погибли. Именно об этом поет риши [6].

Не имел ты противников, освободитель [7]

На сражение с тобою кто бы мог выйти?

Состязаться с тобою кто бы захотел?

Никогда ты соперников не имел.

Между тем, из того что было для него светом дня, когда он создал богов, он создал День, а из того, что было для него как мрак, когда он создал асуров, создал он Ночь. И было положено начало дню и ночи. Вот какие боги созданы Праджапати: Агни, Индра, Сом, кроме сына его Парамештхин [8].

Рождены они на тысячелетие И как с берега реки виден изда- лека противоположный берег, так и боги видели издали противо- положный берег своих лет

Они шагали, напрягая мускулы и распевая гимны и делая уси- лие Между тем сын Праджапати Парамештхин, имел видение — жертвоприношение, которое должны предложить дни Полной и Новой луны Празднуя их он пожелал [9] «Пусть станет для меня возможным сделаться всеми вещами в этом мире»

И стал он Водами, ибо Воды относятся ко всем вещам здесь внизу в той мере, в какой они находятся повсюду, даже в самых отдаленных местах И в самом деле, если углубиться в любом месте на Земле, несомненно найдешь воду Что же касается Па- рамештхина, то он изливается дождем со своего верхнего место- пребывания, то есть с Неба

Когда сын его стал водами, Праджапати пожелал [10] «Пусть стану я всеми вещами в этом мире»

1 Концепция изначальных вод, несущих в себе семя жизни на земле, разрабатывается ведическими певцами во множестве мифов Возникно- вение земли в водах рассматривается как результат процесса уплотне- ния — из изначальных вод путем пахтанья возникает бессмертие для вершителя мира богов Согласно одной из версий мифов, создателем земли был кабан, принесший на рыле грязь со дна вод (Кейпер 1986 119 и сл.) В изложенном мифе воды рассматриваются как среда, вырастив- шая золотое яйцо, которое предшествует появлению Праджапати — первого бога первоначального, еще неразделенного мира В более позд- них пересказах этого мифа он заменяется Брахмой

2 Представление о мировом яйце, из которого возникла вселенная, присуще многим мифологиям Вспомним египетский миф о происхож- дении мира из яйца, снесенного птицей «великий Гоготун» Значительна роль яйца в погребальных обрядах этрусков (на фресках покойный час- то изображался с яйцом в руке) а также место яйца в праздниках плодо- родия у восточных славян

Итак вначале существовали лишь неразделимые воды И чудесным образом выявило себя желание — Эрос) Появилось золотое яйцо с эм- брионом внутри давшее жизнь Праджапати — demiургу который в свою очередь дает существование богам и демонам, людям и животным элементам мирам мощи и т.д. И все эти следующие друг за другом творения появляются благодаря творческому жару (tapas) усилию (ритуальному) и слову в виде гимнов вед

3 Это литургические восклицания, мыслимые как олицетворения трех миров — Земли Промежуточного пространства и Неба

4 Сезонов четыре Пятый — это время дождей между летом и осенью Весна — март-апрель Лето — май-июнь Дожди — июль-август Осень — сентябрь-октябрь Зима — ноябрь-декабрь Изморозь — январь-февраль

5 Небо — v боги — devah образованы от одного и того же корня div выражающего идею светового излучения испускаемого небесным сводом

6 Пророк — и здесь и всюду этим словом переводятся риши (название данное мифическим существам, которые имели видением гимны Ригведы)

7 Эпитет Индры

8 Ипостась Праджапати, тогда как Индра, Агни и Сома — независимые боги

9 Жертвоприношение — акт приносящий плоды Жертвователь формулирует желание которое должно реализовываться по мере осуществления ритуала

10 Совершающий богослужение совершает его на благо Жертвователя, имя данное тому, кто оплачивает церемонию

11 Жертва отправляется в огонь Следовательно, Агни (огонь) — это тот, кто «сѣдает» ее Здесь это Сома

12 Санскритское *sp* — это одновременно великолепие, богатство, вспышка света, слава, процветание

13 Север, который находился слева от богов или наверху, в зависимости от их ориентации, не назван

14 Супруга жертвователя участвует с полным правом в жертвоприношении и разделяет блага со своим мужем

15 Человек — аналог жертвы

16 Свойства — (санскр *ṛgna*) обычно означает дыхание, но часто рассматривается как божество, жизненная сила

17 Изъятая предварительно часть не бросается в огонь, а сохраняется участниками жертвоприношения для поедания вместе с богами которым посвящена жертва

Вначале был Пуруша [1]

Сначала не было ничего живого, кроме первочеловека, тысячеглазого, тысячеголового, тысяченогого исполина Пуруши. Родился он от Вирадж [2], которая от него родилась, и разлегся, прикрыв сушу своим необозримым туловищем спереди и сзади, не оставив на ней ни клочка пустого пространства и возвышаясь над ее поверхностью на десять пальцев. Ведь Пуруша — это вселенная, которая была и которая будет. Таково его величие.

Четверть его — все существа, три четверти, какими он взошел вверх, — бессмертие на небе.

Подступили к Пуруше боги, бросили его, как жертвенное животное, на солому, облили маслом, обложили дровами. Из этой жертвы, расчлененной на части, родились гимны и напевы, из нее кони родились и им подобные с двумя рядами зубов, быки родились из нее, а также козы и овцы. Его рот стал брахманом [3], руки сделались раджанья, бедра — вайшьей, из ног родился шудра. Луна возникла из его души, из глаза — солнце, из уст — Индра и Агни, из

дыханьи — ветер, из пупа [4] — воздушное пространство, из головы — небо, из ног — земля, стороны света — из уха

Так из первочеловека возникли миры

1 Вариант сотворения мира из тела космического человека, из которого возникают элементы космической и одновременно общественной организации. Принесение человека (бога) в жертву нельзя считать спецификой индийской религии: оно присутствует и в греческой культовой практике и чаще всего связывается с культом Диониса, бога, приносящего в жертву людей и животных и принесенного в жертву (Отто, 103 и сл.)

2 Вирадждж — женское начало. Происхождение мужчины от женщины, женщины от мужчины — пример космической взаимобратимости, выработанной индийской философией

3 Впервые в индийской литературе появляется описание варн брахманов (жрецов), раджаньи, или кшатриев (воинов) вайшья (скотоводов, земледельцев, горговецев), шудра (низшего сословия призванного своим трудом обслуживать три первые варны). Это мифологическое объяснение происхождения варн многократно повторяется в брахманистской литературе с различными вариантами: варны произошли также из частей тела Брахмы, Вишны, реже Шивы. В «Загоне Ману» люди происходят от сыновей Ману. В «Сказании о четырех веках» напротив, сообщается, что в старину люди были одинаково добродетельны и считались брахманами, но постепенно утрачивая добродетели попадали во все более низкие варны (Бонгард-Левин, Ильин, 1985, 165)

4 Пуп Пуруши — это пуп земли. Пуп играл особую роль и в других мифологиях, рассматриваясь как мировая ось или центральная мировая гора. Но ни одна из мифологий не знает возникновения из этого центра воздуха

Вначале был Праджapati

*Возвращаются ветры на круги своя,
По своим же следам идет Праджapati —
Ведь великая Рита не знает изъятий,
И в объятиях Неба ликует Земля
И рождаются боги от Неба-отца,
И от жара любви испаряется влага,
Возвращаясь с небес благотворною Гангой,
Чтобы страстью своей ослепить мудреца,
Чтобы разумом не был наш мир обделен,
Как враждой и любовью — такой же взаимной,
Чтоб одни откровенья, рожденные гимном,
Неизменно пылали во мраке времен*

Праджapati [1] в сотворенном им мире был одинок, как перст. И подумал он: «Как мне себя продолжить?» Напрягшись, Праджapati воспламенил свой дух и породил из своего рта Агни [2], пожирателя пищи. Был Агни первым из богов, ведь Агни все равно что Агри, а Агри — это «первый», «стоящий спереди»

Пищи же в мире, могущей прокормить Агни, не нашлось, и понял Праджапати, что Агни сожрет его. От испуга он открыл рот и выронил свою Силу: сила же его — Речь — появилась после Агни второй. Чтобы принести жертву, Праджапати потер ладонью ладонь, и они лишились волос. Продолжал тереть Праджапати ладони, пока из них не вылились жертвенное масло и молоко, но они смешались с волосами, отделившимися от ладоней. Поэтому он опрокинул эту смесь в огонь, и превратились волосы в корни и стебли растений, и мир радостно зазеленел.

Так, принеся жертву, Праджапати продлил себя и спасся от обжоры Агни. Так же и тот, кто совершает всесожжение, спасает себя от Агни, готового его сожрать, а когда человек умирает, его возлагают на огонь, сжигающий лишь тело, и он возвращается к жизни из пепла.

После Агни были созданы Вайю [3] и Сурья [4]. Они сказали: «Давайте сотворим существо, и да будет оно четвертым». Очертив место, на котором стояли, боги начали слагать песнопения. Место, очерченное ими и услышавшее гимны, стало Землей, а проведенная ими черта — Океаном.

Совершив это, боги отправились на Восток, пообещав Земле вернуться. По пути им встретилась корова, возникшая из их песнопений. Агни ее возжелал, сказав: «Да будет она мне парой!» Он излил в нее свое семя, ставшее молоком. Оно и поныне белое у любой коровы, черной или бурой, и теплое от Агни.

И решили боги попробовать это молоко, принеся его в жертву. И возник между ними спор, кому это сделать первым. Тогда они явились к Праджапати и спросили: «Кому из нас отведать это молоко первым?»

— Агни! — ответил Праджапати, не думая. — Ибо Агни возродит свое семя, а с ним вместе возродитесь и вы. Вторым пусть отхлебнет Сурья, а то, что останется, пусть допьет Вайю, который всюду веет.

Выпили боги молоко и вновь обрели рождение и жизнь.

1. Праджапати («господин потомства») встает из этого и других гимнов «Ригведы» не только как главная фигура жертвоприношения, жертвователь и жертва одновременно, но и как бог вечного кругооборота природы, текущего и постоянно возвращающегося к своим истокам, и времени, бог календаря и его празднеств, отмечаемых в начале каждого нового года и сезона. В этой ипостаси у него много общего с этрусским Киленом и римским Янусом. Подобно тому, как у каждого из главных богов этрусского пантеона, занимающих участки ободка печени из Пьяченцы, был свой Килен (Немировский, 1986: 112), так и свой Праджапати был у ведийского Брихаспати и затем у его восприемника индуистского Брахмы. Как воплощения их функций богов природы и вечного ее кругооборота — смены дня ночью, месяца месяцем, года годом, жизни — смертью (Gonda, 1984, 5 и сл.; 1989, 38 и сл.; 57 и сл.). Именно поэтому он воспринимался как главный бог — так же, как и у этрусов, главным

богом считался не Тиния а Киленс (Янус) Совершение жертвы на алтаре Праджapati или превращение в жертву его самого рассматривались как культовый акт, и в этом плане он близок к Агни в его ипостаси жертвенного огня, без которого боги не могут существовать (Gonda, 1984, 2)

2 Агни — в ведийской и индуистской мифологии бог огня во всем его многообразии — от домашнего очага до пламени солнца, считался посредником между людьми и богами («ближайший из богов»), поскольку переносил жертвы смертных из жертвенного костра к небожителям

3 Вайю — ветер и бог ветра, обозначаемый как «быстрейший из богов», вихрь, отождествляемый с Агни

4 Сурья — в ведийской мифологии бог солнца, входящий в ведийскую триаду Агни — Индра — Сурья, глаз богов, отождествляется с Савитаром В эпосе с Сурьей связано множество сюжетов, в которых он противник богов, грозный испепелить их лучами, но также и демонов, и родоначальник героев

Вначале было солнце [1]

Земля одно время была неподвижной и бесплодной пустыней. Высились над нею голые, обожженные, не покрытые травами горы. Поэтому живые существа сильно страдали от жажды и голода. Тогда Солнечный бог, словно отец родной, проникся состраданием. Совершая оборот северным путем [2], он отовсюду собрал своими всепроникающими лучами водяные пары и, возвращаясь южным путем через внутренность земли, наполнил ее живительной влагой. Обернувшись она полем и проросла растениями.

Наделенные шестью вкусовыми качествами — сладким, кислым, острым, соленым, горьким, вяжущим, эти растения стали пригодны для жертвы богам и для пищи всем живым существам на земле. Воистину пища, дающая жизнь, сотворена Солнечным богом, а поскольку он и есть отец всех существ, моли его о помощи, называя одним из ста восьми его священных имен [3], встречай ликованием как бога среди богов, когда он выезжает на небо на золотой колеснице, запряженной семью рыжими кобылицами, рассекая днями ночи, обращая вспять звезды, которые разбегаются от его всевидящего ока, как застигнутые врасплох воры.

1 В этом варианте мифа о творении в акте сотворения жизненной силы, лежащей в основе растений участвуют два бога — Солнце и Сома («Месяц»). Однако в мифе их роль неясна. Солнце — и отец и одновременно женское начало оплодотворяемое своим собственным жаром и превращенное в изначальный пар дождем.

2 Это указание на видимый глазу оборот солнца от юга к северу и от севера к югу, в ходе которого возникают времена года.

3 Далее в тексте «Махабхараты» где содержится изложение мифа называется 108 имен выражающих проявления солнечного бога творца — Сурья Тваштар Пушан Савитар Индра, Яма и др.

*Река и речь, создал господь
Вас вдохновением единым.
Вас никому не побороть,
Для вашей плоти нет плотины.*

Боги так же, как и люди, поначалу могли видеть, но не умели говорить и объяснялись между собой знаками, Праджапати дал богам, а потом и людям слова [2], назвав их речью от реки Сарасвати, потому что слова стекаются в речь, как ручьи.

И стала Речь могущественной богиней, благосклонной к риши. Кудесник, жрец Речи был поющим и пьющим. Он пропускал Речь сквозь свое сердце и давал ей свободно течь к обиталищу небесных богов.

Была Речь женщиной, и к ней потянулись дочери богов. Первой из них была масляноногая Илу [3], рожденная в небесном океане. Илу не только ходила к Речи на водопой, но с ее помощью выиграла спор с богами.

Боги также возлюбили Речь и не уставали ее прославлять. Ближе всех к ней был Пушан. При одном приближении к Речи он распускался, как цветок, и наполнял берега пухом своих деревьев. Также и Сомы, услада пьющих, воссиявший на небесах Луной, упивался красотой Речи. Своими напевами он возбуждал у риши вдохновение, подобное тому, с которым Праджапати создал Речь.

1. В ведийских текстах нет сюжета о создании Речи, но образ Речи как творения божества присутствует во многих гимнах. Для передачи непереваемой семантики Речи в индийских мифах мы использовали ведийский метод повторов (переключки слов или словесного эха) в русском языке.

2. Согласно индийской и кельтской мифологии, у богов и людей были свои языки (Елизаренкова, 1993, 68).

3. Сарасвати, Сарью, Синдху — синонимическое обозначение реки на северо-западе субконтинента. К ней обращались певцы гимнов как к величайшему потоку, матери, кормилице, богине. Партнерами ее в мифах считался Пушан, бог плодородия, невозможного без орошения земными или небесными водами, Маруты, боги грозных туч, Агни, Ашвины, а также женские божества Илу и Вач. С последней она была в постведийское время отождествлена (Gonda, 1985, 7). Посвященные Самасвати гимны характеризуют культ рек, присутствующий многим древним народам.

Где это было? [1]

Вишвакарман [2], отец глаза, мудрый мыслью. Поддались ему эти два мира, как жертвенное масло, и он их породил.

И он занял место, принес в жертву эти миры. Молитвою он проник к еще не выявившимся поколениям, сокрыв первое.

Где это было? Что ему служило опорой? Как ему удалось величием и всеохватывающим взглядом распахнуть небо? Единый бог, неоглядный, тысячеликий, тысяченогий, порождает небо и землю, он сплавил все, сбил все своими крыльями. Из чего он вытесал небо и землю? Что это была за древесина? Что за дерево? О, вы, способные мыслить, узнаете ли вы, на чем он стоял, укрепляя миры? Что было вверху, что внизу, а что — в середине? О, Вишвакарман! Сам принеси в жертву свое тело и этим его укрепи!

О, Вишвакарман! Укрепи себя возлиянием, сам принеси себе в жертву землю и небо! Повелителя речи, быстрого, как мысль, и призываем сегодня, при состязании на помощь. Пусть возликует, услышав наши призывы, он, приносящий всем благо и творящий добро!

1. Певец выступает на состязании, обращаясь к Вишвакармане, правителю внутреннего видения мира с вопросами об акте творения, из которых бог предстает то как кузнец, то как плотник, с просьбой раскрыть ему свои творческие тайны и их повторить — принести себе в жертву небо и землю и отдать себя в жертву своему творению.

2. Вишвакарман — бог-двойник Праджапати.

День и ночь

Поначалу земля была распахнута Вивасвате [1] и длится бесконечный сияющий день. Поэтому первыми появились дети Вивасваты и Саранью [2] Яма и Ями [3], поднявшие веки в один миг, чтобы лицезреть Солнце и под ним синий океан. Брат и сестра, близнецы, стали мужем и женой, и наполнилась земля от края до края их счастливыми голосами и смехом. От первой супружеской пары пошло потомство, привольно расселившееся по земле.

Яма и Ями были смертными, и пришло время им умереть, Яме — первому. Он был первым, кого взяла земля, а Ями оказалась первой, познавшей горе одиночества и разлуки. И небо, вместо радовавших богов голосов и смеха, заполнил разносимый ветром заунывный плач [4]. Не стало покоя и Земле. Боги, собравшись, спустились к Ями и стали уговаривать ее успокоиться, объясняя, что исчезновение всех живущих, но не бессмертных — закон, что уйти от смерти дано только богам. Но прародительница не умолкала, продолжая причитать:

— Но ведь он умер сегодня! Только сегодня!

И на это богам нечего было возразить, ибо день рождения и день ухода, день смеха и день плача, день радости и день горя не были еще отделены друг от друга. Подумав, боги создали ночь, отделив ею свет от света, день от дня.

И появилась первая ночь. Выплыла на черное небо луна с бегущей по ней тенью зайца, засмотрелась на него вдова, успокоилась и уснула. Лишь тогда смогли смежить боги свои лотосовидные очи и наконец отдохнуть от стенаний, заполнивших все небо.

С тех пор день сменяется ночью, а ночь днем.

1. Вивасвата — свет жизни, одно из солярных божеств.

2. Саранью — дочь Тваштара

3. Яма и Ями соответствуют авестийским близнецам Йиме и Ймак, также ставшим первой супружеской парой.

4. Плачу Ями в египетском мифе соответствует плач Исида по Осирису, в вавилонском — Иштар по Таммузу, в скандинавском — Нанны по Вайдру.

Бегство и возвращение Агни [1]

*Я на смерть порожден моим сознанием,
Я ранен в сердце разумом моим,
Я неразрывен с этим мирозданием,
Я создал мир со всем его страданием,
Струя огонь, я гибну сам, как дым.*

Константин Бальмонт

Узрев золу и пепел у страшных для Агни вечных вод, боги поняли, что обманул их Агни. Опустился Варуна в свою стихию и увидел пылание тел Агни, притаившегося в прозрачной, непроницаемой для влаги оболочке [2]. Агни, поняв, что его хитрость разгадана, спросил:

— Как ты нашел меня?

— По следу поленьев, служивших тебе дорогой, — ответил Варуна.

— Опустились в воды и остальные боги. Их принял Яма [3], заметивший во мраке свечение тел Агни [4] в десяти местах.

— Мы искали тебя повсюду, — проговорили боги. — Почему ты от нас бежал?

— Я боялся службы перевозчика жертв, — ответил Агни, обращаясь к Варуне. — Я не захотел быть в упряжке богов. Вот тела мои скрылись во многих местах, и у меня нет больше никаких забот.

— Иди сюда! — сказали боги все вместе. — Преданный нам человек готовится к принесению жертв, а ты пребываешь во мраке. Проложи же поленья, чтобы вернуться.

— Мне было страшно, — сказал Агни, обращаясь к Варуне. — Я еще молод, и мне тяжело быть колесничим и возить жертвы для богов. Я ушел далеко от страха, я отпрянул, как бык от лука стрелка.

— Не бойся! — сказали боги. Мы готовим для тебя жизнь, которая не знает старения, чтобы ты, прекраснорожденный, не понес вреда в упряжке. Ведь ты должен принять на себя часть наших забот.

— Я согласен, — отозвался Агни. — Но пусть мне принадлежат безраздельно начатки и конечные части всего твердого из приносимого в жертву, а из возлияний — доля, наделенная питательной силой, жар вод и суть растений и да будет долгим, о боги, мое бытие.

— Будут, о Агни твоими безраздельно начатки и конечные части всего твердого из приносимого в жертву, а из возлияний — доля, наделенная питательной силой, будет, о Агни, жертва целиком твоею. Да склонятся перед тобою четыре стороны света!

И вернулся Агни, и с тех пор надежно пылает, сияет, освещает, наблюдает за всем на свете, перескакивая с места на место, правит законом, сотрясает горы, поражает тьму и болезни, проникает в глубины душ всех созданий, но никогда не входит в воды, в которых скрывался. Он дружелюбен к людям, особенно к тем, в чьих сердцах от его искр разгорается вдохновение, возвышающее их дух [5].

1. В ведийской мифологии не было бога-похитителя огня, подобного греческому Прометею (Кейпер, 1986, 147 и сл.), но сам божественный огонь Агни по свойственной ему подвижности скрывается от богов и возвращается лишь добившись повышения своего статуса и увеличения доли в жертвоприношениях.

Видимо, гимн X, 51 воспроизводит заключительную часть мифа о бегстве Агни и его возвращении к своим обязанностям. Агни рисуется богом, вступившим в сообщество богов позднее, чем другие боги, которых возглавляет Митра-Варуна, всеобъемлющий бог, связанный с изначальным миром, охраняющий космический закон и карающий его нарушителей своими петлями.

2. Агни избирает своим убежищем изначальные воды, поскольку это место его рождения («Атхарваведа», 1, 33, 1).

3. Яма в этом гимне, хотя и не назван богом, — не «последний из умерших», а фактически один из богов.

4. Это место трудно для понимания. Некоторые толкователи полагают, что речь идет о блеске тел Агни на протяжении десяти дней пути.

5. Видимо, имеется в виду возлияние жертвенным маслом до и после жертвоприношения.

Буян Химаваты

Однажды, когда на исходе критаюги словно бы от подземного толчка впервые заколебалась добродетель, владыка богов Брихаспати [1] решил во искупление грехов провести жертвоприношение по древним уставам. На Химавату [2] были приглашены все пьющие сому и питающиеся дымом во главе с Индрой, божественные риши и предки вместе с Брахмой и неисчислимое множество рожденных живыми, вылупившихся из яиц, произведе-

денных от пота. И прибыли они к месту жертвоприношения на берег Ганги, где Дакша [3] уже собрал сухие сучья и привел назначенную для заклания антилопу. Не было одного Рудры, жившего отшельником и богам неведомого, ибо не было у него доли в жертвоприношениях. Узнав об этом, его супруга, добродетельная Сати [4] бросилась в костер и сожгла себя.

Пылая гневом, как раненый вепрь, Рудра поспешил к месту собрания богов и других участников жертвоприношения. Едва он там появился, как под его могучей стопой заколебались и задрожали горы, в низины посыпались огромные скалы и камни, с грохотом понеслись снежные лавины, изменилось течение горных потоков.

И стал Рудра расшвыривать все приготовленное к жертве, затаптывать огонь. Воспользовавшись суматохой, антилопа оборвала путы и ускакала на небо. Но и во мраке поразила ее стрела Рудры, и стала она звездой — если присмотреться, и теперь можно узреть на ночном небе голову антилопы с запрокинутыми рогами, пронзенную стрелой, а поодаль — преследующего ее охотника [5].

Устрашенные этим буйством, роняя с разгоряченных лиц пот, разбежались боги во все стороны. Только Пушан как ни в чем не бывало уплетал жертвенное приношение. Рудра вышиб у обжоры зубы, а у Савитара вырвал и разбросал руки.

И тогда напуганный Брахма распорядился выделить Рудре большую часть жертвенных даров. Это мгновенно утихомирило буяна. Его раскалившийся добела гнев вышел паром примирения. Рудра дал Пушану сверкающие золотые зубы вместо выбитых, и он стал улыбаться во весь рот, а Савитару вставил в тело новые золотые руки.

Обретя облик бога, Рудра вступил в брак с богиней Землей, одевшейся в шкуру пятнистой коровы [6]. От этого брака родились Маруты — двадцать семь богатырей, принятых Индрой в свою свиту. Опясавшись ветрами, они бороздят небо на сверкающих колесницах, запряженных пятнистыми оленями, и порой от них по лику их матери-Земли пробегает тень, как от гонимых ветрами облаков.

1. Брихаспати («Господин молитвы») — бог-покровитель жертвоприношений, отец и наставник богов, представляемый в виде существа, заполняющего небесное пространство, персонификация планеты Юпитер.

2. Химават (досл. «снежный») — персонификация вершины Гималаев.

3. Дакша (досл. «ловкий») — один из адитьев, родившийся по поздней версии, из большого пальца правой ноги творца.

4. Сати — дочь Дакши, выданная им за Рудру. Оскорбление супруга было расценено ею, как его смерть, и она поступила, как вдова.

5. В поздних вариантах мифа, где Рудра заменен Шивой, антилопа выступает противницей Шивы, посланной против него враждебными

ему аскетами. Он навечно зажимает антилопу в руке. Возможно, антилопа отражает первоначальный аспект культа Рудры-Шивы-Пашупати, покровителя животных.

6. В ведах женой Рудры названа Пришни («пятнистая корова»)

Наказание Дьяуса [1]

Так наряду с 11 рудрами, 12 адитьями, Дьяусом и Притхиви появились восемь Васу — дружных, близких Земле братьев-богов. Как-то они вместе с женами бродили по лесу, богатому сладкими кореньями, плодами и водой, услаждаясь на восхитительных холмах и в рощах. И там супруга Дьяуса увидела прекраснейшую корову с полным выменем, с пушистым хвостом и красивой мордой и показала ее своему супругу.

— Я давно наблюдаю за этим превосходнейшим из животных, — сказал Дьяус. Это дочь Дакши, а пасет ее отшельник Васиштха [2]. Видишь, он сидит на опушке и насыщается. Эту еду ему дает корова, выполняющая любое желание. Тот из смертных, кто вкусит ее молока, будет жить десять тысяч лет, сохраняя юность.

— О мой супруг! — воскликнула Притхиви. — У меня есть в земном мире подруга Джанавати, совершенная по красоте. Ради нее приведи мне эту корову, ибо я хочу, чтобы Джанавати радовала мой взор десять тысяч лет.

Услышав это, Дьяус, желая сделать супруге приятное, похитил волшебную корову с помощью своих братьев. Васиштха же, завершив трапезу, отправился к корове, но не нашел ее. Обладая всеведением, он понял, что животное похитили Васу по наущению Дьяуса. И он проклял их. Семь Васу как пособники были обречены жить среди людей год, Дьяус же обречен жить в земном мире многие столетия.

1. Дьяус, индоевропейское божество неба. Ср. лит. Диевс, греч. Дий-Зевс, лат. Deus, персонификация сияющего неба.

2. Васиштха — один из семи божественных мудрецов, рожден из семени богов Митры и Варуны.

Восемь Васу

Не выветрилось из памяти певцов гимнов имя Прати́па, надевленное величайшим блеском. Носил его благочестивый царь, отказавшийся от власти ради размышлений и молитв на берегу Ганги. И сама река, им восхищенная, приняла соблазнительный женский облик богини красоты. Погруженный в размышления, Прати́па поначалу не заметил женщину, но, почувствовав жаркое прикосновение к своему правому бедру, обратился к ней лицом:

— Что я могу для тебя сделать, красавица? — спросил он ее.

— Обладай мною, о царь, — ответила Ганга, не терпящая возражений. — Я тебя полюбила, а отказ женщинам, которые полюбили, великий грех.

— Ко мне это не относится, — отозвался Пратипа. — Я дал обет не вступать в связь с женою другого или с женщиной другой варны.

— Но ведь я красива, — возразила Ганга, — и высокого происхождения. Обладай же мною, девственницей, полюбившей тебя.

— Я не нарушу обета, — сказал царь, и, осененный свыше, добавил:

— К тому же ты прислонилась к моему правому бедру, предназначенному для дочерей и невесток. Для возлюбленных, да будет тебе известно, оставлено левое бедро. Будь же моей невесткой, прекрасная. Я избираю для тебя моего сына Шантану. И отправляюсь в столицу, чтобы известить его о своем решении.

Возвратившись в свое царство, Пратипа вызвал Шантану, пришедшего в возраст, и сказал ему:

— Когда я молился богам у Ганги, меня посетила женщина, чрезвычайно красивая, достойная тебя. Постарайся охотиться на берегу, и если к тебе сама подойдет женщина, не спрашивай ни о чем. Обладай ею, отдающей себя достойному.

Подчиняясь воле отца, взял Шантану лук со стрелами и направился к Ганге. Убивая антилоп и буйволов, он достиг заводи и увидел женщину, сиявшую красотой, как богиня, восседающая на лотосе. Шантану был поражен, и волосы на его теле поднялись от восторга. Женщина подошла к потерявшему дар речи Шантану и сказала ему:

— Я буду твоей послушной супругой, о хранитель Земли. Но, что бы я ни делала, доброе или недоброе, — ты не должен удерживать или осуждать меня, иначе я тебя покину.

— Хорошо! — сказал Шантану. — Мой отец уже предупредил меня, чтобы я тебя ни о чем не спрашивал. Я подчиняюсь его и твоей воле.

Так прелестная Ганга, одаренная дивной красотой, река-богиня, текущая тремя путями, сделалась женой Шантану, льва среди царей. Она услаждала его страстью, утонченными ласками, проворством и плясками. Увлеченный этим, Шантану не замечал времени и произвел семь сыновей, подобных бессмертным, но не насладился радостью отцовства, ибо каждого из родившихся бросала возлюбленная Шантану в воду.

Когда же родился восьмой сын, названный Бхишмой, царь, мучимый скорбью, жаждущий иметь сына, обратился к роженице.

— Кто ты и чья, сыноубийца? Остановись, презренная!

— Я оставляю тебе этого сына, — ответила женщина. — Но, как условлено, я от тебя уйду. Зовут меня Ганга. Воды, куда я бросала новорожденных, — мое тело, дающее бессмертие. Я

приняла человеческий облик, чтобы произвести на свет сыновей-богов от смертного. Ты же воспитай моего сына в благочестии, и пусть он носит еще и имя Гангадатты [1]. Ведь он тоже бог, один из Васу.

1. Этот сын, «дарованный Гангой», известен в эпосе под именем Бишмы (Mhb, I, 91-93)

Деяния Индры

Могуч разумом и силен прекраснорукий Тваштар! Не раз и не два прибегали к его благосклонности боги, будучи уверены, что какой бы ни была просьба, отказа не будет. Ведь вылепил господин всех форм для Индры, одного из сыновей Адити, золотую колесницу, запряг в нее светозарных коней, вручил ему громовую стрелу Ваджру, которой тот без промаха разил и испепелял недругов. И создал же он для него лунообразную чашу для сомы, напитка богов, заменившего Индре молоко, ибо мать не пожелала ни производить Индру на свет, ни вскармливать его божественной грудью.

Мачехой Индры стала демоница из рода асуров, злобная и завистливая, как вся ее порода. Презрев благодеяния своего супруга Тваштара, она породила сына — трехголовое чудовище Вишварупу [1], необыкновенной силы и ловкости. Одними устами он декламировал веды, другими тянул вино, через третьи набивал пищей необъятное брюхо.

Вишварупа сочувствовал матери, замышляя черную измену богам, однако готовясь перейти на их сторону в благоприятный для этого момент. Всевидящий Индра, проведав о коварных замыслах изменника, убил его, но Тваштар, не поверив, что рожденный им сын — враг богов, пришел в ярость и принес клятву обрушить на богов месть. И создал он из сомы и пламени мстителя, первого из демонов не-человека и не-бога, некое змееобразное существо Вритру, без рук, без ног, без плеч, с пастью, изрыгающей огонь. Заполз Вритра на гору и стал расти, разворачиваясь в девяносто колец, преграждая путь всем ручьям, рекам и потокам, стекавшимся в моря, подобно мычащим коровам, бегущим к своим телятам. И все воды потекли в пасть дикого и хитрого зверя, так что он стал еще больше пухнуть и раздуваться, грозя поглотить мир и всех, кто его населяет. Земля же, лишенная влаги, стала сохнуть и трескаться. И более не поднимался к небу ее жертвенный дым, угодный богам.

Узрев это, взошел Индра на колесницу с ваджрой в правой руке и приблизился к гороподобному Вритре. На пятьсот йоджан уходил он вверх и свыше трехсот йоджан был в обхвате. Такого могучего живого холма не было еще в трех мирах. И затряслись у

Индры поджилки, и дал он знак колесничему отступать. Но со всех сторон устремились к Индре боги и, представ перед ним, произнесли хором:

— О Могучий! Великий! Грозный! Нестареющий! Веди нас на Вритру! Ведь ты рожден и вскормлен, чтобы побеждать. Испепели ракшаса страшной стрелой молнии.

И тогда раздался рев раковин и грохот барабанов. И разразилась битва.

Могуч был Индра. Но могуч был и Вритра. Приоткрыл он свою чудовищную пасть, напрягся и выпустил из себя огненный смерч. Богов смело, как кучу опавших листьев, и разнесло по ветру. Один лишь Индра удержался на ногах. Увидев это, Вритра втянул в себя воздух огромной грудью, и понесло Индру, как перышко, в чрево чудовища. Напряжение Вритры было столь велико, что, обессилев, он тотчас погрузился в сон.

Воспользовался этим Шива и наслал на Вритру через ноздри неудержимую зевоту, и Индру со страшной силой вышвырнуло наружу. Не теряя ни мгновения, Индра нанес дракону удар по затылку. Издав громкий рев, Вритра опрокинулся. Но из его тела выскочила черно-желтая устрашающая Брахмавадхья [2] и стала преследовать Индру.

Как испуганный орел, улетел Индра на край земли и, уменьшившись в размерах, укрылся в почке лотоса. Прошло немало времени, пока Брахма отогнал смерть и извлек из почки перепуганного Индру. Укрепившись духом, Индра отправил своих слуг на разведку. Увидев издалека, что дракон недвижим, посланцы Индры пустились в пляс. Но подойти к Вритре близко они не смогли, ибо воды, плененные в чреве чудовища, по повелению Брахмы вырвались наружу и, сметая все на своем пути, потекли к своему средоточию Океану.

С этого времени Индра, прозванный Вритраханом, стал править миром подобно царю. Он обхватил вселенную, как обод колеса, и ее обустроил. Он рассек пополам труп Вритры. Оставшиеся в его чреве воды образовали семь рек, и понеслись они, гремя камнями, как колесница, мыча подобно коровам, дающим людям молоко.

***

Далеко-далеко на Западе, перед тем как окунуться в Океан, Солнце прощалось с Землей. Тогда его лучи превращались в коров, спускавшихся на луг у крайней из рек по имени Раса. Здесь обитали необычайно хитрые и столь же свирепые существа — пани. Как-то раз они похитили коров и препроводили их в пещеру, закрыв из нее выход скалой. Когда Солнце вновь поднялось из мглы, оно не отыскало своих лучей, и мир погрузился в крошечный мрак.

Индра, поняв, что это проделки пани, послал на Запад божественную собаку Сараму. И помчалась она вприпрыжку, легко найдя дорогу, добежала до реки Раса, одним махом через нее перепрыгнула и уткнулась влажным черным носом в скалу, из-за которой едва доносилось жалобное мычание.

Тем временем пани вышли из своих укрытий и, сделав вид, что удивлены появлением собаки, спросили ее:

— Почему ты здесь, Сарама? Что заставило тебя проделать столь далекий и опасный путь?

— Я ищу похищенных коров, — ответило бесхитростное животное. — Меня отправил сам Индра.

— Индра? — повторили пании, переглядываясь и пожимая плечами. — Кто бы это мог быть? Как он выглядит? Почему бы ему не явиться самому? У нас как раз не хватает пастухов, и ему бы нашлась работа.

— Когда явится Индра, не быть вам живыми! — рявкнула Сарама. — Отдайте коров добром. Все равно они вам не достанутся.

— Не предрекай, не зная! — проговорили пании поучающе.

— Коровы надежно спрятаны; тому же, кто вздумает их отнять, полезно знать о том, что руки наши сильны. Тебе, Сарама, незачем торопиться, лучше останься с нами. Будешь нашей сестрой. Мы поручим тебе коров, и ты отведешь их на водопой.

При слове «водопой» у Сурамы язык высунулся из пасти. Торопясь выполнить поручение Индры, она не успела напиться.

— Не надо мне коров, — прорычала собака, — но я бы отведала их молока.

При этих словах глаза паниев зажглись радостным блеском. Они понимали, что слуга, согласившийся принять от врагов господина что-либо в дар, не будет ему верен. Так и случилось. Как только Сарама вылакала поставленную перед нею чашу с молоком, она и думать забыла о коровах. Мрак же, в который погрузилась земля, ее не волновал. Она перепрыгнула Расу и по своему же следу добралась до Индры.

Увидев ласково вилявшую хвостом Сараму, Индра строго взглянул на нее:

— Ты одна? А где же коровы?

— Я их не нашла, — бесстыдно пролаяла Сарама.

Догадавшись по выражению глаз, что животное жлет, Индра ударил ее ногой, и она изрыгнула молоко.

И пришлось Сараме уже знакомой дорогой вновь мчаться на Запад. Индра же следовал за нею на колеснице, сам погоняя коней, в сопровождении могучих волшебников [3]. За рекою Расой волшебники направились к скале, близ которой их ожидала Сарама. Они прошептали несколько слов, и отлетел огромный камень, закрывавший вход в пещеру. На пороге ее стоял тюремщик

коров Вала [4] Грозным воем он попытался напугать пришельцев Но Индра сразил его не дающей промаха громовой стрелой, и тогда коровы, с радостным мычанием покинув место своего заточения, тотчас же взмыли в небо Стало понемногу светать На восточной стороне неба показалась розовая колесница с восседавшей на ней богиней Зари, а вслед за нею и солнечная колесница

И возликовал мир прославляя победителя Индру, приходящего на зов, повелителя благ, громовержца, самодержца неба и земли, несущего гибель врагам Пании же, как и предрекала Сारमा, были истреблены, а их сокровища достались волшебникам

1 Виварупа как божество еще неразделенного мира, он принадлежит к асурам, являясь одновременно пурохитой (домашним жрецом) богов В «Брихаддевати» он подвижник, встающий на сторону асуров Инда пытается его соблазнить красотой апсар, и, ничего не добившись, отрубает все три его головы Образ Вишварупы близок к трехглавому Гериону греческой мифологии, побежденному Гераклом.

2 Брахмавадхья – смерть брахманам

3 Ангирасы, полубоги, происходящие от Ангираса, одного из семи легендарных создателей гимнов, или от Праджапати, жрецы богов В римской мифологии ангирасы соответствовали богине календарного цикла Ангеропе, связываемой с богами подземного мира (Macr , Sat , I, 10, III, 9, 4, Plin , N H, III, 65)

4 Вала («охватывающий», «скрытый») – такой же космический противник Индры, как Вритра, однако его облик и функции не столь ясны Он не только тюремщик холма, скрывшего коров, но и сам холм, В одном их гимнов он – огороженное место, полное вод (Rv , IV, 26, 6) В этом смысле победитель Индра освободил не только коров, но и изначальные воды где-то в стране заката (Кейпер, 1986, 156) Семантически Вала связан с италийским речным божеством Волтурном – то царем Вей (Serv , Aen , VIII, 72), то царем Альбы, утонувшим в реке, которая получила его имя (Liv , I, 36, 8, Ovid , Fast , IV, 47) и этрусской Волтумной (богом или богиней) В славянской мифологии его параллель – «скотий бог» и покровитель домашних животных Велес, в балтийской мифологии – бог скота и подземного мира Велс (Иванов Топоров, 1974)

Напиток богов

Поначалу боги ничего не знали о Соме, не вкушали его, и жизнь их была лишена ликования Соме же, пребывая во чреве матери своей Синдху, небесной реки, крошечным стельком, знал обо всех сменяющих друг друга поколениях богов, еще не ставших бессмертными

Едва выйдя на свет, Соме был похищен демонами и спрятан на вершине высокой горы за ста железными воротами, закрытыми на сто замков Охранять его поставили стрелка Кришану, беспокойного мыслью, не ведающего сна [1]

И задумал Индра освободить Сому, который и сам жаждал превратиться в сок, коснуться божественных губ, пронизать все тело пьющих и стать соучастником их великих деяний, но всего этого он был лишен, пока не вызвал Индра могучего Орла, сказав

— Лети и вызволи Сому¹

И взлетел Орел к горе — темнице Сомы, пробил одним махом сто ворот, схватил клювом потянувшийся к нему стебель и двинулся к Индре и другим богам Кришану успел пустить вдогонку Орлу всего лишь одну, но не дающую промаха, стрелу. Пробила она одно из маховых перьев и вырвала его (иногда его и поныне можно увидеть в утреннем небе). Орел же устремился дальше.

И принял Индра Сому из клюва орла. Один из отростков он воткнул в землю, чтобы Сомы рос всегда, а остальную часть стебля выжал, очистил, выпил и дал выпить богам. И стал Сомы другом и союзником Индры. Ни одного подвига он не совершал без Сомы. Он помог ему найти коров, спрятанных пани, а также сокровища этого народа, и даже участвовал в уничтожении Вритры. Оттого-то, прославляя Индру, мы прославляем и Сому.

По широте своего сердца Индра поделился Сомой со всеми, и с тех пор к Индре стремятся обитатели всех трех миров — далекие, средние и близкие, пользующиеся миром и воюющие, бескорыстные и стремящиеся к добыче. Тот же, кто пренебрегает всевозбуждающей сомой, кто бессмысленно копит в доме своем богатства и прячет их от других, не дождетсЯ от Индры добра: могущественнейший бог обрушит на него гром и молнию, развеет все им нажитое по ветру.

1 Помещение Сомы на недоступную для смертных высоту, скорее всего связано не с тем, что растение, из которого изготовлялся возбуждающий напиток, росло в горах, а с недостаточно ясной ассоциацией напитка с небесным телом — Луной уже в ведийскую эпоху. Возможно в основе ассоциации было сопоставление изменения в состоянии луны с самочувствием человека, выпившего сому и во влиянии луны на все живое, то, что уже в ведах называлось майей (Gonda 1985 b, 39 и сл.)

Противостояние

С моделью двуединого мира вед, видимо, связано представление о двух группах могущественных сверхъестественных существ — асурах и богах, борьба между которыми рассматривается как основополагающая концепция ведийской мифологии (Кейпер, 1986, 31 и сл.) Как уже говорилось, асуры (asura) и боги (devah) уходят своими корнями в индоевропейскую древность. В религии иранцев термин asura входит в имя верховного бога Ахурамазды, девы же — это класс враждебных Ахурамазде небогов, демонов. В ведийской религии, напротив, devah — боги, а asura — их противники, наделенные демоническими чертами, однако не являющиеся порождением зла. Это соперники богов в еще не оформившемся космосе, а порой и их союзники, как, например, в мифе об обретении бессмертия. И более того — асуры древнее богов. Они подчас мыслятся отцовской почвой, из которой выросли боги. В одном из гимнов «Ригведы» Агни и Сомы — сыновья древнего отца Вритры, отождествляемого с асурой, настолько тесно связанные с ним, что знают о его коварных помыслах и могут предупредить о них Индру. С другой стороны, у Индры встает проблема, как убить Вритру и не причинить вреда Агни и Соме (Кейпер, 1986, 48).

Могущественное космическое божество Варуна колеблется в выборе статуса: одной ногой он находится в мире асуров, другой — в мире богов. Когда его помыслы склоняются к девам, Индра предлагает ему власть (Rv., X, 124, 5). И эта двойственность выходит за рамки вед. В «Махабхарате», где уже мир мыслится поделенным между богами, Варуна описывается находящимися в подземном дворце в окружении прислуживающих ему асуров.

И при этом асуры трактуются как непримиримые противники богов, вынесенные за пределы освоенного богами мира. Они — могущественные боги изгнания, обладающие собственными твердынями, словно бы оставленные для того, чтобы богам было на ком проявлять свое могущество.

Трипура [1]

Решив населить мир мыслящими созданиями, Праджапати принял облик черепахи. От этой черепахи, носившей имя Кашьяпа, и произошли все живые существа. От Дити он имел сыновей даитьев (богов), от ее сестры Адити — адитьев (асуров), от других женщин — гандхарвов, апсар, ракшасов, а также животных, птиц и змей.

С самого начала времен между богами и асурами разгорелось непримиримое жестокое соперничество. Вождь последних, могучий Тарака, стремился унижить и подчинить богов. После того как асуры потерпели поражение и Тарака был убит Индрой, три сына Тараки предали суровому подвижничеству и заслужили благоволение Праотца вселенной. Он даже разрешил им утвердиться в безопасном от нападения месте по их выбору.

Братья обрадовались этому дару и обратились за помощью к великому Майе [2], благочестивейшему из асуров. Когда тот, уединившись, размышлял о безопасном месте для трех городов, к нему явился Брахма и спросил:

— Что ты надумал, Майя?

— Я хочу построить для братьев три крепости в небесах и назвать их Трипурой. Сделай так, чтобы боги не смогли разрушить их своим оружием, а брахманы — проклятиями.

— В мире нет ничего вечного, — ответил Брахма. — Но твоя Трипура простоят до тех пор, пока ее не удастся разрушить выстрелом из лука одною стрелой.

Майя и сыновья Тараки, которым стали известны эти слова Брахмы, возликовали, ибо не представляли себе, как это можно разрушить сразу три крепости одной стрелой.

Майя тотчас же приступил к работе. Силой своего подвижничества он сотворил три крепости: одну из золота, другую из серебра, третью из железа, при этом железная крепость находилась на земле, на огромном вращающемся колесе, а две другие располагались над ней, доставая до неба. Каждая крепость была шириною в сто йоджан, имела мощные крепостные стены, квадратные башни и ворота. Затем три крепости с величайшим искусством были соединены в один город [3].

В каждой из частей города правил один из сыновей Тараки. Вместе с женами и со свитой братья жили в дворцах, окруженных манговыми и ашоковыми рощами и садами; там всегда разносились звуки музыки и подвешенных колокольчиков, колеблемых ветром. В золотой части был пруд с живой водой, исцелявшей раны и возвращавшей к жизни мертвых. Вдоль дороги, соединявшей три города [4], стояли сосуды с вином для путников. Город охранялся грозными стражами, и его обитатели, свободные от страха, роскошествовали и веселились.

Прослышав о чудесах Трипуры, туда в великом множестве хлынули асуры, и крепости превратились в города с многочисленными жилыми строениями и храмами. Дело дошло до того, что обитатели Трипуры подчинили себе все и вся. Даже боги в страхе склонились перед их всесилением и мощью.

1. Миф о могуществе первого поколения небожителей относится к древнейшим слоям индийской мифологии, однако, будучи оформлен в период торжества индуизма, он дополнен идеей всеобъемлющей власти

Брахмы, без разрешения которого на строительство города Майя не может осуществить своего замысла

2 Майя — сын царя джанавов Випрачити и Дити один из дайтев, подвижник и мудрец, соорудивший с разрешения Брахмы Трипуру Персонификацией способностей Майи сгла майя, колдовская сила иллюзия обмана

3 Структура небесного города асуров вписывается в общие многим народам Востока представления о небесных городах как средоточии неба земли и подземного мира небесный Иерусалим фантастический город Экбатаны с семью кольцами окрашенных в разные цвета стен созданная по модели фантастических городов столица платоновской Атлантиды, этрусский небесный город Ойнорея (Elhade, 1966 16, Немировский 1983 175 сл.) Три цвета стен Трипуры соответствуют представлениям о трех веках счастливой жизни человечества используемым в «Трудах и днях» Гесиода

Пруд в золотом городе, излечивающий от болезней, — элемент счастливого золотого века с его долголетием

4 Троичность — одна из главных особенностей архаической модели мира К небу и земле был прибавлен третий, промежуточный элемент — воздушное пространство (Елизаренкова 1993, 16) В италийской религии троичному делению мира соответствуют триады богов Марс — Юпитер — Квирин, Тиния — Уни — Менрва (Юпитер — Юнона — Минерва)

Укрепление земли

И в чем не уступали друг другу боги и асуры Между тем в те времена земля колебалась под дуновением ветра, словно листок лотоса, из стороны в сторону Когда она приближалась к богам, глаза их загорались радостным блеском, когда уходила к асурам — грустнели И длилось до тех пор, пока у богов не иссякло терпение Тогда они сказали друг другу

— Давайте укрепим землю опорой, чтобы она была обращена к нам одним Установим на земле два жертвенных огня, чтобы воспрепятствовать асурам иметь долю на этой Земле

И они натянули длинный кусок кожи на деревянные колышки и закрепили точку опоры, которая стала таким образом твердой и недвижимой После этого они поставили два жертвенных огня [1] и этим воспрепятствовали своим соперникам иметь долю на этой земле

Таким же образом в этом мире и поныне укрепляют двумя булыжниками точку опоры, которая становится пространством, закрытым для посторонних [2] Это ограда, препятствующая всякому, кто таит зло Жертвователю же следует иметь долю в жертвоприношении И именно поэтому на огражденном месте делают из камней горку

1 Жертвенных огней, согласно ритуалу, было обычно три, из них два считались обязательными — праздничный и дароприносительный

2 Сюжет призван объяснить наличие булыжника на месте, предназначенном для жертвоприношения Это место аналог Земли, которую богам удалось закрепить, тогда как она не имела опоры в пространстве Это частый сюжет ведийских мифов — универсум нестабилен, непостоянен, грозит распадом Боги и люди благодаря ритуалу обеспечивают неизменность мирового пространства

Боги и асуры

Асуры были старше, боги моложе, и боролись они друг с другом за эти миры И подумали боги «Давайте победим асуров при пении гимнов» И обратились они к Агни

— Спой гимн для нас

— Хорошо, — сказал Агни и начал петь

И доставило пение богам наслаждение, асуры же испугались

Поистине нас одолеют с помощью пения, — сказали они и наслали порчу на речь, на слух и на разум

Тогда обратились боги к Индре

— О Индра! Истреби асуров

И Индра вместе с Адитьями, окруженный толпой Марутов, двинулся на асуров и стал их убивать по одному Он убил Вритру, Пипру, Варчину С тех пор его называют Асураханом («Убийцей асуров»)

Так боги защитили свою божественную суть и, обратившись к солнцу, увидели свою животворную природу

Когда были поражены тела асуров, их духи отправились в царство Варуны и там основали три града — железный, серебряный и золотой Были у них грады и в подземном мире Живя там, они злоумышляли против богов

Однажды демон-вепрь Эмуша похитил у богов зерно для жертвоприношения и уже разжег огонь, чтобы сварить на нем кашу для асуров, но Инда поразил демона, а Вишну унес зерно и возвратил его богам

Рождение Будхи

Блистательную свиту Индры возглавлял бог Луны, владыка Созвездий Сома Доверил ему Брахма планеты, звезды жрецов и жертвоприношения Возгордившись сверх меры, похитил ненасытный Сома у семиустого Брихаспати его прекрасную спутницу звезду Тару Напрасно мудрецы уговаривали Сому довольствоваться имеющимся и не пялить глаза на чужое Не

помогло и приказание Брахмы вернуть Тару. Похититель не собиравшись отпускать полюбившуюся ему красавицу, полагаясь на свою силу и на поддержку Шукры, наставника и жреца асуров, и объявил, что берет ее в жены. И по этому случаю решил он побриться и пригласил Савитара. Тот явился с медным лезвием и горячей водой в сопровождении Адитьев, Рудры и Васу, умелых во всем. Они смочили Соме бороду, а Савитар ее сбрил, пожелав супружеской паре коров, коней и потомства.

Но началась великая распря из-за Тары между богами и асурами, переросшая в войну, едва не уничтожившую все три мира. Богов возглавил медно-красный владыка зверей Рудра, вышедший из чела Брахмы в облике вепря. Строй асуров повел Шукра. Земля содрогалась от ударов ног и копыт, от грохота колесниц и оглушающих боевых кличей. Обратилась она в ужасе к Брахме, моля его положить конец бессмысленному побоищу.

Вняв просьбе Земли, Брахма бросил на Рудру и на Шукру грозный взгляд. Нехотя покинули они, каждый со своим воинством, поле боя. Прекрасная Тара покинула Сому и вернулась в жаркие объятия своего супруга. В назначенное время родила она младенца такой необыкновенной прелести, что и Сомы, и Брихаспати поспешили провозгласить его своим отпрыском и наследником.

И вновь разгорелся спор, и соперники схватились за оружие. Не было иного пути для решения спора об отцовстве, как обратиться к Таре. Но она словно в рот воды набрала, то ли от стыда, то ли из желания удержать благоволение обоих богов. В спор вмешался сам младенец, которому также не терпелось узнать, кто же его родитель.

— Отвечай, а то будешь мною проклята! — пригрозил он матери.

Услышав это от только что родившегося, Тара едва не выронила его из рук. К требованию младенца присоединился и Брахма:

— Сомы, — ответила Тара, покрывшись краской стыда. — Всезнающий, всевозбуждающий Сомы — твой родитель, о сын мой.

Так Сомы победил Брихаспати и взял сына себе. Он дал ему имя Будха (Мудрый), ибо не каждый новорожденный обладает осмысленной речью. Однако Тара осталась с Брихаспати.

Выпивший море [1]

В то время, когда благочестивый Агастья пребывал в южных странах, возмущились асуры, загнанные богами на дно моря. Выходя по ночам на берег, они наводили ужас на людей, не щадя ни детей, ни женщин, безжалостно разрушали обители праведников. Люди в ужасе покидали города и селения, искали убежища в горных пещерах. И вновь потаски священны́е огни на алта-

рях, и боги остались без жертвенного дыма. Причин же этого бедствия никто не знал, так как асуры, совершая свои черные дела, не оставляли никаких следов и еще до рассвета уходили в море.

И вновь обратились боги к всеведущему Творцу за помощью. А он им сказал:

— Это асуры выходят со дна океана для тайных убийств, а затем снова прячутся на дне. Чтобы их там настигнуть, надо обнажить дно. В этом вам может помочь только Агастья, рожденный в воде.

И боги отправились к Агастье. Почтительно склонившись перед ним и пожелав ему вечного блага, они поведали о своих бедах и тревогах, напомнили ему о победе над горой Виндхьей и попросили обнажить морское дно.

— Водная стихия мне подвластна, — ответил великий праведник. — Я вам помогу, ибо нельзя дать асурам разрушить основания всех трех миров. Вооружитесь же и следуйте за мной, о боги!

И отправился Агастья к берегу Океана, в тот день особенно буйного, словно бы предугадывавшего свою жалкую участь. Сопровождали праведника не только боги, но и множество людей, измученных асурами и ждущих избавления.

Агастья бесстрашно вступил в бушующий прибой, и пена скрыла его от взоров потрясенных спутников. Но вот вода стала спадать, показалась голова мудреца, и все увидели необыкновенное чудо: вода исчезала в его утробе. Стало обнажаться дно Океана, а Агастья, продолжая пить отступающую воду, неотступно преследовал ее. И те места, где он проходил, шевелились, покрытые черепахами, рыбами, макарами, среди которых беспомощно барахтались застигнутые врасплох асуры [2].

И пропели боги хвалу Агастье, почтили его гимном:

Мудрый подвижник и промыслитель Агастья

Спас ты три мира, с ними и нас от великой напасти.

После этого боги бросились убивать своих недругов, отягощенных в равной мере грехами, золотыми доспехами и оружием, ставшим для них обузой. Только немногим удалось унести ноги в подземный мир.

Когда возбужденные победой, с ликующими криками вышли боги на берег, они увидели Агастью в венках и гирляндах сидящим на скале, как бы составляя ее продолжение. И был он таким же тощим и костистым, каким входил в море. Тогда боги попросили его вернуть выпитую им воду на место, ибо земля, согласно дхарме, должна быть опоясана океаном, и в нем должны обитать черепахи, рыбы и макары.

— Ничем не могу помочь, — сказал Агастья, разводя руками. — Выпитая мною вода испарилась от внутреннего жара, а новую мне взять негде.

1 Агастья — персонаж эпической мифологии божественный мудрец сын богини вод апсары Урваши, рожденный в кувшине с водою от семени двух богов Митры и Варуны излившегося при виде апсары (Ram VII 56 — 57) Своей духовной силой он сотворил из лучших элементов мира для себя жену Лопамудру (Mhd III 96) превратил в змея властителя трех миров Нахушу и возвратил Индре престол богов (Mhd III 176 87, Mhd XII 329)

2 Связь океана с подземным миром местонахождением нижних богов (асуров) засвидетельствована также в хеттской мифологии (Ардазимба 1982 89)

Великое пополнение

Воплощения Вишну

У мудреца Кашьяпы от прекрасной демоницы Дити родилось двое близнецов. Один из них, Хираньякашипу, пошел в мать, но настолько умело скрывал враждебную добру природу, что не был разгадан даже Брахмой и получил от него в дар неуязвимость [1]. Его не мог убить ни человек, ни зверь. Смерть к нему не могла прийти ни извне, ни возникнуть в нем самом, ни днем, ни ночью. Воспользовавшись этим божественным даром, он, недостойный, захватил дворец Индры, подчинил себе все три мира и даже посмел взять в услужение богов.

Второй же сын мудреца, Прахлада с детских лет проявлял удивительное благочестие и, никогда не унывая, не уставал восторгаться миром, созданным Вишну. Видя, каким растет мальчик Хираньякашипу, его возненавидел и решил избавиться от брата, как от врага. Он напускал на него змей и слонов, травил ядом, обрушивал скалы и потолок во дворце, проделывал в лодках отверстия, чтобы утопить его в Океане. Но Прахладе удавалось избегать верной гибели, так что можно было подумать, что он приобрел неуязвимость от брата на самом же деле (в этом никто не сомневался) его охранял Вишну. При этом зная о ненависти Хираньякашипу, Прахлада, не теряя спокойствия и самообладания, выказывал братскую доброжелательность, чем навлекая на себя большую ярость.

Между тем власть Хираньякашипу приобретала его чудовищное обличие, так что богам пришлось обратиться к Вишну за по-

мощью — ведь им было известно, что ранее Вишну, приняв образ вепря и подняв клыками землю, вытащил ее из первоначальных вод. На этот раз для спасения мира принял он облик человека-льва и, оседлав Гаруду, достиг дворца тирана. Там он проник в медную колонну близ трона и замер в ожидании. Прошло немного времени и послышались голоса: резкий и крикливый Хираньякашипу — спокойный и уверенный — Прахлады. Вишну прислушался.

— Велик широкоступающий Вишну — убеждал брата Прахлада со свойственными ему терпением и обстоятельностью — Тремя своими шагами он обнимает весь мир. У него тысяча обликов и столько же имен. Он проникает во все.

— Ты говоришь — во все? — перебил его Хираньякашипу, вспыхнув гневом.

— Конечно, во все, — убежденно произнес Прахлада — Вишну во всем, и все в нем.

— А вот в этой колонне его нет! — выкрикнул владыка трех миров, ударяя мечом по металлу.

И тут колонна распалась. Из нее выступил Вишну и растерзал Хираньякашипу когтями.

Стал после этого Прахлада владыкой асуров, могущественных соперников богов. При Хираньякашипу асуры были исполнены зла, возгордились, и от них отвернулось счастье. Рудра испепелил три их града, изгнал с неба. Прахлада решил вернуть древнему роду асуров утраченную доброту и мудрость, добываясь своей цели спокойно, без пыла и жара.

Богам это показалось опасным, ибо чем мудрее и честнее соперник, тем он страшнее. Отложив свою ваядру, переодевшись брахманом, явился к Прахладе по поручению богов Индра и попросил у него добродетель, зная, что Прахлада никогда никому ни в чем не отказывает.

— Зачем тебе моя добродетель? — удивился Прахлада, услышав просьбу брахмана. — Вглядись в себя. Она в тебе самом. Извлеки ее и пользуйся ею на радость себе и счастье другим.

— У меня мало добродетели — ответил Индра не сразу. — Я же хочу быть самым добродетельным из брахманов.

— Тогда бери.

Так Прахлада пожертвовал добродетелью. Но она к нему тотчас вернулась, ибо, как рыба ищет воду, а птица воздух, добродетель выбирает достойного. Боги же успокоились, поняв, что добродетель Прахлады им на пользу. И обрел Прахлада власть над вселенной, и боги ему подчинились, ибо того захотел Вишну.

1 Хираньякашипу является таким образом функциональным двойником Раваны, получившим от Брахмы аналогичный дар.

Гибель и воссоздание жизни

*Одно в моих зрачках, одно в замкнутом слухе,
Как бы изваянный, мой дух навек затих.
Ни громкий крик слона, ни блеск жужжащей мухи
Не возмутят недвижных черт моих.*

Константин Бальмонт

У близнецов Ямы и Ями был младший брат Ману [1], могучий и великий духом. Десять тысяч лет он на берегу Ганги умерщвлял свою плоть, стоя на одной ноге, с вскинутыми в благочестивой молитве руками. Все, идущие мимо, этому удивлялись и молча проходили, чтобы не мешать общению с небом.

Однажды Ману услышал тоненький дрожащий голосок: — Праведник! Спаси меня!

Впервые опустив затекшие руки, он погрузил их в воду и вытащил из реки рыбку [2], отливающую лунным блеском.

— Что ты от меня хочешь? — спросил Ману, наклонившись

— Я боюсь рыб, более сильных, чем я. Опusti меня в сосуд. Когда же я вырасту, перенеси в другое место.

У ног Ману был волшебный, полный воды кувшин. Из него он, становясь на колени, не опуская рук, утолял жажду, а вода не убывала. Ману опустил рыбку в кувшин, и с этого времени утолял жажду из реки.

Минуло много осеней, и до Ману донесся уже знакомый ему, хотя и не столь тонкий, как прежде, голос:

— Перенеси меня в другое место, ибо кувшин стал мне тесен.

Рыбка сильно подросла, но не настолько, чтобы быть в безопасности в реке. Ману отнес ее в пруд. Прошло много осеней, и рыба настолько выросла, что уже не могла плавать в пруду, и Ману отнес ее в Гангу. Она находилась там до тех пор, пока однажды, повернувшись, не перегородила реку и этим вызвала наводнение.

Тогда Ману решил перенести рыбку в Океан. Была живая ноша тяжела, но желанна сердцу праведника. Запах рыбы и прикосновение к ней доставляли ему наслаждение. Кажется, и Ману стал приятен рыбе. Во всяком случае, опущенная в океан, она не погрузилась сразу на дно, а держалась на поверхности, с любовью и признательностью глядя на Ману.

Затем она проговорила, да так громко, что сказанное можно было услышать на другом краю земли:

— Ты сделал все, чтобы спасти меня. Теперь мой черед позаботиться о тебе. Знай же! Близится великий потоп для очищения мира от грязи и порока [3]. Ты должен сбить крепкую лодку и привязать к ее носу веревку с петлей. Потом нарой семян, что в

земле, набери тех, что в воздухе, и жди моего появления. Ты меня отличишь по рогу, который я для тебя наращу на носу.

Когда такая рыба появилась, Ману набросил петлю на ее рог, уселся в лодку, и рыба понеслась. Волны, образовывавшиеся от движения ее хвоста, были подобны горам. Лодку швыряло из стороны в сторону, как щепку, и Ману приходилось держаться обеими руками за борта.

Многие годы рыба без усталости тянула лодку. Внезапно волны опали и качка прекратилась. Ману увидел поднимающуюся из моря гору. И вновь он услышал голос рыбы:

— Знай: я — Брахма, творец всех живущих. Спасая тебя от потопа, я спас все живое. Высаживайся и живи на этой Северной горе [4]. Возроди из собранных тобою семян растения и животных.

Ману сделал, как ему было велено. Первой он возродил кормилу корову, дававшую ему топленое масло, сметану и творог.

Однажды он все это смешал, чтобы принести жертву богам. Через год из составленной им смеси вышла девушка — белая как сметана, с розовыми от света зари трепещущими губами и темными как ночь волосами. Крепкотелая, она твердо ступала по земле, и ее тонкие ступни оставляли масляный след.

Как-то захотела масляноногая осмотреть мир, еще не населенный людьми, и отправилась на прогулку.

Митра и Варуна тотчас заметили на земле незнакомые следы и заинтересовались, кто бы их мог оставить. Спустившись на землю, они пошли по следам и догнали девушку.

— Кто ты? — спросили они ее.

— Я — Илу, дочь Ману, — ответила она.

Митра и Варуна переглянулись, после чего Митра обратился к деве:

— Мы боги Митра и Варуна. Назови себя нашей дочерью.

— Нет! — ответила Илу, потупившись. — Я дочь Ману.

— Кто? Кто ты? — переспросил также и Ману.

— Твоя дочь.

— Но как же, о благородная, можешь ты быть моей дочерью? — удивился Ману.

— Ты, а не кто-либо другой, — объяснила девушка, — дал мне жизнь, замешав на воде топленое масло, сметану и творог. Поэтому пользуйся мною в свое удовольствие, когда станешь приносить жертву богам. И будешь богат потомством и стадами. Какого бы благодеяния ни испросил ты у богов с моей помощью, полностью получишь все, что попросишь.

И зашагал вместе со своей дочерью Ману, распевая гимны, как только неукоснительно исполняя ритуал. И когда изъяснит он желание иметь обильное потомство, боги услышали его. И пошел от него весь род человеческий, который и сейчас, Ману [5]

1 Ману — в «Ведах» — сын Вивасвата (солнечного божества) и брат Ямы, первый из живущих на земле и царь (Rv VIII, 52) В эпосе насчитывается 14 Ману, 7 бывших и 7 будущих от которых ведет начало человечество в каждый из мировых периодов)

2 В тексте приводится санскритское название рыбы, но оно не поддается идентификации Впрочем, по другой более поздней версии мифа, рыба — аватара Вишну, и спасает она множество живых существ

3 Миф о потопе был широко распространен в древности Это предание датируемое VIII в до н э, в некотором отношении близко к библейскому бог предупреждает человека о грядущих бедствиях Но потоп не служит наказанием за грехи человечества Ману — единственный из избежавших гибели людей, и ему приходится воссоздавать с помощью богов человеческий род

4 Северная гора так же, как в библейском мифе является местом спасения что возможно связано с общими представлениями о севере как месте обитания богов (сравни греческий миф о стране гипербореев и этрусскую печень из Пьяченцы, где главные боги занимали северную сторону)

4 Поскольку санскр «человек» — *manusa* (в дословном переводе — потомки Ману) надо думать, что само это слово послужило основой для возникновения мифа о Ману как прародителе человечества

Чьявана

Было у Ману девять сыновей, девять могучих витязей, от которых пошло девять племен, заселивших еще не слышавшую человеческого голоса землю Однажды в племени четвертого сына, Шьячи, начался раздор Брат стал против брата Сын отвернулся от матери, мать от сына

Подобные бедствия, постигающие порою племена, роды и семьи, пострашнее мора и войны Причины их сокрыты от глаз человеческих, и враждующие в слепоте и безумии ищут их объяснения каждый в другом — брат в брате, сын в матери, мать в сыне Но царь племени Шьячи был мудр и всюду неутомимо искал корень губительной вражды, но не мог его найти, пока случайно не пришел к озеру, избранному подвижником Чьяваной местом для моления и умерщвления плоти

При виде царя, который его почтительно приветствовал, отшельник отвернулся Царь был этим удивлен и спросил

— Может быть, сам не ведая, я чем-нибудь тебя оскорбил или просто неприятен?

— О нет, — ответил Чьявана, — не оскорбил Не неприятен Меня обидела твоя прекраснобедрая дочь Суканья, и с тех пор я не знаю покоя Однажды ночью она вместе с другими девами вывела коней на водопой Надо тебе сказать, что во мраке мои глаза

мерцают, как уголья в алтаре Твоя же любопытная дочь, приняв их за светячков, ткнула мне в глаза своими пальчиками

Поняв, в чем причина раздора в племени, царь закричал

— О! Это великая обида! И я готов ее искупить — отдать тебе своих коров, свои сокровища, да и вообще выполнить любую твою волю Выскажи ее, мудрейший!

— Мне не надо ни коров, ни сокровищ Я хочу стать твоим зятем Отдай мне в жены твою прекрасную, невольно согрешившую дочь

И отдал царь Суканью в жены дряхлому старцу как искупительную жертву согласия

И воцарился в племени мир Брат более не косился на брата Сын и мать не отвращали друг от друга лиц Но красота Суканьи едва не повергла человечество в грехи А было это так Купалась Суканья в том же озере, куда водила раньше коней на водопой, а супруг ее неподалеку, воздев руки к небу, совершал молитву И увидели Суканью, выходящую из воды, пролетая по небу, боги-близнецы Ашвины Охваченные любовью, как пламенем, они мгновенно спустились на берег, и один из них обратился к красавице с такими словами

— Мы дети Солнца, дева Красота твоя несравненна Выбери одного из нас в мужья

— Не могу, — отвечала Суканья — Я не дева У меня есть муж, святой отшельник Видите, вон он стоит и молится

Повернули Ашвины головы и расхохотались, да так громко, что из воды высунулось несколько сотен рыбьих морд

— Ха-ха! Ты предпочитаешь нам этого старца?

— Но он прекрасен духом, — возразила Суканья обиженно — Конечно, было бы хорошо, если бы он был так же прекрасен, как вы Но ведь это невозможно

— Для нас нет ничего невозможного, — отозвались Ашвины

— Мы боги Передай своему супругу если он хочет стать таким же, как мы, пусть спустится с нами под воду, и ты сможешь выбрать супруга из нас троих

И вот спустились Ашвины вместе со старцем в озерные глубины, и поднялись оттуда не два, а три близнеца, совершенно неотличимые друг от друга Долго всматривалась в них Суканья, не зная, на ком остановить взгляд пока один из юношей не дал ей тайный знак Это был Чьявана, вернувший себе молодость

Не зная, как отблагодарить Ашвинов, он преподнес им сому и пообещал совершать жертвоприношения ею в их честь, как это полагалось делать в честь Индры и других великих богов И удалились Ашвины на небо, не гневаясь на отшельника и на людей И с тех пор нет у смертных на небе больших заступников, чем Ашвины

Индра-изгнанник и Шачи [1]

Убиение Вритры было величайшим подвигом Индры, но также и величайшим его прегрешением, ибо Вритра был, как и брат его Вишварупа, брахманом. И лег этот грех на плечи Индры тяжчайшим грузом, пригнув его к земле, лишив всего, чем он обладал на небе: власти, наслаждений и даже обожаемой супруги Шачи. И стал Индра изгнанником, страдающим от угрызений совести, искупающим смирением и послушанием свой грех.

Удаление Индры отозвалось бедствиями во всех трех мирах. Оставшись без царя и господина, они начали приходить в упадок. И решили тогда боги с согласия Брахмы призвать на престол царя Нахушу [2] из Лунного рода. Был Нахуша отважен, красив, скромен, добродетелен. Не сразу принял он предложение богов, ссылаясь на то, что недостойно занимать престол великого Индры. Но боги были неотступны, и Нахуша поднялся на небо.

Поначалу он проявлял себя с лучшей стороны, но великая власть в конце концов его развратила, как она это делает едва ли не с каждым. Окружив себя апсарами и гандхарвами, стал Нахуша предаваться разврату и даже обратил свой похотливый взор на скромную, носящую траур Шачи. И послал он ей гонца с приказанием явиться в свои чертоги. Тогда поспешила Шачи к Брихаспати, моля о защите от посягательств Нахуши. Брихаспати оставил жену изгнанника у себя и обещал ей свое содействие в соединении с Индрой.

Узнав, где находится Шачи, Нахуша пришел в ярость и едва не разнес все три мира. Отправились боги к Брихаспати и, печально склонив головы, обратились к нему со смиренной мольбой.

— О великий брахман! Отошли Шачи к Нахуше, превозшедшему могуществом Индру. Пусть он станет ее повелителем и супругом.

Не спасовал Брихаспати перед этим натиском и не присоединился к трусам.

— Предающих тех, кто ищет защиты, ждут великие беды! — с гневом ответил он богам. — Так решено Брахмой. Не взойдут у предавшего брошенные в борозды семена. Дожди обойдут его поле стороной, и не будет у него урожая. Потомки его вымрут, а предки в царстве мертвых вступят в перебранку. Поэтому я не нарушу Риты — вечного закона.

— Тогда Нахуша разнесет все три мира, — возразили боги.

Брихаспати погрузился в раздумье, и боги молча ожидали его решения.

— Я пошлю Шачи к Нахуше, — наконец проговорил он. — Она попросит его дать ей время, чтобы настроить к браку душу. А мы тем временем отыщем Индру и вернем его на царство.

Следуя совету Брихаспати, Шачи смирила себя и отправилась к Нахуше. От одного вида блистательной богини у Нахуши улетучился гнев, и он обратился к ней с ласковой речью.

— Прими меня, красавица, как супруга. Ведь ныне я Индра во всех трех мирах.

Волосы Шачи вздыбились от ужаса, но смиренно сложив ладони, она сказала:

— Дай мне немного времени, владыка богов, и если не будет вестей от Индры, я к тебе явлюсь.

Шачи вернулась к Брихаспати, а боги отправились к Вишну за советом, как очистить Индру от греха.

— Пусть он принесет мне в жертву коня, и тогда с него спадет грех, и он сможет принять власть.

Затем боги поспешили на край света, где, как им было известно, пребывал Индра, прячась в стебле лотоса. Услышав голоса богов, призывающих его выйти, Индра склонил свой стебель в воду и стал невидим.

Огорченные боги вернулись на небо. Шачи, узнав о такой неудаче, пришла в отчаяние. По наступлении темноты она вышла из дома Брихаспати и обратилась к богине ночи.

— О вещая Ратри, хранительница тайн всех влюбленных и любящих, открой мне убежище моего супруга!

Не раз слышала Ратри песни Индры, в которых он ночами изливал свою тоску по Шачи, поэтому, обернувшись девой, она повела Шачи к тому месту, где скрывался Индра, и указала на почку одного из лотосов.

И бросилась Шачи в воду, чтобы прижаться к стеблю пылающим лицом. Обливаясь слезами, она умоляла супруга вернуться и покарать того, кто посягает на ее добродетель.

— Нахуша силен, — ответила почка. — Его можно одолеть только хитростью. Явись к Нахуше и обещай полюбить его, как любила меня, если он явится к дому Брихаспати на колеснице запряженной вместо коней святыми подвижниками, перенесенными на небо за праведность.

Вернувшись на небо, Шачи объявила Нахуше о согласии стать его женой и о свадебной процессии, какой еще не видывал мир. Влюбленный и честолюбивый Нахуша отпустил Шачи, наказав ей ждать его приезда.

Узнав об этом, Брихаспати разжег на алтаре жертвенный огонь и призвал Агни.

— О, Агни, — обратился он к нему. — отыщи Индру.

Сложил Агни лепестки своих ладоней и исчез. Быстрый, как мысль, облетев весь мир, он явился через мгновение и доложил, что не нашел Индру на суше, а войти в воды с той поры, как он в них скрывался, не смеет.

И ответил ему Брихаспати:

— Не должно быть для тебя ничего, перед чем ты мог бы остановиться. Войди без страха в воды и отыщи Индру.

И прошел Агни сквозь все воды мира и отыскал Индру в стебле, после чего привел к Индре Брихаспати и всех богов. Стоя перед озером, они напомнили Индре о его великих деяниях, о победах над Вритрой и Валой, о победах над асурами.

От этих речей окреп дух Индры. Он вышел из стебля лотоса, приняв грозный облик повелителя молний, и сказал:

— Я согласен.

Обо всем этом знал мудрец Девашарман, чья жена Ручи превосходила красотой многих смертных женщин. Он не доверял ее прелести ни дверям, обитым медью, ни зарешеченным окнам, ни железным сетям с хитроумным устройством, могущим схватить соблазнителья при его приближении к супружескому ложу. Да и с самой Ручи он не стал беседовать, чтобы наставить ее в дхарме. Девашарман призвал своего любимого ученика Випулу и приказал ему находиться рядом с супругой и не сводить с нее глаз, а сам удалился, чтобы совершить жертвоприношение в соседней стране.

И до этого Випула выполнял поручения гуру, отправляясь, куда его посылали, и подвергаясь опасностям на дорогах. Но это поручение, не требовавшее с его стороны каких-либо усилий, показалось Випуле самым опасным. Ведь Индра горазд на хитрости, и если Випула не убережет честь учителя, тот его проклянет. И решил Випула силой йоги проникнуть в Ручи и стать стражем чести. Поэтому, сев напротив Ручи и не обращая внимания на ее телодвижения, полные неги, он устремил на нее взгляд и проник в ее прекрасное тело, которое стало ему послушно как воск.

Когда же появился Индра, он увидел неподвижное тело ученика, приняв его за спящего, и красавицу, которая силилась подняться, чтобы приветствовать его, но не могла сдвинуться с места. Тогда Индра коснулся руки Ручи, но она была холодна как лед. После этого он с ней заговорил, но уста красавицы произнесли то, что было внушено Випулой: «Зачем ты ко мне явился в отсутствие моего супруга?»

Обладая силой проникновения, победитель Вритры разглядел в теле красавицы душу верного мудрецу ученика. Уста же Ручи продолжали вещать: «Уходи отсюда, если не хочешь быть проклят отшельником».

И удалился Индра ни с чем. По возвращении Девашарман узнал о посещении Индры и его неудаче. Но Випула скрыл от гуру, каким образом он сохранил его честь.

1. Этот сюжет характеризует падение значения Индры в постведийскую эпоху, когда главными богами стали Брахма, Вишну и Шива.

2. Нахуша, сын Аюса, внук Пуруруваса. Основа его имени *nash* позволяет видеть в нем местного правителя, для которого змея была тотемом.

Царь Сомака и сын его Джанту

В старину народом панчалов правил мудрый Сомака, отпрыск Лунного рода. В его обильном золотом и коровами доме жило сто жен, добродетельных и преданных царю женщин. Но ни одна из них не могла дать ему наследника. Только в глубокой старости исполнилась мечта Сомаки, и у одной из его жен родился мальчик. Дано было ему имя Джанту.

Первенец, ставший гордостью отца, был окружен заботой и любовью не только отца и матери, но и всех царских жен, служанок и слуг. Когда Джанту укусил муравей, во дворце поднялся такой переполох, что царю пришлось покинуть заседание совета и отправиться в сопровождении перепутанных советников в женские покои. По пути он поделился с советниками своими печальми:

— Тяжка судьба родителя единственного сына, особенно если он стар, да и жены его немолоды. О, если бы каждая из них принесла мне по сыну!

Присутствовавший при этом домашний жрец сказал:

— Есть такое средство, о царь! Но оно потребует от тебя великой силы духа и твердости.

— Открой мне его, благодетельный, — попросил Сомака.

— Тогда слушай: ты можешь принести в жертву Джанту, своего первенца, и вскоре жены отплатят тебе сторицей, как земля отдает полновесным зерном. Едва лишь пламя охватит тело Джанту, как твои жены зачнут от дыма алтаря. Среди новорожденных будет и Джанту, который обретет второе рождение. Ты узнаешь его по золотой родинке на плече.

Желание обрести многочисленное потомство превозмогло колебания Сомаки: твердости было ему не занимать. И повинаясь царской воле, жрец развел жертвенный костер и приготовил все для такого обряда, какой был исполнен богами над первочеловеком Пуруши. Пока шли эти приготовления, царь отправился в женские покои, чтобы сообщить матери Джанту и остальным женам о принятом им решении. Женщины подняли вопль и загородили своими телами мальчика. Тем временем появился жрец и, растолкав женщин, увел Джанту к алтарю.

Случилось то, что было предсказано. После жертвоприношения, вдохнув черного дыма, жены забеременели, и через десять месяцев лунного календаря в один день каждая родила по сыну. У матери Джанту родился мальчик с золотой родинкой на плече. Он был объявлен старшим и наследником.

Несколько дней спустя ушел в царство Ямы жрец, предложивший принести в жертву Джанту, а вслед за ним ушел и Сомака. По пути в светлое царство Индры он, как и все, кому суждено

было там пребывать, прошел через владения Ямы. Среди грешников, переносивших муки, он увидел своего жреца, пылавшего на костре.

— В чем твое прегрешение, благочестивый? — обратился он к старцу.

— За то, что я принес в жертву твоего сына, мне суждено сгорать в неугасимом огне, — ответила душа жреца. — Такова воля Ямы.

— Подвинься, — проговорила душа Сوماки. — Я виновата не менее тебя и должна разделить с тобой твою кару.

Очищение земли [1]

Была населена земля тварями и людьми, преданными добродетелям, свободными от забот и болезней. Царило тогда над всей землей вплоть до омывающего ее со всех сторон Океана великое Слово, власть же его осуществляли кшатрии, а другие касты жили с ними в мире, не испытывая зависти и вражды. И цари, презрев страсти и гнев, обращались с подчиненными справедливо, наказывая только тех, кто заслужил наказание.

И поэтому источал тысячеглазый Индра всем существам сладость. Никто из людей тогда не умирал в раннем возрасте, никто не познавал женщин до наступления совершеннолетия. И земля переполнилась полноценными, долговечными существами. И кшатрии тогда совершали великие жертвоприношения. Брахманы же изучали веды, но не произносили их в присутствии шудр и не торговали ими как товаром. Вайшьи, вспахивая почву, запрягали в ярмо быков, не трогая коров, а тех, кто из этих лучших четвероногих отощал, подкармливали. И купцы никогда не продавали товар неполной мерой и весом. Коровы и женщины рожали в надлежащее после зачатия время, деревья вовремя расцветали, зеленели и приносили плоды.

А между тем стали рождаться на земле среди тех или иных существ, среди коров и лошадей, среди ослов и верблюдов, среди буйволов, среди слонов и антилоп, среди кровожадных хищников, среди царей — асуры. Были они старшими братьями богов, обладали могуществом и поначалу были благочестивы и благотельны; но затем склонились ко злу. Принимая разные обличья, асуры стали притеснять брахманов и кшатриев, угнетать другие существа, убивая их тысячами и тысячами. Они, внушая всем ужас, распространились повсюду — безбожные, гордые своей силой и опьяненные своей спесью.

И тогда Земля, страдая и терзаясь страхом, обратилась к Брахме, неувыдающему творцу миров, и поведала ему о своих

бедствиях в таких подробностях, о которых всеведущий, самосущий и всевышний не мог знать [2].

Отпустив Землю и успокоив ее обещаниями, созвал Брахма мудрецов и приказал каждому из них придать какой-либо своей части человеческий облик для обуздания асуров. Явились к Брахме и боги во главе с Индрой, ожидая подходящего времени, чтобы покончить с этим злом. Когда же такое время пришло, небожители стали постепенно спускаться на ждущую их Землю для сокрушения своих недругов и очищения мира. И воплотились они в родах брахманов и царственных мудрецов, чтобы разделаться с асурами и примкнувшей к ним нечистью — ракшасами, змеями и людоедами. Так была очищена Земля. А грозный бог Рудра, порождение гнева Брахмы, низверг асуров с неба, испепелив три их волшебных города.

1. Очищение — самый распространенный ритуал религий индоевропейских народов. У греков это *sponde*, у хеттов — *sipant*, у римлян — *libatio*. Очищение совершалось после соприкосновения со всем, что чуждо живущим и жизни вообще (с чужаками, с трупами) — как пум возлияний водой, вином, медом, так и прохождением через скрещенные копы, арку и т. п. К этому ритуалу восходит и изложенный сюжет очищения земли от всего чрезмерного, избыточного, противоречащего закону кругооборота природы. Под очищение подпадают и изначальные боги асуры, понимаемые как носители враждебной богам демонической силы.

2. Таким образом, Брахма выступает как бог-очиститель Земли, и очищение осуществляется путем уничтожения («нечистой силы»). Таково же рода очистителем и одновременно губителем в средиземноморских религиях является этрусский Аплу и греческий Аполлон.

Притху

Одним из ближайших потомков Ману был Вена, унаследовавший от своей матери, дочери Смерти, дурной нрав. Он приказал подданным почитать себя как бога и запретил приносить жертвы небесным богам. Возмутились брахманы и зарезали Вену острыми краями священной травы кушу.

Плохо, когда страной правит злой царь, но и не лучше, когда страна остается без царя. Нет ей защиты от разбойников и чужеземных врагов. И решили брахманы произвести сына из правой руки покойного царя.

Долго они ее терли и разглаживали, пока из нее не вышел прекрасный юноша, сияющий, как сам Агни. И тотчас к его ногам упали доспехи и смертоносные стрелы Шивы. Поняв, что Махадева одобряет новорожденного, брахманы провозгласили его царем под именем Притху.

Прославился наследник Вены воинскими доблестями и благочестием. Враги более не смели тревожить границ царства. Но Земля, разоренная бесчинствами и безбожием Вены, никак не могла прийти в себя. Она перестала плодоносить, и страшный голод, какого еще не знали, стал истреблять все живое. Узнав об этом, Притхи объявил Земле войну.

Взял он лук Шивы вместе со смертоносными стрелами и прицелился. Земля пришла в ужас и, обратившись в корову, вознеслась от царя на небо, в пределы Индры, а затем и Брахмы. Но куда бы она ни направлялась, за ней неотступно следовал Притху с натянутым луком.

Видя, что ей не уйти, обратилась Земля с мольбою к царю:

— За что ты меня преследуешь? Почему ты меня хочешь убить? Ведь убийство женщины — величайший грех, и брахманы тебе этого не простят, как они не простили злодеяния твоему отцу.

— Ты обрекла моих подданных на муки голода, и я должен тебя покарать, — ответил царь, — и за это никто не будет меня порицать.

— Но какой будет твоим подданным прок, если ты меня погубишь? — возразила Земля. — Кто их прокормит?

— Я их прокормлю силой своего благочестия, — ответил самонадеянный Притхи.

Потрясенная и напуганная решимостью Притху, Земля согласилась пойти с ним на мировую.

— Если ты меня пощадишь, — предложила она, — я дам людям пищу, но ты мне взамен даруй теленка, чтобы у меня было молоко.

И примирился Притхи с Землей. Следуя ее наставлениям, он выкорчевал множество гор, ибо их каменистая почва бесплодна, взгромоздив одну гору на другую. Он произвел от Земли теленка — предка Ману. Молоко Земли широко разлилось, заполнив все углубления и пустоты, и поля стали плодоносить. Люди получили пищу. Стал Притху для Земли как бы вторым отцом, и она получила имя Притхиви [1].

1. Притхиви (досл. «широкая») — супруга бога Дьяуса, первоначально с Притхи не связанная.

Тыквенные дети

У Винаты, кроме Аруны и Гаруды, была дочь прекрасная Сумати. Стала она женой правившего в то время в Айодхье могучего и мудрого царя Сагары, который подчинил своей власти варварские народы — яванов и скифов, камбоджей и пехлевийцев. Была у царя еще одна жена, Кешини, но обе не дали царю потомства. И отправился Сагара вместе со своими женами в Хималаи, чтобы предаться суровому подвижничеству. Сто лет умерщвлял Сагара свою плоть, пока к нему не спустился Бхригу, сын Брахмы.

— Сагара, — сказал он ему, — ты обрешь то, чего ждешь. Одна из твоих жен произведет на свет сына, который продолжит твой род, а другая даст жизнь шестидесяти тысячам других могучих и славных сыновей.

Сагара был настолько обескуражен сказанным, что даже не поблагодарил мудреца, и тот скрылся из глаз; сам он с женами двинулся в столицу, все более сомневаясь в том, что пророчество сбудется. Однако вскоре обе царицы понесли и в назначенное время благополучно разрешились от бремени. Кешини родила сына, которому дали имя Асаманджа, у Сумати же из чрева выкатилась огромная тыква. Рассвирепел царь и приказал слугам ее выкинуть, но едва они окружили плод, чтобы его поднять, как с неба послышался голос:

— О Сагара! Не отрекайся от своих сыновей. Разрежь тыкву и дай каждому ее семечку по горшку, наполненному маслом. Из каждого выйдет по одному сыну.

И вот тыква разрезана, семечки вынуты и пересчитаны. Их оказалось, как и было предсказано, шестьдесят тысяч. Все гончары Айодхьи были подняты на ноги, и в короткое время во дворце оказалось шестьдесят тысяч кувшинов. Были опустошены все хранилища масла, чтобы заполнить кувшины. Чтобы установить кувшины рядом, пришлось расчистить пространство вокруг дворца, затоптать цветочные клумбы и выкорчевать кусты. Пришлось удалить и любимых Сагарой, страстным охотником, собак и павлинов, красотой которых любовались царицы, — чтобы неразумные животные не опрокинули хранилищ и не склевали семечек.

И вот наступил день, когда из кувшинов стали высываться остренькие, едва покрытые пушком головки. И сколько же потребовалось трудов, чтобы омыть новорожденных в протекавшей сразу за дворцом реке! С тех пор она стала называться Масляной.

Но вскоре на смену хлопотам пришли заботы и неприятности. Завистливый и нетерпимый Асаманджа возненавидел своих сводных братьев. Вообще он еще в детстве отличался злобным нравом, ему доставляло удовольствие топить своих братьев в Масляной, правда, от этого число остроголовых не уменьшалось. Когда Асаманджа возмужал, от него не стало житья горожанам, и Сагара, скрепя сердце, изгнал негодника из страны, оставив при себе сына Асаманджи, благочестивого Аншумана. Впрочем, вскоре и сыновья Сумати, видя, что их много, стали проявлять дурной нрав, не считаясь ни со смертными, ни с бессмертными. Так что пришлось людям и богам обратиться за защитой к Брахме. Утешил их творец мира, сказав, что обидчикам осталось жить недолго.

Между тем Сагара решил отметить свои победы над варварами и над соседними государями ашвамедхой. Собранные со всей страны брахманы выбрали из царского табуна самого безупреч-

ного коня, вывели его в чистое поле, приказав шестидесяти тысячам сыновей следовать за ним на почтительном расстоянии, не мешая ему пастись и идти куда угодно. С тех пор как совершалась ашвамедха, никогда еще за жертвенным конем не наблюдало столько глаз, а землям, по которым он проходил, не было причинено столько ущерба: ведь идущие за конем не просто объявляли, что эти земли отныне принадлежат царю, но и вытаптывали посевы, опустошали запасы продовольствия, задирали и оскорбляли обитателей этих мест. И вздохнула Индия, когда конь направился к морю, дно которого, после того как его опустошил Агастья, стало зарастать травами. Шестидесят тысяч остроголовых следовали за конем и по морскому дну, но не усмотрели его исчезновения. Позднее стало ясно, что это козни Индры, завидовавшего каждому могущественному царю на земле.

И явились сыновья Сагары к отцу с повинной. Какими словами передать гнев могущественного владыки при вести, что сто двадцать тысяч зорких глаз не уследили за одним конем? Да и сами сыновья знали, что исчезновение жертвенного коня — одно из самых дурных предзнаменований, и очень обрадовались, когда отец отослал их на поиски коня, наказав без него не возвращаться.

Спустившись на дно моря, царевичи образовали цепь, решив обойти все его травяные заросли. Так они набрали на глубокую расщелину наподобие пропасти, спустились в нее, и поскольку им посылались какие-то звуки, напоминающие ржание, стали углубляться, пока не добрались до мировых слонов, поддерживающих земную твердь. Почтительно сложив перед ними ладони, они продолжали свой путь, пока на самом краю мира не достигли поляны, на которой увидели своего коня, мирно щипавшего траву. Неподалеку от коня сидел отшельник, погруженный в благочестивые размышления. Это был Вишну, принявший облик мудреца и подвижника Капиллы. Заподозрив, что именно он похитил животное, остроголовые ринулись к нему, размахивая коляями и камнями, какими рыли землю. И обратил Капила на буянов свой гневный взор и превратил шестидесят тысяч царевичей в пепел.

Подвижники из обители Капиллы принесли в Айодхью весть о их гибели, и царский дворец погрузился в траур. Не мог себе простить Сагара, что он сказал сыновьям, чтобы они не возвращались без коня. Гибель сыновей как раз и была тем несчастьем, которое предвещало исчезновение жертвенного коня [1].

1. Жертва коня — ритуал, известный и другим религиям индоевропейцев. В древнем Риме он осуществлялся весной, в конце старого года под названием *equitia*, а также в октябре нового года (*equus october* — «октябрьский конь»), сопровождаясь плясками с оружием жрецов-салиев. И так же, как в индийской ашвамедхе за коня боролись боги и асуры, в Риме череп коня доставался одной из состязающихся в силе сторон — обитателей Священной улицы (*Via Sacra*) и Субуры (*Wissova*, 1912, 145).

Нисхождение Ганги

Совершив поминки по умершим сыновьям, призвал к себе Сагара внука своего Аншумана и обратился к нему с такими словами:

— После изгнания твоего отца за злодеяния и гибели твоих братьев ты остался у меня один, и некому совершить погребальные обряды по моим сыновьям, чей прах в подземном мире. До сих пор я не принес в жертву коня, чтобы отметить свои победы. Я возлагаю на тебя обязанность, которую не в силах выполнить сам.

Поблагодарил Аншуман деда за оказанную ему честь и поспешил на поиски коня. Спустившись на дно океана, лишенное влаги, он отыскал расщелину на северном краю океана и по проходу, проторенному братьями, спустился в подземный мир и вышел на поляну, где сидел Вишну в облике Капиллы. Приблизившись к нему, он ждал, когда великий подвижник обратит на него взор, а затем, почтительно его приветствуя, поведал о цели своего прибытия и прежде всего попросил разрешения увести коня.

— Ты можешь это сделать, юноша, — сказал Вишну. — Я знаю, что ты благочестив и честен, но еще не пришло время, чтобы ты или твой отец могли избавить от греха твоих братьев. Это совершит твой внук и с помощью великого бога Шивы низведет на землю небесную Гангу. Воды ее заполнят дно океана и через расщелину, которой ты шел, вольются и омоют прах царевичей Айодхьи.

Склонившись перед подвижником, Аншуман взял коня и тем же путем вернулся в Айодхью. Он рассказал деду все, им услышанное. Как раз исполнился год после того, как конь был выпущен, и Сагара совершил торжественное жертвоприношение. Вскоре после этого, успокоенный, он передал власть Аншуману и удалился в страну вечного блаженства.

Через век престол Айодхьи занял Бхагиратха, внук Аншумана, полностью преданный карме, безропотный и правдивый. Стал он для народа радостью очей и сердца. Прослышав, что его предки приняли ужасную гибель и не взойшли на третье небо, он поручил царство советнику и отправился подвижничать на Химавату. Многие годы он стоял там, взирая на превосходнейшую из гор, предаваясь суровому умерщвлению плоти, питаясь плодами, кореньями и водой, пока через тысячу божественных лет к нему не явилась в собственном облике великая река Ганга.

— Чего ты от меня хочешь, махараджа? — спросила она. — Говори, превосходнейший из людей, и получишь желаемое.

— О подательница даров! — отвечал Бхагиратха. — Моих предков, разыскивающих коня, внезапно настигла гибель. И с тех пор погибшим недоступна жизнь на небе, пока ты, о святая,

причастная великой доле, не омоешь их своею водою. Возведи их на небо, Ганга. Вот для чего я тебя ожидал!

— Разумеется, я выполню твою просьбу, — сказала река, — но падая, я могу уничтожить землю. Никто другой на земле не сможет меня принять, кроме Шивы. Ублажи его, чтобы он принял меня на свою голову.

И явился Бхагиратха на гору Кайласу, ублажил Благосклонного и получил от него обещание поддержать Гангу, чтобы предки праведника обитали на небе.

И сошел Шива на Химавату, окруженный своей ужасной дружиной, воздевавшей к небу оружие, и, перекричав ее боевые кличи, сказал Бхагиратхе:

— Умоляй же, долгорукий, реку, чтобы она низверглась с третьего неба.

Услышав это, махараджа возликовал сердцем и, преклонившись, стал неотступно размышлять о Ганге и низвел ее с третьего неба на землю своею мыслью.

И низверглась с небосвода Ганга на лоб Шивы, как венец жемчужный, и от него, змеясь тремя руслами, устремилась к океану. На гребнях ее волн, как стая лебедей, белела пена. Натыкаясь на камни, она бушевала, ревя, подобно тысяче быков, оглушительным ревом. Достигнув высохшего Океана, она его заполнила и проникла в подземное царство, омыв прах шестидесяти тысяч царевичей, и заняли они на третьем небе русло Ганги.

С тех пор течет Ганга на земле, и восхваляющий ее очищается от грехов, созерцающий ее достигает благоденствия, творящий в ней омовение и пьющий ее воду очищает семь прошлых и семь грядущих поколений. И нет купели, подобной Ганге, как нет бога, равного златокудрому Шиве, принявшему священную реку на свой лоб.

Рождение красоты

*Высоты горные Сознания —
Как Гималайские хребты.
Там вечный праздник понимания,
Зачатъя новой красоты.*

Константин Бальмонт

Мир был уже создан и после изгнания данавов и асуров успокоился. И правили им Брахма и Вишну, не ведая особых волнений. Было у них в достатке времени, и они вступили в спор: кто из них рожден первым. И тогда взметнулся перед ними Шива в виде огненного лингама безупречной прямизны. Сверкал он подобно горе Меру посреди надетых на него огромных венков, и нельзя было понять, где его середина, где начало и где конец.

Сказал Брахма Вишну:

— Давай я пойду вверх, а ты иди вниз. Тот, кто отыщет край, будет считаться перворожденным.

Однажды во дворце Брахмы, где Шиве был оказан торжественный прием, Дакша при появлении зятя не встал, но проклял его и сказал, что не будет приносить ему жертвы. Нет, это была не пустая угроза. Устраивая через некоторое время у себя в доме великое жертвоприношение коня, Дакша пригласил всех богов, кроме Шивы. Заколов коня, жрецы стали раздавать богам куски его мяса. Видя это, возмутилась Сати, потребовав, чтобы мужу оставили его долю. Когда же этого не сделали — бросилась в огонь. Шива же сотворил из части себя грозное чудище, которому приказал уничтожить жертвоприношение Дакши. Приняв вид сотен и тысяч асуров, набросилась эта свора на жертвенные дары и разметала их; у хозяина дома отрубили голову и бросили ее в огонь. Потом, немного успокоившись, решил всемогущий Шива оживить истребленных богов. Но головы Дакши он отыскать не смог и насадил на туловище тестя голову козла.

После смерти Сати Шива погрузился в глубокую скорбь. Он удалился в недоступные горы, в царство вечной Зимы, не желая ничего и никого видеть. Черноволосый, в звериной шкуре на голом теле, с черным луком и стрелами, бродил он одиноко по заснеженным горам. Только огромные снежные барсы и мохнатые яки наталкивались на его следы, уводившие в бездонные пропасти. Ложась на брюхо, вылизывали звери соленые на вкус следы своего владыки.

Но ненасытная женская любовь все же отыскала Шиву и в горах. Во второй жизни Сати стала Умой, дочерью горного князя Химавата. Полагая, что сумеет покорить сердце Шивы суровым воздержанием, она отправилась в горную глушь. Сбросив там человеческую одежду, Ума облекла свое нежное тело в древесную кору. Сто лет она питалась опавшими листьями и древесными корнями, забыв вкус человеческой пищи. Трижды в день она умывалась ледяной водой горных потоков, и богам не раз удавалось взглянуть на прелести той, которую называли невестой Шивы. Но сам он, погруженный в созерцание, ничего не знал о ее существовании.

А между тем боги страдали от укрепившихся в Трипуре асуров. Ослепленные алчностью, те принялись опустошать все вокруг. Обращая в бегство богов, они бродили, где им вздумается, уничтожая обиталища мудрецов, жертвенные столпы и селения людей.

И тогда боги собрались и пошли все вместе к Прародителю. Поклонившись ему до земли, они поведали о своих бедах и спросили:

— Есть ли средство, чтобы извести асуров, перешедших все мыслимые и немыслимые границы?

— Злокозненные негодяи! — воскликнул Брахма. Все знают о моем беспристрастии, но сейчас я дам вам совет. Изберите бойцом неутомимого в деяниях. Пусть он уничтожит богоненавистников, о Адиты!

Выслушав это, решили боги пробудить Шиву к жизни. Они отправили к нему своего посланца Каму, бога вожделения и любовной страсти, умевшего принимать различные образы и их изменять. Взял Кама с собою свою подругу Рати (Страсть) и помощницу Васанту (Весну). Едва они коснулись своими нежными ступнями гор, как потекли ледники, переполняя горные реки, растаяли снега на горных склонах, запестрели цветы. Птичий гомон наполнил долины. Все ожило. Один Шива не сдвинулся с места. Он утробно сидел, погруженный в свои мысли.

Страшась гнева Шивы, Кама долго не решался выполнить поручение богов. Наконец, уступая их мольбам, он прибыл в место уединения Шивы и застал его сидящим между деревьями в окружении сладостно жужжащих пчел. Склонив над дремлющим свое воздушное тело, Кама проник в мозг Шивы через уши и изгнал образ Сати. Осознав это, Шива вздрогнул и стал силой памяти оживлять исчезнувший образ. Поняв, что ему кто-то препятствует, он, потрясая головой, ударяя ею о стволы деревьев, изгнал невидимого Кама. И вновь черты лица Шивы успокоились, его три глаза закрылись, губы сложились в блаженную улыбку. К нему вернулась его Сати в виде прекрасной тени.

Но не успокоился Кама. С помощью Васанты он создал из благоуханных цветов стрелу и, натянув тетиву из сцепившихся пчелок, направил ее Шиве прямо в сердце. От боли приоткрыл Шива третий глаз, и из него посыпались искры, мгновенно превратившие Кама в горсточку пепла. С тех пор Кама зовется Анангом (Бестелесным).

Выйдя из беспамятства, увидел Шива волоокую, с волосами цвета льна деву по имени Ума, омывающуюся в бурлящем горном потоке среди камней. Она была такой, какой в его памяти продолжала жить Сати. Поняв, что перед ним подобие утраченной возлюбленной, призвал Шива семерых мудрецов и отправил их сватами к родителю Умы, который до нее уже имел дочь, священную Гангу, сведенную на землю с помощью Шивы.

— Химават! — обратились сваты к старцу со всей почтительностью. — Не отдашь ли ты за могучего Шиву в жены свою дочь?

— Отдам! — ликующе крикнул родитель, и его голос эхом прокатился по горам, над которыми он властвовал, заглушая грохот снежных обвалов. И донесся он к Шиве и Уме словом «Да», наполнив их сердца радостью.

Возвратившись в родительский дом, Ума тут же скинула жесткую кору, закрывавшую ее прекрасное тело, облачилась в девичье свадебное одеяние, умастилась благовониями, запах которых после века пребывания в горах затуманил ей голову, и опустилась на пуховое ложе. Ночь перед свадьбой показалась деве длиною в тысячу лет. К утру она задремала, но вскоре была разбужена бычьим ревом, криками, звоном оружия. Это Шива спускался с гор на спине могучего быка Нандина в сопровождении своей ужасной свиты и небожителей, кружившихся под звуки рогов и вин в бешеной пляске. Все три мира радовались тому, что Кама вернул великого бога к жизни и любви.

После исполнения свадебного обряда, которым руководил сам Брахма, Шива подхватил Уму, усадил рядом с собой на спину Нандина и помчался на гору Мандару, благосклонно предоставившую свои луга, опушки и гроты новобрачным для любовных утех. И как каждая женщина, стала Ума после брачных ласк мечтать о первенце; но он не давал о себе знать. Чтобы утешить себя, Ума слепила из пахучих масел, душистой пудры, пота, покрывавшего ее тело, и кала куклу в виде человека с головой слона. Но вскоре кукла ей надоела, и Ума швырнула ее в Гангу. На лету кукла выросла, и Шива принял ее за сына, рожденного Умой. Дал он ему жизнь и сделал богом успеха, покровителем слонов, поэтов и купцов, главой карликов и духов, составивших свиту Владыки. Имя, данное ему отцом, — Ганеша. (Это он впоследствии записал на пальмовых листьях «Махабхарату», продиктованную мудрецом. Для этого ему пришлось использовать в качестве палочки для письма свой бивень. Так и стали изображать Ганешу — с одним бивнем.)

Пока Шива наслаждался близостью с Умой и радостью отцовства, боги сооружали достойную его колесницу. Несущая на себе все живое, Земля была ее передком, гора Мандара — ее осью, Солнце и Месяц стали колесами этой превосходной колесницы. Вслед за этим боги принялись за сооружение лука и стрелы. Дугой лука стал год с его шестью сезонами, Ночь гибели мира — тетивой, Вишну, Агни и Сома — стрелою. Пламенный гнев в ее острие вложили святые отшельники Бхригу и Ангираса.

И вот занял на колеснице место Шива, сине-красный, багровымным, облаченный в звериные шкуры, сияющий как тысяча солнц. Взметнулась колесница в небо, но даже Шива не смог натянуть тетиву лука, тем более — выпустить из него стрелу. Но когда боги отдали ему и свою силу, он наложил на лук губительную стрелу и выпустил ее. Стал кроваво-красным небосвод, словно бы в огромном тигле смешалось расплавленное золото с пурпуром. Сверкание стрелы слилось с сиянием солнца. Стрела пронзила три крепости одну за другой, словно стога соломы.

Радовались боги победе над асурами и, взявшись за руки, вместе с Шивой и всегда хмельной его свитой отплясывали одну из ста восьми своих плясок-тандав. Эта была пляской ликования. Были и другие — устрашающие, разгульные, возбуждающие тандавы, но ужаснее всех была та, которую Шива исполнял в конце каждой юги.

Корова желаний

Жил в старину великий царь Гандхи, преданный закону и справедливый. Ослабев от долгих лет, он передал свое войско сыну своему Вишвамित्रе, который расширил царство отца и добился славы великого воителя. Свободное от войн время царевич отдавал охоте в дремучем лесу, преследуя в чащах антилоп и вепрей. Однажды, мучимый усталостью и томимый жаждой, Вишвамित्रа, сопровождаемый своим войском, забрел в лесную обитель мудреца-брахмана Васиштхи. Мудрец, наслаждавшийся спокойствием, принял царевича и его провожатых с почетом, предложил воду для омовения, а потом крикнул:

— Сурабхи!

Гости подумали, что мудрец зовет собаку, но явилась корова с красивыми боками и бедрами, с глазами выпуклыми и блестящими, как у лягушки, с пушистым хвостом, с остrokонечными ушами. Была она матерью коров, рожденных из амриты. Земля давала ей молоко, рождающееся из соков трав.

— Красавица! — сказал Вишвамित्रа из вежливости, полагая, что хозяин хочет похвастаться своим животным.

Однако Васиштха обратился к проголодавшимся гостям:

— Назовите, любезные, любимые вами блюда и напитки.

Ничего не понимая, гости стали наперебой вспоминать все самое вкусное и изысканное, что они когда-либо ели. И тут ко всеобщему изумлению из вымени коровы полилось молоко, топленое масло, овощи, фрукты и под конец — самые разнообразные яства.

Насытившись, гости захотели сменить порвавшуюся во время блужданий по лесу одежду. Тотчас появилась одежда, верхняя и нижняя, такая, какую каждый хотел, и обувь по их вкусу.

Сытый и принарядившийся Вишвамित्रа не отводил от удивительной коровы глаз.

— Отдай мне ее за десять тысяч коров, великий отшельник! — проговорил он.

— Это дойная корова, — отвечал отшельник. — она предназначена для обслуживания богов, гостей и предков, для всего того, что идет им в жертву. Она не продается и не обменивается.

— ... а также за царство, которое я должен получить от отца, безупречный, — не унимался Вишвамित्रа.

— Зачем отшельнику царство? — отозвался Васиштха.

— Если ты не хочешь отдать мне корову за такую цену, то я силой уведу ее от тебя.

— Сила — твое право, — покорно ответил брахман. — Мне, занятому подвижничеством и изучением вед, она не дана. Делай же, кшатрий, как желаешь, и не размышляй.

Пока шел этот разговор, корова удалилась в свою хижину. И тогда Вишвамित्रа вооружился кнутом и бросился на Сурабхи. Вскоре послышались звуки ударов и жалобное мычание. Кшатрий безжалостно стегал и дергал животное.

— Зачем ты пренебрегаешь мною! — вскричала корова, обращаясь к своему господину. — Разве ты не слышишь, как меня мучает сила Вишвамитры?

— Я слышу твое мычание, — отвечал мудрец, не пошевелившись. Лицо его, как всегда, было величественным и невозмутимым.

— Почему же ты меня не защитишь?

— Сила брахмана — терпение, — сказал Васиштха.

Кажется, именно терпения не хватило кшатрию, чтобы заставить корову уступить своей силе. Отбросив бич, он подбежал к ее теленку, чтобы его увести и заставить последовать за ним родительницу.

И вновь взмолилась корова:

— Разве ты не видишь, что уведат моего теленка?

— Теленка, а не тебя, — отвечал Васиштха. — Ты же оставайся.

При слове «оставайся» корова вскинула вверх голову, вытянула шею и подняла страшный рев. С налившимися кровью глазами она выбежала наружу и обратила в бегство всё войско Вишвамитры. Опомнившись от первого испуга, воины обернулись и стали колотить корову древками копий. Она же, придя в еще большую ярость, запыхала подобно полуденному солнцу. Из ее хвоста хлынул ливень горящих углей, сверкавших в ночном небе метеорами.

Но этого было мало. В неистовстве она произвела из струй молока, помета, потоков мочи и пены тысячи вооруженных варваров, которые тотчас разбились на отряды и начали наступление на войнство Вишвамитры. Каждый из воинов был окружен пятью или семью противниками. Ни один из них не был лишен жизни, но войско было рассеяно, как солома ветром.

При виде этого великого чуда Вишвамित्रа воскликнул:

— Позор войску, опирающемуся на силу кшатриев! Истинное войско то, которое опирается на могущество брахманов.

И не захотел после этого Вишвамित्रа наследовать отцу. Оставив цветущее царство, он удалился в лес и стал подвижником. Наполнив три мира жаром своего покаяния, он добился истинного могущества и стал жрецом царя Калмашапады, но все равно был одержим завистью к Васиштхе.

Те, кто хотят иметь сыновей, но их не удостоились, пусть слушают этот рассказ, и у них будут сыновья, непременно будут. Пусть слушают и те, кто никогда не желал иметь сыновей, они тоже захотят их иметь, и они у них родятся

Некогда жил могущественный царь Харишчандра, имевший сто жен. Он не ощущал потребности в сыне, и они у него не рождались, ибо благие боги не посылали Харишчандре сына, видя, что он не хочет его. Советники же и придворные, не зная этого, удивлялись, почему у Харишчандры нет наследника. Тем или иным способом они навели царя на мысль, что сын ему необходим, и он обратился к мудрецу Нараде с вопросом:

— Скажи, благочестивый, почему все желают иметь сына — и мудрецы и невежды? Какая от сына польза?

— О царь, отец, увидевший лицо рожденного им сына, выплачивает долг своего рождения, — ответил Нарада, — ибо в нем отец преодолевает густой мрак существования. От «я» рождается «я». Сын — как ладья в безбрежном океане. Жена — друг человека. Дочь — источник скорби. Сын же — сияние света в верхнем небе.

Так ответил Нарада Харишчандре.

— Ты меня убедил, — сказал царь. — Как же мне заиметь сына?

— Обратись к Варуне, — посоветовал мудрец, — и у тебя родится сын, которого ради рождения других ты должен будешь принести ему в жертву.

И вошел Харишчандра в свою жену, и родился его сын, которому дали имя Рохита. Глядя в розовое детское личико, увидел царь в сыне самого себя и понял то, что говорил Нарада о великой радости рождения сына. И стало страшно Харишчандре, что он должен принести свое второе «я» в жертву.

Варуна же напомнил царю о данном им обещании, а Харишчандра ответил:

— Жертвенное животное лишь тогда пригодно к закланию, когда ему больше десяти дней. Исполнится десять дней, и я его тебе отдам.

— Да будет так! — согласился Варуна.

На десятый день Варуна напомнил.

— Я жду!

— Жертвенное животное пригодно к закланию, когда у него прорежутся зубы. Подожди, Варуна, еще немного, пока это случится, и ты получишь обещанное.

— Да будет так! — согласился Варуна.

И еще четыре раза откладывал Харишчандра обещанное, пока Рохита не вырос и, узнав, что его ждет, не убежал в лес.

Каждый год он порывался покинуть лес, но выйдя на опушку, возвращался, ибо понимал, что отцу ничего не останется, как принести его в жертву. На седьмой год он встретил в лесу брахмана Аджигарту с женой и тремя сыновьями.

— Риши! — обратился Рохита к брахману — Я дам тебе сто коров, ты же мне уступи одного из своих сыновей, чтобы я им выкупил свою жизнь.

— Только не его! — воскликнул Аджигарта, прижимая к груди старшего сына.

— И не его, — сказала мать, указывая на младшего.

И согласились они уступить среднего сына, которого звали Шунахшепа.

Отдав Аджигарте сто коров, Рохита взял Шунахшепу и вместе с ним явился в деревню к отцу.

— Отец! Я привел вместо себя этого юношу, чтобы выкупить им свою жизнь. Принеси его в жертву Варуне.

И явился Харишчандра к деревенскому алтарю и вознес свой голос Варуне.

— О светлый помыслами, вот тот, кого я принесу тебе в жертву.

Взглянул Варуна на Шунахшепу и сказал:

— Пойдет. Брахман еще лучше, чем кшатрий.

И собралось на жертвоприношение множество людей. Среди них были великие риши Вишвамित्रа, Джамадагни, Васиштха, Аяся, непреклонные в обетах. Но не нашлось среди присутствующих ни одного, кто согласился бы привязать юношу к жертвенному столбу. Наконец подошел отец Шунахшепы и потребовал за это сто коров. Дали ему сто коров, и он привязал Шунахшепу. После этого прочли над жертвой заклинания и обнесли вокруг нее огонь. Но не нашлось человека, согласившегося заклать. Тогда Аджигарта попросил еще сто коров. Дали их ему, и он стал точить нож.

И подумал Шунахшепа: «Я человек, а меня хотят заколоть!» И воззвал он к первому из богов, Праджапати, таким стихом:

В тебе все величие божье

Славлю тебя, Праджапати

Ты мне один лишь поможешь

Увидеть мира праматерь

— Агни среди богов — самый близкий к людям, — ответил Праджапати — Обратись к нему.

И воззвал Шунахшепа к Агни таким стихом:

Агни, скакун долгогривый,

С разверстой пылающей пастью

Твоею мы милостью живы,

Воитель, дарующий счастье

— Савитар — владыка всех начинаний, — ответил Агни —
Призови его на помощь

И воззвал Шунахшепа к Савитару таким стихом

Познавший вещей всех границы
Хранитель всей правды Савитар
В твои благосклонной деснице
Покоится вечная рита

— Ты обречен в жертву Варуне, — ответил Савитар — Обра-
тись к нему

И воззвал Шунахшепа к Варуне таким стихом

В морях и в мире наддуином
Хранящий предвечные воды
Тебя прославляю Варуна
Великий владыка природы!

— Восславь Все-Богов, — сказал Варуна — Тогда мы освободи-
м тебя

И воззвал Шунахшепа ко Все-Богам таким стихом

Славлю великих и малых!
Славлю древних и новых!
Нам дарующих славу
Мне дарованным Словом
И был такой ответ

— Индра среди богов самый сильный, самый храбрый и са-
мый великий И самый лучший помощник Восславь его

И воззвал Шунахшепа к Индре таким стихом

Владыка, мечущий грома,
Раджа небожителей Индра
Насыться огненной сомой
Обрушь свою силу на Вритру

— Восславь теперь Ашвинов, — сказал Индра

И воззвал Шунахшепа к Ашвинам таким стихом

О близнецы Ашвины
Блистательны ваши деянья
Вы мчитесь с миром едины,
Всегда готовые к брани

— Восславь теперь Зарю, и мы освободим тебя, — сказали
Ашвины

И восславил Шунахшепа Зарю таким стихом

Ночь словно черная птица
Могучими машет крылами
Откройся Заря-кобылица
С дневными своими дарами

Так произносил Шунахшепа стих за стихом и с каждым из них ослабевали его путы С последним стихом путы с него спали, и жрецы сказали ему хором

— Теперь ты сам должен совершить жертвоприношение дня

Взял Шунахшепа ступу, наполненную зельем, и пест Выжи мая сому, он произнес такие стихи

Гы ступа как женское лоно
А пест — как лингам могучий
Соидитесь как пара влюбленных
Как в небе сходятся тучи
Нет дома такого о ступа
Где б ты не оставила следа
Греми же громче чем трубы
Чем барабаны победы
Ты пест громогласнее грома
И ветра что свищет над полем
Дави же бессмертную сому
Чтоб Индра был ею доволен

Затем Шунахшепа вылил сок из ступы в чашу и, процедив его через овчину, обратился к Индре с таким стихом, закончив его восклицанием «Сваха!»

Несущийся в небе высоком
На конском сияющем крупе
Всадник отдавай же сока
Который выжат был в ступе
— Сваха!

Потом Шунахшепа подвел жертвователя к пламени очага и обратился к Агни с таким стихом

Ты к свету вернул Шунахшепу
Из мрака, куда он был загнан
Сорви же путы и скрепы
И с мира всевидящий Агни!
— Сваха!

Завершив жертвоприношение, Шунахшепа сел на колени к Вишвамित्रе и сказал ему

— Прими меня в свой дом Я хочу жить у тебя

И тогда обратился Аджигарта к Шунахшепе с таким стихом

Вернись же выжавший сому
Богачи прославленный риши
К тебя породившему дому
И под отцовскую крышу

Не вставая с колен Вишвамитры, Шунахшепа произнес

Ты отдал сердце коровам
Ты предал ариев мудрость

Не надо мне крыши и крова
От брахмана, ставшего шудрой.

- Ты прав, сынок, — сказал Вишвамित्रа и изрек такой стих:
Не можешь ты быть его сыном.
Точил на тебя он железо
И этим риту отринул,
Тебя от дома отрезал.

Обратившись к Шунахшепе, Вишвамित्रа сказал:

— У меня сто один сын. Ты будешь среди них старшим, а твое потомство всех счастливее. Раздели мой божественный жребий.

— Я не хочу обделять твоих сыновей. Пусть они согласятся на дружбу со мной, и тогда я стану твоим сыном.

И собрал Вишвамित्रа своих сыновей и сказал им:

— Решайте, быть ли Шунахшепе моим сыном.

И стали сыновья один за другим подавать голоса. Из всех старших сыновей только один Мадхучандас захотел иметь Шунахшепу братом. Младшие же пятьдесят сказали:

— То, что решил наш отец, мы принимаем. Приходи в наш дом, Шунахшепа, и будь в нем первым. Мы готовы следовать за тобой.

Тогда Вишвамित्रа благословил этих сыновей, а старших сыновей, за исключением Мадхучандаса, проклял и сказал им:

— Ваши потомки получают в наследие край земли!

И действительно, от этих сыновей пошли племена андхров, пундров, шабаров, пулиндов и мутибов, живущих за пределами земли арьев. Много потомков Вишвамитры и среди нечистых дасью.

Кришна

В городе племени ядавов Матхуре, основанном могучим Лакшманой, аватарой Вишну, правил справедливый Уграсена. Один из ракшасов, уцелевших от побоища, учиненного Рамой и Лакшманой на Ланке, пылая жаждой мести, принял образ Уграсены и соблазнил его жену. Вышло из ее чрева Великое Зло в человеческом облике. По неведению этому Злу дали имя Камса. Пользуясь всеобщей заботой в царском доме и достаточно возмужав, Камса устранил Уграсену и воцарился как его законный наследник.

Нет ничего ужаснее Зла на троне, когда его супругой становится страшная сама по себе Власть. Применяя ее, Камса стал преследовать всех, верных Добру, стал рубить головы, подвергая подданных страшным пыткам, и в городе, основанном Вишну, запретил его почитание.

И однажды все три мира огласило мычание. Пробудился Индра ото сна и спросил советника-риши:

— Что это за звуки?

— Это корова-Земля вызывает о помощи, ибо злодеяства Камсы достигли предела возможного и должен вступить в действие Закон.

И отправился Индра в сопровождении всех богов к владыке Закона Брахме. Принял Брахма челобитную и сказал:

— Более всего от неистовства Зла пострадал Вишну, пусть он и примет меры.

И явились боги к тому, чье тело не описать, дремавшему на змее Шеше. Открыл Вишну глаза, и заколебались в его четырех руках чакра, раковина, булава и лото. Выслушал высший дух богов и сказал:

— Зло в Матхуре будет низвергнуто и вырвано с корнем. Я возрожусь в одной своей части в человеческом облике. А помощником мне будет часть того, на ком я возлежу, — и при этих словах он коснулся лотосом чешуйчатой спины благого змея. — В своей земной жизни я буду носить имя Кришна, а он — Баларама. Мы будем братьями. Он — старшим, я — младшим.

И вскоре сестра Камсы Девака, рожденная от Уграсены, а не от ракшаса, долго не имевшая детей, с радостью сообщила своему супругу Васудева, что она станет матерью. Васудева, зная о своей непричастности к будущему рождению, понял, что жена его зачала от великого бога, пожелавшего избавить мир от Зла. Но ему было неизвестно, что Зло дальновидно. И появление Камсы стало для него неожиданностью.

— Васудева! — сказал Камса. — Моя сестра и твоя жена должна родить того, кто меня убьет и передаст власть Уграсене. Поэтому я ее убью.

— Зачем ее убивать? — сказал Васудева. — Ведь ты по-другому можешь избавиться от тех, кто для тебя опасен. Я люблю Деваку и ради сохранения ее жизни клянусь передавать рождающихся сыновей тебе. Слово мое нерушимое скалы.

Согласившись сохранить сестре жизнь, Камса на всякий случай заточил Васудеву и Деваку в темницу на островке посредине реки. И стали рождаться у Деваки сын за сыном. Шестерых уничтожил Камса, пока Васудева не догадался, как спасти хотя бы одного. На воле у него оставалась еще одна жена — Рохини, которой было разрешено иногда посещать супруга и беседовать с ним через решетку. И передал Васудева Рохини через прутья зародыш в виде крошечной змейки, и она взрастила его в своем чреве, назвав Баларамой. Это и был сын божественного змея Шеси. Через год у Деваки родился еще один ребенок, сразу явивший облик изначального Мужа — был он темнокожим, в

гиаре и с ожерельем, с маленькими, похожими на детские игрушки, раковиной, жезлом и лотосом. В момент рождения наполнилось мрачное подземелье светом. Сквозь стены проникли боги — поклониться новорожденному. Но он сразу же вычеркнул это чудо из памяти родителей, чтобы его считали обыкновенным ребенком и сделал невидимыми знаки своей власти.

Чудом удалось Васудеве вместе с младенцем бежать из темницы, но оставалось, казалось бы, непреодолимое препятствие — бурная река. На островке не было даже дерева, чтобы использовать его для переправы. Сел Васудева на берегу и загоревал: неужели они не спасутся? Младенец же коснулся воды ножками, и могучая река сразу же обмелела, и, перейдя русло, оказался Васудева в земле пастухов Гокале. Догадываясь, что, как только Камсе станет известно о его исчезновении, он сделает все, чтобы найти и уничтожить Кришну, Васудева пошел на хитрость. Он подменил Кришной новорожденную дочь пастушки Ягоды и сделал так, чтобы мать и ее супруг Нанда начисто забыли, что у них родилась девочка.

И так среди простых пастухов живших у подножья горы Гавардханы оказался величайший из богов, то и дело являвший им чудеса. Однажды, отпустив ребенка, чтобы постричь овцу, Яшода заметила, что ее сын ест землю. Она поборанила Кришну и открыла ему ротик, чтобы очистить от грязи, и увидела, что его небо — небесный свод с солнцем, луной и звездами [1].

Рос Кришна шаловливым ребенком, постоянно учиняя какие-либо проказы. У пастушек сгало пропадать масло, которое они взбивали с помощью ступки. Подумали, что крадет какой-либо чужак, сумевший обмануть свирепых собак. Когда на охрану селения вышли пастухи, одна из пастушек подняла крик: она увидела младенца, облизывающего пустой глиняный котел, в котором недавно хранилось масло. И решили пастухи привязать малыша к ступке, чтобы сохранить масло для себя, а его отучить от прожорливости. Но как только они ушли, он потащил ступку за собой и вырвал с корнем оказавшиеся у него на пути два дерева. На их месте появились двое прекрасных юношей, которые когда-то были превращены в деревья, а теперь, расколдованные Кришной, обрели прежний облик.

Узнав о похищении младенца, Камса распорядился казнить в своем царстве всех новорожденных, после чего правил, никого не опасаясь. Когда же ему донесли о чудесах, творимых ребенком в земле пастухов, он понял, кто скрывается под видом сына пастуха и пастушки, и отправил к ним ракшаску, придав ей милый вид: облик и намазав сосцы ядом. Ракшаску пригласили в хижину за стол — разделить с гостеприимными хозяевами трапезу. Увидев ползавшего под столом младенца, гостя подняла его и приложила к груди. Кришна стал сосать с необычайной силой, и это

обрадовало Яшоду, у которой не хватало своего молока. Но на глазах Яшоды гостя стала бледнеть и вскоре упала замертво, превратившись в ракшаску. И поняли Яшода и ее супруг, что у их сына есть могущественный враг, добывающийся его гибели.

Этот враг то и дело давал о себе знать. Когда Кришна подрос и ему стали доверять пасти скот, на него напал какой-то ракша. Об этом стало известно, когда пастухи пришли навестить мальчика и увидели огромное безобразное туловище, заброшенное на самое высокое дерево, а в руках у Кришны — волосатый хвост, заменивший ему кнутик. Все поняли, что Кришна раскрутил чудовище, и хвост его оборвался. В другой раз увидели в том месте, где Кришна пас стадо, журавля ростом со слона с открученной головой. И также догадались, что это дело ручек Кришны.

Наступила пора дождей. Деревню стало заливать, а все окрестности превратились в болото. И тогда мальчик, едва начав говорить, обратился к астухам с советом:

— Вы приносите жертвы Индре, и когда бывает засуха, а он дождит так редко, и теперь, когда дождь вам не нужен. А если бы вы прекратили приносить жертвы этому богу?

Услышал эти слова Индра и пришел в ярость.

— Кто как не я, — загрохотал он, — первым пришел к Брахме, чтобы ты мог родиться!

От этого грохота и перекрещивающихся ливней хлынул такой поток, что мог бы и вовсе смыть пастухов вместе с их стадами. Тогда поднял Кришна гору Гавардхану и держал ее над деревней как зонтик в течение семи дней, пока у Индры не выветрился гнев и он не признал превосходство Кришны.

Когда Кришне минуло пять лет, родители переселились в другой лес, где мальчик обнаружил необыкновенные способности к музыке. Его волшебная игра на флейте зачаровывала и коров, которые следовали с мычанием за юным музыкантом, и влюбившихся в него пастушек, покидавших супружеские ложа, чтобы насладиться ласками Кришны. Он велел пастушкам взяться за руки и, устроив при лунном свете хоровод, сам пустился в пляс. Хоровод не удался, ибо каждая из пастушек, не соблюдая ни ритма, ни очередности, рвалась к нему. Тогда он размножил свой облик, чтобы каждая из влюбленных получила партнера в танце и в любви. Сам же Кришна в своем истинном облике плясал с Радхой, воплощением супруги Вишну Лакшми. Подобной пляски не знали все три мира! И что больше всего удивляло — пастухи увидев свои опустевшие ложа, не питали к совратителю ревности и были им так же очарованы, как и их легкомысленные жены.

Пришло время Кришне возвращаться в Матхуру. Умертвив нечестивца Камсу [2] так же, как Гаруда убивает змей, он вернул власть Уграсене. И поселился Кришна вместе с братом в городе. Но не было у него покоя на родине. С одной стороны, его теснил тесть Камсы, правитель Магадхи Джарасандха, с другой — при

шедшие с берегов далекого Западного моря яваны. И вынужден был Кришна покинуть свое царство и вместе с ядавами переселиться на океанское побережье, в земли царя Видарбхи, где за ночь построил неприступный город Двараку. Одна из дочерей Видарбхи Рукмини стала шестнадцатитысячной женой Кришны, притом главной из них. От Рукмини имел Кришна десять сыновей. Первенец Придуман был воплощением Камы.

Именно в это время к Кришне в Двурюка явились с приглашением участвовать в битве противники — Арджуна и Дурьюодхана. Отдав предпочтение Арджуне, Кришна согласился стать его колесничим и советником.

В отсутствие Кришны в Аварке вожди удавов перессорились между собой. Когда он вернулся и попытался их примирить, против примирителя выступили враждующие стороны. На глазах у Кришны был убит его сын Придуман и смертельно ранен верный брат Баларама.

В отчаянии покинул Кришна Двараку и стал скитаться по окружающим город лесам. Однажды, когда он задремал на земле, подняв ногу на пень, проходивший охотник, принявший пальцы за рога, а ступню за голову оленя, пустил стрелу и пробил ему пятку — единственное уязвимое место на теле Кришны.

И умер Кришна, оплакиваемый сыновьями и женами. Рукмини вместе с семью другими женами бросилась в погребальный костер. Скончался и Баларама. Через семь дней после того как души братьев соединились с Вишну и Шешей [3], Дварака была смыта волнами.

1. Кришна впервые появляется в «Чхандогья-упанишаде» как ученик Ангирасы (III, 17, 6), но неясно, идентичен ли он Кришне, сыну Деваки. В эпосе Кришна — воин и союзник Пандавов.

2. Камса — дочь Карны.

3. Шеша — тысячеголовый змей.

Откровение Маркандеи

*Ткань без предела, картина без рамы,
Сонмы враждебных бесчисленных «я»,
Мрак ослепленья, от вечного Браммы,
Ужас мучительный, сон бытия.*

Константин Бальмонт

Как-то один из царей, считавшийся самым справедливым, обратился к великому отшельнику Маркандее [1] с такой речью:

— О мудрейший, проникающий взором в глубины мира, выслушай мою просьбу. поведай мне о том времени, когда не останется ничего из того, что нас окружает, — ни солнца, ни огня, ни воздуха, ни луны, ни небес, ни земли, когда с лица земли ис-

чезнет все, что ее населяет, дышит и двигается, когда не станет ни богов, ни асуров, и ты один будешь поклоняться величайшему Брахме, покоящемуся в своем вечном и благоуханном обиталище — лотосе.

Маркандея, отвлекшись от мыслей, в которые был погружен, сказал:

— Слушай, о царь. День Брахмы — двенадцать тысяч божественных лет Махаюги. Она состоит из четырех юг. В первой из них, Критаюге, длящейся четыре тысячи небесных лет, люди наделены всевозможными достоинствами, не знают горя и хворей, богатства и бедности, поклоняются одному божеству и знают лишь одну Веду; дхарма же держится на четырех опорах. Тритаюга продолжается три тысячи лет, и дхарма ее держится на трех опорах. Тогда справедливость понемногу уменьшается, возникают пороки, но все еще строго соблюдаются религиозные предписания. Продолжительность Двапараюги — две тысячи лет, а дхарма ее держится на двух опорах. В мире преобладают пороки и зло, а единая веда делится на четыре части. Калиюга длится тысячу лет, и ее дхарма держится лишь на одной шаткой опоре. Уменьшается время человеческой жизни; иссякают духовная мощь и ум людей; дхарма перестает быть законом. Люди ею торгуют, словно мясом. Никто не в состоянии властвовать над своими чувствами. Алчность, злоба и глупость сплетают людей, как змей, в копошащийся клубок. Смешиваются между собою в брачных узах брахманы, кшатрии, вайшьи и, подобно шудрам, не признают ни истины, ни покаяния. Лишившись разума, ненасытные правители любыми способами присваивают чужое. Левая рука крадет у правой. Те, кто славятся учеными, утрачивают разум, у стариков становится ум, как у младенцев, у младенцев — как у стариков.

Люди начнут оголять берега священных рек, вскапывать их мотыгами, впрягать в ярмо коров, а для перевозок использовать годовалых телят. Земля покроется солончаками. Возьмут верх ворующие зерно, похищающие одежду, уносящие посуду [2]. Люди станут питаться мясом диких животных, птиц, рыб и собак, всякими насекомыми и плодами без различия, сделают себе одеяния из длинных листьев, рогов и шкур. Исчезнут коровы. Чтобы иметь молоко, будут разводить опустошающих леса коз.

Тех, кто обитал за пределами городов и селений, потянет в столицу. Умножится число просящих милостыню. Нищие будут благодетельствовать друг другу.

Девушек не будут ни сватать, ни выдавать замуж: они сами будут искать себе мужей. Когда мужья заснут, жены их будут уходить к другим мужчинам, а мужья, когда жены спят, — к другим женщинам. Девочки семи-восьми лет будут беременными, мальчики в десять-двенадцать лет станут отцами.

— Затем, о великий царь, — продолжал Маркандея, — наступит великая засуха. Земные существа, изголодавшиеся и немощные, начнут гибнуть одно за другим. Семь пылающих солнц выпьют воду рек, озер и морей. Все обратится в пепел. На мир, иссушенный солнцем, вихрем обрушится конечное пламя, которое повергнет в ужас богов и асуров, а затем пожрет три мира вместе со всеми, кто их населяет.

Небо затянется тучами. Одни из них покажутся величественными городами, другие — стадами животных, третьи — макарами. Сгущаясь, прорезаемые гирляндами молний с оглушающим грохотом они заволокут небо, и оно опрокинется, как огромная чаша.

Двенадцать лет будет продолжаться бедствие. Затем тучи внезапно рассеются. Владыка всех живущих, обитающий в лотосе, глотнет страшный вихрь и погрузится в сон. Я видел все это сам, блуждая по миру, лишенному небес, нигде не находя себе приюта. Но вот я узрел среди безбрежного Океана огромный, мощный баньян. На широких ветвях этого дерева раскинулось ложе, устланное дивными покрывалами. На нем покоилось дитя с лицом прекрасным, как полная луна, и огромными, как лепестки, только что распустившегося лотоса, глазами. Дитя обратилось ко мне с речью:

— Я знаю, Маркандея, что в странствиях ты утомился и хочешь отдохнуть. Вступи же в меня, высочайший из отшельников, и пребывай там столько, сколько тебе угодно.

Внезапно дитя открыло рот и сделало вдох, и я против воли оказался втянутым в уста и, пройдя через горло, очутился во чреве, где увидел всю землю, пересеченную реками и покрытую городами. Над землей и омывающим ее Океаном я увидел небосвод с сияющими на нем одновременно Солнцем и Луной, соперничающими между собою в красоте.

Перемещаясь во чреве, я миновал великое множество гор, среди них, о тигр из мужей, несравненную Мандару и сверкающую золотом Меру. На горах и под ними я узрел всех тварей, какие наполняли поверхность земли, — львов, тигров, вепрей, оленей, змей и птиц. На небе я увидел весь сонм богов во главе с самим Индрой, а также гандхарвов с апсарами, якшей, святых мудрецов. Одним словом, все, что видел на свете живого и неживого, весь этот мир предстал мне, пока я странствовал во чреве прекрасного ребенка с глазами, как лепестки лотоса.

Более ста лет я двигался внутри его тела, возвращаясь к уже посещенным мною местам и укромным уголкам, не находя выхода. Когда же я голосом обратился к высочайшему богу, то вырвался из его уст подобно ветру и вновь оказался близ того же мощного баньяна и снова увидел одетого во все желтое младенца,

лучезарного сверкающего И он сказал мне «От меня происходит все, что было, есть и будет Я тот, в ком проявлен мир»

И он снова проглотил Маркандею

1 Маркандея — в постведийской мифологии аватара Вишну, легендарный мудрец, аватара связанный с многочисленными мифологическими сюжетами Его погружение в божество мыслится как волшебная греза, однако она выражает эсхатологические представления индуизма Будущее встает как время природных катастроф, которым предшествует деградация человеческого общества в форме нарушения законов социальной жизни и установлений религии

2 Воровство в индийской мифологии — порок древнейшей поры В «Атхарваведе» имеется заклятие против воров такого же зла человеческой жизни, как дикие звери и колдуны «Первым из зубастых мы разгрызаем тигра, затем и вора, потом змею, колдуна потом Тот вор, что приходит сегодня, уходит раздавленным Пусть убьет его Индра дубиною грома» (AV, IV, 3 — 5)

Душа праведника

Жил некогда справедливый царь Випашита [1], но для смерти нет разницы между добрыми и злыми Всеядная, прибирает она всех Пришел час и для Випашита, и в царскую опочивальню без зова вступил посланец Ямы Его темное непреклонное лицо оттенялось кроваво-красным одеянием, в руках пришелец держал молот с длинной рукоятью и вервие Не мешкая, извлек он душу Випашита из уже неподвижного тела [2], связал ее, трепещущую от страха, вывел из дворца и за конец веревки повлек на юг, как только что приобретенную скотину

Двенадцать дней длился путь, и ни разу душа Випашита не узрела ни колосющихся пашен, ни лугов с пасущимися коровами, ни змеящихся в зелени лугов рек Нещадно жгло раскаленное добела солнце, внизу пламенел океан со свинцово-застывшими волнами Но в памяти души вставали лиловые горы и сверкающая золотом кровля дворца, по щекам ее лились потоком незримые слезы Не выдержать бы душе такого пути, если бы там, где оставалась родина, сыновья, выполняя погребальный обряд, не приносили к жертвенному костру еду и питье Ощущая это, каждый раз душа наливалась силой

К вечеру двенадцатого дня душа и ее провожатый оказались перед воротами высокой крепостной стены Они отворились, и после того как пришельцы вошли, сами бесшумно закрылись И только тогда, развязав пленницу, демон впервые раскрыл рот.

— Вот мы и в царстве Ямы, и тебе, душа, предстоит вслед за мною пройти через семь кругов преисподней

— За что мне такая кара? — воскликнула душа — Разве когда я находилась в теле, облаченном в царскую мантию, в стране нарушались законы и было предано забвению милосердие?

— Безупречно было твое правление, душа, и жизнь твоя достойна подражания — проговорил демон — Но однажды ты совершила прегрешение. И за это тебе суждено узреть муки преисподней, самой их не испытав. Таков приговор Ямы вершащего суд над живыми и мертвыми.

Пройдя небольшое расстояние, они вступили в проход, не освещаемый ни одним лучом солнца. Должна бы ликовать душа Випашита, услышав, что избавлена от мук. Но вместо этого она мучительно ворошила в памяти все пережитое. «В чем же мое прегрешение, — думала она, — ведь я последних из моих подданных охраняла с не меньшим усердием, чем первых и заслуженных, мне хватало шестой части получаемых ими доходов, а на остальное я никогда не посягала, с царской щедростью я приносила дары богам и одаряла их служителей брахманов». Не найдя ответа в памяти, душа обратилась к своему суровому спутнику.

— Скажи, посланец Ямы, в чем моя провинность, за что я должна терзаться зрелищем мук грешников?

— Однажды, — ответил демон, не поворачивая головы, — ты восседала на судейском кресле, решая споры между подданными. К тебе явилась жена. И ты не разглядела в ее зоре зыбкого намека. Когда жена прижалась к тебе, ты ее, несчастная, оттолкнула. Ты сочла свое судейство важнее ее порыва. За это ты не признана безупречной.

— Я вспоминаю, — пробормотала душа, — это было

Я достойна назначенной мне кары. Яма справедливый судья.

Узкий извилистый проход вывел их в пещеру. Ее бутристая почва была изрыта длинными рвами, наполненными пылающими угольями. В них кто по щиколотку, кто по колено, а кто и по пояс, стояли грешники, испускавшие стоны. Пахло обгорелым мясом.

— Пещера стонов! — пояснил демон — Многие из тех, кого ты видишь, были непочтительны с родителями и учителями. Они растоптали мудрость и нравственность, и за это угли сжигают их согрешившие ноги. Муки их продлятся до тех пор, пока в облике какого-либо зверя им не будет разрешено возвратиться на землю.

С сочувствием взглянула душа праведника на несчастных, после чего вслед за провожаемым прошла к следующей пещере. Пол ее был покрыт раскаленными медными плитами. Служители Ямы волокли по ним души, скованные по рукам и по ногам, и те дико вопили.

— Пещера воплей! — сказал демон — Три тысячи йоджан их будут тащить по раскаленному металлу, пока они не возвратятся на землю в зверином облике.

— Ужасно! — застонала душа праведника. — А кто те несчастные? Их тела в страшных укусах, словно они побывали во рву с волками или львами.

— Эти из породы клеветников, готовых сожрать своего ближнего и похитить его честь. Видишь, у некоторых в ушах словно серьги — пылающие ветки. Эти подслушивали речи друзей и доносили на них

— Они не ведали, что творили, — сказала душа Випашита — Мне их жаль

Вскоре душа Випашита оказалась во мраке. Демон зажег факел, осветивший ледяную гору и ползущих по ней обнаженных грешников. Судя по их телам, скорее напоминавшим обтянутые кожей скелеты, их мучил нестерпимый голод. Когда один настигал другого, он впиался в его тело зубами.

— На этой горе караются скаредные и расточители, — пояснил служитель Ямы.

Большую часть следующей пещеры занимало огромное висящее колесо, вращавшееся наподобие гончарного круга. К ободу за руки и за ноги были привязаны грешники. Стоявшие внизу демоны вырывали из их тел раскаленными клещами куски мяса.

— Пещера раздора, — сказал спутник душе праведника — Эти не терпели мира и сеяли среди смертных семена смуты и вражды.

Далее предстояло спуститься по проходу, напоминающему глубокий колодезь. Мимо со свистом пролетали окровавленные тела, куда-то сбрасываемые служителями Ямы. Оказалось, что грешников ждало пространство, на первый взгляд напоминавшее обычный лес. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что на деревьях гроздьями висят тела. Вместо листьев ветви были усыпаны острыми мечами. Ветер колебал их, и они терзали повешенных, издававших вопли. Иногда грешники срывались с деревьев, и их внизу подхватывали гиены или дикие собаки, чтобы растерзать. Тут же летали ястребы, выклевывавшие им глаза, и вороны, пожиравшие их языки.

Страшнее всего был седьмой круг преисподней. В огромном котле, наполненном кипящим маслом и раскаленными железными стружками, сидели или свешивались над ним, поддерживаемые цепями, тысячи грешников, а стая воронов жадно клевала их сварившееся мясо и размягченные кости.

В ужасе отшатнулась душа праведника. И вдруг стоны и крики наполнили все пространство семи кругов преисподней.

— Не уходи! Не уходи, добрый человек! Твое божественное дыхание целительно, как бальзам

Удивилась душа и спросила у еле поспевавшего за нею демона, что это значит.

— Истинная доброта, о душа, — единственный источник избавления от страданий, — отвечал демон. — От тебя исходит дуновение доброты. Каждое доброе дело на земле, великое или малое, доносится в царство страданий, как эхо. Бросишь горсточку риса бедствующей птичке — становятся меньшими муки голода, освободишь попавшую в западню мышь — разжимаются клещи, сжимающие здесь чье-либо тело. Ведь мир во зле и добре един. Если же оказываешься рядом с грешниками и дуновение добра превращается в ветер, твой взгляд заставляет страдальцев забыть о муках, твоя близость врачует раны.

— Тогда я останусь здесь! — воскликнула душа.

— Идем! — сказал посланец Ямы. — Тебя ждет небесное блаженство. А грешники пусть получают то, что они заслужили [3].

— Но у меня были и другие прегрешения, — возразила душа. — Подчас я была неоправданно сурова с детьми и старцами, слаба с мужами, я должна остаться здесь до конца дней, даже если смогу высушить хоть одну слезу, излечить одну рану, удержать один вопль.

— Идем! — повторил демон. — Видишь, приближаются Яма, владыка преисподней, и Индра, господин небес, чтобы открыть тебе ворота блаженства.

И предстали боги перед демоном и душой.

— Разрешите мне, владыки мира, остаться там, где боль и страдания, — проговорила душа. — То, что я видела, пронзило меня насквозь.

— Но те души заслужили свою кару так же, как ты удостоилась небесной награды, — сурово произнес Индра.

— Разве я это заслужила? — спросила душа.

— Да! — ответил Яма. — И не только при жизни. Милосердие твое глубоко, как море. Оно возвышеннее, чем гора Химават. Плоды его многочисленнее тех, что бросают в широкое лоно Ганги. Ими будут питаться боги и люди до скончания времен.

— Если они столь велики, возьми их, владыка мертвых и живых, себе, раздели их среди несчастнейших из несчастных, среди грешников.

— Да будет так, — согласился Яма.

Заскрипев, отворились ворота преисподней, и грешники вырвались на свободу, ликуя и славя милость души праведника. И тотчас же появилась облачная колесница.

— Садись, Випашита, — сказал Индра.

И душа продолжила свой путь, сливаясь с бесконечной голубизной.

1. Миф о Випашите отражает представления о смерти и загробной участи в постведийскую эпоху. Уже в «Атхарваведе» среди мифологических персонажей, богов и демонов присутствуют — живущие в царстве Ямы души умерших предков, подобные римским манам, славянским

дзядам и дедам, которые пользуются почитанием и требуют жертв (AV., VI, 41, 3; XVIII, 2, 49, сравн.: Rv., X, 14, 10). В постведийских текстах картина мира приобретает завершенность. Он мыслится местом, где души несут наказание за преступления в земной жизни — проступки, неповиновение. Рассказы существующих в этом мире порядках вкладываются в уста мудрецов, побывавших там, где терпят муки мертвые. Один из них, Випашита, — фигура, родственная шумеро-аккадскому Гильгамешу, греческому Орфею, Энею Вергилия и герою «Божественной комедии» Данте. Его извлеченная из тела душа пройдя через жертвенный дым, встречается с самим Ямой, освобождающим ее от наказаний.

2. Отделение души Випашиты от тела и его загробное путешествие настолько близко представлениям о смерти этрусков, что могло бы быть проиллюстрировано фресками этруских гробниц.

3. Обещание Ямы не может служить указанием на существование особого места для избранных душ, избавленных от кары богов, подобного греческому элизию. Души праведников, как и питары вед, живут вместе с богами в горних сферах.

Хранители мира

Разделил Брахма четыре страны света между четырьмя владыками, обитавшими на вершине горы многоцветной Меру [1].

Могучему Индре достался Восток, куда он направился, сидя на голове слона Айраваты вместе с Шакти, своей женой, в сопровождении сонма богов. Белый облачный зонт держали слуги над его головою, и он, звезд повелитель, стоя под ним, взирал на мир благосклонно. Когда же гнев на него находил, чело его покрывалось тучами, и громом голоса своего ввергал он в ужас миры. Восхваляли Индру гандхарвы и подвижники-риши, чья прославлена мудрость.

Яме, после того как в схватке с богами он добился признания, достался Юг, край смерти, покрытый туманом. Туда он, святой, вершащий мира кончину, законов высший знаток, отправился, сидя на голове слона Махаладмы, в окружении предков, дающих жизнь поколениям. Страну его за рекой Вайтарани охраняла пара огромных псов — четырехголовых Шарбаров [2], потомков быстроногой Сарамы. Никому из тех, кто попал под скипетр премудрого Ямы, не удавалось уйти от их глаз, привыкших ко мраку, от их широких ноздрей, от их острых клыков. В той стране, где деревья не отбрасывают тени, были у Ямы золотые хоромы, где слух его услаждали божественным пением апсары [3], заглушая стоны и вопли тех, кому предназначены муки.

Варуне, властелину глубин, владыке водных существ, был Запад доверен. И туда он направился, на слоне восседая, чье имя Вамана. Сопровождали его премудрые змеи, асуры и реки,

Океану дающие воды. На дне Океана был у Варуны дворец, где обитал Вседержитель, любуясь стаями рыб разноцветных, деревьями подводного сада, на ветвях которых кораллы и жемчуг. Главный советник Варуны Васиштха — божественный риши, в первой жизни своей сын Брахмы, а во второй рожденный Варуной от прекрасной Урваши.

На Север, на воздушной колеснице, украшенной золотом Джамбу, отбыл лучезарный владыка Кубера. Брахма поручил ему горы, в чьих недрах сокрыты богатства. В этих горах у Куберы белый, как облако, дворец. Этот дворец и владения Куберы охраняет слон Сарвабхаума. Кубера баснословно богат, но уродлив — с животом, надутым, как шар, с восьмью зубами и единственным глазом — второй же свой глаз, любопытный сверх меры, он утратил за то, что тайком наблюдал им за ласками, которыми одарял его сосед Шива свою жену, красавицу Уму.

Окружали Куберу якши, чьей внешности никто толком не знал — их представляли то сильными и прекрасными юношами, то коротконогими карликами с отвислыми животами. Так же мало знали и о других слухах Куберы — киннарах. Одни рассказывали о них как о людях с конскими головами, другие — как о птицах с головами людей.

Кубера славился гостеприимством. Его часто посещали боги, гандхарвы и апсары. Он баснословно богат, но уродлив, с животом, надутым, как шар, с восемью зубами и одним глазом. Второй глаз он утратил из-за того, что им тайком наблюдал, как его сосед Шива, одарял ласками свою супругу красавицу Умму ласками. Таковы были владыки, которым Брахма доверил оберегать четыре страны света.

1. Мери — гора, мыслившаяся в центре земли и Вселенной, обиталище высших богов; отождествляется с хребтом Рудра в Гималаях.

2. Шарбары — псы подземного мира, соответствующие церберу греческой

3. Апсары (видимо, «вышедшие из вод» или «движущиеся в водах») — низшие божества, женские духи вод, родившиеся, согласно мифу, из морской влаги при пахтании океана, обитающие на земле и на небе, жены или возлюбленные гандхарвов, юны[гениев небесных пространств, небесные блудницы и танцовщицы, насылающие любовное безумие.

Птицы и змеи

Мир змей в ведийской и особенно индуистской мифологиях вырисовывается в сложных отношениях между миром людей и обитателями двух других миров, нижнего и верхнего. Змеям противостоят как люди, так и чудовищные птицы, но в контактах между этими сторонами просматривается не только вражда, но и взаимное притяжение.

Индийские змеи (наги) предстают соединением двух начал: у них змеиное туловище и человеческая голова (или две головы). Обладая майей, змеи нередко принимают человеческий облик и живут незнанными среди людей, становясь женами и возлюбленными царей. Змея Индии, подобно змеям других мифологий, мыслилась оплодотворяющим началом, символом, связанным с производительной силой и изначальными водами, и потому была непременной участницей центрального космогонического мифа. Космические змеи Васуки и Шешу участвовали в пахтании океана и как союзники богов. И в то же время космический змей Вритра, подобно хеттскому Иллуянке, был противником бога грозы (у индийцев Индры). Победа Индры над Вритрой, скрывающим своим туловищем изначальные воды, была космогоническим актом.

Союзники богов в их противоборстве со змеями в индуистской мифологии стала чудовищная солнечная птица Гаруда («пожирательница»), но по своей природе она родственница змей, и ее отношения с богами характеризует не только подчинение, но и соперничество.

Высокий удельный вес змей как символа со многими ипостасями может быть объяснен помимо природных условий Индии (обилие тропических лесов, обиталища змей), также и тем, что змеи еще до появления на субконтиненте ариев были тотемами местного населения. С нагами связано множество древних топонимов и название страны «Нагадвина». Именно в этой стране, приняв образ змея, жил Шекьямуни до того как стать Буддой. В буддийской мифологии змеи — полубожеества, живущие в воде и на суше, могущие превращаться в людей.

Птица Гаруга

Было время, когда все семь земных материков покоились не на четырех слонах, а на огромном тысячеголовом змее Шеше и на черепахе, а вокруг колыхался необозримый молочный Океан.

Тогда еще не было людей. Боги тогда жили, старели и умирали на высоких, упирающихся в самое небо горах, низины же заполнили большие белые птицы, наделенные человеческим разумом и человеческими же пророчками. И где-то рядом с птицами находились в великом множестве злые духи, демоны, постоянно соперничавшие с богами.

Две птицы-сестры, зачав от мудреца Кашьяпы, сплели из ветвей большое гнездо и в нем поселились. Звали их Кадру и Вината. В мире тогда всего было вдоволь. Но сестры враждовали и завидовали друг другу.

Однажды Вината снесла два больших яйца с блестящей плотной скорлупой. Чтобы они не высохли и не протухли, она погрузила их в воду. Кадру снесла тысячу пестрых яичек и тоже положила в сосуд с водой. Прошло очень много лет, и из яичек Кадру вылупилась тысяча маленьких змеек с блестящими пестрыми шкурками, шипящих и скользких, с острыми зубами и ядовитыми жалами. Радовалась Кадру своим детям, которые копошились, росли и превращались в больших, сильных и мудрых змей.

Яйца сестры лежали без движения, и она совсем приуныла, думая, что навеки останется бездетной. В нетерпении Вината разбила скорлупу одного из яиц и увидела, что оно не пустое. Там был красивый и сильный птенец с широкой грудью, но недоразвитыми крыльями и кривыми тонкими ножками.

Высунувшись наружу, птенец воскликнул:

— Что ты наделала, мать! Теперь я не смогу летать, а ты будешь рабыней у своей сестры.

Вината залилась слезами. Видя это, птенец ее утешил:

— Не плачь! У тебя есть еще одно яйцо. Но дай ему созреть!

Вината послушалась сына, которого она назвала Аруной, стала его кормить и ухаживать за ним. Кадру же, занятая своими копошащимися детьми, не обращала на сестру никакого внимания.

* * *

А в это время боги, заселявшие несравненную, сверкающую золотыми вершинами Меру, собрались, чтобы решить, как им быть дальше. Приближалась старость, а за нею шла смерть. Мир же вокруг был так прекрасен! И загрустили боги. Видя это, Всевышний бог, творец всего мира, посоветовал богам вспахать Океан, как это делают с молоком, желая извлечь из него масло. Ибо то, что получится после пахтанья, будет напитком бессмертия [1].

Недолго думая, боги все вместе подступили к лучшей из гор — Мандаре, чтобы пододвинуть ее к Океану и с помощью этой горы взбить его. Но Мандара, уходящая в землю на одиннадцать тысяч йоджан, не поддавалась. Тогда боги решили призвать на помощь асуров, пообещав им по-братски разделить напиток бессмертия. Асуры согласились помочь, но и это не помогло — так крепко держал Мандару тысячеголовый дракон Шеша, тот самый, на котором покоятся все семь материков.

— Шеша! Отпусти Мандару! — раздался с неба громоподобный голос Брахмы.

Шеша послушно опустил одну из своих голов. Мандара закачалась и могла бы упасть, если бы боги и асуры ее не подхватили. И двинулась на их плечах к Океану огромная гора со всеми бесчисленными ее обитателями.

Приблизившись к берегу, боги сложили ладони и почтительно обратились к Океану, колыхавшему свои молочные волны:

— Владыка вод! Выдюжишь ли ты, если мы будем взбивать твои воды для получения амриты, напитка бессмертия?

— Выдюжу, — отозвался Океан, — но возьмите и меня в долю.

Столь же почтительно обратились боги и к Владыке черепах, на панцире которого тогда покоился мир:

— Найдется ли у тебя местечко для горы?

— Найдется! — радостно ответил бог-черепаха, подставляя спину.

Тогда боги и асуры установили гору на панцире и укрепили ее. Другие боги тем временем за неимением веревки обмотали гору проползавшим поблизости благим змеем Васуки. За голову его взялись асуры, за хвост — боги. И работа началась.

Со свистом и грохотом завертелась, закружилась Мандара, и с вершины ее полетели могучие деревья с гнездившимися на них птицами и населявшими горные леса оленями, кабанами, медведями, тиграми. Луговые травы и цветы во время вращения сплетались в венки и ложились на взмокшие от пота головы богов. Пламя, окутавшее Мандару синим облаком, обжигало асуров.

Многие сотни лет вращалась гора. Воды Океана в одном месте начали постепенно сгущаться, а в других разжижаться, приобретая оттенок, какой присущ им и поныне. Однако сгущенная часть Океана оказалась обычными сливками, а не напитком бессмертия. Могучие боги стали уставать. Видя это, Всевышний бог придал им сил. И снова они стали вращать гору, пока из вод не появился новый месяц Сомы, испускавший сто тысяч прохладных туч. Затем из масла, сбитого в огромный комок, вышла в сиянии своей красоты в белом одеянии богиня Шри, за нею — Сура, богиня вина, радующего богов, потом выскочил ослепительный белый конь и скрылся из виду [2].

Боги и демоны продолжали вращать гору, а белый конь несясь по небу быстрее ветра. Повернув головы, сестры восхищенно смотрели ему вслед.

— Скажи, сестрица, — промолвила коварная Кадру, — какой масти этот четвероногий красавец?

— Ты еще спрашиваешь! — отозвалась Вината. — Этот царь коней, конечно, бел, как молоко.

— Бел, — согласилась Кадру. — Но не весь. У него развивается пышный черный хвост.

— Нет, — возразила Вината. — хвост того же цвета, что и он сам.

— Нет, черный! — возразила Кадру.

— Нет, белый, — упорствовала Вината.

— Давай биться об заклад! — предложила Кадру. — Сходим утром к Океану и проверим, кто прав, а кто ошибся. Проигравшая будет рабыней у той, кто окажется правой.

— Я согласна, — сказала Вината, разумеется, не потому, что намеревалась сделать сестру своей рабыней. Ей просто хотелось доказать свою правоту.

Оставшись наедине с детьми, Кадру обратилась к сыновьям и дочерям с такими словами:

— Дети мои! Теперь от вас зависит, будет ли ваша мать рабыней или останется свободной. Если хотите мне помочь, обратитесь в черные волосы и вплетитесь в белый хвост скакуна, когда он пронесется утром над вами.

Однако змеи отказались превращать белое в черное. Возмущенная Кадру обрушила на них слова проклятия.

— Да погибните вы все, непослушные! Пусть вас спалит огонь, когда будет совершаться великое жертвоприношение змеей!

Среди тысяч всегда отыщется несколько десятков трусливых и криводушных, готовых потакать злу и обману.

Как только на Востоке приподнялся краешек Солнца, сестры пустились в полет, чтобы разрешить свой спор. Вот перед ними открылся извечный, бездонный, безбрежный Океан, жилище Варуны. Полный неистовства, колеблемый ветром, вздымая белые руки волн, был он страшен и мрачен. Но вот показался и стремительно несущийся конь. Был он бел, как молоко, но развевавшийся хвост испещряли черные полосы от змей, следовавших коварному призыву Кадру.

— Хвост черный! — ликующе прокричала Кадру. — Теперь ты, сестра, — моя рабыня. Теперь моя воля для тебя закон.

Горька и унизительна рабская доля. Век за веком прислуживала Вината Кадру и ее копошащемуся и шипящему отродью, умело скрывая в глазах блеск ненависти, а надежду пряча глубоко в сердце. «Если сбылось одно предсказание моего первенца,

— думала она, — сбудется и другое, и у меня родится сын-освободитель» При этой мысли быстрее текла по жилам кровь, сильнее билось сердце, и она его успокаивала «Терпение! Терпение!»

Но вот пришло назначенное время, и свершилось предсказанное яйцо в сосуде с водой дрогнуло от толчка изнутри и раскололось от мощного удара клюва На свет появился огромный птенец и с криком, в котором слышалось «Гаруда! Гаруда!», взмыл ввысь Поднимаясь, он заполнил своими сверкающими телом и крыльями полнеба Боги, не знавшие имени птицы, приняли его за Агни и обратились к нему с мольбой

— О, Агни! Не увеличивайся, не то мы сгорим

Увидела Вината своего набиравшего силу птенца издалека и призвала к себе

— Гаруда! Гаруда! Сын мой и освободитель! Ты слышишь меня?

Гаруда начал с того, что поднял на крыльях своего брата Аруну, посадил его на жемчужную колесницу бога Солнца и стал его возничим С тех пор Аруна, не опускаясь на землю, объезжает на конях дневное небо, скрываясь ночью в Океане Виден он лишь на заре, когда занимается денница

От крыльев Гаруды исходил такой жар, что все змеи попрятались в норы, звери же, чтобы спастись, забрались в пещеры или залезли по шее в воду Полагая, что жар исходит от Агни, бога огня, они обратились к нему

Агни всемогущий, всевидящим взглядом
Следящий за жертвенным каждым обрядом!
Ты в каждом живом существе обитаешь
Зачем же ты нас, словно жертву сжигаешь?
От сильного жара теряем дыханье
Не вынести нам твоего полыханья

И с неба послышался голос дружественного всем Агни

Не я ваших бед и несчастий виновник
Исходит пыланье от крыльев огромных
Богам не подвластны пернатой причуды
А звать эту жаркую птицу Гаруда
И обратились все твари к Гаруде с молитвой
О царь благородный пернатого царства
Живи и над миром подсолнечным властвуй
И правду вещай нам с небесного трона
Подумай зачем тебе мир опаленный?
Умерь свои силы великий Гаруда
Яви превращения великое чудо

К этой мольбе присоединился и голос Винаты

— О, сын мой крылатый! Десять веков я ожидала тебя не для того, чтобы видеть, как ты безрассудно губишь все живое Знай

в мире существует добро и зло. Так будь же бескорыстным защитником добра и сделайся беспощадным врагом зла.

Услышав материнские слова, Гаруда уменьшился в десять раз и во столько же раз умерил свою мощь. Так он впервые показал, что способен на любое превращение. Под ликование всего живого, обретшего дыхание, он облетел мир, направляясь туда, где в тягостном рабстве влачила жалкую жизнь его мать Вината.

* * *

Все это время боги, воодушевленные рождением Белого коня, продолжали взбивать Океан. Вслед за конем из вод поднялся и засверкал тысячами граней дивный драгоценный камень, украсивший грудь бога Вишну. Прошло еще какое-то время, и из Океана, возвещая приближение желанной победы, донесся божественный аромат. Не прекращая работы, боги и демоны устремили взоры к месту, откуда уже выскочил конь и всплыл драгоценный камень.

Сначала появилась белая крышка, а затем и весь сосуд в руках лекаря богов Дханвантари [3].

Демоны, сразу поняв, что в сосуде напиток бессмертия, подняли вопль:

— Это мое! Это мое!

Расталкивая друг друга, они понеслись к сосуду. Тогда властитель Вишну, приняв облик девы небесной красоты, втесался в толпу жаждущих асуров. Окружив красавицу, асуры потеряли рассудок и отдали ей сосуд с амритой, чтобы никто не был обделен. Вишну в облике девы передал напиток бессмертия богам, и те стали его вкушать. Опомнившись от любовных чар асуров охватило смятение. одному из них, Раху, удалось принять вид бога и пригубить немного напитка. Заметили это Месяц и Солнце и оповестили Вишну о хитрости демона. Метнул разъяренный владыка не дающий промаха диск, и отлетела огромная голова Раху, подобная вершине гигантской горы, потрясая землю до самых корней. С тех пор, обретя бессмертие, живет мстительная голова в постоянной вражде с Месяцем и Солнцем. Она преследует то одного, то другого, а нагнав, впивается в их края и проглатывает. Но Месяц и Солнце тотчас выскальзывают из перерубленного горла. Поэтому Луна и Солнце ненадолго отворачивают от земли свои лики. Иногда же голова обрастает хвостом и становится кометой, внушающей ужас смертным.

Тем временем Вишну, приняв свой подлинный облик, издал грозный клич, чем привел асуров в трепет. На берегу Соленого океана между богами и асурами разгорелась из-за амриты ужаснейшая из битв. Со свистом рассекали воздух мечи, тысячами сыпались острые стрелы и дротики. Слышались крики и стоны. Разрубленные дисками, искалеченные мечами и дубинами, асу-

ры валились на землю. Их тела, обогранные кровью, образовывали горы. Боевые кличи достигали неба. Исполнившись ликования, боги-победители водрузили высокочтимую Мандару на ее законное место и двинулись в путь с сосудом бессмертия, чтобы отдать его на сохранение Наре, изначальному и вечному мужу.

* * *

Коварная Кадру, узнав, что у сестры родился могучий сын, решила этим воспользоваться.

— Сестра, — обратилась она к Винате, — перенеси меня на остров, что в Океане. Он будет моим родовым владением. И пусть сын твой доставит туда мое потомство.

Вината послушно взяла Кадру на спину и полетела знакомой дорогой к Океану. Гаруда, слышавший приказание тетки, безропотно взвалил на крылья всех своих шипящих двоюродных братьев. Однако вспомнив слова матери о беспощадности ко злу, решил разом избавить мир от ядовитого семени.

Все выше и выше поднимался к Солнцу могучий Гаруда. Змеи поначалу трепыхались на его крыльях, но чем ближе становилось Солнце, тем они делались все более вялыми и вскоре впали в полное бесчувствие.

Оглянулась Кадру и, увидев Гаруду, поднимающегося к Солнцу, поняла его намерения. И решила она спасти потомство, хотя и проклятое ею, но все же близкое материнскому сердцу, обратившись к богу грозы с мольбой:

Хвала тебе, грозный тучегонитель,
Миров созидатель и разрушитель.
Ты миг, ты мгновенье, ты день бесконечный,
Ты светоч, ты чудо, ты царь безупречный,
Ты свод, озаренный сверкающим Сурьей,
Ты весь Океан, ты великая буря.
Для чад моих бедных, палимых жестоко,
Спасителем сделайся, водным потоком.

И покрыл тогда Индра небо громадами синих грозových туч. Сверкая мечами молний, грохоча, вступили эти великаны между собой в перебранку и низвергли потоки. И была спасена Земля и вместе с нею ползучее отродье Кадру. Так она и змеи, ее сыновья, переселились на остров, оглашаемый криками птиц, украшенный прудами и лотосами и деревьями, растущими на горе Малая. Стал он с тех пор называться островом змей, ибо там они совершают свои игры и плодятся.

Перед тем как покинуть остров, Гаруда спросил у матери, с какой стати он должен был переносить змей. И мать со вздохами поведала ему, как она попала в рабство к своей неблагородной сестре, и объяснила, что согласно установленным богами законам сын рабыни тоже раб.

Тогда обратился Гаруда к змеям:

— Какое мне совершить деяние, чтобы избавить мать и себя от вашей власти?

Подумав, змеи решили:

— Добудь для нас амриту и будешь избавлен от неволи.

И тогда он сказал:

— Я отправлюсь за амритой.

И благословила его мать на великий подвиг.

Любимый мой сын, ненаглядный Гаруда!

Пусть бережет твои крылья Марута,

Забоятся Сурья и Агни о теле.

Удачи желаю в задуманном деле,

Пусть в битвах великих с тобой будет счастье,

Скорее с амритой ко мне возвращайся.

Выслушав материнское напутствие, Гаруда расправил крылья и взлетел в небеса. И вот для богов наступили знамения, внушившие им ужас. Оперенная стрела-молния Индры сама задвигалась и наполнилась искрами. Среди бела дня, низвергаясь с неба, с пламенем и дымом летели метеоры. И чего еще никогда не бывало, рудры, адитьи, маруты и другие племена богов стали направлять свое оружие друг против друга. Безоблачное небо наполнилось грохотом. Поднимаемая ветром пыль окутала короны богов. Поблекли и осыпались цветочные гирлянды, обвивавшие головы и шеи небожителей. И обратился Индра к всеведущему мудрецу Брихаспати за объяснением знамений. И сказал Брихаспати:

— Это приближается сын Винаты Гаруда, могучая птица, задумавшая похитить амриту. Наилучшая из сильных, она сможет совершить даже невозможное.

И сказал Индра богам:

— Сюда приближается птица, одаренная великой мощью. Она собирается похитить амриту. Будьте готовы.

И стали боги в строй, окружив амриту. Огнем пылали их лица. Каждый потрясал своим оружием, испускающим искры и дым. В руках Вишну было его оружие — тяжелая булава. Агни на алом коне оцетинился пламенными копьями. Рядом с ним пристроился тысячеглазый неистовый Вайю. Сколько развевал он царств! Сколько героев обратил во прах! Рядом с Вайю были неразлучные Ашвины, боги-близнецы утренних и вечерних сумерек, на белых конях. И поле брани, где расположились боги, благодаря сотням тысяч копий, освещенных лучами солнца, казалось расплавшимся в небесном своде.

Внезапно на горе Меру взвился вихрь. Столбы золотой пыли взметнулись до Сурьи, и стало темно. Не смогли боги увидеть Гаруду, но ощутили его могучие удары. Клюв и когти долбили и

пробивали доспехи, терзали и рвали бессмертные тела. Строй богов был смят в одно мгновение. Разбросанные кто куда, небожители, собравшись, пытались поразить невидимого врага тучей копий и стрел. Но ничто не могло причинить гигантской птице вреда, сопротивление вызывало в ней еще большую ярость. Тогда Вишну призвал на помощь покорные ему реки, Агни же обратился на Гаруду пламя. Но Гаруда, поглотив воду тысячи рек, залил ею пламя. Поняв, что помощи ждать неоткуда, бессмертные пустились наутек.

Гаруда не стал их преследовать, зная, что невозможно убить выпивших амриту. Но где же спрятан напиток бессмертия, в котором свобода его самого и Винаты, его матери?

Взор птицы привлекло вертящееся колесо, закрывающее отверстие в скале. Каждая из его семисот отходящих от оси спиц была отточена, как бритва. Колесо было подобно тому, на котором непрерывно движется полярный круг и постоянно возникают существа и миры. Но было это колесо не созидания, а смерти, искусно воздвигнутое богами для охраны амриты. И все же, как ни был узок промежуток между спицами, для Гаруды это не стало помехой. Покружившись несколько мгновений, он превратился в крошечную пичугу и легко проскользнул между спицами. Тотчас из мрака пещеры ему навстречу выступили два дракона, равные по величине и по блеску пламени, вырывавшемуся из их пастей, ужасные на вид. Их горящие глаза содержали яд. Вернув себе первоначальный облик, прекраснокрылый засыпал глаза драконов золотой пылью, рассек их тела могучим клювом и бросился к амрите. Схватив ее, он ринулся из пещеры, разрушив колесо своим телом, и с торжествующим криком взлетел в воздух.

И встретился Гаруда в небе с Вишну, и сказал Предвечный птице:

— Я податель даров. Верни амриту и выбирай два, какие тебе угодно.

— Да буду я бессмертным и не стареющим без употребления амриты, — отозвался Гаруда, — и да буду я над тобою.

— Отныне эти дары твои, — сказал Вишну. — Ты будешь бессмертным, и я помещу твое изображение на стяге, который развивается над моей небесной колесницей.

В ликовании от своей победы и от доставшихся ему даров Гаруда не заметил, что его нагоняет Индра, а только ощутил сильный порыв ветра. Встрепенувшись, он оглянулся и крикнул преследователю:

— Ты мне не страшен! Взгляни-ка, я вырываю у себя лишь одно перо, попробуй до него дотянуться! На своем пере я смогу унести всю эту землю, с горами, лесами и водами океана и со всеми пребывающими в этих мирах. Такова, не хвалься, моя сила.

Вид колоссального, перегородившего все небо пера вызвал восхищение Индры

— О прекраснокрылый, — воскликнул он — Прими мою вечную дружбу Если же ты и впрямь не желаешь воспользоваться амритой, верни ее мне и богам — ведь это наша пища

— Идет! — крикнул Гаруда — Считаю амриту своей, но только сам унеси сосуд, когда я буду обманывать змей, которых прошу у тебя в обмен на вашу вечную пищу

— Да будет так, — согласился Индра

Примирившись, они полетели рядом Внизу, окруженный жемчужной короной прибоя, показался изумрудный остров Спустившись на поляну, Гаруда отправился на переговоры к змеям, а бог грозы притаился за деревом

При виде Гаруды змеи подползли к нему со всех уголков острова

— Вот вам амрита, выкуп за меня и мать, — обратился Гаруда к змеям

И тотчас, расталкивая друг друга, с радостным шипением змеи поползли на запах амриты

— Куда же вы, нечестивцы! — воскликнул Гаруда — Вкусение амриты потеряет силу без омовения

— Да, это так, — подтвердил старший из змей и первым пополз к реке

Остальные последовали за ним Когда змеи возвратились, сосуда с амритой на месте не оказалось Не было и Гаруды с Винатой Сын поднял мать в воздух на своих могучих крыльях Но аромат напитка бессмертия заполнил всю поляну, заросшую травой кушу с острыми длинными стеблями

Сползлись змеи к месту, где стоял сосуд с амритой, и стали жадно лизать траву С тех пор у многих змей раздвоились языки, а трава кушу от соприкосновения с амритой стала священной

— Лижите! Лижите! — крикнул торжествующе Гаруда с высоты — Я еще к вам вернусь

1 Амрита («бессмертная») уже в Ригведе помещалась среди вод (Rv, I, 23, 29) и считалась напитком или пищей богов (Rv, III, 26, 7, VI, 44, 6) Сходный мотив имеется в германской мифологии (Gonda, 1985 в, 61) У греков амброзия также дочь Океана

2 Белому коню родившемуся из океана, соответствует греческий Пегас (от греч πηγή – «источник» «поток») родившийся у истока океана от Посейдона и Медузы Согласно другому варианту мифа родился не конь, а слон Айравана

3 Дханвантари, досл «двигающийся по дуге» первоначально — солнечное божество В некоторых мифах он — воплощение Вишну Дхвантари приписывался древнейший индийский трактат по медицине

Жертвоприношение змей [1]

Нет ничего страшнее материнского проклятия, и поэтому, когда мать змей прокляла свое непослушное потомство, сползлись исполненные мудрости змеи отовсюду на великий совет, чтобы решить нет ли средства для предотвращения гибели змеиного рода

Уже было известно, что уничтожение змей поручено царю Паракшиту из рода Панду. Одни змеи предлагали «Давайте примем вид лучших из брахманов и будем просить владыку отменить наше жертвоприношение». Другие считавшие себя учеными, говорили «Станем его высокочтимыми советниками и укажем, какие беды постигнут три мира, если погибнет столько живых существ. Если же кто из брахманов выскажет иное мнение и возьмется руководить жертвоприношением, мы их ужалим и наша цель будет достигнута». Третьи змеи предлагали обернуться тучами с молниями и громом, чтобы залить пылающий костер. Некоторые говорили «Схватим того царя и ужалим». Мнение высказанное последними, победило, царю змей Такшаке было поручено незамедлительно ужалить владыку земли и отправить его в царство Ямы.

Неведомо каким путем, но это решение стало известно мудрецу Кашьяпе, лучшему из дваждырожденных, и он отправился в царский дворец с благородной целью спасти царя. Идя по дороге, он увидел царя змей Такшаку в облике престарелого брахмана. И спросил Такшака Кашьяпу, быка среди дваждырожденных.

— Почтенный, куда ты торопишься и что намереваешься делать?

— Я иду, милый, — ответил Кашьяпа, — спасти великого царя, обладателя неизмеримой мощи, от смерти, ждущей его, если он будет ужален владыкой змей.

— Я и есть тот, кто сожжет своим ядом владыку земли, — сказал брахман. — Вернись же, ибо ужаленного мною не излечить.

— Ты ошибаешься, — возразил Кашьяпа. — Нет выше моего умения, опирающегося на знание. Я смогу избавить от смерти укушенного тобой.

— Если это так, — сказал Такшака, — оживи дерево, которое я укушу. Вот хотя бы это фиговое.

— Укуси, владыка змей, какое тебе не жаль и я оживлю его, — проговорил Кашьяпа.

И тогда лучший из пресмыкающихся приблизился к фиговому дереву и вонзил в него свои зубы. Укушенное дерево пропитавшись ядом, мгновенно запылало со всех сторон и превратилось в пепел. Кашьяпа же собрал этот пепел и сказал:

— Убедись же в могуществе моего знания, обращенного на этого владыку лесов, о змей

И оживил Кашьяпа с помощью тайного знания дерево, превращенное в груды пепла, и оно ничем не отличалось от того каким было до укуса. Оно стало прежним деревом с ветвями и листьями!

— Да, — проговорил Такшака удивленно покачивая головой — Ты можешь разрушить мой яд или яд подобного мне. Но скажи, богатый подвигами, на что ты рассчитываешь, идя к царю? Какую награду надеешься от него получить? И ведомо ли тебе, что наилучший царь проклят брахманом, которого он оскорбил? А проклятие брахмана страшно так же, как проклятие матери

— Я не знал о проклятии брахмана, — ответил Кашьяпа — А шел я за богатством. И если ты мне его дашь, я вернусь домой, о лучший из змей

— Ты получишь гораздо большее богатство, чем то, на какое рассчитывал, — сказал Такшака — Возвращайся

И возвратился Кашьяпа домой, рассудив, что проклятому брахманом жить все равно остается недолго. Ему же богатство не помешает. И вернувшись домой, он застал там обещанное

Такшака же обратился к змеям с такими словами

— Примите облик отшельников и идите к царю с плодами, листьями и водой, как будто по делу, и передайте ему их

Змеи так и поступили. Могущественный владыка принял эти дары, и когда змеи в облике отшельников удалились, сказал своим соратникам и друзьям.

— Отведайте вместе со мною этих сладких плодов, принесенных от чистого сердца

Он взял самый спелый плод и надкусил его. И тогда в сердцевине он увидел крошечного червячка медного цвета с черными глазками. Взяв его в ладонь, Паракшит проговорил

— Мое солнце закатывается, и нет у меня страха перед смертью, которую предсказал обиженный мною брахман. И пусть этот червяк, имя которому Такшака, укусит меня.

Проговорив это, царь положил червяка себе на шею и засмеялся. Пока он смеялся, червячок все увеличивался в размерах, обвивая шею и туловище царя кольцами. Придворные в ужасе разбежались. Когда же, опомнившись от страха, пораженные великой скорбью, оглянулись, то увидели дивного змея Такшаку, лучшего из змей, несущимся по воздуху и оставлявшим позади себя шлейф из лепестков лотоса. И тут же они ощутили запах дыма. От испепеленного тела царя распространялось пламя. Придворные бросились к выходу, а дворец рухнул, словно пораженный молнией.

1. Повествование о жертвоприношении змей выходит за рамки главного сюжета «Махабхараты» — войны Пандавов и Кауравов — и имеет в своей основе конфликт между брахманизмом и арьями, с одной стороны, и местным племенем нагов с их магическими культами, — с другой. Наги представлены в образах змей, подобно тому как в «Рамаяне» принявшие брахманизм племена Южной Индии изображаются не иначе как в виде обезьян и медведей. Главный герой сюжета о жертвоприношении змей брахман Астика, по отцовской линии арий, отшельник, поселившийся в местах обитания нагов, а по материнской — исконный житель, добивается прекращения жертвоприношений и тем самым — примирения между враждующими сторонами. Время действия сюжета совпадает с эпохой проникновения арьев в Восточную Индию, когда большая часть местного населения обитала в джунглях, а арии в прибрежных долинах. Отождествление нагов со змеями, возможно, связано с тем, что змея была их тотемом. Не исключено, что результатом примирения пришельцев с местными племенами было проникновение в мифологический мир последних змеиных образов. Шеши, служившего ложем для Вишну, благого змея Васуки, «дяди» Астики, использовавшегося в качестве мутовки при пахтаньи Океана. Змея также обвивает шею Шивы и служит оружием его сыну — богу Ганешу.

Решение Васуки

Среди змей, искавших спасение от гибели в обмане и силе своего яда, не был слышен лишь голос благого змея Васуки. Он нашел другой, благородный путь. Однажды змеи, всюду ползавшие по лесам, рассказали ему, что слышали мольбу праведника Джараткары о даровании ему жены одинакового с ним имени и потомства от нее. У Васуки была сестра Джараткара, и он вместе с нею пополз туда, куда ему указали змеи. Приблизившись к праведнику, он сказал.

— Благочестивый! Я слышал, что ты ищешь супругу одного с тобою имени. Вот моя единоутробная сестра Джараткара. Возьми ее в жены.

— Но у меня нет дома, — возразил отшельник. — Где мы с нею поселимся?

— Я предоставляю ей и тебе свой подземный дворец и буду вас охранять.

— Пусть будет так! — ответил отшельник.

Взяв змею-супругу, он последовал за Васуки в его дивные покои. Там он стал жить вместе со змеей на ложе, устланном коврами, и вкушать необыкновенные яства. Там же он заключил с нею соглашение: если она сделает ему что-либо неприятное, то он покинет дом.

И стала прелестная Джараткара угождать своему супругу всеми способами, доступными женщинам. И в день, благоприятный для зачатия, сблизившись с ним, она ощутила в своем чреве нечто, подобное искре.

Прошло после этого некоторое время. Однажды великий подвижник, утомившись, задремал, положив голову ей на колени. Приближалось время вечернего молебствия, а величайший из брахманов рисковал нарушить закон. И не знала змея, что ей делать, боясь разбудить его и опасаясь его не разбудить. И все же она решилась сказать ему почти шепотом:

— Встань, о наделенный великой долей, солнце уже заходит за гору. Почти вечернюю зарю обрядом, прикоснувшись к воде, ибо ты соблюдаешь обет.

Пробудившись, великий праведник обратил к супруге лицо, пылающее гневом:

— Ты проявила ко мне пренебрежение, змея. И я от тебя уйду. Ибо нет силы у солнца уйти в то время, когда я сплю.

— Но я ведь разбудила тебя не из пренебрежения к тебе, о брахман.

— Я все равно уйду, — сказал мудрец. — Благодарю от всего сердца за данное мне счастье. Передай мою благодарность и брату, сама же не предавайся скорби.

— Как же мне не скорбеть! — проговорила Джараткара прерывающимся от рыдания голосом. — Что мне скажет брат, когда узнает, что я, несчастная, не достигла цели, ради которой была выдана замуж! Ведь только получение от тебя потомства может стать спасением для моей родни. Ты меня покидаешь совершенно неповинную и в такой час!

— Мой зародыш в тебе, о счастливая! — молвил Джараткара, прикасаясь к телу супруги пальцами. — Он родится и будет высоко благочестив.

С этими словами мудрец удалился, приняв твердое решение вновь предаться суровому подвижничеству.

Астика

И родился в надлежащее время у змеи Джараткары младенец, прекрасный, как божественный отпрыск. Дали ему имя Астика. И рос он во дворце подземного царя, изучая веды и веданту под руководством благочестивого брахмана, сына Чьяваны. Однажды гуру поведал ему удивительную историю о его предках:

— Как-то, бродя по свету, твой отец увидел глубокую яму и висящих в ней ногами вверх, головами вниз истощенных людей. По краю ямы бегала крыса, поедая траву, к которой были подвешены несчастные. «Кто вы? — спросил твой отец. «Мы — муд-

рецы, суровые в обетах, — ответили они. — Мы терпим наказание из-за нашего потомка Джараткары, не имеющего детей». И удалился твой отец с твердым намерением иметь семью ради спасения предков. Вскоре он избрал супругой твою мать. Теперь, с твоим рождением предки по отцовской линии избавлены от сурового наказания.

Так рос Астика, старательно охраняемый дядей Васуки. От него он узнал о полном величии змее Шеше, на голове которого держится земля, опоясанная морями, а на темени восседает великий Вишну.

Затем Васуки подробно поведал и о других великих змеях, а также о неисчислимом змеином потомстве, которого больше, чем на небе звезд. О глубоком знании змеями всего, что недоступно людям.

Рассказал он и о пахтаньи Океана. Об этом дядя говорил не с чужих слов — только он знал неведомые никому живописные подробности, ибо его тело первым коснулось амриты, а глаза видели все, что происходило и в Океане, и на черепахе, на которой приютились боги, совершая великий подвиг. Мальчик мог сам потрогать углубления, оставшиеся на теле змея от пальцев богов.

В голосе Васуки зазвучали гневные нотки, когда речь зашла о прегрешении родительницы змей Кадру, из пустого честолюбия обманувшей свою сестру и навлекшей этим на змей великие кары, особенно гнев могучей птицы Гаруды, истребившей множество змей, и о материнском проклятии, грозящем еще более страшными последствиями.

— Почему же Шеше и тебе не удалось одолеть бесчестных змей, которые помогли моей бабке обмануть благородную Винату? — спросил мальчик. — Ведь Шеше и тебе нет на земле равных!

Васуки горестно пожал плечами.

— Большинство змей не помышляет об общем благе змеиного рода, — ответил Васуки. — Им лишь бы вовремя сменить старую изношенную шкуру на новую блестящую, да чтобы вода не затопила их нору. Змея змее еще больший враг, чем человек человеку. Вот в чем причина наших бед.

Руру и мудрый змей

Вот что случилось с первейшим из мудрецов — Стхулокешей, совершавшим на благо всему живому подвиги на берегу реки.

Прельщенный красотой апсары Менаки, вступил он с нею в связь. Она же в положенное время родила и удалилась. И лежала в камышах девочка, сияя красотой, подобная божественному созданию. Идя на омовение, увидел Стхулокеша ребенка, взял его и взлелеял. И стала его дочь лучшей из женщин, одаренной

всеми прелестями и добродетелями. Поэтому великий подвижник дал ей имя Прамадвара. Благочестивый Руру, потомок Чьяваны, явившись с Схулокеше за мудростью, увидел Прамадвару и мгновенно сердцем его овладел Кама. Не в силах продолжать учение, он вернулся домой и упросил своего отца быть сватом. И был назначен день свадьбы на благоприятное время.

За несколько дней до этого прекрасная играла на берегу реки с подругами. Она не заметила спящую змею, свернувшуюся кольцом, и, понуждаемая роком, наступила на нее. Змея вонзила пропитанные ядом зубы в тело беззаботной невесты, и та мгновенно упала на землю без сознания.

Даже безжизненная, Прамадвара была прекрасна. Ее, прелестную, как лотос, с плачем окружили отец и другие отшельники. Явился и Руру со своим отцом и онемел от горя. Удалился он в лесную чащу, предавшись отчаянию, и там из его уст вырвались такие слова:

— Разве я не раздавал подаяние! Не соблюдал подвижничества! Разве я не обслуживал своих учителей, не угождал им, не собирал для них милостыню? Почему же тогда на меня обрушилось горе? Почему не встанет сегодня же красавица Прамадвара?

Услышал это вестник богов и сказал:

— Слова твои напрасны, о Руру! Достойная дева рассталась с жизнью, поэтому не повергай своего сердца в печаль, а воспользуйся средством, которым обладают великодушные боги.

— Какое же это средство, о странник небес? — спросил Руру.

— Отдай половину своей жизни, о потомок Чьяваны, и восстанет твоя Прамадвара.

И воскликнул Руру, не колеблясь:

— Я отдаю половину своей жизни. Пусть восстанет моя возлюбленная!

И восстала Прамадвара, будто из сна, обретя половину жизни Руру. Дождавшись благополучного дня, родители с радостью устроили свадьбу, после чего новобрачные наслаждались вдвоем, желая друг другу добра. Руру же, твердый в обетах, решил истреблять змей и, как только видел их, тотчас хватался за палку или оружие.

Однажды Руру вошел в чащу леса и увидел змея из породы неядовитых. И поднял он палку и ударил змея.

Змей же сказал:

— За что ты меня бьешь, брахман, ведь я не причинил тебе вреда.

— Это верно, — согласился Руру. — Но моя жена была ужалена и умерла. Я поклялся убивать любую змею, какую увижу. Поэтому, о змей, я намерен лишить тебя жизни, и ты с нею расстанешься.

— Это другие змей, о брахман, — ответил старый змей. — Ты не должен убивать всех змей, одинаковых по названию, но различных по стремлению, одинаковых по несчастью, но различных в счастье, ибо они, как и все живые существа, испытывают превращения.

— Хорошо, я оставляю тебе жизнь, — сказал Руру, — ибо ты мудр. Но скажи мне не таясь, какое превращение испытал ты?

— Я был прежде мудрецом, но вследствие проклятия брахмана превратился в змею.

— Почему же брахман проклял тебя и долго ли ты будешь оставаться в этом облике?

И змей ответил:

— Был у меня в другой жизни друг, брахман по имени Кхагама, твердый в слове и наделенный аскетической силой. Однажды, когда он был занят жертвоприношением, я, ребячась, сделал из травы змею. Перепуганный, он лишился сознания, когда же пришел в себя, сказал объятый гневом: «Так как ты сотворил бессильную змею ради моего устрашения, то в силу моего гнева сам будешь бессильным змеем». Я, зная силу его аскетических подвигов, смутился сердцем и сказал ему: «Друг мой! Я пошутил! Прости меня и отмени свое проклятие». Не сразу ответил Кхагама, ибо он был явно тронут моим горем. «О нет, — произнес он со слезами на глазах, — сказанное мною непреложно. Я бессилен это отменить. Ты станешь змеем. Но когда-нибудь родится брахман Руру и он тебя избавит от твоего змеиного облика. Я понял, что ты и есть тот Руру».

Приняв человеческий облик, мудрец сказал:

— Непричинение зла живым существам — непреложный закон. Поэтому брахман никогда не должен убивать никаких тварей. «Брахман рождается в кротости» — таково божественное откровение. Многомудрый не должен внушать страха никому из существ. Тот закон, который определен для кшатрия, — держание скипетра, суровость и защита подданных, — не подходит для брахмана. Знай это, о лучший из дваждырожденных, и передай всем.

Ученик Веды

В то время у брахмана Веды был послушный ученик Уттанка, введенный им в дом. Как-то избрали Веду двое кшатриев своим домашним жрецом, и, отправляясь к ним для совершения жертвоприношения, он сказал юноше:

— Оставайся за меня, но чтобы в доме не чувствовалось моего отсутствия. Можешь сделать даже недозволенное.

Выполняя волю учителя, Уттанка ублажил его жену. Когда Веда вернулся, он встретился с женой, а потом призвал к себе Уттанку.

— Жена моя тобою довольна, — сказал он ему — Ты сослужил мне службу и теперь можешь идти.

— Но я ведь услужил твоей жене, а не тебе. А ты от меня даже не получил платы за обучение. Прикажи, и я возьму эту плату службой.

— Пойди спроси жену, что она скажет, то и сделаешь, — сказал Веда, принимаясь за молитву.

Жена Веда, к которой пришел Уттанка, сказала:

— Отправляйся к царю Паушье. Попроси у него пару серег, какие украшают его супругу, и принеси их мне к празднику, на четвертый день, чтобы я выделялась из всех.

Не мешкая отправился Уттанка в путь. По дороге он увидел исполина, восседавшего на быке. И обратился он к Уттанке, как к знакомому:

— Ну-ка, Уттанка! Поешь навоза моего быка!

Юноша оторопел.

— Не медли, — сказал исполин. — Твой учитель вкушал, вкуси и ты.

И выполнил это приказание послушный Уттанка и отправился в город, где царствовал кшатрий Паушья. Изложил он ему свою просьбу. Царь удивился, но все же направил юношу к своей супруге. Появившись в ее покоях, юноша удивил царицу своей просьбой, но настолько привлек ее сердце скромностью и обходительностью, что она сказала, снимая с себя серьги:

— Возьми, но будь осторожен. Под землей у царя змей Такшаки имеется целый город, полный сокровищ, но серег у него нет. А ведь серьги — и для змей знак царской власти. Поэтому Такшака считает, что я ими владею незаконно. На какие только он не идет ухищрения, чтобы их захватить.

Низко поклонившись царице, удалился Уттанка с серьгами в кулаке и вышел на дорогу, ведущую к дому гуру. Вскоре стемнело, и дорога опустела. Не осталось никого, кроме Уттанки и голого нищенствующего монаха. На его теле были странные черные полосы, как от ожога. Рассчитав время, юноша решил, что успеет омыться, и направился к протекавшей близ дороги реке. Зная, что змей ползут на водопой и опасаясь на них наступить, он произнес заговор:

Взглядом встречая взгляд
Смерть отвращаю я
Тебе возвращаю яд
Сдохни, сдохни, змея!

Бурых и пестрых змей
Я обхожу средь вод
Прочь от жизни моей!
Сдохни, змеиный род! [1]

После этого он разделся, положил серьги на камень и нырнул в прозрачную воду. Когда он вынырнул, серег на камне не оказалось, нищий же удалялся быстрым шагом. Догнав вора, Уттанка схватил его, но монах, приняв вид змея огромного полосатого змея, выскользнул из его рук и исчез в открывшемся в земле отверстии.

— Конечно, он услышал мой заговор и захотел мне отомстить, — подумал Уттанка и несколько мгновений стоял в нерешительности. Затем он все же последовал за змеем.

Нет, он не собирался вступать в схватку с царем змей из-за серег. Вспомнив наставление учителя, как следует подбирать слова и как надо их складывать, чтобы смягчить обиженное сердце Такшаки, Уттанка обратился к остановившемуся змею, сердито бившему хвостом, со шлоками:

О, змеи, которыми правил когда-то
Могучий, блистательный царь Айравана
Красивей существ я не знаю в природе
Подобны вы Сурье на небосводе
Сиятельной Кадру достойные дети,
Мудрей вы богов и всех смертных на свете,
И царь ни один не сравнится с Такшакой
Но серьги прошу возвратить мне однако

Царь змей с явным удовлетворением выслушал эту хвалу, но серег не отдал и уполз. Опечаленный Уттанка побрел по подземному миру и наткнулся на какое-то удивительное сооружение. Остановившись, он пожирал его взглядом. Перед ним был огромный ткацкий станок, за которым стояли две немолодые женщины, передвигая туда-сюда челнок, а из станка выползала ткань, на которой узорами, письменами и живыми картинами клубились миры и живые существа. Колесо станка приводили в движение шесть мальчиков. Присмотревшись, Уттанка увидел на ободе колеса триста шестьдесят делений. Неподалеку от колеса стоял высокий муж, наблюдая за мальчиками и пряжами. И понял Уттанка, что это властитель трех миров, и из уст юноши вырвалась хвала:

О, сын несравненный небесной Адити,
Владыка вселенной и вседержитель,
Для битвы рожденный ракшасов каратель,
Драконоубийцы и ваджры держатель,
Не терпящий злобы, коварства, обиды,
Разграничитель правды и кривды,
Освободивший плененные реки
Заставь же Такшаку вернуть мои серьги

Выслушав шлоки, муж сказал Уттанке:

— Я доволен твоею хвалой. Какую оказать тебе милость?

— Отдай змей в мою власть, — взмолился Уттанка
— Да будет так, — сказал муж — Подуй в задний проход моему коню

Уттанка, попробовавший навоза быка, ощутил, что от коня исходит такое же благоухание. Он приложился к указанному месту и подул что было сил. И тотчас изо рта, ноздрей и пасти коня вырвалось пламя с клубами удушливого дыма.

Прошло совсем немного времени, и оттуда выполз Такшака. На кончике его языка блеснули серьги.

— Возьми их, — прошипел змей.

Уттанка взял серьги и перестал дуть. «Теперь можно отнести их жене гуру, — подумал Уттанка. — Как раз сегодня праздник, на котором она хотела покрасоваться перед брахманками. Но разве доберешься туда за один день?»

Муж, кажется, мог читать зарождавшиеся и не высказанные вслух мысли. Во всяком случае, он сказал Уттанке:

— Вот тебе конь. Садись на него. Он мигом доставит тебя к утренней сандхье.

Так и случилось. В мгновение ока оказался Уттанка в доме гуру у алтаря, рядом с Ведой, возжигавшим пламя.

— Привет тебе, сын мой, — сказал брахман. — Ты появился вовремя. Жена моя не спала всю ночь, размышляя, какое произнести против тебя проклятие. С трудом я уговорил ее дожидаться утренней сандхьи.

— О господин! — отвечал Уттанка. — Я задержался не по нерадивости. Было много удивительных приключений. Сначала мне встретился муж на гигантском быке. Он заставил меня съесть навоз.

— Это мой друг Индра, — пояснил Веда. — Ты вкусил амриты.

— Потом, — продолжал Уттанка, — я увидел монаха, силой майи превратившегося в змея. Змей похитил у меня серьги, переданные для твоей жены, и я последовал за ним в подземный мир. Там я увидел огромное вращающееся колесо, ткацкий станок и двух женщин, прядущих белыми и черными нитями, а также шестерых мальчиков, вращающих колесо. Объясни мне это чудо.

— Ты видел годовое колесо с тремястами шестьюдесятью зарубками для каждого из дней. Шесть мальчиков — это шесть времен года, а две женщины — Дхатри и Видхатри. Животное, которое ты назвал быком, — это главный из слонов Айравата. Конь же, на котором ты въехал в мой дом, — сам Агни. Оставь серьги, мой милый. Пойду обрадовать жену. Да вот и она сама.

Брахманка ворвалась в комнату. При виде Уттанки и серег в руках супруга лицо женщины расплылось в улыбке. Она кинулась к серьгам, схватила их и убежала наряжаться.

— Ты со мною расплатился, милый, сполна, — сказал Веда дрогнувшим голосом — Ты оказался не только послушным, но и сообразительным учеником Ступай же!

И будь счастлив!

1 Заговорам против змей посвящена целая книга «Атхарваеды» Стихотворные строки написаны по их мотивам

Алтарь

И отправился Уттанка в Хастинапуру, чтобы встретиться с царем Джанамеджаей, только что возвратившимся из Такшакашилы с великой победой. Увидев владыку, окруженного советниками, юный брахман поздравил его с победой, а затем сказал:

— Расширение владений делает тебе честь, о царь, но надо выполнить и свой личный долг.

— Ведя войны, я соблюдаю свой долг в отношении кшатриев. О каком еще долге ты говоришь? — отозвался Джанамеджая.

— О долге крови. В то время как ты воевал, твой отец был убит коварным змеем Такшакой. Он его укусил и подобно молнии, расщепляющей дерево, разложил на пять первоначал. Зная о намерениях змея, к нему отправился мудрец Кашьяпа в надежде предотвратить гибель или возродить твоего отца, но змей заставил Кашьяпу вернуться. Отомсти же этому змею, о царь!

В продолжение всего этого рассказа гнев царя разгорался подобно жертвенному огню, когда в него подливают топленое масло.

Но вскоре гнев сменился печалью. Терзаемый горем, царь стал ломать руки и испускать вздохи. Немного успокоившись, он сказал, обращаясь к советникам:

— Я полагаю, надо немедленно отомстить злодею.

— Надо! — ответили советники в один голос.

После этого царь обратился к домашнему жрецу и спросил его:

— Как мне отомстить злонамеренному Такшаке, погубившему моего отца, а также всю его родню?

— Боги, о царь, — ответил жрец, — придумали великое жертвоприношение. Оно описывается в священных книгах под названием «Змеиное жертвоприношение».

И приказал царь советникам:

— Пусть будут сделаны необходимые приготовления.

И советники принялись за дело. На лугу за дворцом они отмерили место для жертвенного алтаря. Главный зодчий из сутов, одаренный мудростью и опытом возведения фундаментов, соорудил алтарь нужных размеров, но при этом сказал:

— Жертвоприношение не будет завершено из-за одного брахмана

— Когда я зажгу огонь, — распорядился царь, — не пускайте к алтарю никого из посторонних

Между тем было доставлено жертвенное зерно и возложено на алтарь. Брахманы облачились в черные одеяния и заняли свои места. Было образовано кольцо из стражи так, чтобы ничто не мешало ползти змеям. Царь бросил в алтарь факел. Пламя начало разгораться. Брахманы с покрасневшими от дыма глазами стали лить в огонь топленое масло, произнося заклинания.

И содрогнулись сердца всех змей повсюду, где они в тот момент находились. Повинуясь зову магических слов, они начали ползти к алтарю и погружаться в пасть Агни. Потекли реки из мозга и жира змей. В воздухе распространился запах их горящих туловищ.

Невозможно перечислить всех погибших змей — черных, красных и белых, огромных, обладающих страшной силой, могущих изменять свой вид и двигаться куда пожелают. Одни из них о семи головах, другие — о двух, иные — о пяти. Были они из всех змеиных родов — сотни и сотни тысяч.

Время гхармы

Между тем Такшака, царь змей, услышав, что сын испепеленного им Парикшита получил разрешение совершить жертвоприношение, взлетел на небо и, явившись в покои Индры, сказал ему:

— Прибегаю, владыка, царь богов, к твоей защите. — Моему роду угрожает уничтожение.

— Иди ко мне на колени, владыка змей! — сказал Индра. — Отсюда тебя никто не посмеет взять. И пусть покинет страх твое сердце!

И устроился Такшака на коленях Индры, а хвост спустил вниз, благодарно обвив им ноги спасителя.

Змеи же продолжали пожираться огнем. Из свиты Васуки уползли на верную гибель Котика, Манаса, Пурна, Саха, Пичхила. Лишившись многих из тех, кто его охранял и выполнял его повеления, Васуки стал терзаться горем. Им овладело страшное уныние. И он обратился к сестре с такими словами:

— Милая! Горит мое тело, и я уже не различаю стран света. Начинает колебаться мой рассудок. Блуждает взор. Сердце готово разорваться. Лишенный власти над собой, и я попаду в жертвенный огонь того царя, колесничим которому служил ветер. Наступило время, сестра моя, осуществить то, ради чего ты была выдана замуж. Спаси же нас вместе с родственниками. остано-

вить продолжающееся жертвоприношение сможет один Астика. Мне об этом некогда поведал сам Прародитель. Поэтому сейчас же обратись к своему сыну, лучшему из знатоков вед, чтимому за это даже старцами. Призови его сюда!

Когда Астика явился, Джараткара сказала ему

— Я была выдана моим братом за твоего отца с определенной целью. Теперь пришло время для выполнения сыновнего долга.

— Я готов его выполнить! — ответил Астика не раздумывая.

— Приказывай!

— У города Хастинапуры пылает пламя, готовое поглотить всю мою родню. Твой дядя уже ощущает его жар. Он уже утратил дар речи.

— Не печальтесь, мои родные, — произнес Астика. — Дядя, я приму жар твоего сердца в свое тело. Я отправлюсь в Хастинапуру и, превратив жар в шлоки, остановлю ими огонь. Верьте мне, дорогие!

И направился Астика для спасения благих змей в Хастинапуру. Явившись туда, он увидел алтарь, еще издали вдохнул запах горящих тел и ощутил жар. Приблизившись к тому месту, дальше которого стражники не пускали посторонних, он стал как можно громче произносить шлоки:

О Бхараты, внук и сын Паракшита!

Исполнена к благу ведущая рига

Советники славны благими делами

Пылает тобою зажженное пламя

Подобное Сурье сверканьем и блеском

Тебя среди смертных сравнить мне уж не с кем

И нет тебе равных в учености книжной

И в стойкости духа сравнялся ты с Кришной

В военной науке ты сведущ как Рама

Законы небес соблюдаешь как Яма

В сраженьях с врагами ты Индре подобен

И недоступен ты вражеской злобе

Все услышали эти слова и остались довольны: царь, советники, жрецы и жертвенный огонь. И тогда Джанамеджая обратился к советникам:

— Смогите, это еще мальчик, но наделен всеми достоинствами и знаниями. Я желаю его одарить. Разрешите мне это.

— Он это заслужил, — проговорил старший из советников. — Но пусть сначала сгорит в пламени Такшака!

— О царь! — сказали жрецы. — Огонь подсказывает, что Такшака находится в обители Индры.

— Тогда низвергните его вместе с Индрой в огонь! — воскликнул в ярости Джанамеджая.

— Мы употребим майю, — ответили жрецы. — Ты же пока можешь наградить юношу, произнесшего шлоки.

Сын Паракшита подозвал к себе юношу и сказал ему:

— Твоя ученость достойна награды, брахман. Выбирай же то, к чему тянется твое сердце.

— Если ты так распорядился, — сказал Астика, — я выбираю прекращение жертвоприношения змей.

— Бери золото, серебро или коров, — ответил царь, — все что хочешь, но пусть жертвоприношение не прекратится.

— Но ты же приказал мне высказать желание, — сказал Астика. — Я не прошу у тебя золота, серебра и коров. Пусть прекратится жертвоприношение для блага моего материнского рода.

И снова сказал тогда царь Астике:

— Выбирай другой дар, о лучший из дваждырожденных, себе на благо.

И тогда вмешались советники:

— Царь, ты не можешь нарушить данного обещания. Пусть брахман получит этот дар.

Между тем уже стало слышно шипение стонущего от страха Такшаки. Покинутый Громовержцем, царь змей упал с его колен и приближался, крутясь в воздухе и испуская стоны.

И тогда Астика трижды произнес слово «Стой!»

И остановился Такшака в воздухе.

Видя это чудо, царь сказал:

— Да будет так, как сказал юный брахман.

И тотчас раздалось радостное рукоплескание. Погасло жертвенное пламя. И царь наградил жрецов и советников, а также суку, соорудившего алтарь и сказавшего, что жертвоприношение не будет завершено. Астике же царь сказал:

— Приходи ко мне при моем великом жертвоприношении коня. Ты будешь верховным жрецом.

— Хорошо! — сказал Астика и удалился.

Исполненный радости, он вернулся домой и, припав к стопам дяди и матери, рассказал им о случившемся.

Пока он рассказывал, со всех сторон сползлись змеи. Выражая радость, они сказали:

— Ты нас спас! Что же нам сделать для тебя, о мудрый? Выбери желанный дар.

— Я выбираю, — сказал Астика. — Да не будет у тех брахманов и других смертных, где бы они ни жили, страха перед вами, если они будут по утрам и вечерам рассказывать о моем благодеянии змеям.

— Да будет так! — сказали змеи. — Пусть эти люди, о которых ты говоришь, о внук, произносят заклятие: «Астика! Астика! Астика, рожденный у Джараткары от Джараткары, верный слову, пусть охранит меня от змей. Асита! Артима! Сунитха!»

Цари и апсары

Ведийское «Вожделение» (Желание), будучи, подобно греческому Эросу, одним из элементов космогонической системы, обладало персонификацией в сфере сексуальной мифологии. Воплощением наивысшей сексуальности и соответственно небесной красоты, враждебной аскезе и духовной самоуглубленности, были апсары. Ведь за похищенной спартанской царицей, вставшей в описании Гомера причиной Троянской войны, как и за девами, соблазнявшими индийских праведников, стоят духи изначальной водной стихии индоевропейской мифологии — нимфы, камены, русалки. В символике их присутствуют водные растения лотос и лилия и птица вод — Лебедь (ведь Елена родилась из яйца, оплодотворенного богом, принявшим образ лебедя). Связь их с небесной сферой не являлась особенностью одной индийской мифологии. Вспомним о версии Стесихора и Еврипида, согласно которой сразу же после того, как в руках Менелая морской старец Протей оказался быстротекущей водой, его Елена удалилась в небо как призрак (Немировский 2000, 352).

В этой связи становится ясным соответствие небесных обладателей апсар гандхарвов греческим кентаврам, воплощению повышенной сексуальности и враждебности ко всем, кто посягает на красоту их подруг.

Пурурава и прекрасная Урваши

Войдя в возраст, взял царь Будха маслянорукую и масляноногую Илу, и родила она ему смертного сына Пурураву. Царевич страстно полюбил белокурую, белолицую, статную апсару Урваши [1], перед небесной красотой которой не мог устоять никто. Когда же она, широкобедрая, с белыми лилиями, вплетенными в мягкие длинные волосы, блистая нагрудниками, проходила по миру, даже великие риши, забывая о своем отшельничестве, следовали за ней, окутанной тончайшим туманным покровом, подобно серебристой луне.

И пронзил Кама сердце Пуруравы, и оно пылало, охваченное страстью, от которой может спасти только смерть. У апсары было много именитых возлюбленных, и она долго не пускала юношу на свое широкое ложе. Когда же она разрешила себя полюбить, то сказала:

— Трижды в ночь ты сможешь меня бить своей бамбуковой тростью, но не показывайся обнаженным. Таков обычай у нас, женщин. И кроме того помоги мне охранять двух беззащитных барашков.

Страшно жаждавший близости с апсарой, Пурурава счел эти условия легко выполнимыми. Он решил появляться у возлюбленной после заката и никогда не оставлять открытой дверь. Что касается барашков, за их судьбу он не опасался, так как еще в детстве, будучи подпаском, помогал пастухам.

И зачастила Урваши на землю, чтобы проводить ночи с прекрасным юношей. Это было замечено гандхарвами, ибо пребывая на верхнем небе, они могли наблюдать за всем, что происходило в воздухе, на земле и под землей, на воде и под водой, на свету и во мраке. Блеском подобные солнцу гандхарвы услаждали богов на празднествах и пиршествах пением и плясками, а оставшееся время проводили с апсарами, своими возлюбленными.

Дикая ревность овладела душами гандхарвов, когда они узрели на ложе смертного свою Урваши. И у них созрел коварный замысел, достойный не знающих дхармы дикарей. В одно из мгновений высшей страсти возлюбленных они, спустившись на землю и оставаясь незамеченными, отвязали барашков, которых Пурурава на ночь заводил в спальню. Неразумные животные с блеянием двинулись к двери, которую гандхарвы открыли. Пурурава бросил свою трость, соскочил на пол и кинулся за барашками. И в это время коварные гандхарвы сверкнули молнией. Увидев возлюбленного обнаженным, Урваши немедленно вознеслась на небо.

Жизнь без Урваши потеряла для юноши смысл, и он отдал себя поискам возлюбленной. Однажды ночью, такой же прекрасной, как те, какие он проводил с апсарой, он набрел на озеро. По освещенной луною глади скользили апсары, принявшие облик лебедей.

Узнала Урваши Пурураву и сказала подругам:

— Вот человек, который был моим возлюбленным.

— Давай ему покажемся, — предложили подруги.

И вот вместо лебедей на глади озера между лотосами поплыли прекрасные девы, сверкая изяществом обнаженных белых тел. И из их уст вырвался божественный гимн Каме, заполнивший все земное пространство.

Как зачарованный, впитывал Пурурава песню любви. Когда же мелодия отзвучала, узнал он среди певших свою Урваши и сам запел:

Умоляю тебя, не исчезни!

Хоть мгновение со мной побеседуй.

Если вновь сокроешься в бездне

Вечной радости нам не изведать.

И отозвалась Урваши
Я на том, ты на этом свете
И какая нужда в разговоре?
Унесусь от тебя я как ветер
И поблекну от Сурьи как зори
И пропел тогда Пурурава удрученный
Так простимся моя Урваши
Ведь дышать мне осталось недолго
Вскоре смерть меня опояшет
И сожрут меня жадные волки

Смягчила эта песня женское сердце и Урваши сказала

— Знай, я ношу в себе твоё семя и поэтому встречаюсь с тобой
Приходи сюда же в последнюю ночь года

Явился Пурурава в назначенное время и увидел в озере прекрасную лебедь и плывущего с нею рядом лебеденка. Не принимая человеческого облика, Урваши сказала

— Это наша с тобою последняя ночь

— А как её сделать вечной? — спросил юноша, глядя на Урваши с мольбой

— Для этого ты должен стать одним из гандхарвов, — ответила она — Обратись к ним

Край неба стал светлеть, и исчезли лебедь с лебеденком из земного дня. За все время существования трех миров пока ещё не удавалось ни одному человеку стать бессмертным. Но для истинной любви не существует преград. Пурурава взлетел на небо, явился к гандхарвам, и Кама подсказал ему слова, способные смягчить даже камень. Сжалившись над юношей, гандхарвы решили ему помочь. Вынесли они сосуд со священным небесным огнём и сказали

— Возьми это на землю, живущую во мраке, принеси там первую жертву и станешь одним из нас

Захватив сосуд с огнём, Пурурава вернулся на землю. Но огонь затух от порыва ветра. Метался Пурурава по лесу в поисках огня. Ещё раньше он наблюдал лесные пожары от лавы, стекавшей с некоторых гор, от трения друг о друга сухих стволов. Так как лава в этот день не вытекала, он бросился к стволу высохшей смоковницы, вырезал две дощечки и стал их тереть одну о другую, вспоминая о жарких объятиях Урваши. И была сила его вожеления такова, что одна из дощечек задымилась. И разжег он взятую с неба жаровню, ибо земной огонь — часть небесного. И стал он одним из гандхарвов и получил Урваши. От их брака пошел род Пандавов. Земля же получила небесный огонь и с того времени с ним не расстается [2]

1 Урваши (санскр. «рожденная из бедра») впервые упомянутая в «Ригведе» (V, 41, 19 X, 95, 17) — в постведийских мифах — как и другие апсары — дочь Брахмы, по другой версии — дочь мудреца Нараяны — аватары Вишну. Вступив в спор с самим Индрой, мудрец Нараяна решил доказать, что мо

жет порождать самые прекрасные существа. Он посадил себе на бедро лотос из которого вырастил Урваши и подарил ее Индре.

2 В этом сюжете соединены миф о добывании священного огня с рассказом о судьбе второго царя Лунной династии, полюбившего прекрасную небесную нимфу. К нему и Урваши мифологическая традиция возводила шестерых сыновей, ставших царями.

Шакунтала

Обширной землей между четырьмя морями владел царь Духшанта, могучий, непобедимый воин. Однажды в сопровождении войска он отправился на охоту. Оставив воинов на опушке леса, Духшанта, сопровождаемый придворными, углубился в чащу и на берегу реки в прекрасной местности увидел хижину отшельника. На лай собак вышла очаровательная девушка и с достоинством поклонилась пришельцам. Беседуя с красавицей, Духшанта узнал, что ее зовут Шакунтала и что ее воспитатель — мудрец Канва.

— А кто же твои родители? — спросил он.

— Я была найдена на берегу реки. Ты мимо нее проходил. Канва рассказывает, что надо мною кружились, прикрывая меня крыльями, соколы, — отсюда и данное мне имя. Матери и отца я не помню, но Канве удалось проникнуть в мое прошлое. Я рождена апсарой Менакой, удалившейся после моего появления в царство Индры. Отец же мой — величайший из мудрецов отшельник Вишвамित्रа. Считаю тебя дочерью Канвы, ибо я почитаю его как отца.

— Наверное, твоя мать была прекрасна, раз ей удалось соблазнить такого праведника, как Вишвамित्रа, — сказал царь, отводя взгляд от отшельницы. — И ты, я уверен, вся в нее. Поэтому давай соединимся любовью. Ты получишь от меня золотой венок, золотые серьги, одежды, жемчуг, шкуры животных. Я тебя сделаю своей женой, и все мое царство будет твоим.

— Ты очень щедр, господин, — ответила Шакунтала. — Но зачем такие богатства мне, живущей в лесу? Если же ты хочешь взять меня в жены, дождись отца, он ушел за плодами.

— Зачем медлить? Лучше голубь сегодня, чем павлин завтра. Закон предполагает восемь видов брака, и есть среди них брак по обычаю гандхарвов, когда жаждущие друг друга соединяются по взаимному согласию, не спрашивая воли родителей.

— Если предусмотрен такой брак и я сама себе госпожа, то я готова, ибо ты овладел моим сердцем, — сказала Шакунтала, потупившись. — Но при этом ты, господин, должен выполнить мое условие.

— Какое же это условие? — поинтересовался Духшанта.

— Мой будущий сын должен стать твоим наследником

— Я согласен, — произнес царь, не раздумывая — Конечно же, я приеду за тобой и увезу тебя в столицу вместе с сыном

С этими словами он жадно схватил ее за руку и увлек в чашу, чтобы сочетаться с нею как с женой

Через несколько дней Духшанта усекал, и Шакунтала осталась одна. Когда же вернулся Канва, она от стыда не вышла ему навстречу, и праведник, будучи человеком проницательным, догадался, что происходит в ее душе

— Кажется, ты соединилась с мужем без моего ведома? — сказал он ей — Но это не нарушает закона даже если брак был заключен без всяких обрядов. К тому же я уверен, что человек, избравший тебя, наделен многими достоинствами, и у тебя от него родится благородный сын

— Это так! — обрадовалась Шакунтала — Ты снял с меня тяжесть. А избрал меня царь Духшанта, лучший из мужей

В назначенное время Шакунтала родила младенца, наделенного необыкновенной силой. Еще будучи трехлетним, он обладал блеском, подобным огню, шестилетним обрел власть над дикими животными и, укрощая их, то ездил на них верхом, то играл с ними, как со сверстниками. И те, кому привелось видеть его восседающим на вепре или на тигре, называли его Сарвадамана

Наблюдая за силой и сообразительностью ребенка, отшельник сказал Шакунтале

— Время показать мальчика отцу. Да и тебе пора соединиться с царем, ибо долгое пребывание женщины у своих близких бросает тень на ее нравственность

В тот же день Шакунтала, сияющая, в ожерелье из ракушек, вместе со своим лотосоглазым сыном и в сопровождении учеников Канвы отправилась в столицу. Когда ее с мальчиком допустили к Духшанте, она сказала

— Вот твой сын, мой господин. Согласно данному тобою обещанию он должен быть помазан на царство

— Я вижу тебя впервые, негодная отшельница — возмутился царь — Вон отсюда!

При этих словах благородная женщина едва не лишилась сознания. Собравшись с силами, с лицом, покрасневшим от волнения и гнева, со вздрагивающими губами, она взглянула на царя в упор

— Так ты меня не узнаешь? — произнесла она — Но ведь сердце твое должно меня помнить! Должен помнить тот, кто обитает внутри тебя. Меня не забыли солнце и месяц, небо и земля, день и ночь, обе зари, которые видели, как ты меня любил

— Я что-то припоминаю, — проговорил царь — Да ты же Шакунтала, рожденная презренной утробой от матери, бросив-

шей тебя, подобно сладкоголосой кукушке! И кто после этого поверит твоим словам?

— Я уйду, — прошептала Шакунтала дрогнувшим голосом, — но из этого мира в назначенное время удалишься и ты. И я знаю, что после этого всей землей в пределах четырех морей будет править мой мальчик.

Прошло совсем немного времени, и однажды Духшанта услышал с неба голос.

— Ты — родитель этого младенца, о Духшанта! Женщина сказала правду. Воспитай сына во дворце. И пусть ему будет имя Бхарата [1]. Сын, производящий потомство, о владыка людей, спасает предков от обиталища Ямы.

И послал царь за Шакунталой. Когда же та вернулась, он сказал:

— Я не мог тебя признать, ибо брак мой, заключенный с тобой, был тайный, и подданные могли подумать, что связь эта была случайной. Царь же не должен совершать непродуманных поступков и произносить необдуманных слов. Но после твоего ухода я услышал голос с неба, объяснивший мне мою неправоту. Вместе со мной этот голос слышали многие. Поэтому ты прости меня, большеглазая, за все, что я сказал тебе, желая не уронить своего достоинства.

Подойдя к мальчику, царь поцеловал его в голову, испытыв высшую радость от прикосновения к сыну. А затем помазал сына Шакунталы наследником престола.

И покатилося колесо судьбы Бхараты, блистательное и дивное, наполняя своим блеском и звучанием весь мир. Взяв в руки после смерти отца бразды правления, сын Шакунталы подчинил своей власти всех царей и, следуя лучшим примерам, достиг высшей славы. За исполнением им положенных царю жертвоприношений следил сам Канва. И другие цари после Бхараты приняли его имя и стали называться Бхаратами, и он дал свое имя стране, лежащей в центре вселенной.

1 Бхарата (досл. «воспитанный») — родоначальник знаменитого рода, истории которого посвящена «Мхабхарата», согласно поздним представлениям, царь эпохи критаяуги, отказавшийся от власти ради отшельничества.

День любви

Не было среди мудрецов благочестивее Канду, избравшего местом своего подвижничества берег реки Гомати. Наблюдая за ним с небес, Индра преисполнился страха, опасаясь, как бы Канду не превзошел его своим могуществом, и отправил к нему прелестную апсару Прамлочу. И обвилась она вокруг него, как лиана вокруг дерева, выпивая мед из его уст. Сто лет он про-

жил в дивной местности под горою Мандарой, не помышляя ни о чем, кроме как о наслаждениях. Когда кончился срок, на который была отпущена с небес Прамлоча, он уговорил ее остаться еще. По прошествии следующего столетия Прамлоча сказала возлюбленному «Я уйду!» Но он еще раз попросил ее остаться. Это повторялось много раз, любовь Канду к Прамлоче не убывала, а возрастала, и она все не решалась от него уйти.

Но однажды она увидела, что он чем-то озабочен. Внезапно Канду покинул хижину и отправился к месту своего подвижничества.

— Что с тобой? — спросила апсара.

— День клонится к закату — ответил Канду — Надо совершить молитву.

— О каком дне ты говоришь? — удивилась Прамлоча.

— Но ведь мы встретились с тобой на рассвете, а теперь приближается вечер.

Увидев на лице возлюбленной улыбку, Канду спросил:

— Чем я тебя насмешил? Разве я встретился с тобою днем?

— На рассвете, — ответила Прамлоча — Но с тех пор прошло много сотен лет.

— Не может быть! — отозвался отшельник — Я не люблю, когда меня обманывают. Я прекрасно помню, как я молился, стоя на одной ноге и увидев тебя, был поражен твоей красотой.

— Я бы не посмела тебя обмануть! — сказала апсара — Вот, смотри.

И она показала ему свои пометки, длинные и короткие линии, обозначающие столетия, годы, месяцы и дни.

Убедившись, что со времени их встречи прошло девятьсот семь лет, шесть месяцев и три дня, Канду стал рвать на себе волосы.

— Позор мне! Я нарушил свой обет. У меня похищено сокровище знания и благочестия. Все эти годы промчались как один день. Кама лишил меня разума по чьему-то наущению, когда я почти достиг вершины подвижничества.

Повернувшись к красавице, Канду сказал:

— Убирайся прочь с моих глаз, лукавая чаровница!

Увидев, как погрузтело лицо апсары, отшельник продолжил:

— Не бойся! Я не обращаю тебя в пепел. Вина лежит на мне одном, ты же исполняла чью-то волю.

Пока он это говорил, Прамлоча стояла, дрожа от обиды и страха. Лицо ее покрылось потом. Когда же Канду произнес «Прочь!», она взлетела в воздух к вершинам лесных великанов, чтобы оттереть их листьями лицо и тело. Каплями пота, собранными лесным ветерком и взлелеянными лучами Сомы, вышла из тела Прамлочи прекрасная дева, вобравшее в себя красоту почти тысячелетней любви. Дано было ребенку имя Маричи [1]. Она

стала супругой десяти могучих царевичей, прозванных Прачутасами («Мудрыми») после того, как они, предаваясь подвижничеству, провели на дне океана десять тысяч лет [2]

1 Маричи, «мерцающий огонек», звезда из созвездия Большой медведицы

2 Прачутасы погрузились на дно океана для молитв об увеличении рода человеческого и вернулись на землю после того, как Вишну обещал им выполнить их пожелание. От брака десяти царевичей с Маричи родился Дакша, который иногда отождествляется с Праджапати

Пандавы и кауравы

Посланник войны

*В жизни все подвластно вечной Рите
Путь людей и звезд круговорот
От великой матери Агити
И забава даже не уйдет
Скачет мяч налево и направо
От детей, беспечных игроков
Чтобы вскоре стать звездой кровавой
Превратить Пандавов, Кауравов,
Мальчиков и братьев — во врагов*

Пандавы и Кауравы росли вместе, проводя время в играх, состязаясь в быстроте бега, в прыжках по клеткам, в поднимании пыли босыми пятками. Как-то Бхишма подарил им прекрасно выточенный мяч из дерева ашоки, и они стали его гонять на лугу за городскими стенами. Уставая, дети отдыхали у колодца, омывая разгоряченные щеки водой. Но дед, опасаясь, как бы внуки не попали в колодец, запретил им туда подходить и приказал унести деревянную бадейку, которой они черпали воду.

И надо же было мячу попасть в колодец! Братья окружили его и, наклонившись над краями, посмотрели вниз. Мяч прыгал на колеблющихся отражениях их лиц.

В это время послышался конский топот. Со стороны леса приближался всадник на вороном коне. Приблизившись, всадник спешил и, ведя коня на поводу, подошел к погрузневшим де-

тям, взглянул в колодец и поняв причину их огорчения, сказал с пренебрежением

— Тыфу, будущие кшатрии, на вашу ловкость! Будучи потомками Бхараты, овладевшего миром, вы даже не можете выручить самое малое подобие мира — простой мяч

Проговорив это, он вытащил из ножен меч и срезал им у себя под ногами пучок травы. Затем он проткнул лезвие меча одной травинкой, привязал к ней другую третью и сплел некое подобие вороньего гнезда. Привязав его к мечу и запустив в колодец, он вытащил мяч.

Несколько мгновений мальчики не могли прийти в себя от удивления, а потом бросились к незнакомцу, окружили его и стали наперебой спрашивать, как ему удалось проткнуть травинкой металл.

— Это нехитрое дело, — отозвался кудесник. — Я совершил над мечом заклинание.

И тогда старший из пяти мальчиков, близко державшихся друг к другу, сказал:

— Мы преклоняемся перед тобою, брахман. Назови себя и скажи, чем мы можем быть тебе полезны.

— Пока ничем, — ответил незнакомец, улыбаясь. — Впрочем, — он обратил лицо к только что говорившему мальчику, — сбегай в город. Опиши своему деду Бхишме мою внешность. Он, наделенный великим умом, должен вспомнить мое имя. Если вспомнит, вернешься за мной.

В город побежали все дети, а незнакомец, сев на край колодца, стал наблюдать за пасшимся конем.

Прошло немного времени, и из города вернулся мальчик-посланец.

— О, Дрона! — обратился он к спасителю мяча. — Мой дед приветствует тебя и просит пожаловать в свои покои.

И вот Дрона и Бхишма беседуют, разглядывая друг друга.

— Моему внуку Юдхиштхире не пришлось описывать твою внешность. Едва он, захлебываясь от восторга, рассказал о мяче, как я понял, что это ты. Никто другой на такое не способен. Но я давно не слышал о тебе.

— Несколько лет я вместе с царевичем Панчалой изучал военное искусство у великого знатока оружия Агнивешьи.

— Об этом я слышал от самого Агнивешьи, — вставил Бхишма. — Он мне и рассказал о твоих успехах, уверяя, что ты не уступишь царевичу Дхриштадьумне, родившемуся из пламени в панцире.

— Потом, — продолжал Дрона, — я решил отправиться в странствие. Расставаясь со мною, друг мой Панчала сказал: «Как только я стану царем, я призову тебя, друг, и вручу царство в

управление. Мои богатства, мои подданные, мое войско будут в твоём распоряжении». Узнав через несколько лет, что Панчала принял власть, я пришел к нему вместе со многими другими добивавшимися встречи с царем, будучи первым среди этих людей. Он смотрел сквозь меня, как будто видел впервые. И тогда я не удержался: «О, тигр среди людей, — сказал я ему, — признай же во мне друга!» Он же, не выразив ни удивления, ни радости, ответил: «Неразумный! Великим царям неведома дружба, да и неученый брахман не друг ученому, воин не равен колесничему, тот, кто не царь, — не друг царю. О какой же ты говоришь дружбе?!» И я удалился...

— Правильно сделал! — воскликнул Бхишма. — Ты явился ко мне как посланник самого Сканды. Для моих внуков кончилось время игр. Пора им постигать искусство войны. И кто обучит ему лучше, чем ты?

— Я готов, — сказал Дрона.

С этого дня начали мальчики обучаться у Дроны владению ратными видами оружия и заодно божественным законам. Постигали тайны военного искусства все, но лишь в одном Арджуне Дрона увидел стрелка, который может стать ему равным. Не только днем, но и во мраке он научился различать по звуку тети-вы руку Арджуны так же, как по тронутой струне узнают выходящего музыканта.

Однажды Дрона сказал мальчику:

— Я уверен, что в мире не будет лучника, равного тебе, сынок.

Бхима волчебрюхий

Никто из мальчиков не мог превзойти умом и сообразительностью Юдхистхиру. Первым в стрельбе из лука был Арджуна, а самым сильным еще с младенчества Бхима. Ведь когда он упал с колен матери, то проломил детский тельцем скалу. Во время игр он хватал двоюродных братьев за головы и валил их на землю. Сотню сильных мальчиков и еще одного он побеждал без малейшего труда. Играя в воде, он обхватывал руками десять мальчиков и, погрузившись, сидел там, а затем отпускал их полумертвых. Поступал он так не по злему умыслу, и из-за своего ребячества имел много неприятностей.

Видя необычайную силу Бхимы, старший сын Дхритарашатры Дурьйодхана, далекий от справедливости и мечтавший о власти, решил устранить среднего из Пандавов. Был у Дурьйодханы дядя по матери, Шакуни, готовый помочь ему в любом дурном помысле и грязном деле. Шакуни знал необычайную прожорливость Бхимы и решил использовать эту его слабость.

Однажды Бхима и его братья отправились с Кауравами на царскую охоту. После охоты они стали играть на лугу у Ганги и сильно проголодались. Четырем Пандавам была предложена обильная пища, а Бхиме — со страшным ядом калакутой. Бхима немедленно проглотил все, что перед ним поставили, и свалился как мертвый. Его братья просто заснули. Они не видели, как злоумышленники опутали Бхиме руки и ноги лианами, а затем швырнули в реку.

В реке водилось много ядовитых змей. Увидев плывущее, словно бревно, тело с раздувшимся животом, змеи начали его кусать и жалить, но даже не могли прокусить кожу, только лишь пробудили Бхиму. Поняв, что у него связаны руки и ноги, он пришел в ярость, а в ярости Бхима был непобедим. Разорвав лианы, как будто это были прогнившие нитки, он набросился на змей и стал их уничтожать, словно они были в чем-то виноваты.

За избиением змей, оставаясь в безопасности, наблюдал их царь. Зрелище это позабавило царя-змея, и он приказал своему посланцу затащить храбреца в свой дворец на речном дне.

— Ты очень сильный человек, — похвалил змеиный царь Бхиму. — Мои подданные, вопреки моей воле, нападают на все живое, падающее в реку. Хорошо, что ты их проучил. В награду я дам тебе нечто, что сделает тебя самым сильным человеком в мире.

Он повел Бхиму в зал, где рядами стояли большие сосуды.

— Эти кувшины, — объяснил царь Бхиме, — наполнены специально изготовленным зельем. В каждом мощь в тысячу словновых сил.

Во время битвы со змеями Бхима невероятно устал и проголодался. Он подошел к кувшинам и стал их осушать один за другим. Опустошив все кувшины, Бхима свалился в богатырском сне. Пробудился он лишь через восемь дней, ощущая в себе невероятную силу. Поблагодарив царя змей, Бхима быстро зашагал в Хастинапур.

Братья, не знавшие, что с Бхимой, встретили его появление с ликованием. Дурьйодхана же, проведав о спасении Бхимы, был вне себя от злобы и ярости. Каким образом Бхиме удалось спастись? Кто ему помог? Не находя ответа на эти вопросы, он решил погубить всех братьев Пандавов.

Состязание

Никогда еще внутренний двор дворца Хастинапуры, столицы царства племени куру, не вмещал столько гостей. Они потянулись со всех концов Индии, привлеченные вестью о состязании славных лучников, царевичей Пандавов и Кауравов.

Были заполнены все четыре ряда скамей Хромой старец, появившийся позже других, тщетно обходил ряды в поисках свободного места

Внезапно прозвучал удар гонга, и из-за багрового полога, скрывавшего вход, вышла толпа царевичей — пятеро Пандавов и сто Кауравов, в одеяниях, украшенных золотом и драгоценными камнями Впереди всех шагал широкоплечий воин с высоким лбом мудреца Это был Дрона

Оглянувшись, Дрона окинул орлиным взглядом своих питомцев При виде шедшего первым взгляд могучего воина потеплел Арджуна был его любимцем Дрона обещал, что не будет в целом мире равного ему стрелка из лука, и выполнил свое слово Ведь все в столице знали о недавнем случае в лесу Арджуну облял какой-то пес, не иначе как соперник богов и враг людей свирепый ракшас, принявший обличье собаки Арджуна выпустил в пасть трясущегося от злобы зверя семь стрел — одну за другой И самое удивительное, что пес от этого не подох, а помчался в город со стрелами в пасти, словно бы для того, чтобы продемонстрировать необыкновенную меткость своего победителя О чудесах искусства Арджуны рассказывали по всей Индии, и большинство зрителей было привлечено на состязание именно ими

Гости шумно приветствовали Арджуну и его наставника Хромой старец, так и не отыскавший себе места, хлопал в ладоши неистовее других Но выкрикивал он нечто несообразное

— Слава царевичу Арджуне! Но пусть его победит сильнейший!

Этот странный выкрик стал поняген, когда из ряда зрителей выступил юноша и, подойдя к Дроне, сказал

— Я готов состязаться с Арджуной

Люди, вскочив с мест окружили незнакомца Он был в небогатом плаще, топорщившемся от скрытого под ним панциря Длинные черные волосы волнами ниспадали на могучие плечи Но они не могли скрыть золотых серег в ушах, сверкавших, как два маленьких солнца

— Ну и наглец! — послышались возмущенные голоса — Он посмел бросить вызов самому Арджуне!

— Сядь на место, — обратился Дрона к юноше — Ты, я вижу, простолюдин, а здесь только царевичи и знатные воины

— Но я искуснее Арджуны, — с достоинством возразил незнакомец, — и готов это доказать

— Откуда ты взялся? — возопил оскорбленный наставник царевичей — Кто ты такой?

Юноша отвесил Дроне низкий поклон

— Я — Карна

— Ну и что из того! — не успокаивался Дрона — Как бы тебя ни звали, ты не можешь быть искуснее того, о ком сказано, что не будет в мире стрелка лучше, чем он

— Прости меня, могучий воин, — юноша поклонился еще раз — Я не хотел тебя оскорбить Но ведь я не был твоим учеником, и ты не можешь сравнивать меня с Арджуной Победителя покажут не слова, а тетива

— Да, но ты не царевич, — вмешался в разговор Арджуна — По нашим законам с царевичем может состязаться лишь равный ему

Юноша опустил голову Против этого довода ему нечего было возразить Резко повернувшись, он зашагал к выходу

— Остановись! — послышался громовой голос Дурьйодханы, ненавистника Пандавов — Да, ты не царевич, но я тебя сделаю царем Слуги, передайте этому юноше корону Теперь ты, Карна, — царь Анги

Наступило замешательство Такого исхода спора никто не ожидал Между тем слуги почтительно надели на голову растерявшегося юноши золотую корону, но и она не смогла затмить блеска золотых серег

Первым молчание нарушил Дурьйодхана, обратившийся к Дроне

— Скажи, знающий законы, может ли теперь Карна состязаться с Арджуной?

— Теперь может, — отозвался Дрона

Арджуна, пожав плечами, вышел на линию, образованную вкопанными в землю белыми камнями Карна стал с ним рядом, выставив вперед правую ногу Слуги почтительно подали им одинаковые луки и колчаны со стрелами Стало так тихо, что слышно было трепетание крыльев бабочек, порхавших над зеленой луга И в это время, ковыляя, к Карне кинулся старец Прижимая голову юноши к своей груди, он проговорил

— Мой сын! Ранее, увидев тебя, я хотел крикнуть «Прочь! Тебе не следует тягаться с царевичами! Твоему роду подобает не меч, а кнут» Теперь же я горжусь тобой!

Голова Карны поникла от стыда, как увядающий лотос Ведь сыном назвал его сута Адхиратха, супруг воспитавшей его в сельской глуши приемной матери С ее слов Карна знал, что Адхиратха выловил его, младенца, в реке и принес в дом Уже тогда на нем был неснимаемый панцирь и золотые серьги в ушах Эти знаки благородного происхождения росли вместе с мальчиком, делая его неуязвимым Но ничто не помогло ему открыть тайну своего происхождения и найти родителей А теперь все знают, что он, Карна, сын простого возничего

Швырнув лук на землю, Карна бросился бежать. В открытом поле, утомившись, он остановился и увидел столб пыли, услышал шум шагов.

— Куда же ты несешься, повелитель Анги! — еще издали кричал Дурьйодхана.

И только тогда Карна поднял руку и нащупал на голове золотую корону, о которой забыл.

Приблизившись, Дурьйодхана спросил:

— А верно ли, что ты в стрельбе из лука искуснее Арджуны?

— Да, это так, — ответил Карна.

У Дурьйодханы глаза загорелись мрачным блеском.

— Нет! Ты не сын суты. Не может антилопа породить такого тигра, как ты, да еще вместе с серьгами и панцирем, подобными солнцу. Наш учитель Дрона родился из кувшина, в котором оказалось чье-то семя, и разве он кому-нибудь уступает? И ты не уступишь никому! Ты — кшатрий. Ты должен убить Арджуну и его братьев. После этого я стану царем Хастинапуры. Поклянись, что будешь моим другом и союзником.

Карна вскинул голову. Сурья стоял в зените, посылая на землю свои прямые, не дающие промаха золотые стрелы.

— Клянусь, — сказал юноша, протягивая руку.

И не признался Сурья, что он отец Карны. Не удержал его от вражды с братьями Пандавами.

Смоляной дом

Убедившись, что Бхима сильнее всех людей, а Арджуне нет в мире равного лучника, Дурьйодхана очень огорчился. Мучимый ревностью, он явился к царю и, убедившись, что тот один, сказал:

— О, отец! Горожане произносят недобрые речи. Пренебрегая тобою, они хотят, чтобы властителем стал кто-либо из Пандавов. Но ведь я твой первенец. Почему бы тебе не объявить меня своим наследником?

Помолчав несколько мгновений, царь повернул к сыну лицо. Взгляд его был неподвижен. Царь был слеп.

— Нет, сын мой, наследником трона, который я занимаю как опекун, должен быть старший сын моего покойного брата. К тому же Юдхиштира пришелся по душе простому люду.

Дурьйодхана яростно сверкнул глазами, но сумел не выдать своего раздражения.

— Пусть будет так. Но тогда, отец, выполни мою смиренную просьбу.

— Какую?

— Удали из столицы Пандавов, чтобы я мог за время их отсутствия добиться народного благоволения

— И куда ты предлагаешь их послать?

— В прекрасную Варанавату

Сказав сыну, что подумает, царь кивком головы дал ему понять, что тот может удалиться. И в этот же день, расспросив у придворных о Варанавате, призвал он к себе Пандавов и объявил им свою волю.

— Вам придется ненадолго покинуть столицу для участия в празднике вместе с жителями Варанаваты.

Братья переглянулись, поняв, что Дурьйодхана на этот раз сделал царя орудием своих козней и что дядя не догадывается о намерении своего негодяя-сына.

— И возьмите с собою мать — добавил царь — Кунти должна понравиться Варанавата.

Пока братья собирали все необходимое в дорогу, Дурьйодхана на готовился к осуществлению коварного замысла. Вызвав своего слугу Пунчану, он сказал:

— Немедленно отправляйся в Варанавату. Сооруди под городом в живописном месте летний дом для отдыха моих братьев Пандавов. Пусть он будет из красной смолы и всего другого, что хорошо горит. Но сделай так, чтобы смолы не было видно и чтобы не ощущался ее запах.

Пунчана понимающе закивал. Он сразу догадался, что Дурьйодхана хочет разом избавиться от Пандавов, чтобы занять отцовский трон.

Так вскоре на берегу реки близ Варанаваты появился большой дом с четырьмя богато обставленными залами. Его стены были из тростника и конопли, скрепленной смолой, обильно смешанной с топленным маслом, чтобы скрыть запах смолы.

Узнав о том, что смоляной дом построен, Дурьйодхана приказал запрячь в колесницы быстрых, как ветер, коней. На них вошли Пандавы, а Кауравы вышли их провожать.

— Да сопутствует вам, о потомки Панду, успех, — говорили они, и их умильные лица светились показной братской заботой.

Разумеется, и в столице, и в Варанавате, куда прибыли Пандавы, нашлись бесстрашные брахманы, которые высказывали беспокойство о судьбе юношей и уговаривали их не селиться во вновь отстроенном доме. Но старший из Пандавов, Юдхиштхира, которого называли царем справедливости, отвечал своим доброжелателям:

— Наш долг — исполнить волю царя, нашего высокочтимого наставника. Вы же друзья, возвращайтесь домой. Мы позовем вас, если будет нужда.

И горожане разошлись. Но Видура, родственник и царский советник, задержавшись, сказал Юдхиштхире:

— Остается в живых тот, кто проявляет осторожность. Не будь слепцом, не знающим пути, по которому идет.

Попрошавшись с Видурой и поблагодарив за совет, Пандавы вступили в дом. Там ожидал их стол с яствами и напитками, прекрасные ложа и мягкие кошмы. Были там и молчаливые слуги, исполнявшие малейшее желание гостей.

Прошло десять дней, и Юдхиштхира подозвал Бхиму и сказал:

— Мне кажется, что радость, дарованная нам в доме, названном «Счастливым», пахнет топленным маслом и смолой. Очевидно, стены дома построены из конопли, камыша и бамбука и пропитаны смолой и топленным маслом. Не затем ли, чтобы нас спалить?

— Так давай немедленно удалимся! — воскликнул Бхима.

— Не торопись, брат, — проговорил Юдхиштхира, наделенный мудростью. — Разумнее остаться, не подавая виду, что мы заподозрили неладное, и тайне готовиться к бегству. Ведь если Пунчана догадается о наших подозрениях, он немедленно подожжет дом. И даже если нам удастся из него выбраться, нас перебьют расставленные повсюду соглядатаи. Начнем же рыть с этой ночи подземный ход, о котором не должен знать никто из слуг и никто в городе.

Так братья и поступили. И с этого времени днем они охотились и веселились, а ночью по очереди рыли туннель.

Когда приблизилось время празднества, Видура тайно прислал к Пандавам своего друга, опытного землекопа, который и сообщил им, что коварный Пунчана подложит огонь к дверям дома в четырнадцатую ночь темной половины месяца, и предложил свою помощь. Рытье хода пошло намного быстрее, и за день до четырнадцатой ночи работа была завершена.

В полночь Пандавы сами подожгли дом и скрылись, засыпав за собою начало выводившего из дворца туннеля. В пламени сгорел и подлый Пунчана, собиравшийся сжечь доверчивых Пандавов.

Из-за прерванного сна и страха беглецы не могли идти быстро. Тогда Бхима, наделенный сверхчеловеческой силой, посадил на себя всех братьев и мать и двинулся с быстротой ветра, ломая деревья и взрывая ногами землю.

На заре перепуганные горожане пришли, чтобы спасти сыновей Панду. Заливая огонь, народ увидел, что дом был смоляной и что советник Пунчана сгорел. Затем в поисках Пандавов они стали разрывать пепел и увидели останки женщины и пяти мужчин, которых приняли за Кунти и ее сыновей. А на самом деле это была нищенка с пятью сыновьями. Она как раз накануне пожара была в доме с группой нищих, пришедших за подаянием.

Другие ушли, а она и ее сыновья, напившись хмельного, заснули и погибли безвинно. Народ же решил, что сторели герои вместе с матерью, оказал им подобающие почести и уведомил об их гибели царя.

И погрузилась столица в траур. На улицах и в домах были погашены светильники. Все, знавшие Пандавов, предались скорби. Лишь в одном из помещений дворца Кауравы во главе с Дурьодханой за пиршественным столом шумно отмечали свой успех. Теперь, после смерти Дхритараштры, трон должен был перейти к ним.

В дремучем лесу

Пандавы вместе с матерью вышли на берег реки, освещавшимся лишь заревом плававшего вдали смоляного дома. Немного пройдя, беглецы увидели спрятанную в кустах лодку с лодочником. Поприветствовав идущих, тот объявил, что готов по приказанию Видуры перевезти их на противоположный берег.

Так они вступили в места, изобилующие птицами и зверями. Но там было мало воды. Тогда Бхима, спустив мать и братьев на землю, сказал:

— Отдохните, а я поищу воды. Слышите криканье уток? А где утки, там и вода!

По крику уток Бхима нашел озеро. Искупавшись и напившись, он принес воду в своем верхнем платье. Мать и братья тем временем заснули на голой земле. Бхима, прислонившись спиной к дереву, стал охранять их сон.

Неподалеку от места, где остановились Пандавы, обитал на дереве свирепый ракшас, безобразный и страшный. Втянув ноздрями воздух, он уловил сладкий запах человечины и, зевая огромным ртом, обратился к своей такой же страшной по виду сестрице:

— Взгляни, как у меня текут слюнки и восемь моих зубов обнажены? Вскоре они вопьются в нежную человеческую плоть, и в горло потечет свежая кровь. Иди же, сестрица, узнай, кто к нам пожаловал. Убей всех людишек и притащи их тела ко мне. Мы устроим пир, какого давно уже не было.

Ракшаска отправилась по указанной дороге и вскоре обнаружила спящих на земле людей и одного их охраняющего. При виде Бхимы чувство голода сменилось вожделением. «Этот человек, — подумала ракшаска, страстная и необузданная, как слониха, — не имеет себе равных по мужской силе. Он был бы мне подходящим супругом. От живого мужчины больше толку, чем от мертвого».

Ракшаска приняла прекрасный женский облик и, дрожа от нетерпения, приблизилась к Бхиме

— Меня послал брат, которому захотелось отведать вашего мяса, — проговорила она, скромно опустив голову — Но при взгляде на тебя мною овладело неодолимое желание Возжелай же и ты меня! Мы поселимся одни в неприступных горах и будем жить под благосклонным оком того, кто пронзил своей стрелой мое тело и душу

Бхима оглядел ракшаску с ног до головы, удовлетворенно хмыкнул и сказал приблизившись

— Не болтай! Я не оставляю моих братьев и мать Иди ко мне Чем это место плохо для любви?

Между тем людоед, видя, что сестра долго не возвращается, забеспокоился и спустился с дерева Услышав, как он продирается сквозь чащу, ракшаска вырвалась из объятий Бхимы с криком «Сюда приближается мой старший брат! Скорее, о укротитель врагов, разбуди своих близких! Я захвачу вас всех и унесу по воздуху в безопасное место»

— Не беспокойся, милая, — промурлыкал Бхима — Ведь ты меня назвала укротителем врагов Мне некого бояться! Взгляни на мои руки, подобные слоновьему хоботу, на мои ноги, мощные, как бревна, на мою несокрушимую грудь Я рад возможности показать тебе мою силу, равную мощи Индры Не презирай меня за то, что я человек

— Я и не думаю презирать тебя, о тигр среди мужей Но мне страшно за тебя, ибо я знаю, как ракшасы расправляются с людьми

Людоед, выйдя на поляну, увидел свою сестру в человеческом облике, с раскрасневшимся лицом, похожим на Сому в полнолуние, с головой, увенчанной гирляндой цветов Поняв, в чем дело, он испустил вопль

— Горе тебе, нечестивая! Ты предала славный род ракшасов, прельстившись тем, кого я намеревался сожрать Я истреблю и тебя!

С этими словами он кинулся на сестру, но был остановлен грозным окриком Бхимы

— Остановись!

Раздвинув могучие руки, Бхима приближался к людоеду со словами

— К женщине должно относиться с уважением, скотина Твоя прекрасная сестра никого не позорит Она во власти Камы, пребывающего повсюду и благосклонного к каждому, кто готов соединиться в любви с другим Препятствуя мне, ты нанес Каме величайшую обиду, и я знаю, что он мне поможет отправить тебя в царство Ямы и освободить лес от страха

Слыша это, людоед в ярости протянул к Бхиме свою страшную лапу, но укротитель врагов быстрым движением схватил ее и поволок ракшаса, как лев зайца или еще какую жалкую гварь, подальше от места, где сладко дремали мать и братья, чтобы им не помешал шум боя. А шум поднялся страшный. Бросаясь друг на друга, Бхима и ракшас ломали огромные деревья и рвали опутавшие их лианы, словно гнилые нити. Несмотря на далекое расстояние братья слышали рев и грохот и проснулись.

Определив по шуму, где находится брат, устремился к нему на помощь Арджуна. Но не понадобилась Бхиме ничья помощь. Пылая гневом, он схватил ракшаса и с силой швырнул его на землю. Людоед испустил ужасающий рев. И пока он еще не успел опомниться от страшного удара, Бхима поднял врага и переломил пополам на своем колене.

Горячо поздравив брата с победой, Арджуна сказал:

— А теперь удалимся отсюда. Как бы шум и рев слышные издалека, не выдали нас Кауравам.

У вод Ганги

Они шли, пересекая один лес за другим, убивая для прокормления множество животных. Отпустив косы и бороды, облачившись в шкуры антилоп и лыко, они обрели вид отшельников. Неся для быстроты мать на руках, братья стремительно двигались на север, пока не достигли запруды Сомашраваяны на Ганге. Там в сладчайших водах, в уединенном месте проводил время в забавах со своими женами надменный царь гандхаров Ангарапарна. Потревоженный шумом хрустящих веток, владыка разгневался. Схватив лук, он натянул его, направил стрелу на идущих и сказал:

— Держитесь отсюда подальше. Это я, Ангарапарна, нахожусь в водах реки. И этот лес, где я обитаю, тоже называется Ангарапарной. Я сам могуч и помимо того пользуюсь дружбой владыки Севера Куберы. Поэтому сюда не решается подойти ни зверь, ни человек, ни бог.

— Ганга, — ответил Арджуна, — создана не для тебя одного. Река, истекающая из золотой вершины Хималая, протекающая как на небесах, так и на земле и текущая в Океан, не терпит преград. Кто же тебе позволил помешать нам коснуться священных вод!

Услышав это, Ангарапарна выпустил стрелу за стрелой, сверкающие, как змеи. Но Арджуна, проворно размахивая факелом и действуя луком, их с легкостью отразил.

— Вот видишь, — проговорил Арджуна наставительно, — Примененное тобою средство не причинило нам вреда. Я знаю,

что вы, гандхарвы, превосходите нас, людей, силой, поэтому я применю против тебя божественный огонь

И выпустил Арджуна огненную стрелу Она сожгла колесницу Ангарапарны, а самого его низвергла на землю И притащил Арджуна своего противника, оглушенного и едва живого, за волосы к братьям Но одна из жен гандхарвы взмолилась

— Отпусти моего супруга Я прибегаю к твоей защите, о господин

— Женщина права, — проговорил Юдхиштхира — Кто убьет врага, нашедшего защитника в жене, недостоин славы Отпусти гандхарву

— Забирай свое тело и удались, — обратился Арджуна к пришедшему в себя царю — Слышишь, дарит тебе безопасность Юдхиштхира, наш вождь

— Заслуживает счастья тот, кто щадит побежденного, — сказал гандхарва — Я не останусь в долгу Моим откупом будут кони с дивным запахом, быстрые, как мысль, по сто коней каждому из вас Они могут менять свою масть и быстроту бега по желанию Вдобавок к ним возьмите и мою дружбу

— Принимаем твой дар, — отозвался Арджуна — Но возьмем мы его лишь тогда, когда он нам потребуется

Сваямвара

*Лесным отрезаны пожаром
Дороги к царству не найти,
Но остается сваямвара
И свахою стрела летит*

Выйдя из леса, братья оказались на дороге в толпе торопливо идущих брахманов Один из них обратился к юношам с вопросом

— Кто вы и куда идете?

— Мы братья, — ответил Юдхиштхира за всех — Идем мы с нашей родительницей куда глаза глядят и, как и вы, кормимся тем, что подают

— Тогда поспешите ко двору царя Друплады, — сказал брахман — Там состоится большой праздник, и посетившие его получат много добра У царя на выданье Драупади, найденная им на алтаре и удочеренная Лотосоподобная, дивнословенная, она нежна и разумна Она сестра доблестного Дхриштадьумны, знатока оружия, могучего противника Дроны, не уступающего ему ни в чем Этот Дхриштадьумна, как уверяют, родившийся из пылающего огня в панцире, с мечом, луком и стрелами в руках, выдает замуж свою сестру, которую мечтают иметь женой цари и царевичи

— О, мы пойдем с вами, брахманы! — радостно воскликнул Юдхиштхира — Даже если нам ничего не достанется из царских даров, мы полюбуемся красавицей, которую ты прекрасно описал

Так они вместе с брахманами достигли столицы Драупады, где поселились у городских ворот, в доме горшечника Веда свойственный своей варне образ жизни, они стали просить подаяние у всех входящих в город

И вот прогудели раковины, возвещая начало сваямвары Горожане и гости заполнили луг к северо-востоку от города Он был окружен со всех сторон домами, защищен стенами и рвами, покрыт сверху пестрым балдахином Наполненный благоуханием алоэ, луг окроплялся сандаловой водой и был украшен гирляндами цветов В центре находился видимый со всех сторон помост На него вступила Драупада, с телом освеженным купанием, в прекрасном одеянии, неся золотой, удивительно украшенный сосуд Следуя ритуалу сваямвары, домашний брахман совершил жертвоприношение огню, возлияние топленным маслом, после чего произнес «Сваха!»

И замолкли сотни оркестров На помост поднялся могучий Дхриштадьумна Голосом, глубоким, как облако, произнес он прекрасные, наполненные высоким смыслом слова

— Взгляните на этот луг, кшатрии, и на эту мишень из пяти колец Кто, обладая высоким происхождением, прекрасной внешностью и силой, пронзит их пятью стрелами, тому станет супругой моя сестра

Затем появился сам Друпادا и стал называть происхождение и заслуги явившихся на праздник царей, могучих героев, благородных воинов Все дивились памяти царя, удержавшей столько имен Когда же толпа нетерпеливо заволновалась, Друпادا обратился к дочери с такими словами

— Эти и многие другие владыки различных народов, славные не только в своих землях воины, собрались, милая, ради тебя Они будут метиться в эту цель, думая о тебе Из тех, кто ее поразит, ты сегодня же должна будешь избрать себе супруга

И стали подниматься на помост юные мужи, высокомерно гордясь своим оружием и силой Бросая друг на друга ревнивые взгляды, они подбадривали себя возгласами

— Драупада будет моей!

Сверху на них, не отрываясь, взирали боги, привлеченные невиданным зрелищем

По очереди цари подходили к луку, пытаясь его натянуть Некоторые были сразу отброшены его тетивой и лежали на земле, приходя в чувство Другие отделались легкими ушибами, разбитыми браслетами, сломанными серьгами Никому не удалось натянуть тугой тетивы

— Неужто принцесса останется незамужней? — спрашивали друг друга в толпе

Все взоры обратились к царю Поднявшись, Друпادا объявил во всеуслышание

— Цари и царевичи не смогли выполнить условия сваямвары Не хочет ли испытать свои силы кто-либо из народа? Награда та же — моя дочь

И тогда вперед выступил Арджуна в одеянии брахмана Среди кшатриев, окружавших помост, раздался ропот

— Не пристало брахману испытывать оружие Да и какой дерзостью надо обладать, чтобы взяться за то, перед чем спасовали цари и царевичи!

Неохотно расступились кшатрии, пропуская Арджуну к помосту Он же словно дразня царей не сразу поднял лук Сначала замер перед ним, как уте Затем, играючи, стал совершать круг слева направо В момент обхода он внезапно схватил лук, наложил на него стрелу и пустил в мишень Стрела пролетела через все пять колец За ней последовали еще четыре стрелы И в это же мгновение на голову победителя восхищенные боги обрушили ливень цветов Люди срывали с себя одежды и размахивали ими, как стягами Грохот барабанов заглушил людские голоса

Но вот все замерло и стихло Драупади с гирляндой цветов в руках, склонив голову, двинулась навстречу жениху В это время раздался шум Соперники Арджуны, пылая гневом, вопили, показывая на одеяние Арджуны

— Нельзя нарушать веды! У брахмана нет права на сваямвару! Если дева не пожелает выбрать кого-либо из нас, мы отдадим ее огню

Слов показалось мало Многие бросились с оружием на Друпadu и избранника его дочери Но Бхима, вырвав из земли дерево и мгновенно очистив его от ветвей и листьев, преградил царям дорогу И тут всем стало ясно, что защитник счастливца — не кто иной, как Бхима Волчебрюхий Ведь никому другому не удалось бы вырвать дерево из земли, как тростинку Значит, счастливчик — брат Бхимы Арджуна и где-то в толпе еще три брата Но кое-кого это не испугало, и несколько человек преградило Арджуне дорогу Их возглавил Карна Но Бхима отбил нападение

Друпادا, узнав, кто оказался женихом его дочери, был счастлив сверх меры Он пригласил Пандавов и их мать во дворец Наконец-то они смогли отдохнуть после долгих скитаний Но их отдых показался Друпаде чрезмерно долгим И представ перед Пандавами, царь сказал

— Пусть же могучерукий Арджуна возьмет сегодня на ложе мою дочь, ибо это день, благоприятный для зачатия

К удивлению царя вперед выступил Юдхиштира

— Но ты, владыка народов, забыл обо мне Мне тоже пора жениться.

— Тогда возьми и ты мою дочь на свое ложе Я не против, — отозвался царь

— Ты меня не понял, — проговорил Юдиштхира, почтительно склонившись — Драупади будет супругой не одному Арджуне и мне, но всем нам поочередно Так было заранее решено нашей матерью Таков и наш уговор

— Мне это тоже было предсказано в вещах снов, — сказала Драупади

Царский совет

Лазутчики Дурьйодханы сообщили ему, что Пандавы не только живы, но и породнились с Драупадой, могущественнейшим из царей Во дворце Хастинапуры сразу же был собран Большой совет, на который явились союзники Кауравов

В глубоком молчании было выслушано сообщение о том, что Пандавы, выйдя из леса, в котором скрывались в неизвестности несколько лет, в состязании за руку дочери Драупады взяли над всеми верх и стали ее мужьями, что в их распоряжении половина царства панчалов и что в пустынной местности, на реке Ямуне они начали строить столицу Индрапрастху

— Надо немедленно напасть на Пандавов, — предложил отважный Карна, как только Дурьйодхана кончил говорить — Ведь они, собирая мед Камы, не готовы к сражению

— Я это поддерживаю, — произнес Дурьйодхана

— А я нет, — горячо возразил Бхишма, сидевший по правую руку от слепого царя — Никто из вас, надеюсь, не заподозрил меня в трусости или неопытности Никому еще не удавалось одолеть меня в честном бою Но поверьте мне Пандавов нельзя победить К тому же я счастлив, что живы и они, и их благородная мать Кунти Прекрасно, что Пунчана не исполнил своего злобно-го намерения и не спалил их в смоляном доме

— Я согласен с Бхишмой, — сказал Дрона — Пусть к Драупаде отправится гонец и объявит Пандавам, что ты, о царь и Дурьйодхана счастливы, узнав, что они живы, и поздравит их с женитьбой Пусть восторжествует справедливость

— Да! Да! — подхватил Видура — Пусть восторжествует справедливость Но для этого Пандавов надо пригласить в Хастинапуру и разделить царство между ними и Кауравами

— Подумай, что ты говоришь! — выкрикнул Дурьйодхана, не дав Видуре закончить мысль

— Видура прав, — сказал до этого молчавший слепой царь — Раздел царства восстановит мир Могучие Пандавы, воины, сра-

жающиеся на колесницах, согласно закону и мои сыновья. Царство, доставшееся мне после смерти брата, принадлежит как моим сыновьям, так и Пандавам. Ступай же, Видура, и объяви Пандавам, что я отдаю под их власть западную часть моего царства.

Посольство

В то утро Друпادا, сидя на золотом троне, принимал посла Хастинапуры. По обе стороны стояли сыновья и советники царя в парадных одеяниях и среди них царские зятья Пандавы.

Почтительно сложив ладони и приложив их ко лбу, Видура осведомился о здоровье царя.

— Я здравствую! — сказал царь, отвечая на приветствие. — А как твоё здоровье, благородный вестник? Не трудна ли была для тебя дорога?

— Я здоров, — отвечал Видура. — Дороги в твоём царстве прекрасны и хорошо охраняемы.

После этого обмена приветствиями Видура подошел к Пандавам и обнял каждого из них, соблюдая старшинство.

— Как ваше здоровье, о сыновья Панду? — обратился он к ним.

— Мы здоровы! — ответили Пандавы все разом.

— Счастливы ли вы? — еще раз спросил посол.

— Да, мы счастливы! — ответили Пандавы.

После этого Видура дал знак посольским слугам, и те тотчас же поставили перед ним сундук из благовонного дерева. Видура поднял крышку. Зал наполнился блеском драгоценных камней. Доставая свадебные дары, посол объяснил, что они переданы Кауравами для Пандавов, для их благородной матери, для супругов Драупади, для сыновей Друпады.

После этой церемонии, которой, казалось, не будет конца, ибо многочисленны были дары, посол обратился к Друпаде:

— Слушай, о царь, мою речь. Владыка Хастинапуры вместе со своими сыновьями, советниками и друзьями многократно интересовал твоим здоровьем. И он весьма доволен родством с тобою, о владыка людей. О твоём здоровье спрашивал также мудрый Бхишма вместе со всеми Кауравами. Также и Дрона, могучий стрелок из лука, передал, что он обнимает тебя и желает здоровья. Кауравы жаждут увидеть сыновей Панду и прекрасную Драупади. Быть может, и Пандавы будут рады увидеть со временем свой город, где провели детство и юность, и показать его Драупади? Поэтому разреши Дурьйодхане и его братьям посетить своих братьев в Индрапрастхе первыми. В этом цель моего посольства, о царь. Если ты согласишься, я отправлю в Хастинапуру скороходов.

— Я разрешаю, — сказал Друпادا.

Индрапрастха

Вновь построенный в восточных владениях Друпады на священном и благоприятном месте город Индрапрастха был во всем подобен городам богов на небесах. Защищенный рвом, подобным морю, стеною, простирающейся до небес, разнообразными и крепкими воротами, он распространял блеск на весь мир. И как громадное скопление облаков, пронизанное молниями, сверкал там на прекрасном и благоприятном месте дворец, подобный жилищу владыки сокровищ Куберы. И жили в нем пятеро Пандавов, мощных стрелков из лука, со своей супругой Драупади в великом счастье.

И не было им одиноко. К дворцу, прочно стоящему на семи опорах, стремился весь мир. Туда стекались лучшие из знающих веды и знатоки всех языков, купцы с товарами надеялись найти покупателя, цари с дарами шли в надежде заключить союз, юноши направлялись за мудростью, нищие за подаванием, а кто приходил и просто полюбоваться на небесную красоту.

Никому не было отказа. Ибо старший из Пандавов мог насытить десять тысяч брахманов рисом, сваренным на молоке и сдобренным топленным маслом, одарить неносенными одеждами, дать каждому по тысяче коров. Не поэтому ли, входя во дворец, брахманы восклицали: «Счастлив этот день!»

Царя, царственных гостей, бесчисленных мудрецов, восседающих вместе с Пандавами, увеселяли силачи, плясуны, сказители и певцы, девы, искусные в плясках и музыке. Все они распевали дивными голосами, улаждая слух Пандавов и их гостей. Мужичи, строгие в обете и вере, прислуживали Юдхиштхире, подобно тому как на небе боги прислуживают Брахме.

ВЫЗОВ

Однажды дворец посетил Дурьюодхана вместе со своим дядей Шакуни. Подойдя к хрустальному кругу в центре дворца, Дурьюодхана принял его за пруд и стал раздеваться для омовения. Слуги ему указали на ошибку. В другом месте дворца он набрел на пруд с кристально чистой водой. Приняв его за хрусталь, он сделал шаг и провалился по горло в воду. Юдхиштхира приказал дать ему новую одежду. Но слуги не могли удержаться от смеха. Этого злопамятный Дурьюодхана не мог простить Пандавам, решив, что над ним издевались.

Возвращаясь домой, он все время тяжело вздыхал.

— Чем ты взволнован, царь? — спросил Шакуни.

— Ты еще спрашиваешь! — воскликнул Дурьйодхана. — Есть ли в трех мирах бессмертный или смертный, чье сердце не содрогнется при зрелище преуспевания недруга? Пандавы владеют всей землей. Они процветают, как лотосы в воде!

— Не огорчайся, царь, — сказал Шакуни. — Ведь твои братья — могучие воины. Нет равных им в битве на колесницах. На твоей стороне Дрона, меткий стрелок из лука Карна, да и я вместе с моими братьями. Объединившись с такими союзниками, ты покоришь весь мир.

— Да, это так, — согласился Дурьйодхана. — Но если бы можно было сделать, чтобы я и те, кто со мной, ничем не рисковали...

— У меня есть план... — отозвался хитрец. — Старший сын Кунти — большой охотник до игры в кости, но секретами ее не владеет. Мне же нет равного в этой игре во всех трех мирах. Поэтому вызови Юдхиштхиру на игру в кости, а играть вместо тебя буду я. Тогда без всякого риска царство Пандавов и все их богатство окажется у тебя!

— Твой план превосходен! — воскликнул Дурьйодхана. — Мы отдаем наше счастье в твои руки.

О намерениях Дурьйодханы вступить в игру узнал Видура. Он обратился к Юдхиштхире со следующими словами:

— Игра в кости — корень несчастий, особенно, если в ней участвуют такие люди, как Шакуни, постигший тайну игральных костей и обладающий большой ловкостью рук.

— Ты прав, — ответил Юдхиштхира. — Но ведь все находится во власти судьбы. Конечно, у меня нет охоты играть с Шакуни. Но как быть, если он бросит мне вызов? Я же не смогу отказаться, дабы не уронить своего достоинства.

Игра

Манят они, как мед пчелу.

Рук не имеют, а тащат к столу.

Жгут, хотя как лед холодны.

Любям на горе они даны.

Индийская загадка

И вот пришло время игры. В столицу Кауравов прибыли Пандавы и были отведены в предназначенные им дома. Исполнив ежедневные обряды и умастив тела дивным сандалом, насытившись вкусной пищей, они прошли в свои покои и под сладостные звуки женского пения погрузились в сон.

Приятно проведя ночь, они вошли в прекрасный дворец, где уже собралось много людей. По жадному блеску их глаз и трясущимся рукам было видно, что они из той человеческой породы, имя которой — игроки.

У Шакуни руки не тряслись. Твердым был и его взгляд. Обращаясь к Юдхиштхира, он сказал:

— Зал собраний полон, о царь! Эти люди ожидают мгновенья, чтобы испытать счастье. Так пусть же будут брошены кости!

— Я сам люблю эту игру, — сказал старший из Пандавов, — но игра должна быть честной.

— На это наши глаза, — ответил Шакуни, — ведь каждый может наблюдать за игрой, каждый знает ее правила. Так не бойся же, делай ставку!

— Вот моя ставка! — воскликнул Юдхиштхира. — Бесценный жемчуг, добытый тогда, когда боги взбывали океан, чтобы получить амриту. А что ставишь ты?

— Ставить буду я! — перебил Дурьйодхана. — И у меня есть драгоценные камни. Вот моя ставка.

Тогда Шакуни, знаток игры, взял кости и бросил их.

— Выиграл, — сказал он.

— Не гордись, — сказал Юдхиштхира. — Я повышаю ставку. Сто сосудов по тысяче золотых монет, золото и серебро в слитках. Вся моя сокровищница.

По столу застучали кости.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот колесница, покрытая тигровой шкурой, с отличными колесами. Ее грохот напоминает раскаты грома и шум океана. Восемь запряженных в нее коней одной масти. Их копыта не касаются земли.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот моя ставка, — проговорил Юдхиштхира, — тысяча слонов с бивнями, подобными дышлам плуга. Вместе с восемью тысячами слоновьих самок, вместе с золотыми поддругами, золотыми гирляндами.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Сто тысяч юных рабынь, искушенных в пляске и пении, с золотыми ожерельями вокруг шеи, в одеяниях, умащенных сандалом.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Остановись, царь! — вмешался в игру Видура. — Послушай, что я тебе скажу, хотя услышанное может и не пригодиться, как умиравшему лекарство. Уже давно в твоём доме живет шакал, которому суждено стать причиной гибели рода Бхаратов. Это Дурьйодхана. Разве ты не видишь, что игра, которую он ведет плутовскими руками Шакуни, — обман?

— Вот твой язык и выдал тебя, Видура, — молвил Дурьйодхана. — Не вмешивайся в чужие дела.

— Есть ли у тебя, о Юдхиштхира, что-нибудь не проигранное? — спросил Шакуни.

— Да, у меня есть неисчислимое количество скота и коней, молочных коров, козлов и овец Вот моя ставка!

— Я выиграл, — сказал Шакуни

Изменившись в лице, Юдхиштхира сказал

— У меня есть город, страна и земля вместе с их достоянием исключая то, что принадлежит брахманам, и сами люди, кроме брахманов Вот моя ставка

И снова застучали кости Снова Шакуни прибегнув к обману возгласил

— Я выиграл

— У меня есть братья, я же старший из них Победенные в игре, мы будем исполнять все что угодно господам

— Я выиграл — сказал Шакуни

Юдхиштхира сидел, потрясенный проигрышем Шакуни же потирал руки, ловкостью которых он взял то, что Кауравам никогда бы не добыть в честном бою

— Не горюй, о Юдхиштхира! — с притворным сочувствием проговорил Шакуни — У тебя есть еще одна ставка, и ты можешь отыгратья Поставь на кон Драупади, царевну Панчалы

— Да, я ставлю ее! — выкрикнул в азарте Юдхиштхира — Не маленькую и не высокую, не слишком темную и не слишком светлую, с глазами, подобными лепесткам голубого осеннего лотоса, прекрасную, как сама Шри! Я ставлю ее на кон

Едва были произнесены эти слова, как послышались голоса старцев «Позор! Позор!» И собрание заволновалось Среди царей поднялся ропот У Бхишмы и Дроны на лбах выступил пот Видура схватился руками за голову Дурьйодхана, до этого сдерживавший себя, подскочил к играющим У Карны хлынули из глаз слезы Тогда и раздался возглас Шакуни

— Я выиграл

Пока Шакуни собирал и прятал кости, Дурьйодхана, издевательски улыбаясь, обратился к Видуре

— Ступай, приведи сюда Драупади, высокочтимую супругу Пандавов Пусть она немедленно явится с метлой и подметет пол Пусть она займет место среди рабынь

— Глупец! — воскликнул Видура — Ты висишь над пропастью Будучи мелюзгой приводишь в ярость тигров Драупади не может быть рабыней, ибо она была поставлена на кон после того, как Юдхиштхира уже не принадлежал сам себе Умерь ненасытность Знай, что даже сосуды из тыквы могут идти на дно а камни плавать

Пока это говорилось, Дурьйодхана подал знак своему гонцу и тот отправился в покои супруги Пандавов Отыскав ее, гонец сказал

— Твой супруг проиграл тебя в кости. Теперь ты принадлежишь Дурьйодхане и должна ему прислуживать, как рабыня.

— Не лги, несчастный! — воскликнула Драупади. — Не станет царевич играть на свою супругу. Разве у него не былс других ставок?

— Не было, — ответил посыльный. — Ведь он сначала проиграл все свои богатства, все свое царство, своих братьев и самого себя. Ты, о высокочтимая, была его последней ставкой.

Услышав это, Драупади бросилась бежать. Посыльный, погнавшись за ней, настиг ее и поволок за волосы в зал собраний.

Оказавшись перед мужами в зале собраний, с растрепанными волосами, в наполовину размотанном сари Драупади произнесла слабым голосом:

— Да падет позор на всех вас! Неужто погиб нравственный закон потомков Бхараты? Вы наблюдаете беззаконие и молчите!

Мудрецы сидели, опустив головы. Видя, что и супруги Драупади молчат, посыльный вновь схватил несчастную за волосы и потащил по полу. Кауравы же кричали: «Рабыня! Рабыня!»

Напрасно Драупади с мольбой протягивала руки к своим мужьям, напрасно Бхима кричал, что Юдхиштира не имел права играть на нее, потому что жена она не только ему, но и всем братьям.

Дурьйодхана дал знак, чтобы с его новой рабыни сорвали сари, потому что не может она носить одежду свободной женщины. И Духшасана, один из Кауравов, схватил за конец сари и потянул одежду на себя. Захотел Дурьйодхана радуясь унижению Пандавов. Те, кто сочувствовал Пандавам, закрыли лицо ладонями, чтобы не видеть беззакония.

И вдруг хохот оборвался. Сколько ни тянул негодай сари, ему не было конца. Материя уже закрыла весь пол зала, уже скрыла из глаз того, кто тянул. И в это время послышался громовой голос Бхимы.

— Внемлите, кшатрии! Я даю слово, которое никогда мною не произносилось. Я разорву у этого негодя Духшасаны грудь и напьюсь его крови.

— Отойди, Духшасана, — распорядился Дурьйодхана. — Вы, Пандавы, можете возвращаться к себе домой.

— Запомни этот день, Дурьйодхана! — продолжил Бхима. — Клянусь, что в смертельном бою я перебею тебе ноги.

Пандавы и Кунти покинули зал. Драупади последовала за ними. И никто не посмел ее остановить.

Коварство

Отпуская Пандавов с их богатствами, Дурьйодхана исходил не из страха перед угрозой Бхимасены и не из благородных побуждений, а из присущего ему коварства. Когда Пандавы удалились, он раскрыл свой план царю Джанамеджае. При разговоре присутствовали слепой царь Дхритараштра с супругой Гандхари, Дрона, Видура и многие другие.

— Оскорбленные мною Пандавы не простят нам обиды, нанесенной Драупади. Они наши враги. Врагов же надо уничтожать всеми доступными средствами, не всегда прибегая к сражению. Такова мысль мудрого Брихаспати. Пандавы уже показали свою слабость в игре. Воспользуемся ею. Призовем их снова к игорному столу и поставим на кон не сокровищницу, а удаление в изгнание на двенадцать лет, а на тринадцатый год пусть проигравшие будут жить неузнанными. Мы или они. Шакуни известны приемы игры, и он выиграет. Так мы избавимся от Пандавов и укоренимся в царстве.

— Тогда прикажи вернуть Пандавов, — сказал Дхритараштра. — Пусть они придут и сыграют. — Не надо возобновлять игры, великий царь, — возразил мудрец Вайшампаяна.

Его поддержали Дрона, Видура и многие другие. Гандхари же сказала супругу:

— За этой игрой последует гибель всего нашего рода.

Ты старый человек, а имеешь ум мальчика.

— Я не могу спорить с судьбой, — ответил слепой царь. Судьба решит, кто победит. Пусть вернутся Пандавы.

Уход

Облачившись в антилоповы шкуры, покинули Пандавы свой город. Они, гордившиеся тем, что в мире нет им равных, стали подобны сезамовым семенам, лишенным зародышей, или бесплодным ячменным зернам.

Юдхиштира шествовал, прикрывая лицо руками. Бхима шел, вытянув руки, показывая врагам, что не забыл о своих угрозах, Арджуна двигался, рассыпая песчинки, давая знать, что с такой же легкостью в должное время рассыпет ливень стрелы. У Сахадевы было в грязи лицо, а у Накулы все тело. Драупади шла вслед за мужьями с распущенными волосами, в одном платье, смоченном кровью, в знак того, что таким же образом они вернутся в Хастинапуру, совершив возлияние душам мертвых. Шествие замыкал пурхита Дхаумья с травой куша в руках, распевая вызывающие трепет гимны из "Самаведы".

И когда стены Хастинапуры остались позади, и показалась черная громада леса, при безоблачном небе засверкали молнии, под ногами задрожала мать Притхиви, Раху стал заглатывать солнце, а метеориты, кружась над городом слева направо, показывали, что желают благополучия тем, кто вышел на дальнюю дорогу.

Кауравы в доме собраний ликовали, гордясь легкой и неправой победой. Нарада, окруженный великими мудрецами, глядя на нечестивцев, произнес страшные слова:

— На четырнадцатый год от сего дня погибнут Кауравы по вине Дурьйодханы, и погибнет он сам от силы Бхимы и Арджуны.

Сказав это, он, одаренный великой небесной красотой, вознесся на небо.

Слепой царь сидел с опущенной головой, тяжело вздыхая. Видя это, возница Санджая спросил:

— Почему, о царь, удаляя Пандавов из царства и обретая всю землю, полную богатств, ты печалишься?

— Как же мне не печалиться, когда предстоит великая вражда и гибель целого мира, — сказал Дхриташтра. — Как мне не жалеть Дурьйодхану, потерпевшего поражение.

— Поражение? — удивился возница.

— Да, — продолжал слепой царь. — У того, кому боги ниспосылают поражение, они сначала отнимают разум, и он все зрит в искаженном виде. Неверная политика видится ему верной, вредное представляется полезным, а полезное — вредным. Булава времени не крушит голову, а насылает ложную иллюзию. Кто, кроме безумца, ослепленного костями, мог бы привести в собрание добродетельнейшую из женщин, одаренную красотой, величавую, знающую все законы Драупади, да еще в одном платье, испачканном кровью!? Ее страдальческим взором могла быть сожжена земля. Останется ли ныне в живых, о Санджая, хотя бы один из моих сыновей?

Оружие Шивы

Близился седьмой год пребывания Пандавов в лесах. И заметили братья, что все чаще и чаще Юдхиштхира погружается в раздумье. Однажды он поделился своими заботами:

— Вот уже шесть лет, как мы покинули дворец, и тебе, Арджуна, придется отправиться в Хималаи.

— Зачем? — удивился Арджуна. — Здесь нам хорошо. И к чему разлучаться?

— Шива, обитающий в царстве вечной зимы, должен дать нам оружие.

— А чем плохо наше? — спросил Бхима. — Да и без оружия я могу сразиться с кем угодно.

— Путь к царству лежит через поле боя, — сказал Юдхиштира

— Лучше остаться здесь, чем рисковать жизнью, — вставила Драупади — У Кауравов сильная и многочисленная армия Мы же одни

— Поэтому нам и необходимо оружие Шивы, — твердо сказал старший из Пандавов

На следующее утро Арджуна, простившись с братьями и нежной Драупади, двинулся в путь на север Спеша на подвиг, проник он в ужасный лес, полный диких животных И только вошел он, как с неба раздался звук раковин и бубнов, цветы, словно ливень, посыпались на землю

Ликуя, углубился Арджуна в чащу Одетый в рогожу и травы он питался палой листвой, съедая один плод за трое суток На некоторых деревьях Арджуна видел три глубоких отверстия, которые оставил трезубец Шивы, но самого Благого не было, и Арджуна не знал, как его найти

Однажды послышался сильный шум Это пробирался огромный вепрь Готовый к прыжку, он буравил Арджуну взглядом своих крохотных, пылающих злобой глазок И тогда поднял витязь лук свой и похожие на змей стрелы И наложив одну из них на тетиву, сказал

— Без помыслов злых в этот лес я явился, а ты погубить меня хочешь Но первым тебя я в царство Ямы отправлю

Стрела промаха не дала, и зверь, рухнув на землю, тотчас принял облик ракшаса Подойдя ближе, Арджуна заметил в туше не одну, а две стрелы

И тут Арджуна увидел горца рядом с женщиной в золотом одеянии И сказал сын Кунти дружелюбно

— Кто ты, блуждающий по лесу в обществе женщины? И зачем ты вепря срази? Я его первый увидел Ты нарушил закон охоты За это, гор обитатель, я лишу тебя жизни

— Эта земля всегда была нашей Ты же еще юн, а идешь кривою дорогой

— И сам я в лесу огромном живу, — ответил Арджуна — Это ж отродье, что приняло вепря обличье, я первым убил

— Нет, я убил его первым, — ответил горец — Сраженный ударом моим, он исторгнут из жизни Ты же, гордец, не уйдешь от меня живым Я — Кирата-охотник

— Тогда померимся силой! — грозно произнес Арджуна — Защищайся! Я буду сражаться с тобою и докажу, кто сильнее

Мужчины взялись за луки Оба были прекрасными лучниками, и ни один не смог поразить другого Несколько раз противник Арджуны хватал стрелы ртом и, перекусывая их, вылевывал Тогда взбешенный Арджуна отшвырнул лук и подступил к

горцу с голыми руками, Но горец был сильнее Измял он тело Арджуны и прижал к земле И потерял сын Кунти сознание Очнувшись, перед тем как снова броситься на противника, Арджуна на него взглянул

— Что ты за человек поглощающий стрелы? — спросил он

Внезапно от переносицы горца отошел луч третьего глаза, ослепив и одновременно озарив Арджуну догадкой

— Ты Махадева! — воскликнул сын Кунти и опустился на колени, чтобы припасть к ногам своего противника

— Да, я Шива! — признался великий бог — Как ты не понял этого сразу!? Кто бы другой, кроме меня мог соперничать с тобой в искусстве стрельбы?

Шива протянул Арджуне свой лук и сказал

— Прими, долгорукий, это оружие в дар от меня и облегчи с его помощью землю Называй его Аджагава и он будет послушен тебе С ним ты всех врагов одолеешь в сражении

Смутившись, Арджуна ответил

— О Махадева, трехокий владыка богов, победитель во всех трех мирах Стрелец! Копьеносец! Причина причин! Лучшим даром твоим станет прощение если же я его недостоин, пусть наказание твое не будет чрезмерным

Простирая светозарную длань, Шива ответил «Прощаю!» и обнял Арджуну, после чего стал растворяться в воздухе И вот уже невидим владыка Великого лука, несущий на стяге изображение быка, как невидимым становится солнце, дойдя до заката Ушел он вместе с Умой в пространство, какое доступно только богам, риши и птицам

И воскликнул Арджуна, погубитель врагов, в безграничном восторге

— Я Махадеву вечного видел, обладателя Великого лука, рукою своею его коснулся Я цели достиг и теперь всех врагов одолею!

И словно бы от этого крика окрасились все стороны неба С вершин разноцветных великой горы спустились разбуженные боги, чтобы взор свой насытить тем, кто Шивой благословлен

Испытание

Братя, Драупади и Кунти уже не чаяли увидеть Арджуну, считая его погибшим, когда он в диадеме, сверкающей драгоценными камнями, опустился прямо с неба на колеснице в их объятья И не было им конца После того как все насытились радостью встречи, первым обрел дар речи Юдхиштхира

— Долгонько же ты, брат, находился у Шивы в гостях!

— С Шивою я был менее дня, — отозвался Арджуна — Пять лет я находился на небесах по приглашению Индры Пользуясь его

благоволением, там изучал я оружие, какое когда-либо было создано, и проверял его на племенах, что враждебны бессмертным

Остаток дня и всю ночь продолжался рассказ Арджуны об удивительных его приключениях. Узнали слушатели о дивном городе Индры, плывущем в пространстве по воле охранителя мира о встречах с гандхарвами и апсарами, о схватке на морском дне с демонами-кавагами, недрутами Индры, о колеснице воздушной и колесничем Матали, с которым Арджуна объехал два мира, узнав их устройство, сражаясь с врагами и разрушая их города

Лишь на заре занял Арджуна свое травяное ложе, пустовавшее пять лет, и рядом с ним легла истосковавшаяся по нему Драупади. Проснулись все после полудня и вышли наружу, чтобы полюбоваться колесницей Индры, полученной от него в дар вместе с одеяниями и оружием. И вынимал Арджуна каждую вещь со дна колесницы, объясняя ее назначение

— Вот это Девадатти громкоревущая, — проговорил Арджуна, доставая огромную раковину, порозовевшую под взглядом богини зари Уша — Стоит в нее подуть, и пробудятся все три мира. А это Гандива, лук бесподобный

— А нельзя ли взглянуть, на что он способен? — спросил Юдхиштхира

— Можно, — ответил Арджуна

Из колчана достал он стрелу и наложил ее на тетиву. И сорвалась она, как молния из тучи. И затряслась земля под ногами вместе со всем, что на ней находилось. Вздрыбились реки, словно кони, когда натянуты вожжи. Взмывали моря. Растрескались горы и скалы с вершин покатались в низины. С грохотом в небе ветры столкнулись. Вскинулся к небу земляной столб. Жители недр, какие открылись от взрыва, вышли наружу, оглушенные, опаленные, полуживые. Открылись глубины третьего мира.

Появился божественный риши Нарада. Лицо его было суровым. Гневом сверкали глаза.

— Арджуна! Арджуна! — произнес он, качая седой головой — Нельзя испытывать оружие, какое хранит тайны верхнего мира. Ибо бед от этого не оберешься. Да и по делу его применять лишь в самой крайности следует: сообразно Закону, с соизволения всевышних, ибо оно может разрушить сразу все три мира.

Озеро смерти

И продолжали жить братья в лесу без особых приключений. Но однажды к ним примчался с криком отшельник-сосед и рассказал о странном происшествии. Он готовился совершить жертвоприношение, как внезапно прибежал олень, как будто для того, чтобы почесаться о дерево, и вдруг унесся, подхватив рога-

ми все, что было приготовлено для совершения ритуала — скалку и палочки для зажигания

Огорчился Юдхиштхира, выслушав сбивчивый рассказ отшельника, ибо срыв жертвенного обряда грозит бедой всем обитателям леса. Перепоясавшись, братья бросились в погоню за оленем и почти его догнали, но поразить стрелами не смогли, так как олень вдруг стал невидимым.

Прийдя в тень баньяна в глубине леса, они сидели, мучимые голодом и жаждой. И тогда Накула сказал старшему брату:

— В нашем роду никто не нарушал дхарму по нерадивости, почему же мы должны терпеть неудачу?

— Бедам нет предела и причины их неясны, — отвечал Юдхиштхира. — Но дхарма сама по себе высшая цель, независимо от удачи. Ты бы забрался на дерево и взглянул, нет ли где поблизости воды?

— Я вижу озеро! — послышалось с верхушки дерева. — Разреши, брат, я разведая к нему путь.

— Спускайся и иди! — согласился старший из Пандавов.

Юность быстра на подъем, на спуск, на движение. Зная направление, юноша вскоре отыскал озеро и тщательно осмотрел берега. Не заметив не только людей, но даже животных на водопое, Накула окунулся в воду. Сверху она казалась голубой, а вблизи отливала чернотой.

И в это время он услышал человеческий голос с хрипотцой, как у простуженного:

— Не пей, пока не ответишь на мои вопросы.

Голос исходил из пустоты. Оглянувшись, юноша увидел цаплю, стоящую у берега на одной ноге в позе праведника. Но не может же цапля разговаривать! Решив, что это ему померещилось, юноша зачерпнул глиняной кружкой воды и, выйдя на сушу, с наслаждением начал пить, но в то же мгновение упал бездыханным.

Долгое отсутствие младшего брата беспокоило остальных, и они решили отправиться на розыски, оставив Юдхиштхиру одного. Не дождавшись их возвращения, он последовал за ними, нашел озеро и, увидев на берегу бездыханные тела братьев, предался горю.

Прошло немало времени, пока он заметил валявшуюся у воды глиняную кружку и поднял ее, чтобы напиться. И тут он услышал:

— Ты не должен пить, пока не ответишь на мои вопросы.

Юдхиштхире стало ясно, что голос исходит от цапли. При других обстоятельствах говорящая птица повергла бы его в изумление и он сам бы утратил дар речи. Но неожиданная смерть братьев настолько его потрясла, что он как ни в чем не бывало пошел навстречу цапле и вступил с нею в беседу.

— Кто ты, скажи мне. Известно ли тебе, кто погубил моих братьев?

— Я, — ответила птица. — Водоросли и рыба — моя пища.

— Птицы ведь говорить не умеют, — продолжал Юдхиштхира. — Ты, наверное, из рудров или марутов, принявший облик цапли.

— Я — якша, — ответила цапля, превращаясь в огромного косяглазого великана ростом с пальму. — Это я убил твоих могучих братьев. Они захотели напиться, а я их предупредил, что ни одному существу здесь пить не разрешаю. Это относится и к тебе. Ответь на мои вопросы, и тогда пей сколько угодно!

— Я на твои владения не зарюю и не одобряю тех, кто слишком похвастается своим знанием. Но если твои вопросы уразумео, попытаюсь ответить. Спрашивай, владыка!

— В чем божественность кшатриев? Как ты ее понимаешь? В чем их долг и благочестие? В чем их недостаток и неблагочестие?

— Оружие их божество. Дхарма их благочестие. Их недостаток — трусость, неблагочестие — отказ в покровительстве, — ответил Юдхиштхира.

— Кто почтенней земли? Кто поднебесья превыше? Чего больше, чем травы? Кто быстрее ветра? — спросил якша.

— Мать почтенней земли. Отец поднебесья превыше. Мыслей больше, чем травы. Ум быстрее ветра, — ответил Юдхиштхира.

— Кто спит, не закрывая глаз? Кто, родясь, не копошится? У кого нет сердца? — спросил якша.

— Рыба спит с открытыми глазами. Яйцо, родясь, не копошится. У камня нет сердца.

— Кто странствует в одиночестве? Кто, родясь, рождается снова? От стужи какое лекарство?

— В одиночестве странствует Сурья. Снова и снова рождается месяц. От стужи — огонь лекарство.

— Чем окутан мир? Что препятствует озарению? Из-за чего покидают друзья?

— Мир окутан неведением. Мрак препятствует озарению. Друзей покидают из-за скупости.

— Кто враг мужей трудноодолимый? Какая болезнь неизлечима? Кто праведник?

— Враг мужей — гнев. Неизлечима жадность. Праведник тот, кто желает добра всему живущему.

— Ты ответил на все мои вопросы, — промолвил якша, — поэтому оживет один из братьев. Назови его имя.

— О якша, пусть оживет Накула, широкогрудый, долгорукий.

— Но почему ты не назвал Бхиму, чья сила в сражение не уступает ста слонам? Ведь говорят, что он твой любимец. Почему ты отстранил Арджуну, высшую вашу надежду?

— Равны для меня и Кунти, мать моя, и Бхима, и Арджуна, и Мадри, мать близнецов. Но будет справедливым, если у каждой из них останутся сыновья.

— Так как ты доказал, что для тебя выше всего справедливость, — произнес якша, — пусть оживут все.

И поднялись братья одновременно, друг на друга и на Юдхиштхиру взглянули, но к воде не поспешили. Исчезла их жажда.

— Нет, ты не якша, — сказал старший из Пандавов. — Ты один из вседержителей мира. На берегу я следов сраженья не вижу. Братья же мои по силе равны огромному войску. Якше с ними не справиться вовеки!

— Я — Яма, твой прародитель — ответил якша, принимая облик бога. — Я Дхарма, и прибыл, чтобы тебя испытать. Избери любой дар, достойный твоего благочестья, и ты его обретешь.

— Верни нам то, что похитил олень. Вот мой выбор.

— Я был тем оленем, — сказал Яма. — Вот тебе то, что ты прошишь. Возврати это отшельнику. И вот вам мой дар. Отныне вы можете, подобно мне, принимать любой облик.

Выбор

Не отрывая взгляда, словно ожидая нового чуда, молча смотрели Пандавы туда, где только что стоял великий бог. Первый заговорил Юдхиштхира:

— Теперь мы можем по желанию менять свою внешность. Но какой нам избрать путь? Какую из семи щедрых и богатых стран выберем?

— Конечно же. Матсю, — отозвался Арджуна. — Ею владеет Вирата, благочестивый, богатый и к нам благосклонный.

— Матсю! Матсю! — воскликнули другие братья в один голос.

— Я с вами согласен, — молвил старший из братьев. — Но не будем забывать, что нам не придется прибегать к благосклонности Вираты. Главное — не обнаружить себя, прожить год под чужим обликом и именам. Перед нами непростой выбор. Придется находиться в услужении у чужих людей. Какое избрать занятие чтобы оно стадо лучшим прикрытием? За кого нам себя выдать?

Братья молчали.

— Я сам, — продолжал Юдхиштхира, — пожалуй, выдам себя за брахмана и предложу владыке Матсю коротать ночи за костями. Скажу я ему что в те годы, когда Пандавы не были в ссылке, я не раз составлял компанию самому Юдхиштхире и пользовался его расположением. Если Вирата захочет узнать что-нибудь о нашем дворце или о моих привычках, он не собьет меня с толку.

— Тогда я назову себя поваром, — проговорил Бхима, поглаживая себя по животу. — Кухня мне ближе всего, да и в поварском искусстве я не последний. Такие приготовлю приправы, что у всех во дворце слюнки потекут. Когда же меня спросят, кому я раньше служил, скажу — самому Юдхиштхире, который ценит меня также за силу. Если же будет устроено состязание борцов, я возьму верх над любым царским любимцем, но не оторву у него головы, чтобы не вызвать царского гнева.

Раздался дружный смех.

— А каково твое решение, Арджуна? — спросил Юдхиштхира. — Тебе, прожившему пять весен среди богов, нелегко быть таким, как все!

— Я им и не буду, — отозвался Арджуна. — Наряжусь в женское одеяние и объявлю себя евнухом.

— Евнухом? — протянул Юдхиштхира.

— Не удивляйся. Пять весен на небесах не избегал я апсар и проник в женскую душу. Я буду рассказывать царским дочерям старинные сказки, учить их пляске и пению, если же меня спросят о моем прошлом, скажу, что прислуживал госпоже Драупади.

Накула не спускал с брата восхищенного взгляда.

— Я удивляюсь тебе, Арджуна, — сказал он. — Такое занятие было бы мне не под силу. Объявлю-ка я себя конюхом. С конями я легче найду общий язык. Буду их лечить и сторожить. Кони меня не спросят, откуда я родом, если же спросят люди, отвечу: служил на конюшне у Юдхиштхиры.

— А ты, Сахадева? — спросил Юдхиштхира. — Какое себе облюбовал ты занятие?

— Я буду коровьим пастухом и доильцем, — ответил юноша. — Мне любы коровы. Помнишь, ты ни раз поручал мне заботу них? О повадках их знаю я не понаслышке. И быка я к ним приведу, чтобы красавицы не остались бесплодными, и телят выхожу. Владыка Матсю будет мною доволен.

— Что ж, братья, — сказал Юдхиштхира. — Я выбор ваш одобряю. Но вот незадача. У женщин, как вам известно, немного достойных занятий. Какое из них выбрать нашей супруге? Рукам ее белым тяжелый труд непривычен, а красота ее станет приманкой для негодяев, и мы им дать отпора не сможем, из опасения себя выдать.

— Я буду у царицы служанкой, — Драупади сказала. — Иной себе доли не вижу. Объясню, что служила я Драупади, ее наряжала в девичьи годы, следила за ее волосами и по такой работе тоскую.

— Мы сделали выбор, — заключил Юдхиштхира. — Теперь отпустим слут. Пусть они достигнут столицы и скажут, что мы исчезли.

Наставления Дхаумьи

— **П**ослушаем, что нам скажет на прощанье наш мудрый Дхаумья, какими наставлениями нас проводит в не-легкий путь, — проговорил Юдхиширха, когда последние приготовления были окончены.

Дхаумья, грустно улыбнувшись, начал нараспев:

Порою мои наставления скучны
И словно осенние мухи докучны,

Но это советы старинного друга
Для тех, кто уходит к владыке в службу,

Кому о почете забыв господина,
Придется чужую напялить личину.

Для вас, что так знатны и так знамениты,
Ворота не все теперь будут открыты.

По собственной воле в повозке, на ложе
Никто занять места отныне не сможет.

Глядели всегда все властители косо
На тех, кто давал им советы без спроса.

На тех, что стояли в молчании рядом
И не ловили царского взгляда,

На тех, кто в своей убежденные силе,
Шашни с их женами заводили.

И чтоб не попасться в смертельные сети,
В служеньи царю не жалейте усердия.

Наградю царскою будет отмечен,
Лишь тот, кто внимает царю, не переча,

И кто отличиться сумеет советом
Полезным царю и приятным при этом.

Внимания царского может добиться
Лишь тот, кто врагов царя сторонится,

И тот, кто язык свой не распускает.
Не мною открыта премудрость такая.

И место занять постарайтесь такое,
Чтобы быть каждый раз у царя под рукою,

Но чтоб не маячить перед глазами,
И также не сзади, где стража с мечами

Забудьте про все, чем гордились вы прежде
И взглядом покорным властителя ешьте.

Покорность слуги — это мед для владыки.
Ему ненавистен равнозеликий.

Дурного ему и во сне не желайте.
Не плюйте при нем и не чихайте.

Расскажут смешное — не хохочите:
Несдержанных слуг не выносит властитель.

Пусть в радости скромною будет улыбка.
Любого слуги положение зыбко.

Мудрец, пожелавший быть царским придворным,
Пусть будет услужливым, будет проворным.

Царя улажая, царицу иль принца,
Пускай он, однако, не суетится.

И будет всегда он в почете и холе,
Пока подчиняется царственной воле.

Похвалит владыку в глаза и заглазно,
И служба станет его безопасной.

От кары удастся уйти неотвратной,
Когда умолчит он о подвигах ратных,

А будет силен он, и храбр, и любезен,
И в деле любом для владыки полезен.

В величьи своем он останется скромным,
О близких своих он царю не напомнит.

А коль на дары или взятки прельстится.
То с жизнью своею он может проститься.

Запомните эти советы благие
И будете живы, мои дорогие.

В страну Вираты

И двинулись Пандавы лесными тропами к избранной цели. Бхимасена полпути нес на руках Драупади, остальные несли оружие. Достигнув могучей Яманы, они по ее берегу в горы поднялись, оставив слева державу панчалов, а справа — державу дашарвов. Вдали заблестели кровли столицы державы Вираты, и Юдхиштхира дал знак остановиться. — Надо об оружии подумать, — сказал он. — Какой бы мы ни приняли облик, оно нас выдаст.

— Взгляните! — воскликнул Арджуна. — Я вижу место успокоения умерших. С ним рядом поляна, судя по голой черной земле, там предают тела на сожжение Агни. Крутом только дикие звери и змеи. Сюда не приходят ради забавы, и посредине блистает нарядом огромное дерево. Среди листьев его мы и спрячем оружие, нашу надежду, до часа освобождения от зарока. Не так ли?

Проговорив это, Арджуна спустил тетиву у могучей Гандивы. Пример с него взяли другие братья. Накула, ловкий, как обезьяна, за нижний сук ухватился и, подтянув свое гибкое тело, скрылся от взглядов в ветвях. Отыскав подходящее место, он за оружием вернулся и привязал его так, чтобы от ветра оно не свалилось.

И вот уже, придав лицам выражение скорби, шагают они по дороге, словно бы после совершения обряда. Когда достигли городских ворот, простились, назначив место для встречи, и разошлись.

Собрание знати

Прухита стоявший справа от трона, успел уже доложить царю и собравшимся о благом расположении небесных светил и отсутствии препятствий для работы государственного совета, а царь, взглянув на пустое место слева от себя, объявить, что он еще не решил, кого назначить на место ушедшего в обителище Ямы родича и полководца Кичаки, как в зал заседаний вступили пятеро могучих кшатриев. Их появление вызвало переполох. Все, кроме царя, вскочили:

— Пандавы! Пандавы! — слышались возгласы.

Царь поднял руку, и в наступившей тишине пятеро, слышно ступая по пышному ковру, приблизились к Вирате и приветствовали его сложными ладонями.

— Только что вы слышали, — начал Вирата, — что звезды благонастроены к нашей работе. И вот доказательство — среди нас друзья, бесследно исчезнувшие год назад. Мы видим, что это не призраки, хотя мой брат Дурьйотхана объявил их похищенными Ямой. Садитесь, друзья, а ты, Юдхитштира, поведай нам, где вы скрывались весь этот год.

— В твоём царстве.

— Этого не может быть. О вас не было никаких донесений.

— В твоём чертоге, — добавил старший из Пандавов — По ночам глядели мы с тобой в голубые кошачьи глазки костей, и они нам подмигивали. Я был в облике брахмана Канки.

— Ты прекрасный игрок, — отозвался царь. — И так же прекрасно ты сыграл ты взятую на себя роль. Удивляюсь только, как ты смог проиграть свое царство.

— Но ведь с тобою игра честной, — сказал Юдхитштира.

— А я был твоим поваром Балавой, — проговорил Бхимасена.

Вирата нахмурил брови:

— Бесспорно, ты прекрасный повар, но еще и боец. Слуги уверяют, что это ты оторвал голову моему родичу Кичаке.

— Я! — сознался Бхимасена. — Был он очень силен. Когда мы боролись, дрожал дом для танцев. Но я придушил негодая, как Индра Вритру. Он шел распаленный страстью к нашей Драупаде. А до того ударил ее ногой.

— Драупади!? — воскликнул Вирата. — И она тоже была здесь?

— Да, — ответил Юдхиштхира. — Она была служанкой твоей супруги Судешны.

Царь схватился за голову.

— Так это она мне сандал растирала, и я на руках ее видел мозоли. Не только в чертоге, но в целом царстве, нет женщины краше.

— А я был евнухом Бриханадой, — вставил Арджуна. — Я жил в женской половине и обучал твоих дочерей пению и пляске.

— То то они распелись, как соловьи, — сказал Вирата. — Теперь же, лишившись такого учителя, они зальются слезами.

— А я был твоим конюхом, царь — сказал Накула. — Когда я выводил коней, ты меня похвалил и сказал, что я мог бы служить у самого Матали.

— А я жил в твоём коровнике, — сказал Самадева. — Я пас твоих коров и выхаживал телят.

— Друзья, — проговорил Вирата, обращаясь к притихшему совету. — Все вы свидетели того, что Пандавы жили среди нас целый год, неузнанными, и я от своего и от вашего имени отправляю посла к Дурьотхане с сообщением, что Пандавы живы и что ими выполнены все его условия. Теперь его черед выполнить свое обещание и вернуть братьям половину царства.

У Кришны

После того как Дурьйодхана отказался вернуть Пандавам их владения, война стала неизбежной. Надо было подумать о союзниках. И сказал тогда Арджуна братьям:

— Схожу я к Кришне и попрошу его нам помочь. Ведь он, узнав об оскорблении Драупади, поклялся отомстить сыновьям Дхритраштры. Если Кришна будет сражаться на нашей стороне нам нечего бояться [1].

— Прекрасная мысль! — воскликнул Юдхиштхира. — Иди немедленно.

Быстро бежал Арджуна, и вскоре показались стены и башни Двараки, твердыни ядавов, подвластного Кришне народа, созданной им всего за одну ночь.

Дворец Кришны выделялся величиной, и Арджуна сразу направился к нему. Ворота были на запоре. Страж спросил посети-

теля о цели его прибытия и удалился. Вскоре он возвратился и проговорил:

— Кришна спит. Можешь войти и ожидать его пробуждения.

Слуга, сопровождавший Арджуну, ввел его в богато украшенные покои. Первым, кого увидел Арджуна, был Дурьйодхана, сидевший в головах постели, там, где находился трон, блиставший драгоценными камнями. Арджуна понял, что хорошая мысль никогда не приходит в голову одному.

Кришна раскинулся на ложе из сандалового дерева. Одеало было из чистого золота. Арджуна и Дурьйодхана ожидали молча, не глядя друг на друга.

Наконец Кришна пошевелился и открыл глаза. Взгляд его, естественно, упал на Арджуну, сидевшего в ногах. Но услышав голос Дурьйодханы, бог обернулся.

— Я прибыл первым, — начал Дурьйодхана, — и должен пользоваться преимуществом. Я пришел просить о помощи в войне.

— Да, ты пришел первым, — согласился Кришна, — но я первым увидел Арджуну. Однако я буду справедлив к обоим. Одному из вас я могу дать свою армию, другому — служить колесничим, без оружия в руках [2]. Ты, Дурьйодхана, пришел первым, поэтому выбор за тобой.

— Я выбираю армию! — проговорил Дурьйодхана, не задумываясь.

Ведь он знал, что армия Кришны, набранная из племени ядавов, лучшая в Индии.

— Поздравляю тебя с этим выбором! — сказал Кришна, улыбаясь одними губами. Но глаза его как-то странно блеснули.

Не подумал Дурьйодхана о том, что самая сильная армия ничего не стоит, если ее кумир и предводитель на стороне противника.

После этого Кришна протянул Арджуне ладонь для рукопожатия, и тот, ощутив ее упругость и мозоли, натертые тетивой, понял, что под защитой такой руки можно считать, что победа уже одержана.

1. Кришна посещает Пандавов дважды. Клятва отомстить Кауравам им дана во время первого посещения леса вскоре после злосчастной игры.

2. Кришна представлен в «Махабхарате» двойко — как бог, воплощавший на земле Вишну, и как вождь ряда племен.

Курукшетра

*Курукшетра — это поле наше
Милый брат но мы его не вспашем
Не рассеем жизни семена —
Обнесем его кровавой чашей
Смертью перекрестим опояшем
Курукшетра Иначе — война*

*Курукшетра — это наше поле
Мы его своей засеем болью
Биться будем чтобы лечь костями
Сыновеи и внуков обездолим
Чтоб из братской крови не такой ли
Как и наш безумный вырос мир*

Необъятное поле Курукшетра, раз в месяц принимавшее богов и мудрецов для принесения жертв, было занято двумя выстроившимися друг против друга армиями — племенами и народами всей Индии, примкнувшими кто к Пандавам, а кто к Кауравам. Во главе войска Пандавов был Дрихшгтадьумна, брат Драупади, орел среди людей. Над его колесницей развевалось белое знамя с изображением распростершей крылья царственной птицы. Кауравов возглавлял старец Бхишма, дед Пандавов и Кауравов.

И оба войска были уже готовы к сражению, и над Курукшетрой уже пролетали со свистом первые пробные стрелы, когда Арджуна, стоявший на колеснице со стягом, изображавшим могучую обезьяну Ханумана, обернулся к своему возничему.

— Взгляни, Кришна! Там мои братья, с которыми я вырос в играх. Им зла и смерти я не желаю. Не могу истреблять я род свой. Не хочу!

Душа Арджуны переполнилась состраданием, и из глаз его, обжигая траву, лились горячие слезы.

— Опомнись, безумец! — воскликнул Кришна. — Откуда взялась эта напасть, эта тобой овладевая слабость, достойная шудры! Ты кшатрий, Арджуна! Оставь малодушие слабым. К битве готовься, сокрушитель врагов.

Из груди Арджуны вырвался стон.

— Нет, не враги это, Кришна. Взгляни, среди них почтенные старцы Бхишма и Дрона. Я сидел у них на коленях. В них ты призываешь стрелы направить? Мой дух заблудился. Не знаю, где зло и где благо. Если можешь, развеяй сомненья мои.

— Изволь, — отозвался Кришна, улыбнувшись одними губами. — Положено быть мне возничим твоей колесницы [1]. Готов

я и дух повести, потерявший дорогу, заблудившийся в чаще Со-
мнения твои, оправданием которых сострадание служит, далеки
от правды, рожденной природой. В общении с нею мудрец, по-
знающий закон, жалости недоступен. И к смерти он безразлич-
ен, как холоду или зною, к голоду или жажде. Ведь то, что успе-
ло возникнуть, не в состоянии бесследно исчезнуть. То, чего нет,
не может возникнуть. Во власти майи твой взор оказался. Она
рассуждения не достойна. Зрение наше должно быть к сущности
обращено, а не к тому, что от нее отвращает. Для нас безразлич-
ны рождение и смерть. Бессмысленно сострадание к тому, кто
создан для смерти. Возродиться дано и Бхишме, и Дроне. И не
все ли равно, от чьей руки им погибнуть. Оберегай свою дхарму,
Арджуна! Презирай колебания, Пандава! Если ты вопреки на-
значению судьбы эту битву покинешь, ждет тебя доля, которой
ты не достоин. Хула и бесславье отвратительней смерти. Поверь
мне — враги, над тобою глумясь, оскорблений не пожалеют. По-
бедив их, ты насладишься властью царя, коль убьют тебя, неба
достигнешь. На деяния должен быть дух устремлен — не на со-
зерцание, от всего, что мешает деянию, свободный. Уравняй для
себя неудачу с удачей. Йога уравнению этому имя. Обуздав не-
покойную мысль свою йогой, разорвать ты сумеешь круг по-
рочный рожденья и смерти, невозмутимости высшей достиг-
нешь.

И много еще соображений высказал Кришна, переходя порой
о обыденной речи к высокому слогу, в рассуждения вводя о раз-
личии духа и тела, о долге перед семьей и богами, а также о
знаниях сокрытых, о царственных тайнах [2]. В конце же, с Ард-
жуной встретившись взглядом, спросил:

— Отвратился ли ты от сомнений, от жалости, порожденной
незнанием?

— С этим покончено, — молвил Арджуна, взгляд отводя. —
Разум ко мне возвратился. Готов я данное слово сдержать и вы-
полнить предназначение [3].

1 Колесница или упряжка в индийской религии — это символ жиз-
ни. Возница (сута) тем самым — духовный руководитель.

2 За этими намеками стоят давние свойственные уже «Ригведе»
представления о «таинном», «сокрытом», «сокровенном», «непонятном»
языке богов, раскрываемом при их общении с людьми. Но это также
язык откровений, используемый сачичи певцами гимнов (Гринцер
1998, 7 и сл.).

3 Колебания Арджуны благодаря вмешательству Кришны и его фи-
лософии действия были недолгими. Но насколько же выше и достойнее
героя причина этих колебаний, чем у отказавшегося от сражения го-
меровского Ахилла. Это не личная выпадка или обида, а соображения гу-
манности, благодарная человеческая память.

Индра и Карна

Сильны были Кауравы числом и умением воинов, находившихся в их рядах. Наблюдая с неба за битвой, Индра заметил что Юдхиштхиру терзает боязнь перед силою Карны. И явился он к нему во сне, чтобы сказать: «Не бойся! Я тебя избавлю от страха».

Мало того, Индра сам стал наблюдать за станом, враждебным Пандавам. Увидев, как Карна одаряет брахманов, не отпуская пустым никого, задумал он выманить чудесные серьги и панцирь, делающий врага Пандавов неуязвимым.

Но ничто не сокровится от всевидящего ока Сурьи. Предстал светосонный бог перед спящим сыном в облике брахмана и обратился к нему со словами:

— Выслушай меня, о золотоглазый, и поступи по моему совету. Ведомо мне, что придет к тебе Индра, покровитель Пандавов, прикинувшись брахманом, и, зная, что никогда ты ни в чем не отказывал просящему, будет выпрашивать у тебя мой дар — золотые серьги и панцирь. Предложи ему с почтением любые другие дары, но не эти. Гибель твою замыслил громовержец, знающий, что серьги и панцирь — защита твоя от вражеских стрел.

Поблагодарил Карна великого бога, но твердо ответил:

— Не отвращай меня от обета, великий. Я никогда ничего не жалел для брахманов. И не путает меня гибель на поле брани — ведь славная смерть в неравной битве стократно достойнее бесславной жизни. Бесславье принесет победа, одержанная надо мной коварством, мне же достанется слава, и вознеся меня в небесные выси, утвердится она в трех мирах — ведь слава подобна второму рождению, и не жаль мне за нее заплатить жизнью.

— Ты ошибаешься! — возразил сыну Сурья. — Живое живет для живого! Людям свойственно желать славы, не жертвуя жизнью. В славе, о сын мой, нуждаются только живые. Что делать со славой тому, кто стал пеплом? Поверь мне, что мертвому не слышать похвал — живому, не мертвому на земле и во вселенной нужна слава. Возвращаясь на небо, я вновь тебя заклинаю — все соглашайся отдать не расставайся лишь с возникшими из животворной амриты серьгами и панцирем. Лишь тогда ты повергнешь грозного Арджуну в решающей битве.

— О Жарколучистый! — ответил Карна. — Я предан тебе, как никому другому из богов. И склонившись перед тобою, молю тебя не настаивать на своей просьбе. Не могу я отказать брахману. Не могу встретить могучего бога отказом. А Арджуну я сумею победить и отдав Индре серьги и панцирь.

Понял Сурья, что не смог убедить сына. И сказал:

— Но если уж ты твердо решил уступить Индре, то попроси взамен его копье, то самое чудесное копье, которое не знает промаха в своем стремительном движении и возвращается к метнувшему его лишь уничтожив всех врагов на поле брани.

С этими словами растворился Сурья в ночном воздухе.

И вскоре произошло то, о чем предупредил Сурья Карему. Внезапно возник перед юношей почтенный брахман и к нему обратился:

— Одари меня, безупречный, золотыми серьгами, знаком своего происхождения. Срежь мне панцирь, в котором ты родился и вместе с которым рос.

— Нет! — решительно произнес Карна. — Проси у меня землю, женщин, коров и жертвенной пищи на много лет, и тебе не будет отказа. Но только не панцирь и не серьги. Да будет тебе известно, что они появились вместе с амритой и предназначены богам.

Но не согласился странный брахман на предлагаемые ему дары и снова требовал себе панцирь и серьги. По этому упорству Карна догадался, кто перед ним, и проговорил с улыбкой.

— Узнаю тебя, владыка богов! Кто другой мог бы настаивать, получая отказ. Скажи мне, зачем тебе эти вещи, дорогие мне с младенчества, если сам ты можешь одарить смертных чем угодно?

Индра молчал, но в глазах его светилась непреклонная воля.

— Хорошо, — согласился Карна. — Бери то, что тебе хочется, но взамен исполни мое желание.

— Не иначе бог солнца, твой отец, предупредил тебя, что я явлюсь, — проговорил Индра раздраженно. — Иначе ты бы мне уступил. Но я готов и на мену. Выбирай изо всего моего все, что хочешь, кроме Ваджры!

— Тогда подари мне Амогху.

— Пусть будет так, — ответил Индра. — Возьми копье, которое губит врагов сотнями, а потом само возвращается. Но оно сможет поразить лишь одного из твоих недругов, самого могучего, чей грозный клич вызывает ужа

— Мне и нужно поразить такого врага! — воскликнул Карна.

— Пусть он и будет сражен! — вставил Индра. — Но копье тогда возвратится ко мне.

— Но как я передам тебе серьги и панцирь? Как я их отделию от тела, не обезобразив его ранами?

— Не беспокойся! — сказал Индра. — Тело твое останется таким же прекрасным.

После этого Карна принял из рук Индры сверкающее копье и, отложив его, взял свой меч, просунул его в щель между панцирем и телом и сделал надрез. Все, кто за этим наблюдал, — боги, асуры и ракшасы — закричали от ужаса. Но Карна, как ему и было

обещано, не ощутил боли. Лицо его по-прежнему сияло. Меч входил все глубже и глубже, пока его острие не вышло с противоположной стороны панциря. Затем Карна срезал с ушей серьги.

Индра уходил с еще влажными от крови панцирем и серьгами. Теперь он был уверен в том, что у Юдхиштхиры исчезнет страх перед Карной.

Узнав о том, что Карна обманут и ограблен Индрой, возликовали Пандавы, потомство же Дхритараштры, возлагавшее на Карну великую надежду, поникло в тоске.

Бхишма

Сильны были Кауравы. И удачно для них началось великое сражение. Бхишма, грозный, непобедимый Бхишма, который, будучи советником слепого царя, всячески пытался предотвратить войну между Пандавами и Кауравами, убеждал передать Пандавам часть царства, не дрогнул, когда дело дошло до битвы. Подобно слону, ворвавшемуся в тростниковые заросли, крушил он все на своем пути, и гибло войско Пандавов, как сухая трава, сжигаемая пламенем. В страхе бежали от непобедимого Бхишмы воины, пока мрак ночи не принес долгожданной передышки.

Пандавы знали, что сочувствие Бхишмы на их стороне, но было им известно и то, что Бхишма связал себя клятвой с несправедливым делом Дурьйодханы и от клятвы никогда не отступит. Доблесть же и мудрость Бхишмы таковы, что под его водительством армия Кауравов была непобедима.

Собрались братья Пандавы поздно ночью на совет с друзьями, но так ничего и не решили. И тогда воззвал Юдхиштхира к Кришне и, поделившись с ним своими тревогами, поведал, что обещал ему некогда Бхишма не отказать в наставлении — ведь приходится он братьям двоюродным дедом и воспитывал их, оставшихся сиротами.

— Пусть же, — воскликнул он, — даст Бхишма совет, как победить его!

Кришна одобрил решение Юдхиштхиры и согласился сопровождать Пандавов. Немедленно под покровом ночи отправились братья вместе с Кришной в стан Кауравов и, разбудив Бхишму, почтительно склонились перед ним.

С искренней радостью встретил старец внуков.

— Что я могу сделать для вашего блага, быки из рода Бхараты, — спросил он. — Моя любовь к вам неизменна, но я служу Кауравам и верен клятве.

И обратился к нему Юдхиштхира:

— Никто больше тебя не помогал нам обрести отцовское царство. Теперь мы пытаемся вернуть его силой оружия. Но возник-

ло препятствие на пути к победе: твоя неуязвимость. Ведь не берут тебя ни стрелы, ни копыя, и кажется, что нет у тебя слабого места. Но тебе самому оно должно быть известно. Помогли же нам советом, научи, как одолеть тебя, непобедимого.

— Твоя правда, — тотчас отозвался Бхишма — Передо мною бессильны и боги во главе с Индрой. Даже им не справиться со мною, покуда в руках моих лук. Но стоит оказаться рядом женщине, молящей о поддержке, как я почему-то утрачиваю свою грозную силу. Есть в твоём войске могучий воин Шикхандин. В битве нет ему равных. Но известно мне, что родился он девочкой. Так пусть же Арджуна двинется на меня, выставив щитом Шикхандина. Хоть и сменил он свой пол, не смогу я поднять на него руку, и Арджуна изрешетит меня стрелами.

Все было так, как предрек Бхишма. Арджуна, защищаясь Шикхандином, обрушил на старца тучу стрел. Не отставали и другие Пандавы, разившие воителя дротиками, секирами, булавами. Но и ослабевший от ран, стремительно нессся он на колеснице, и, как молния, сверкали разящие стрелы, словно вихрь, крушила секира, пока не метнул в него острые стрелы Шикхандин. И потерял Бхишма лук, делавший его непобедимым. Схватил он другой лук, а затем и третий, но легко сокрушали теперь его оружие меткие стрелы Арджуны. И вот уже не осталось на Бхишме живого места, стрелы и дротики торчали из него, как иглы дикобраза.

И когда упал Бхишма, то оказался не на земле, а на ложе, сплетенном из стрел. Но дух его не отлетел, ибо боги даровали Бхишме право самому определять день своей кончины, а он решил дожидаться окончания битвы на поле Куру, чтобы преподать победителям Пандавам наставления в религии, законе и праве.

Дрона

И лежал тот, кто был островком для оказавшихся в открытом море, спасительной мелью в бездонной пучине на ложе из стрел, напоминая гору Майнаку, сброшенную на землю, или само Солнце, упавшее с небосвода на земную твердь. Войско же, которое он вел, теснимое Пандавами, совсем впало в отчаяние. И тогда сердца всех, носящих оружие в стане Кауравов, обратились к сокрушителю врагов Карне. Оскорбленный Бхишмой, он поклялся не участвовать в боях, пока воинством будет командовать обидчик.

Карна же, узнав, что первейший из героев низвергнут с колесницы, стал тяжело вздыхать, глотая слезы. Потом, слыша, как все войско повторяет его имя, он облачился в доспехи, встал на колесницу и отправился к месту, где лежал Бхишма, наклонился над ним и сказал ему в утешение:

— Взгляни на меня открытыми глазами! Теперь, когда ты не можешь защищать Кауравов от опасности, я сам вступаю в бой.

Затем он отправился к месту сражения, чтобы воодушевить Кауравов, утративших предводителя, и они приветствовали бесподобного лучника громкими возгласами, рукоплесканиями, звоном натягиваемых луков. И тогда Дурьйодхана обратился к Карне, стоящему на колеснице:

— Войско не может оставаться без военачальника ни на мгновение, как судно на море без рулевого. Десять дней Бхишма искусно вел сражение, а ныне он готов перенестись на небо. Кто же достоин его заменить?

— Неодолимый Дрона! — ответил Карна. — Ибо нет ни одного воина, который отказался бы от сражения, если его возглавит Дрона, наилучший среди носящих оружие. И к тому же он твой учитель в военном деле.

И обратился Дурьйодхана к Дроне, находящемуся среди войска:

— О, ты, подобный Агни среди восьми Васу, Кубере среди Марутов, будь нашим полководцем. Построй боевой порядок и истреби наших врагов, как Индра истребил данавов!

И выстроил Дрона войско в виде тележки, тогда как Пандавы приняли построение в виде журавля. И возобновилась битва. Страшным гулом отозвалась земля, еле сдерживаемая изнутри. Едкая, густая пыль, поднятая тысячами колес и десятками тысяч ног, заволокла Курукшетру и поднялась ветром к небу и солнцу. Привлеченные ею, слетелись стервятники, ястребы и вороны, кружась над войском и выбирая добычу. Оглушительно завывали шакалы, жаждущие мяса и крови. Падали на поле боя сверкающие метеоры, а широкий диск солнца исторгал вспышки молний и раскаты грома.

И стали поражать друг друга Пандавы и Кауравы острыми стрелами, добываясь победы. И вскоре войско Пандавов, теснимое Дроной, было расчленено, как стая журавлей ураганом. Дрона пронесся через него подобно огненному колесу.

Когда же опустилась ночь, стали думать Пандавы, как остановить Дрону. И тогда Кришна сказал Юдхиштхире.

— Ни один из вас не сможет одолеть Дрону в открытом бою, значит, от него надо избавиться.

— Как же это сделать?

— Есть только один путь. Мне он известен. Надо сказать Дроне, любящему отца, что погиб его единственный сын. Это сломит его дух, и тогда Дрона станет беззащитным.

— О чем ты говоришь! — возмутился старший из Пандавов.

— Ведь Ашваттхаман жив.

— Это верно, — согласился Кришна. — Дрону надо обмануть.

— Ложь не по мне! — воскликнул Юдхиштхира. — Я отказываюсь участвовать в обмане даже того, кто воюет против нас.

И стали думать другие Пандавы, как обмануть Дрону, не оскорбляя обманом старшего брата. Вскоре Бхима отыскал решение. В войске Кауравов был слон, носивший то же имя, что и сын Дроны.

Утром Пандавы направили удар не против пехоты и колесничих, а против слонов. Чтобы пробиться к слону Ашваттхаману, надо было убить их тысячи. Палица Бхимы крушила головы направо и налево. Но вот и огромная голова с огромными ушами и длинным хоботом. Удар — и слон с проломленным черепом рухнул на землю.

— Ашваттхаман мертв! Ашваттхаман! — этот вопль, вырвавшийся из глотки Волчебрюхого, огласил все поле Куру.

Услышав его, Дрона опустил свой лук и спросил колесничего:

— Верно ли, что я потерял единственного своего сына?

— Да, — подтвердил колесничий. — Именно об этом вопит Бхима.

— Но если умер мой сын, зачем мне жить?! — воскликнул Дрона. — Ведь я слишком стар, чтобы родить другого.

— Но Бхима мог и обмануть, — молвил колесничий. — Нужно спросить никогда не лгущего Юдхиштхиру.

Устремил Дрона свою колесницу к тому месту, где сражался старший из Пандавов, и крикнул ему, заглушая грохот сражения:

— Правда ли, что мертв Ашваттхаман?

И приблизился Юдхиштхира к Дроне, своему наставнику, служившему братьям-врагам, и ответил, стараясь произнести слово «слон» как можно невнятнее, чтобы оно послышалось как «сын».

— Да, слон Ашваттхаман убит.

Это была первая сознательная ложь того, кого называли «Путем истины», и колесница Юдхиштхиры, зависшая в воздухе на расстоянии ладони от земли, коснулась ее всеми четырьмя колесами.

Сломленный вестью, сомневаться в которой он не мог, Дрона бессильно выронил свой лук и уселся на площадке колесницы, произнося молитву о сыне. Видя это, брат Драупади соскочил со своей колесницы и двинулся к Дроне. Все, кто это видел, закричали, призывая оставить Дроне жизнь, но все крики заглушил вопль Арджуны.

— Брось меч, Дхриштадьумна! На кого ты поднимаешь руку, безумец!

Не обращая ни на кого внимания, Дхриштадьумна вскочил на колесницу Дроны, схватил левой рукой его седые волосы, а правой отсек голову. В это мгновение засиял весь небосвод, словно бы появилось второе солнце. Это уходила в верхний мир, во владения Брахмы, погруженная в йогу душа воина, не имевшего себе равной по благородству. Но этот свет вознесения видели из

находившихся поблизости только Арджуна, Кришна, Крипа и Санджая, колесничий слепого царя. Остальные же в это мгновение оставались слепы. Они видели лишь Дхриштадьумну, залитого кровью Дроны, прыгнувшего с колесницы с головою Дроны в руках. Они видели, как он швырнул ее на траву и как Кауравы, на мгновение оцепенев, обратились в бегство. Пандавы же, уверенные в своей полной победе, предались ликованию. Бхима и Дхриштадьумна стали плясать среди войска, обнимая друг друга. Когда же у них иссякли силы, Бхима сказал убийце Дроны:

— Спаяшем еще раз, когда будет сражен сын возничего Карна.

Нараяна

Устрашенные ликующими воплями врагов, покрытые пылью, дрожащие всем телом, Кауравы окружили Дурьйодхану. Он же, бессильный им помочь, погнал колесницу на край поля. Пустились в бегство и колесницы Шакуни, царя Гандхары. Бежал и Карна вместе со всем своим огромным войском. Крипа же брел по полю, всхлипывая и без конца повторяя: «Беда! Беда!» И только один Ашваттхаман рвался вперед, не понимая, в чем причина переполоха. Подъехав к Дурьйодхане, он спросил:

— Почему бегут Кауравы? Не употребили ли враги какое-либо новое оружие?

Не в силах сообщить ему о гибели отца, Дурьйодхана залился слезами. И тут подошел Крипа, повторяя: «Беда! Беда!» И потрясенный, погруженный в горе, поделился с ним случившимся, не думая о последствиях.

Услышав о гибели отца, Ашваттхаман был охвачен великим гневом:

— Сегодня я применю оружие отца и добуду мир! — воскликнул он.

— Где же это оружие? — спросил Дурьйодхана. — Почему твой отец не воспользовался им сам? Мы, обучавшиеся у него, никогда о таком не слышали.

— Владению этим оружием отца обучил Нараяна под условием, что он применит его в крайнем случае, а секрет его передаст лишь сыну. Это небесное оружие, спускающееся с неба подобно дождю. Оно может убить всякого. Поэтому отведи войско, а я пойду к реке один. Погружу руку в воду и произнесу заклятие, которое я держу в памяти.

Войско Кауравов отступило, и Пандавы стали ждать гонцов с мольбой о мире. Но вместо этого пронесся могучий порыв ветра, насыщенного влагой. При безоблачном небе раздались удары грома. Разбушевался Океан, и его потоки преградили выход рекам, которые потекли в обратном направлении, заливая поля и

леса. Вершины гор стали раскалываться, и из них вырывались потоки пламени. Запылали леса. Пламя вступило в схватку с водами.

И впервые Арджуна решился бросить обвинение старшему брату:

— Как ты мог, Юдхиштхира, ради обретения царства совершить нечестивый поступок! Ведь Дрона, обращаясь к тебе, был уверен, что ты не обманешь. Ты же солгал нашему наставнику, произнеся неясно слово «слон». И нежно любящий своего сына отстранился от битвы и лишился жизни. А ведь Дрона был нам как отец. Сам знаешь — согласно предписаниям закона, он и был нам отцом.

На эти слова Юдхиштхира не ответил. Он стоял, низко склонив голову, пораженный стыдом и раскаянием, однако Бхима, преисполнившись гнева, молвил:

— Ты, Арджуна, возглашаешь подобно отшельнику, живущему в лесу, или брахману, суровому в обетах и чуждому закону насилия. Ты говоришь о справедливости, но где твой гнев, накопившийся за тринадцать лет нашего изгнания? Где твоя память об оскорблении нашей супруги Драупади? Оставайся же здесь вместе со своими наставлениями, я же один сокрушу своей пащей сына Дроны.

— Я не жалею, что отрезал голову Дроне, — сказал Дхриштadyюмна. — Ведь Дрона убивал моих родственников. Отказ же в убийстве врагов — величайший грех.

Между тем тайное оружие Нараяны вступило в битву. Воздух заполнился стрелами, напоминающими змей с пылающей пастью. Показались железные шары и диски с краями, острыми, как бритвы. Всякий раз, когда Пандавы пытались отразить это оружие, действие его усиливалось. Разрезаемые на части, сжигаемые, теснимые со всех сторон, обратились в бегство Пандавы. Но от небесного оружия не убежать. От него не укрыться в пещерах или домах, если бы они и оказались неподалеку. Стрелы, шары, диски меняли направление, следуя за своими жертвами. И постигла бы все войско Пандавов гибель, если бы в его рядах не был Кришна. Он знал о дружбе Дроны и Нараяны и догадался, что оружием Дроны стала мудрость Нараяны, а мудрость эта состояла в том, что не надо отвечать на силу силой, на зло злом.

— Сойти всем с колесниц и коней! — прозвучал громовой голос Кришны. — Подальше отбросить от себя оружие. Стоять спокойно, сидеть или лежать, выбросив из головы даже мысль о сопротивлении. И оружие отступит. Оно поражает тех, кто ему противится.

Все последовали совету Кришны. Только один Бхима, закрыв голову щитом, орал во всю свою волчью глотку:

— Не слушайте его! Есть ли большой позор для кшатрия, чем бросить оружие! Смотрите на меня! Я отражу небесное оружие своими стрелами, разобью его своей палицей!

Но чем быстрее двигался Бхима, чем громче он орал и сильнее размахивал палицей, тем больше к нему летело стрел, шаров и дисков. И пришлось Арджуне, спасая неразумного брата, защитить его огненной мощью своего тайного оружия. Теперь колесница Бхимы была закрыта двумя огромными колпаками огня. Оставалось вытащить его самого наружу. И это удалось сделать, поскольку нараяна отступила перед безоружными Арджунной и Кришной. И как только последний из бойцов, уже лишенный оружия Бхима, был вытащен из беснующегося пламени, подул мягкий ветерок. Могучая сила небесного оружия была усмирена непротивлением ему.

Дурьйодхана, видя, что вражеское войско спасено, сказал сыну Дроны:

— Теперь уничтожь их нараяной.

— Нараяна не может быть применена дважды, а у меня нет больше сил сражаться, — ответил Дхриштадьюмна.

Поединок

Распустился утренний туман. Далеко простирающийся гул барабанов разбудил равнину, и она заблестела оружием, залестрела одеяниями, задвигалась колесницами. На горе Меру пробудились боги и заняли места, чтобы все видеть, ничего не пропустить. Ведь еще вчера, на пятнадцатом дне от начала битвы, было решено отдать судьбу великого сражения единоборству Карны и Арджуны, старых соперников в искусстве стрельбы из лука.

И вот они ринулись навстречу друг другу на колесницах. Сила этих колесниц была от лесного дерева, быстрота — от Вайю, грохот — от Марутов. Вот сошлись соперники, как два слона, соперничающих из-за слонихи, как туча с тучей, как гора с горой, если бы такое можно было вообразить. Оба воинства отошли в сторону, чтобы наблюдать величайший из поединков, которые знала земля.

Боги кричали:

— Вперед, Арджуна! Давай! Давай!

Асуры, пуская слюни, вопили от нетерпения:

— Карна! Рази Арджуну!

Сперва Карна ранил Арджуну десятью великими стрелами. Арджуна выпустил столько же стрел и ранил Карну в бок. Оба, не чувствуя боли, продолжали сражаться, стремясь поразить друг друга в самые уязвимые места.

Видя, что брат в первые мгновения боя не добился победы, преисполненный гнева Бхима Закусив губу приплясывая на месте от нетерпения, крикнул он Арджуне

— Как случилось, что Карна первым поразил тебя десятью стрелами? Или ты тотчас же предашь его смерти или я сам убью его этой палицей!

— Немного терпения, брат, — отозвался Арджуна, не оборачиваясь — Сейчас я кликну грозное волшебное оружие Оно даст мне победу, если, конечно будет на то воля богов

Гандива, знавшая свое имя, как верный пес мгновенно явилась на клич Но и у Карны была смертоносная, огненная, ярко полыхающая, гладко отполированная, змееголовая, полная жгучего яда стрела Сын Солнца давно уже берег ее на случай встречи с Арджунной, лелеял ее в золоченом тростниковом футляре и сандаловом порошке как любимое дитя, и воздавал ей почести, как божеству

Едва Карна наложил свое детище на тетиву, как один из царей крикнул ему

— Не коснется эта стрела шеи Арджуны Цель в голову!

Глаза Карны покраснели от гнева, и ответил он, изготавливаясь к выстрелу

— Знай, что Карна никогда не прицеливается дважды!

Заметив, что Карна отпускает натянутую тетиву, Кришна, стоявший на колеснице Арджуны как возникший, двумя ногами уперся в ее днище И ушли колеса в землю Поэтому стрела угодила не в шею Арджуны и не в его голову, а в диадему, славную во всех трех мирах Сорванная стрелой и вспыхнув от яда, лежала она на земле, пламенея, как солнце в час заката Но Арджуна не медля повязал голову куском белой ткани и воссиял, словно гора Восхода После этого он, натянув до уха тетиву, выпустил в Карну одну за другой двенадцать стрел, а потом метнул еще одну, лучшую, железную Пробив кольчугу, напившись крови Карны, она ушла в землю по самое оперенье

И долго они еще поражали друг друга стрелами, затмевавшими четыре стороны света Но тут в земле увязло одно из колес, словно бы в колеснице Карны оказалась какая-то невидимая тяжесть Влекомая конями, стала колесница мотаться из стороны в сторону Зашаталось и знамя Карны — слоновья подпруга — видное в любом месте поля боя

И стал тогда Карна порицать изменившее ему счастье, вспоминая и о том, как Индра отнял у него панцирь и золотые серьги Арджуна же, пользуясь этим, осыпал врага стрелами

И брызнули слезы из глаз Карны И крикнул он Арджуне

— Стой! Потерпи немного! Видишь что земля колесо мое пожрала Не будь подобен трусу стреляющему в того, у кого распустились волосы, в того, у кого иссякли стрелы, в того кто сло-

жил ладони в знак покорности. Ты ведь по рождению кшатрий, продолжатель великого рода. А дхарма не позволяет с колесницы убивать стоящего на земле.

Остановив колесницу, Арджуна ответил:

— Почему ты не вспомнил о дхарме, когда подлый Шакуни обыгрывал Юдхиштхиру, не сведущего в игре, когда втащили Драупади полуобнаженную в зал собрания? Ты был среди тех, кто катался от хохота. Где было тогда твое благочестие?

Между тем Карна сошел с колесницы на землю и стал возить-ся с колесом, выскальзывавшим из его рук. Арджуна же вынул из колчана стрелу, подобную пламени или солнечному лучу, губительную для самой смерти. Возложил он ее на лук и, оттянув тетиву, воскликнул:

— Пусть моя стрела будет победной! Да пошлет она Карну в обителище Ямы.

И пронзила стрела могучее, лишенное панциря тело Карны. Рухнул он на землю. Душа, выйдя из тела, пронзила своим сиянием небо.

И тогда Сурья, катившийся по небу колесом, увидел гибель своего сына. Склонившись, он нежно прикоснулся к нему своими лучами-руками, мгновенно наполнившимися кровью. Окрашивая ею весь небосклон, он удалился к Западному океану, чтобы совершить там омовение.

И угас Карна, как Сурья, когда тот, клонясь к закату, с собою свет уносит. Раскололся небосвод. Обрушились с него блуждающие по небу звезды. Возопила земля, прервали свой бег реки. Повевали свирепые ветры. Задымились стороны света. Взмывали и заревели звери. Заколебались горы, и сонмы живых существ испытали смертную муку.

Арджуна, все существо которого было пронизано светом победы, воссиял, как Индра, одолевший Вритру. Он мчался по истерзанному колесами полю Куру на колеснице, громыхающей, как скопище туч, сверкающей, как светило высот, как горный хрусталь. И колыхалось его белое, как снег, знамя, и обезьяна на нем совершала победные прыжки. Но вот показалась колесница со знаменем, на котором распростер крылья царь пернатых. Колесницы Арджуны и Дхриштадьюмны помчались рядом. Воители поднесли к губам свои громозвучные раковины, словно бы целуя их, и звуки заполнили леса и горы, реки и стороны света, радуя Пандавов и Юдхиштхиру.

Услышали эти звуки победы и Кауравы. Израненные, объятые страхом, бежали они, то и дело оглядываясь на великие грозные знамена, на словно бы ожившие изображения обезьяны и орла над вражескими колесницами

Отчаяние

И тогда же потрясенный Дурьйодхана обвел взглядом поле Курукшетру, дымящееся от еще не впитанной землею крови. Его взгляду предстали громоздящиеся горы тел — слонов, коней и воинов. Железноротые, иглорылые демоны жадно пожирали трупы. Разум великого воина омрачился скорбью. В воспаленной памяти проносились подобно призракам сцены сражений всех восемнадцати дней великой битвы и дорогие лица удалившихся в царство Ямы, но из уст вырывалось лишь одно имя: «Карна! Карна!» Дурьйодхана свалился на землю и стал биться о нее головой: «Карна! Карна!»

Внезапно руки и ноги Дурьйодханы содрогнулись и затряслись мелкой дрожью. Он был тяжело ранен. Лихорадка! «Война проиграна, — с горечью подумал он, — но ведь она не была бесполезной! Сколько тысяч недругов я отправил в царство Ямы!»

Эта мысль придавала мужу-тигру бодрости. Поднявшись на ноги, он вытащил несколько впившихся в тело стрел и, пошатываясь, побрел подальше от места битвы. «Нет, это не бегство, — успокаивал он сам себя. — Никто не назовет меня трусом. Я ухажу, чтобы вернуть силы и снова вступить в бой».

Впереди резко закричали утки. «Там, должно быть, вода, — догадался Дурьйодхана. — Мне ее послали боги». Увидев спасительный блеск озера, могучий воин прибавил шагу. Раздвигая разгоряченным телом заросли камыша, он вошел в воду. Она была ледяной, но Дурьйодхана этого не ощущал — так пылало его тело, так велика была жажда возвращения к жизни и к битве. Дойдя до места, где вода коснулась горла, Дурьйодхана замер: одна из пролетавших над озером уток, приняв острие шлема за тростник, опустилась на его голову.

В это время к берегу подошел охотник. Оглядев озеро, он увидел утку, странно возвышавшуюся над водой; когда же натянул лук, чтобы сразить птицу, понял, что она сидит на голове вождя Кауравов. «Теперь я буду богат», — возликовал охотник и поспешил к Пандавам, чтобы сообщить им о своем открытии.

Так Пандавы оказались у озера, и сразу их взгляд встретился с горящими ненавистью глазами Дурьйодханы.

— Что же ты, храбрец, — воскликнул Арджуна, — доведя свое войско до гибели, ушел в воду по шею, как змея? Плыви ко мне.

Но Дурьйодхана не шевельнулся.

— Вас много, а я один! — крикнул он.

— Не бойся! — отозвался Юдхиштхира. — Мы кшатрии и не нападем скопом! Ты сможешь выбрать противника.

— Пусть будет так! — воскликнул Дурьйодхана. — Я готов сразиться с одним из вас.

И поднялся Дурьйодхана на берег. Сверкнула в его руке палица, словно взметнул ее сам Яма.

— Кто первый?! — закричал он.

— Я! — отозвался Бхима, выступая вперед. — Вспомни, Дурьйодхана, что я тебе обещал, когда ты оскорблял Драупади.

В воздух взлетели палицы, и началась такая великая схватка, что в движение пришел весь мир. Из пустыни подули и взметнулись вихри, с неба обрушились молнии, затряслась в припадке земля.

От первого могучего удара Дурьйодханы Бхима упал на колени. Ликуя, нанес Дурьйодхана своему врагу еще один удар, в висок. Залилось кровью лицо Бхимы. Но и вслепую он нанес ответный удар, и рухнул Дурьйодхана, поднимая столбы пыли. Когда он поднялся, Бхима был уже на ногах. И кружа по полю, он отскакивал то вправо, то влево, избегая ударов Дурьйодханы.

И тут услышал Бхима слова, произнесенные Кришной вполголоса, но очень явственно:

— Бей ниже пояса.

И нанес Бхима запрещенный удар. Палица раздробила незащищенное бедро, и Дурьйодхана свалился на землю.

Духи смерти, многорукие, многоголовые, уже приближались к нему. Издав торжествующий рев, Бхима наступил на тело врага и начал совершать на нем победную пляску.

— Прочь, Бхима! — закричал Юдхиштхира. — Это же твой брат! Он честно сражался, утратив царство, братьев, соратников. Позорно оскорблять поверженного!

Когда пристыженный Бхима отошел, Юдхиштхира склонился над умирающим со словами примирения.

— Не обижайся на нас, — проговорил он проникновенно. — Сама судьба свела нас с тобою в сражении. Не наши, а ее удары испытал ты за то, что не пожелал следовать правильным путем.

Но Дурьйодхана, кажется, уже не расслышал этих слов. Его могучее тело корчило в предсмертных судорогах.

Сова и вороны

*И крадется не знающий жалости воин,
Словно к стае вороньей — бесшумно совою.
И во мраке горят его желтые очи.
Колдовством победителей стан заморожен.
И угасла великих воителей слава
Над Курукшетрой луною кровавой.*

Весть о том, что могучий Дурьйодхана сражен, облетев весь мир, достигла места, где находились остатки разгромленного его воинства. И ринулся Ашваттхаман вместе с Крипой и возничик к берегу озера, чтобы взглянуть на умирающего и с ним

проститься. Еще издали они увидели парящих над Дурьйодханой коршунов и поняли, что властелин еще жив, и поспешили к нему. Он лежал в луже собственной крови, как смертельно раненый тигр. Соскочив с колесницы первым, сын Дроны сжал слабеющую руку вождя Кауравов.

— Знай, благородный, — сказал Ашваттхаман, — что твоя гибель для меня то же, что смерть моего отца, сраженного коварством и ложью. Я отомщу за вас обоих еще до восхода нового солнца.

Умирающий благодарно взглянул на юношу. Не мешкая, Ашваттхаман вскочил на колесницу, и она понеслась в сторону леса. Еще издали ему и его спутникам бросился в глаза огромный баньян, возвышавшийся над своими лесными собратьями как владыка над подданными, и воины решили отдохнуть под его царственной сенью. Прибыв к месту, они распрягли коней, омыли свои кровоточащие тела, сотворили вечернюю молитву и улеглись. Спутники Ашваттхамана сразу погрузились в сон. К нему же, мучимому тоской и яростью, покой не приходил. Он вспомнил слышанную еще в детстве сказку о сове, истреблявшей ночью тысячу своих врагов — заснувших на дереве ворон, и решил действовать.

Бесшумно, как сова на спящих ворон, напал Ашваттхаман на затихший лагерь Пандавов. Определив по местоположению и размерам шатер предводителя, он бросился туда. Дхриштадьумна спал под сладостно благоухающим покрывалом. Постояв несколько мгновений, Ашваттхаман схватил брата Драупади, сбросил его с ложа и прижал могучей стопой к земле.

— Умертви меня оружием! — умолял Дхриштадьумна. — Дай мне с честью войти в мир блаженных.

— Не будет тебе ни блага, ни чести! — вопил Ашваттхаман, втоптывая своего противника в землю.

Покинув шатер предводителя войска Пандавов, сын Дроны вскочил на колесницу и стал словно мясник крушить всех, кто попадался ему на глаза — простых бойцов, обезумевших коней, слонов, вопящих женщин. Но не было среди убитых им пяти ненавистных братьев. В эту ночь они удалились на охоту.

Головы, ноги и руки заполнили воздух. И многие перед тем как погибнуть от руки Шивы, принявшего облик Ашваттхамана, говорили: «Если сыновья Кунти были бы с нами, чьи бы и избежали смерти. Ведь Вишну заботится о братьях Пандавах».

Утро победы

Отягощенные охотничьей добычей, возвращались братья из леса. Вот уже на небе показалась золотая колесница богини зари Уша. Вскоре и они запрягут коней в свою колесницу и помчатся в лагерь. Но почему Кришна при их появлении даже не обернулся? Разве его не радует утро победы, завоеванной с его помощью?

Кришна закрыл лицо руками и зарыдал.

Пандавы, никогда не видевшие его плачущим, поняли, что произошло непоправимое. И только после этого они увидели, что лагеря нет. Вместо него высился черный холм — все, что осталось от их победы.

Молча двинулись Пандавы к тому, что было еще вчера лагерь. Между тем поле словно бы ожило, покрывшись фигурами в черном. Женщины разыскивали тела своих отцов, мужей, сыновей, братьев, прогоняя шакалов и сидевших на трупах коршунов. Плач и крики слились с воем хищников, хлопанием крыльев, с треском погребальных костров. Но кто это идет навстречу? Дхритараштра и ведущая его Гандхари. Поле Курукшетра взяло у них сто одного сына. При виде несчастных Пандавы съезжились. Но Гандхари даже не взглянула на племянников. Ее горящий взгляд устремился на одного Кришну:

— Взгляни, лотосокий, на дело своих рук, — проговорила она, — на моих снох, носящихся по полю с распущенными волосами и кричащих, как чайки на взморье. Видишь, как, найдя головы, они пытаются соединить их с телами? Видишь, как они царапают ногтями щеки, как бьют себя в грудь, как тащат тела своих любимых к кострам, чтобы сгореть вместе с ними?

Повернув лицо к Арджуне, Гандхари добавила:

— Взгляни, милый племянник, там Уттара, твоя сноха, обнимает тело твоего сына и разговаривает с ним, как с живым. Почему же ты не удержал свой меч, начиная битву? Ведь этот меч отнял и у тебя самое дорогое.

Арджуна бросился к царю и царице и крепко сжал их в своих объятиях. Что он мог им сказать в эти мгновения? Вспомнить, что перед тем, как поднять меч на братьев, он колебался до тех пор, пока Кришна не убедил его, что нет иного выхода, кроме как безумно сражаться и убивать? И был ли у него иной выход?

Вскоре братья вступили в опустевший дворец, где прошли их детство и юность, где все напоминало о детстве. От ноги что-то отскочило. Поняв, что это деревянный мяч, Арджуна поднял его и прижал к сердцу. В пустом зале высился трон слепого царя и на нем что-то блестело. Подойдя ближе, Юдхиштхира увидел, что это корона. Он взял ее в руки и ощутил необыкновенную тяжесть, словно была она не из золота, а из свинца.

Последнее странствие

Через некоторое время Кунти объявила сыновьям, что уходит, по обычаю предков, в ле И напрасно они уговаривали ее остаться. Вместе с нею удалились в лес слепой Дхритараштра вместе с Гандхари, решившие провести конец жизни в молитвах.

Прошло еще несколько лет, и однажды Юдхиштхира объявил братьям, что решил оставить царство и уйти в Хималаи.

— Разреши мне пойти с тобой, — первым сказал Бхима.

— И мне тоже!

— И мне! И мне! — слышались голоса.

— Но не можем же мы уйти все! — воскликнул Юдхиштхира.

— На кого мы оставим царство?

— На нашего внука Парикшита, — сказал Арджуна.

Юдхиштхира едва удержался от смеха:

— Но ведь он еще ребенок!

— И поэтому не потерял интереса к жизни, — возразил Арджуна.

— И у него нет врагов и соперников, — добавил Бхима.

И вот настал день прощания с этим миром. Юдхиштхира первым подошел к Драупади, чтобы обнять ее, но она отстранилась.

— Я иду с вами, — проговорила она твердо.

— Это невозможно! — воскликнул старший из Пандавов. — Путь долог и полон опасностей. Тебе его не вынести.

— Но если годится вам, почему не мне?

Окружили братья супругу, и каждый, ласково обращаясь к ней, находил доводы, чтобы убедить ее остаться. Но она и слышать не хотела о разлуке. Пандавам пришлось уступить.

На заре, когда столица и дворец были еще погружены в сон, путники накинули на плечи шерстяные плащи, одели заплечные мешки с провизией на дорогу и, покинув дворец, двинулись улицей, ведущей к Северным воротам.

Последний раз стучали их подошвы по священным камням Хастинапуры. Их взорам предстали места, дорогие им с детства. За воротами, проходя мимо колодца, в который когда-то упал мяч, они остановились и заглянули в него. На воде дрожали отображения их бородатых лиц и лица Драупади.

Едва они отошли от колодца, к ним пристала невесть откуда взявшаяся собака со впавшими ребрами и облезшей шерстью.

— Это ваша собака? — спросил Юдхиштхира близнецов, зная, что с малых лет они любили возиться с четвероногими и птицами.

— Нет! — ответили Сахадева и Накула в один голос — Мы видим ее впервые.

— Прогоним ее! — предложил Бхима. — Она будет лаять на животных и на раکشасов, не даст нам покоя.

— Пусть идет! — проговорил Юдхиштхира. — Животное тоже выбирает свой путь.

И так они шли гуськом. Впереди Юдхиштхира, за ним — остальные братья, потом Драупади, последней же, виляя хвостом, собака. Это было удивительное животное. Вопреки опасениям

Бхимы, собака никого не беспокоила. Кажется, она была вообще лишена голоса. И никто не видел, чем это животное питается.

Месяца два дорога шла полями и лесами. Потом начался подъем. Тропинка сменилась осыпью камней. Ледяной ветер подул в лицо. Покрытые снегом вершины слепили глаза.

В один из дней собака впервые подала голо Нет, она не лаяла, а выла, да так, что мороз продирает по коже.

— Что ей надо? — проворчал Бхима. — Если ей трудно идти, пусть возвращается, мы ее не держим.

Собака немедленно умолкла, словно бы из страха, что ее прогонят и она останется одна в Хималаях. Юдхиштхира же сказал:

— Пусть остается.

Спустя несколько дней собака залаяла, да так сильно, что братья невольно оглянулись. Они увидели Драупади, лежащую на камнях, и окружили ту, которая была им женою и другом. Они стояли долго, не двигаясь, словно окаменев, и наконец, прикрыв тело любимой камнями, снова двинулись в путь.

И снова несколько дней спустя собака завывала, а потом залаяла. Теперь на камнях лежали близнецы. Неразлучные в жизни, они и ушли из нее вместе. Потом упал и не поднялся Арджуна, за ним — Бхима.

Старший из братьев шел к своей цели, ощущая за спиной дыхание и взгляд собаки, последнего живого существа в мире ледяного безмолвия.

Внезапно впереди выросла огромная фигура Индры.

— Боги приветствуют тебя, Юдхиштхира, — промолвил Индра торжественно. — Следуй за мной на небо.

— Я пойду за тобой, если ты разрешишь идти и ей, — сказал последний из Пандавов, показывая на собаку.

Индра молчал несколько мгновений, словно бы онемев от этих дерзких слов, но затем проговорил:

— Это невозможно. Собаке нет места на небе.

— Тогда и я останусь здесь. Не могу же я покинуть верного друга.

— Как! — загрохотал Индра. — Ты отказываешься идти на небо из-за собаки?!

— Эта собака проделала с нами весь путь. Она была свидетельницей смерти моих братьев и Драупади. Я видел на ее шерсти замерзшие слезы. Извини меня, Индра, но я останусь вместе с нею.

С этими словами Юдхиштхира повернулся, чтобы взять собаку на руки, но вместо нее стоял Яма.

— Иди, Юдхиштхира, своим путем справедливости, — сказал Индра. — Ты выдержи испытание. Тебя поджидают боги, гандхарвы, апсары в блистающих одеждах, туры — люди, витязи, отрешенные от гнева. Иди, Юдхиштхира!

На этом завершился земной путь героев. Но не действие «Махабхараты». На небе Юдхиштхира не нашел своих братьев и узнал, что за прегрешение им назначен ад. Тогда благородный Юдхиштхира отказывается от райских наслаждений и просит отвести его к месту мук. У врат ада мрак преисподней рассеивается светом души Юдхиштхиры. Братья соединяются для вечного блаженства.

Наль и Дамаянти

Подсчитано, что «Махабхарата» больше чем наполовину состоит из «вставных» рассказов, основное содержание которых — война Пандавов и Кауравов. Строй «Махабхараты», подобно боевому строю закованных в медь воинов, время от времени раздвигался, чтобы пропустить в свои ряды сравнительно небольшие по размеру и легкие в чтении рассказы о мудрецах и героях. Каждое из «поколений» великого эпоса имело свою творческую, и подчас более древнюю, чем он сам, историю. Так, нишадец Нала (Наль), ставший героем одной из «вставных» новелл, был известен уже «Шапатхабрахмане» — сказанию еще более раннему, чем «Махабхарата». Следы легенды о Нале и Дамаянти сохранились и в «Рамаяне», также предшествовавшей «Махабхарате». героиня «Рамаяны» Сита говорит, что она «предана своему супругу, как Дамаянти — нишадцу». О глубокой древности «Сказания о Нале» свидетельствует и то, что в нем присутствуют ранние ведийские боги: Индра, Агни, Варуна, а также демон, имя которого, «Кали», лишь много позднее было закреплено за кровожадной богиней смерти, супругой неведомого ранее Шивы.

Подобный процесс вхождения древних сказаний в мифологическую систему — обычное явление. Известно, например, что в Ветхий Завет введены мифы Вавилона и Угарита, а гомеровские поэмы содержат явные вставки из более ранних произведений, авторами которых названы Орфей, Лин и другие. Но чем обусловлен выбор составителей индийского эпоса, включение ими той или иной фабулы более раннего происхождения? Применительно к «Сказанию о Нале» — скорее всего сюжетной близостью. Ведь в «Сказании..» присутствуют те же сюжетные ходы, что и в «Махабхарате» — «Свяянвар», «Состязание за невесту», «Игра в кости», «Утрата царства», «Уход супругов в лес», «Вынужденная разлука»; да и

«Сказание о Нале» вводится в «Махабхарату» как рассказ отшельника, утешающего Юдхиштхиру, жалующегося на свою горькую судьбу. Можно даже предположить, что общая цель такого рода самостоятельных эпизодов — замедлить темп эпического повествования, дать читателю оторваться на время от главных героев, чтобы вернуться к ним с прежней непосредственностью восприятия. Действие благодаря новелле замедляется, но одновременно приобретает бо́льшую объемность и глубину.

Имя «Нала» носит не только герой «Махабхараты», но и персонаж «Рамаяны» — могучий и мудрый архитектор-обезьяна. В самом этом имени гибкость и изменчивость — качества, без которых трудно было выжить в эпохи создания эпосов. Нала претерпевает различные метаморфозы, меняет облик, но при этом всегда сохраняет свою сокровенную суть. В этом смысле Налу ближе всего древнегреческий герой Одиссей, а Дамаянти — супруга Одиссея Пенелопа, как воплощение верности и самопожертвования. И кажется, что именно это сходство обеспечило «Сказанию о Нале» завидную популярность, сначала в Западной Европе, а затем и в России. Первое стихотворное переложение этой легенды (1819) принадлежит перу немецкого поэта-романтика Риккерта; именно это произведение двадцать лет спустя стало главным литературным источником для В.А. Жуковского при создании поэмы «Наль и Дамаянти».

* * *

Некогда в Нишадхе, одном из царств древней Индии, правил Юный царь Наль. Не было прекраснее и отважнее его среди мужей. Твердой рукой вел он боевую колесницу, не уступая в этом благородном искусстве самому Солнцу, опоясывающему все небо на сверкающей золотом повозке. За сто шагов он сбивал не дающей промаха стрелой орех. Был воспитан в глубочайшем почтении к богам и в верности к отеческим законам. Никогда не нарушал данного слова, поэтому и друзья, и враги называли его Беспорочным. Молва о мудрости и благородстве Наля разнеслась по всему свету, а его удачливость вошла в поговорку.

Однажды после охоты отдыхал Наль на берегу светлого горного озера. Вместе с ним был его колесничий Варшнея, много видевший на своем веку и обладавший редким даром рассказчика. На этот раз речь шла о Видарбхе, которой правил могучий царь Бхима по кличке «Страх для врагов», о его прекрасной столице Кундине, о храбрых его сыновьях и дочери Дамаянти, краше которой нет на всей земле. Дойдя до этого места в своем рассказе, колесничий отыскал такие краски и слова, что Наль слушал, как зачарованный.

Заметив плывущего по озеру златокрылого лебедя, Варшнея прервал рассказ и схватился за лук.

— Взгляни, царь, — воскликнул он, — какая добыча идет нам прямо в руки!

— Оставь в покое лебедя! — отозвался Наль. — Прошу тебя, продолжай...

Лебедь подплыл к самому берегу и обратился к царю:

— Благодарю тебя, Наль. Ты сохранил мне жизнь. И я не останусь в долгу. Я расскажу Дамаянти о тебе, чтобы она полюбила тебя так же сильно, как ты любишь ее.

Сад и пруд у царского дворца в Кундине оглашались в то утро звонкими девичьими голосами. Как всегда, Дамаянти проводила время в забавах. Вдруг в небе показалась стая лебедей и с шумом опустилась на водную гладь. Девушки бросились к берегу, чтобы покормить птиц и полюбоваться их красотой. От стаи отделился златокрылый вожак и царственно поплыл к берегу, отражаясь в едва колеблющейся поверхности пруда. Приблизившись к Дамаянти, лебедь приветственно взмахнул крыльями:

— Несравненная! — проговорила птица нараспев. — В Нишадхе царствует Наль, которого все называют Беспорочным. Среди тех, кто владеет мечом, нет ему равного в уме, красоте и храбрости. Силен он, как тигр — владыка лесов, и мудр, как отшельник-брахман. Ты всем его существом овладела. Он любит тебя. Он средь мужей драгоценный бриллиант. Ты — жемчужина дев. Если б он стал мужем твоим, две драгоценности, соединившись, весь мир смогли б ослепить неземной красотой.

Не шелохнувшись, внимала Дамаянти лебедю, и только когда он взлетел, крикнула ему вслед:

— Налю, царю, привет передай!

И столько было в этих словах ликованья, что каждый, кому посчастливилось их слышать, понял: Кама, могучий владыка любви, задел Дамаянти своим цветком-стрелой. И вскоре заметили подруги в царевне перемену. Обращая взгляд к облакам, она вздыхала. Румянец на ее щеках появлялся внезапно, после чего лицо становилось еще бледнее. Больше никто не слышал ее смеха. Служанка Кешини, что была к ней приставлена с детства, прибежала к царю. Услышав рассказ, понял Бхима, что наступило для дочери время любви.

Тотчас он разослал по всем царствам гонцов с вестью, что через полгода, в назначенный день, он приглашает царей и их сыновей на пир, на котором сама Дамаянти выберет себе мужа.

Прошли шесть месяцев. Перед днем, какой был Бхимой назначен, по всем дорогам, ведущим в столицу, тянулись люди в богатых одеяниях — кто на коне, кто на слоне, кто на верблюде, а за ними их свита и повозки с дарами. Каждый из знатных гостей надеялся на благосклонность прекраснейшей из дев.

Весть о красоте Дамаянти достигла верхнего неба. И собрались на землю, чтобы счастье свое испытать, могучий властитель молний

и грома Индра, Агни — повелитель огня, бог вод Варуна и Яма — судья человеческих дел, жизни и смерти. Решив отправить к Дамаянти свата, они узнали от вхожих на небеса праведных старцев, что нет в среднем из миров никого благороднее Наля.

И увидел Наль богов, стоящих, земли не касаясь. Несмотря на жаркое время, на лицах их не было пота, на одеяниях пыли.

— Здравствуй, владыка Нишадхи, — проговорил Индра, — Весть о твоём благородстве и верности слову достигла горы Меру. И мы решили избрать тебя нашим послом.

Наль склонился в низком поклоне.

— С величайшей радостью я выполняю любое ваше поручение, которое мне под силу. Я внимаю!

— Нам стало известно, — продолжал Индра, — что выдают замуж прекрасную Дамаянти. Предстань перед нею и спроси, кого из нас она пожелает иметь супругом. Ведь нам не пристало соперничать со смертными.

— Не смогу я быть вашим послом! — воскликнул Наль, потрясенный услышанным. — Ведь сам я за тем же иду в Кундину.

— Но ты дал согласие! — проговорил Индра. — Ты хочешь слово нарушить?

— Нет! — вспыхнул Наль. — Я готов выполнить поручение. Но как мне проникнуть в покои царевны? Я слышал, что туда никого не пускают.

— Это — наша забота! — хором ответили боги.

Через мгновение Наль уже стоял перед Дамаянти, не в силах оторвать от нее глаз. И она им любовалась. Щеки ее пылали.

— Кто ты? — спросила она наконец. — И как ты здесь оказался, не замеченный стражей?

— Я — посланец богов, — ответил Наль. — Владыки небес Индра, Агни, Варуна и Яма поручили мне узнать, кого из них ты избираешь в супруги.

— Но сам-то ты кто, посланец, ответь!

— Я — Наль, правитель Нишадхи.

— Благодаренье богам, передай за великую честь, — проговорила Дамаянти. — Сам же знай, что мой избранник — ты. Об этом я сама сообщу завтра гостям, а отец пригласит их на свадьбу.

***

Возвращаясь на небо, встретили боги могучего демона Кали. И он торопился на пир, надеясь стать мужем самой красивой девушки в мире.

— Ты опоздал, — сказал демону Индра. — Дамаянти сделала выбор.

— И кто же из вас избранник?

— Никто. Избран Наль, царь Нишадхи.

— Как? — завопил демон. — Дамаянти вам предпочла смертного? И вы ей простили эту обиду?

— Мы не в обиде, — ответил Индра за всех — Ведь недаром Наля зовут Беспорочным Мы уступили Дамаянти тому, кто достоин быть ее мужем

Оставшись один, Кали усмехнулся

— Как бы не так!

Он вытащил игральные кости и призвал злого духа Дванару приказав ему поселиться в них Затем, приняв облик брахмана, Кали отправился к сводному брату Наля Пушкарю, который жил в своем городке, не мечтая об иной участи, и сказал ему

— Вот тебе кости Ты вызовешь Наля на игру, и твоим станет его достояние земли, кони, рабы Он все потеряет Жди когда я назначу время для вашей схватки за игорным столом

***

Прошло несколько лет после свадьбы Наля и Дамаянти Не было в мире более счастливой пары, чем они Появились дети Этого и дожидался Кали, чтобы больше для Наля и Дамаянти был удар, который он втайне готовил

Наль принял вызов Пушкарю, ибо о кознях Кали не знал, а игру в кости любил Сначала на кон было поставлено золото, и Наль его проиграл За золотом пошли земли И они достались Пушкарю

Напрасно молила Дамаянти супруга бросить игру Он ее не слушал

Вслед за землями были проиграны кони и колесницы Кости летали над столом как живые, поблескивая злобными черными глазами

Явился Варшней, вернейший из друзей царя и от имени народа предложил Налю бросить игру Но тот словно бы оглох Видя это, Дамаянти попросила колесничего отвезти детей к своему отцу в Кундину, а сама приготовилась к худшему

Каждый раз, когда Наль бросал кость она падала таким образом, что на ее внешней части оказывалось лишь одно очко, подобное злему глазу Кали К утру Наль проиграл оружие Затем Пушкарю досталась вся одежда, кроме одеяния покрывавшего разгоряченное от азарта тело Наля

— Теперь, — сказал Пушкаря, — ставь на кон Дамаянти Ибо что ей делать с тобой, нищим!

Ничего не ответив, Наль повернулся и покинул уже не принадлежащий ему дворец Дамаянти ушла вместе с ним

***

Ишли они диким лесом, подбирая на ходу ягоды А впереди по тропинке прыгали белые птицы с черными пятнышками, наподобие сорок И решил Наль поймать хотя бы одну из них, чтобы накормить Дамаянти Вместо сети он кинул плащ Птицы, выскользнув, подхватили плащ и забросили на высокое дерево

Потом, спустившись, порхая прямо над головами Наля и Дамаян-ти, запели

Кости мы! Кости! Один лишь бросок
Выхватит хлеба последний кусок
Мы все отнимаем!
Всегда ты гордился своим плащом
Теперь же по лесу пойдешь нагишом
Мы все отнимаем!
Был ты, несчастный, от нас без ума
Вот тебе посох твой и сума
Мы все отнимаем!

И путники побрели дальше укрывшись единственным одея-нием Дамаянти Вскоре тропинка вывела их на равнину к раз-вилке дорог

— Эта дорога ведет в Кошалу, — сказал Наль — А эта к горам Виндхья, где обитают отшельники Куда мы пойдем?

— Пойдем в Кундину, — сказала Дамаянти, — там нас примет отец

— Я не нищий! — воскликнул Наль обиженно — Иди одна

— Как я смогу оставить тебя, возлюбленный, — Дамаянти прильнула к Налю — Тебя, нагого, изнуренного голодом, поте-рявшего все, кроме меня Знай, я всегда буду с тобою Для мужа в бедствиях нет лекарства лучшего, чем верная жена

— Но на всякий случай, запомни, вот дорога в царство твоего отца, — проговорил Наль, отстраняясь — Мало ли что может случиться

Вступив снова в лес, они наткнулись на заброшенную хижину отшельника или охотника, без двери, с кровлей в дырах Но все-таки над головой была крыша Супруги легли на земляной пол и, накрывшись одеянием Дамаянти, провалились в сон, впервые за много дней и ночей

Ночью Наль проснулся и вышел из обители отшельника Он решил покинуть Дамаянти и все придумывал оправдание своему предательству «Ей без меня будет легче! Она вернется к отцу и детям Ая »

Он взглянул на себя и, возвратившись в хижину, отрезал часть одеяния Дамаянти Обвязавшись материей вокруг бедер, он снова покинул их общее пристанище Над деревьями подни-малась бледно-синяя луна Налю показалось, что она насмехается над ним Погрозив луне кулаком, он побрел ей навстречу

***

Утром, проснувшись, Дамаянти обнаружила, что рядом нет Наля «Наверное решил поохотиться», — поначалу решила она, но тут же заметила, что накрыта лишь половиной одеяния Ее охватил ужас Она выбежала из хижины и стала звать Наля Он

не откликался Почему-то ей показалось, что за деревьями метнулась какая-то тень

— Наль! Выходи! — крикнула она — Хватит шутить!

Наль не появлялся и не откликался Но где-то совсем рядом завывали шакалы

Дамаянти провела ладонью по лицу «Нет, это не сон, — подумала она — Наль и впрямь бросил меня одну в лесу, полном зверей и злых духов без пищи и воды Но не мог же он этого сделать в здравом уме! Значит, какой-то враг похитил его разом»

Воздев руки к небу Дамаянти закричала

— Пусть будет проклят враг Наля! Пусть он присохнет к месту, на котором стоит! Пусть он страдает как страдаю я!

И снова кто-то показался из-за дерева В ужасе побежала Дамаянти по лесу, натываясь на колючие кусты, царапая лицо, руки, ноги Споткнувшись о гнилой ствол, она упала и кто-то схватил ее Это был огромный удав сжимавший вокруг ее туловища железные кольца

— Наль! Наль! На помощь! — в отчаянии зывала Дамаянти

Этот крик услышал бродивший по лесу охотник Он бросился на помощь женщине и успел убить змею стрелой

Дамаянти взглянула на своего спасителя Что-то в его улыбке, во всем его облике ее испугало, и она кинулась в чащу Он же гнался за ней и кричал, чтобы она его не боялась, что он хочет взять ее в жены Но именно это и пугало Дамаянти Упав на колени, она обратилась к Индре с жаркой молитвой спасти от преследователя

С чистого неба внезапно ударила молния Ею Индра отозвался на мольбу Охотник был испепелен

Вскоре Дамаянти вышла на светлую поляну и увидела ряд одинаковых, ничем не отличавшихся друг от друга хижин Возле них горели костры Седобородые старцы, сидя на траве, пели гимн По деревьям мирно прыгали обезьяны «Конечно, это становые отшельников», — подумала Дамаянти и без страха подошла к старцам

— Мир вам! — сказала она — Как живется в лесной обители? Не обижают ли вас звери и злые люди?

— Слава богам! — отвечали старцы — У нас все спокойно Чего желаем тебе и твоему дому, красавица Но из какого ты дома и как оказалась в лесу?

Коротко рассказала Дамаянти о своих родителях, о себе, о супруге, о преследующих ее несчастьях и закончила вопросом

— Скажите, не видели ли вы в лесу моего Наля, того, без которого мне лучше и не жить?

— Не видели, страдальца, — отозвался один из старцев — Но мы в состоянии предвидеть будущее Знай, что ты будешь счаст-

лива Безумие, овладевшее властителем Нишадхи, испарится как туман на болоте. И станет Наль снова царем, грозным для врагов, верным для друзей, праведным для богов, твоим супругом, советником и защитником. Разделишь ты с ним богатство и счастье. И все это сбудется, если в тебе не ослабнут терпение и верность.

Старцы вновь затянули гимн. И под их пение уснула на траве Дамаянти, вся мокрая от слез. Когда же она проснулась, не было ни поляны, ни хижин отшельников, ни их самих. Она снова оказалась в чаще, но мелодия гимна звучала в душе и пробуждала надежду.

***

В это же время по лесу блуждал и Наль. Его не пугали дикие звери и разбойники. Казалось, что он бежит от самого себя, от того, что в нем проявилось перед тем, как он и Дамаянти оказались в заброшенной хижине. Как он мог покинуть ее, нежную, любящую, верную? И это сделал тот, кого называли Беспорочным! Ночью Наль проклинал Луну, считая, что именно она выманила его и очаровала своими чарами. Днем он разговаривал с Солнцем: «Не за то ли ты меня жжешь так безжалостно, что я бросил Дамаянти? Ответь!» Но Солнце молчало, так же, как молчала Луна. Казалось, даже звери бежали от него, как от зачумленного. Наклонившись к ручью, чтобы напиться, он увидел свое отображение и отшатнулся: «О, если бы мне больше не видеть этого лица предателя!» — воскликнул несчастный и бросился бежать.

Тогда-то он увидел в чаще пламя в виде кольца и услышал жалобный голо:

— Явись! Явись, царь Наль! Освободи меня и будешь спасен.

— Я иду! — крикнул Наль. — Но где ты?

— Я в огне, — отозвался голо. — Не испугает ли тебя огонь, благородный Наль?

— Не испугает, — отвечал Наль. — Мне не страшны ни огонь, ни вода, ни дикие звери. С недавнего времени я боюсь только самого себя.

С этими словами он вступил в огненное кольцо и увидел прижатую камнем огромную змею с разинутой пастью.

— Кто ты? — спросил Наль. — И откуда тебе известно мое имя?

— Я Каркатака, царь змей, — ответило чудовище. — Много лет назад я обманул праведника, чтобы избавить мой ползающий народ от справедливого наказания. Праведник проклял меня и обрек на огненную кару, объявив, что она кончится, когда меня освободит царь Наль. Вынь меня из огня и я объясню путь к твоему спасению. Ведь змеи мудры, а я их царь.

С этими словами Каркатака стал уменьшаться и вскоре стал так мал, что смог обвить палец нишадды.

— Теперь беги и считай свои шаги¹ — крикнул змей

При каждом шаге Наля пламя глабело, а на десятом и вовсе исчезло, словно его и не бывало. После этого змейка вонзила зубы в кожу Наля, который едва это почувствовал, и сразу же превратилась в огромного чешуйчатого змея. Он пополз к ручью, к тому самому, от которого в ужасе бежал Наль.

Напившись, змей раскрыл спашему его от огненного плена Налю тайну его злоключений.

— Виной их злой демон Кали. Это он помог твоему брату тебя обыграть. Но мало того — он поселился в твоём непорочном сердце и пребывает в нём до сих пор. Когда я вонзил в тебя свои зубы, яд достался ему, а не тебе. Он обречен на муки и не может от них избавиться.

— А как мне избавиться от него² — спросил Наль.

— Иди к Ритупарне, царю Аиодхьи, знающему числа. Он тебе откроет тайну игры в кости, и ты отыграешь своё царство. Теперь же подойди к ручью и взгляни в воду.

— Кто этот урод³ — изумленно воскликнул Наль.

— Это ты. Мой яд изменил твой облик. Теперь тебе нечего бежать от себя. Ты ведь хотел расстаться с самим собой. Твое желание исполнено. Отныне ты не Наль, а Бахука⁴! Если же тебе надоест им быть, натяни эту мою кожу на свои пальцы, и ты снова станешь Налем.

***

В это же время Дамаянти вышла к судоходной реке, близ которой, повторяя ее извивы, змеилась дорога. Ее потянуло к людям, и она пристала к пестрому сборищу путников, лошадей с повозками, слонов и верблюдов, какое называют караваном.

При виде Дамаянти полунагой, одетой, как покрывалом, длинными шелковистыми волосами, бледной, но все же прекрасной, почти все в ужасе разбежались. И только несколько мужчин посмелее подошли и спросили:

— Кто ты — бессмертная или смертная⁵?

— Я — земная, — ответила Дамаянти. — Я ищу своего мужа, царя Наля. А вы куда идете?

— Мы движемся в великий город Цеди, на краю дикого леса. Идем с нами.

И пошла Дамаянти с караваном, как и прежде одинокая и печальная. Когда уже до цели было не более перехода, на караван, устроившийся на ночлег, напали озверевшие слоны. Под толстыми ногами лесных великанов от ударов их хоботов погибло много людей.

Утром оставшиеся в живых едва не растерзали Дамаянти, подозревая, что она ведьма, виновница обрушившихся бедствий.

В Цеди Дамаянти вошла одна и сразу же была окружена гогой чужей толпой детей. Взрослые же в ужасе разбежались. Но ца-

рица-мать, увидев нищенку из окон дворца, приказала ее выпустить. Выслушав ее рассказ, — имени своего Дамаянти не назвала, — добрая женщина предложила страннице остаться во дворце и обещала не обременять работой.

Поблагодарив за участие, Дамаянти попросила царицу-мать сделать так, чтобы она не могла видеть никого из мужчин, кроме брахманов.

— Я дала клятву не разговаривать с мужчинами, пока не отыщу мужа.

— Хорошо, милая, — ответила женщина. — Ты будешь жить в покоях моих дочерей, куда нет входа посторонним.

И почти в то же время Налъ, точнее Бахука, добрался до Айодхьи, где правил царь Кошалы Ритупарна. Он был большим любителем коней и скачек, собирая отовсюду лучших конюших.

Явившись во дворец, Бахука добился встречи с царем и, принятый им, сказал.

— Я — конюх Бахука. В искусстве править конями нет мне равных. Сто миль могу я в день проскакать. К тому же я умею готовить пищу вкуснее многих. Возьми меня на службу.

— Я согласен, — ответил царь. — Смотри за моими конями и приучай их к скачке. Товарищем же твоим будет мой заслуженный конюх Варшнея, служивший когда-то у Налъ.

И стал Налъ вместе со своим конюшим и другом Варшнеей служить одному господину. Но в разговоры с ним не вступал и о себе не рассказывал. Варшнея догадался, что в прошлом у нового конюха была какая-то беда. По ночам, запираясь в стойле, пел он одну и ту же грустную песню об одинокой страннице, бродящей по дикому лесу.

* * *

Между тем Бхима все время после ухода дочери и зятя в лес искал их. Он расспрашивал торговцев и странствующих певцов, посещавших Кундину, не видели ли они скитальцев, и обещал большую награду за любую весть о них.

Наконец брахману Судеве во время посещения Цеди посчастливилось по внешности и голосу узнать Дамаянти, и он поделился своим открытием с царицей-матерью. Та немедленно вызвала гостью к себе и, обнимая ее, сказала.

— Почему ты не назвала своего имени? Ведь я родная сестра твоей матери.

— Я хотела отдохнуть после всего, что мне пришлось пережить. Благодарю тебя, тетя, за прием. Теперь же я отправлюсь к родителям и детям, и они не испугаются меня, как испугались те, кто меня видел, когда я входила в твой город.

Через несколько дней Дамаянти была в Кундине, свиделась с отцом, матерью и братьями, прижала к груди детей. Но видно

было, что ее гложет печаль Бхима, поняв, что причина тоски — Наль, стал думать, как его отыскать. Думала об этом и сама Дамаянти. Она сочинила песенку и попросила всех странников, где бы они ни находились, ее петь.

Где странствуешь ты одинокий игрок,
В нашем с тобой одеянье?
Лес от печали моей изнемог
Избавь меня от страдания
О если бы боги смогли вдохнуть
Влагу в иссохшие губы,
Наставить тебя на правильный путь
К той, которая любит

Через несколько месяцев после этого вернулся в Кундину после путешествия один из брахманов. И вот что он рассказал Дамаянти.

— Я всюду напевал твою песенку, но никто на нее не откликнулся. Пел я ее и во дворце Айодхьи, но не получил ответа. Когда же готовили мне повозку, я запел ее в конюшне. И из дальнего ее угла слышался голос.

Меч мой проигран. Проиграна честь.
Утрачена часть одеянья.
В душе и на теле шрамов не счесть.
Осталось одно страданье.

Я бросился искать певца, но он исчез. Царские слуги сказали мне, что петь мог только карлик Бахука, обладающий редким искусством править колесницей и готовить пищу. Вот что я узнал.

«О, мой Беспорочный, — подумала Дамаянти — Это наверняка ты, изменивший облик».

По-царски наградив брахмана за весть, она его отпустила и стала размышлять, каким образом сделать так, чтобы Бахука оказался в Кундине.

***

Как-то на заре во дворце Ритупарны появился гонец от Бхимы. — Царь выдает свою дочь Дамаянти замуж. Завтра состоится выбор женихов.

Всполошился Ритупарна, слышавший о неземной красоте дочери Бхимы. Да и породниться с ним для него было бы большой честью. Немедленно кликнул царь Бахуку, а когда тот предстал пред его очами, сказал:

— Есть для тебя дело. Помнится, ты похвалялся, что за сутки можешь проскакать десять йоджан. Ровно столько отделяет мою столицу от столицы Видарбхи. Царь Бхима выдает замуж свою дочь Дамаянти. Надо поспеть к вечеру.

Наль побледнел. Мысли вихрем закружились в его голове. «Дамаянти выходит замуж? Может быть, и в нее вселилась ка-

кая-нибудь нечистая сила как в меня Кали? Конечно, я нанес ей жестокую обиду и погубил ее молодость. Но подумала ли она о наших детях?»

— Что же ты молчишь Бахука?

— Думаю, каких выбрать коней, — ответил карлик

— Ну, и на каких ты остановился?

— Я готов их показать

В конюшне Бахука представил царю тощих, толстоголовых коней, с щетинистой шерстью и огненными глазами

— Этих? — воскликнул Ритупарна — Да ты смеешься надо мной

— Нет, не смеюсь — ответил Бахука — Вечером мы будем в Кундине. И пусть с нами поедет Варшнея

И вот запряжена колесница. Царь и Варшнея устроились рядом. Впереди их Бахука. Взяв в могучие руки вожжи, карлик гикнул, и кони понеслись подобно буре. Дивился царь быстроте, с какой мчалась колесница. Но еще более был удивлен Варшнея: «Откуда, — думал он, — этот уродец владеет таким искусством? Не нечистая ли это сила? Или в этом уродливом теле сам Наль? Нет, этого не может быть! Но почему тогда колесница гремит, как та, которой правят Метали, возничий самого Индры?»

От движения возник какой-то сильный встречный ветер, что с царя сорвало плащ, и он коснулся плеча Бахуки, чтобы тот остановился

— Поздно! — откликнулся Бахука — Твой плащ от нас уже очень далеко

— Ты несравненный возница! — воскликнул царь — И я хотел бы поучиться искусству, в котором у тебя на земле нет соперников. Но ведь и я кое-что знаю и умею. Видишь впереди развесистое дерево? Так вот, на нижней ветви две тысячи семь сучков и тысяча триста тридцать семь листьев

Бахука остановил колесницу и спрыгнул на землю

— Что ты делаешь! — воскликнул Ритупарна — Мы же опоздаем

— Но я никуда не поеду, пока не проверю числа. Пусть колесницу поведет Варшнея

— Не упрямься, Бахука! — взмолился царь — Ведь с тобой не может соперничать никто

Но Бахука, не слушая, забрался на ветвь и стал считать сучки и листья

— Удивительно! — сказал он, слезая на землю —

Как ты, царь, мог за мгновение сделать подсчет и не ошибиться?

— Я владею тайным знанием чисел и искусством вычислять кости, которые в руках у противника, — с неохотой ответил Ритупарна

— Тогда передай это знание мне, а взамен я научу тебя править конями

— Бери! — гневно прокричал царь

И только слово вылетело из уст как открылись у Бахуки-Наля глаза и он смог с такой же легкостью сосчитать все сучки, листья и плоды дерева. И силу он в себе ощутил необыкновенную, однако на мгновение потерял сознание. Очнувшись, Наль увидел рядом с собой своего мучителя Кали. И хотел уже его проклясть как Кали бросился на колени.

— Удержи свой гнев, могущественный владыка Нишадхи — умолял Кали. — Не проклиная меня! Меня уже раз прокляла твоя Дамаянти, после чего я не смог покинуть твоего тела. С потом в меня проник яд царя змей.

Я испытывал муки не меньшие, чем ты. Пощади меня!

— Пусть будет так! — смягчился Наль. — Прочь с моих глаз! Вселись в это дерево!

Дерево мгновенно засохло. Такова была сила яда змеиного царя.

Оставив Кали корчиться в сухом дереве, Бахука вскочил на колесницу и схватил вожжи. Ощувив утроенную мощь возничего, кони помчались еще быстрее. Еще до заката солнца колесница въехала в ворота Кундины. Стук колес донесся до слуха Дамаянти, и она уловила в нем нечто, давно ей знакомое. На эти же звуки откликнулись ржанием кони, которых еще до изгнания Дамаянти успела вместе с детьми отправить к родителям. Подняв хоботы, загудели слоны. Распушив хвосты, как перед наступлением грозы, резко закричали павлины. Услышав эти звуки, Дамаянти воскликнула: «Да, это Наль! Мой владыка!»

* * *

Сойдя с колесницы, Ритупарна к удивлению своему не заметил никаких следов приготовления к завтрашнему торжеству. Видно было, что никто, кроме него, не прибыл на смотрины царей. Да и Бхима, вышедший встретить гостя, после обычных приветствий задал странный вопрос.

— Что привело высокого гостя в нашу столицу?

Не желая уронить своего достоинства, Ритупарна ответил:

— Мне давно хотелось видеть тебя, познакомиться с тобою, узнать, все ли благополучно в твоём царстве-государстве? И вот решил больше не откладывать.

Бхима подумал: «А все ли благополучно с твоей головой?» — но, разумеется, он этого не сказал, а коснувшись плеча Ритупарны, молвил:

— У нас все благополучно. И мы всегда рады гостям.

Цари двинулись во дворец, а Бахука распряг коней, погладил их по мокрым спинам и повел в конюшню. Потом он вернулся и заняв на колеснице свое место, предался грустным думам.

Дамаянти наблюдала за всем этим из окна и послала к нему умную Кешини, чтобы узнать, у кого при въезде в город были вожжи, и выяснить: не скрывается ли в уродливом теле возницы Наль?

Подойдя к колеснице, служанка завела с карликом разговор о том, о сем. В беседе Бахука рассказал, что колесницу в город привел он и что в приготовлении пищи он столь же искусен, как и в управлении конями. На вопрос, не слышал ли он о Нале, Бахука ответил, что много слышал о нем от Варшнеи, бывшем возничим у Наля, но о том, где Наль и жив ли он, Варшнея не знает, а он, Бахука, тем более знать не может.

— Но почему, — внезапно спросила Кешини, — когда брахман пропел песенку об игроке, ты отозвался словами, понятными только тебе и Дамаянти?

На это карлик ничего не ответил, а только заплакал.

И удалась служанка, чтобы слово в слово передать госпоже ею услышанное. И Дамаянти еще больше уверилась в том, что Бахука и Наль хотя и имеют разные лица, обладают одной душой.

И все же она еще раз послала Кешини наблюдать за тем, как Бахука готовит еду для своего господина. Было подстроено так, что у слуги Ритупарны не оказалось ни воды, ни огня. Но еда все равно была готова. Служанка своими глазами видела, как по взгляду Бахуки сосуды сами наполнились водой, а солома загорелась. Когда же Кешини принесла госпоже кусок приготовленного карликом мяса, у Дамаянти исчезли всякие сомнения; память языка и нёба дополнила все другие наблюдения и соображения.

* * *

И наконец настал день, когда Бахука был приглашен во дворец. При виде Дамаянти он едва не лишился чувств. Она же, устремив на него взор, спросила:

— Скажи, Бахука, был ли тебе знаком человек, которого считали верным мужем, а он бросил в лесу беззащитную и ни в чем перед ним не провинившуюся жену? Как ты можешь объяснить поведение этого человека, давшего во время свадьбы клятву делить с женой все, что ни ниспослет судьба, — и хорошее, и дурное?

Выслушав со слезами на глазах упреки Дамаянти, Наль ответил:

— Тот человек, о котором ты говоришь, не виновен ни в проигрыше царства, ни в предательстве. В него вселился злобный демон Кали, а если он в чем и виноват, то давно уже расплатился за то муками.

С этими словами он достал змеиную кожу и натянул ее на кулак. И вот уже Наль и Дамаянти бросаются в объятия друг друга.

И наполнилась вся столица ликованием. Стены домов украсились тканями и гирляндами цветов. Зажглись огни. Всюду звучали пение и музыка. Среди тех, кто пришел во дворец поздравить

Наля и Дамаянти был царь Ритупарна. Он попросил у Наля прощения за то, что, сам об этом не ведая, был над ним господином.

— Не надо мной ты был господином, а над Бахукой, — ответил Наль. — Да и он, насколько мне известно, не претерпел от тебя обиды. Теперь же прими от меня дар управлять конями, мне же пора отправляться в Нишадху, чтобы воспользоваться твоими дарами.

***

Прошло еще некоторое время, и в столице Видарбхи появился Наль, сопровождаемый воинами. Прийдя во дворец к Пушкарю, он сказал ему:

— Вот и я. Прими мой вызов. Можешь вступить со мною в схватку или сесть за игровой стол. Выбирай!

— За стол, — сказал Пушкара. — Но какая твоя ставка?

— Я ставлю Дамаянти, а ты все отнятое у меня. Согласен?

— Да! — ответил Пушкара. — Я рад сразиться с тобой за столом и надеюсь избавить Дамаянти от бедствий, которые она испытала из-за тебя.

Еле сдержал себя Наль, чтобы не заколоть Пушкару. Но лишь сказал:

— Безумец! Играй!

Бросок, и возвращена Нишадха, и вместе с этим восстановление справедливости. Но благороден победитель:

— Знай, — сказал Наль Пушкарю, — твоя удача в прошлом подстроена коварным Кали. Поэтому не будет вражды между нами. Возвращайся туда, откуда пришел, владей тем, что имел. И благоденствуй!

Пушкара, не рассчитывавший на такой исход, прослезился:

— Сейчас же пойду к Ганге и омою свое тело и выкину проклятые кости, чтобы их не коснулась ничья рука.

За стенами дворца, принадлежавшего отныне Налю Беспорочному и его потомству, ликовал народ. Люди воспевали доблесть Наля и верность Дамаянти. Песнь эта поется до сих пор.

Любовь и разлука Рамы и Ситы

Пролог на земле

*На землю, проломив хрустальный полог,
Упала и рассыпалась звезда
Стал лемехом космический осколок,
Проведена по полю борозда,
Заколосилось золотое жито
Пусть точится железная коса, —
Но мы ведь не единым хлебом сыты —
Поэзией нас кормят небеса
Творец всего живого и спаситель
Нас сотворил не для одной еды
Поговорим о несравненной Сите,
На борозде рожденной от звезды,
И о любви к ней доблестного Рамы,
Который оголел Равану — Смерть
«Рамаяна» — возвышеннее храма,
И не дано ей, как любви, стареть*

Обратился как-то Вальмики, красноречивейший из ри-
ши, к божественному мудрецу Нараде с просьбой
— Скажи мне, мудрейший, кто из людей самый
безупречный, добродетельный, отважный, прекрас-
ный, умудренный знаниями

— Это Рама, сын Дашаратхи, — ответил Нарада, не раздумыва-
вая — Восславь его жизнь и деяния, если сумеешь И лучше все-
го в таком песнопении, которое смогут прочувствовать все, оби-
тающие на этой земле

Поблагодарив мудреца, Вальмики удалился в растерянности, ибо не смог понять, что имел в виду Нарада, говоря о песнопении, какое в состоянии прочувствовать все живущие Вскоре после этого бродил он со своими учениками по лесу, рассуждая о достойных предметах И вот видит он двух куликов, затеявших любовную игру и в пылу ее не заметивших приближающегося охотника Тот, воспользовавшись увлеченностью птиц друг другом, выпустил из лука стрелу, и самец упал, обливаясь кровью Отчаянный крик самки пробудил в душе Вальмики гневные слова проклятия

Охотник любовь поразивший стрелою
Вовеки пребудешь ты в мире изгоем

Выкрикнув это, Вальмики обратился к ученикам и продолжал их наставлять добру. Но слова проклятия то и дело всплывали в его памяти, и повторял он их, пока не понял, что проклял нечестивца стихом неведомого размера. И пришла ему в голову мысль «Не это ли песнопение имел в виду Нарада, создатель многих стихотворных размеров и изобретатель первой вины? Не оно ли способно лучше всего передать чувство любви, доступное всем живущим?»

Внезапно перед Вальмики предстал Бог-творец

— Это шлока¹ — возгласил он — Поведай о Раме и Сите шлоками

Едва только Брахма исчез, Вальмики отослал учеников и забросил все прочие дела. Он стал слагать поэму о Любви, превращенной разлукой, равной Смерти.

Пролог на небесах

И вновь собрались боги на горе Меру, подпирающей тремя вершинами небо. Тысячелетия терзал небожителей страх перед смертью. Но и обретя бессмертие, они страдали от позора и бессилия.

Творец мира Брахма совершил величайшую оплошность. Поверив в добродетельность святого отшельника Раваны, он не только даровал ему неуязвимость, но и наделил его стрелой, не дающей промаха. Однако и безупречному мужу не выдержать испытания могуществом. Как только Раване были вручены дары Брахмы, он превратился в надменное десятиголовое чудовище, и все три мира потеряли покой. Сам владыка богов Индра в страхе перед Раваной принял облик павлина, и Равана прошел мимо, его не узнав. Когда же он вернул себе прежний облик, то был побежден сыном Раваны, взят в плен и с трудом обрел свободу. Побеждены были и другие боги, став поденщиками Раваны. Агни — поваром, Варуна — водоносом, Вайю — заметальщиком. После выполнения службы на острове Ланке, где был дворец Раваны, им было разрешено возвращаться на гору Меру.

Почувяв дуновение ветерка, боги разом повернули головы. Конечно, это Вайю¹. Как всегда он запаздывает, а потом оправдывается, что Равана заставляет подметать не только пол дворца, но и весь остров.

Устроившись на скале, Вайю радостно прошелестел.

— Слушайте, братья. Весть, которую я принес, поучительнее любой другой. Мне удалось подслушать разговор Раваны с его сыном Индраджитом.

При этом имени Индра заскрежетал зубами. Над Меру грянул гром и разнесся по миру.

— А много ли сыновей у Раваны? — грозно спросил владыка богов.

— Один Индраджит, он великий маг и волшебник, — отозвался легкомысленный Вайю, кажется, не понимая, почему его перебили.

— Почему же ты не назвал его просто сыном?

— Прости, Индра, — проговорил Вайю. — Имя это вырвалось у меня само. У меня не было намерения напоминать о позоре, нанесенном тебе «победителем Индры». Я взволнован. Я стал обладателем тайны.

— Говори скорее! Что тянешь? — слышались голоса богов.

— Я узнал, — сказал Вайю, переходя на шепот, — что владычество Раваны не вечно. Сын, обращаясь к отцу, напомнил ему, что его может одолеть смертный, если его поддержат обезьяны.

— Это добрая весть, — проговорил Индра. — За обезьянами дело не станет. Ведь твой сын, Вайю, кажется, обезьяна?

— Хануман имеет облик обезьяны, — вставил Вайю. — Но он великий воитель и главный помощник царя Сутривы.

— Что касается смертного, — продолжал Индра, — то у меня имеются сомнения. Сможет ли человек одолеть Равану и его сына, владеющего тайнами волшебства? Да и сколько нам придется ждать, пока этот смертный явится на свет?

— Прислушайтесь, боги! — слышался голос Агни. — Ко мне с алтаря на северном берегу Сараяю взывает Дашаратха, царь Кошалы.

— Что надобно еще этому старцу, прожившему шестьдесят тысяч лет? — воскликнул Яма. — В таком возрасте пора и перестать чего-либо желать.

— Он просит наследника. Я слышу, как его голос заглушает мычание по крайней мере сотни быков.

При этих словах боги оживились, а Индра сказал:

— Люди на земле стали скупы. Мнится мне, что они проводили о нашем позоре. За последние сто лет нам никто не приносил в жертву более десятка быков. Дашаратха — достойный человек, и ему надо помочь. Конечно, о сыне он мог бы подумать раньше.

— А что, если Равану сокрушит сын Дашаратхи? — перебил Индру Варуна.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Вишну. — А есть ли у Дашаратхи жена?

— У него их три, — отозвался всеведающий Агни. — Старшую зовут Каушалья, среднюю — Кайкейя, младшую — Сумитра. Царь любит и балует более других Кайкейю, но он соблюдает закон, и в царском доме нет раздоров.

— Тогда я спущусь на землю и возрожусь в сыновьях Дашаратхи, — сказал Вишну. — И сыновей у него будет столько,

сколько у света сторон, сколько колес у устойчивой колесницы, сколько у года времен. Но чтобы одолеть ракшасов, и вам, боги, придется всем спуститься на землю и возродиться там в обезьянах, как это уже сделал Вайю.

— Мы согласны! — ответил за всех богов Индра.

И возликовали боги, кажется, впервые поняв, что спасение не за горами. Но все же радовались они молча, опасаясь, как бы Равана не проведал об их замыслах. Не привлекая к себе внимания, Вишну поспешил на землю. Приняв там облик отшельника, он проник во дворец и предложил царским женам снадобье необыкновенного свойства. Каушалья отведала половину его, Кайкея, закормленная сладостями, — восьмую часть, Сумитра, младшая из жен, — остальное.

И в тот же день каждая из трех понесла под сердцем дитя, но потребовалось еще три долгих месяца, чтобы о предстоящей радости стало известно им самим и их близким.

Кошала

Кошала считалась самым могущественным и богатым царством Индии. Блистательная столица ее Айодхья, сооруженная в незапамятные времена прародителем рода человеческого Ману, не уступала великолепию небесному граду Индры и сияла, как самый крупный бриллиант в короне земных городов. Не имели себе равных ее дворцы и чертоги. От них в разных направлениях, как солнечные лучи, отходили улицы, застроенные стройными рядами зданий, делаая столицу похожей на доску с клетками для игры в кости.

Город, омываемый тихоструйной Сарайю, защищала возведенная с величайшим искусством стена со многими башнями. Непрошенных гостей ожидали находившиеся в полной готовности орудия, мечущие камни и стрелы. В пустотах стены стояли наготове хорошо обученные боевые слоны и кони. Воители Айодхьи были отважны и благородны. Каждый из них владел колесницей и мог без труда пересечь с нее на боевого слона или коня. Попадая стрелою в цель по звуку, они никогда не позволяли себе стрелять в безоружных.

Нигде в Индии не было мудрее брахманов, чем в Айодхье. Никто лучше их не постиг духа вед. Они были чисты сердцем, не зная корысти и обмана, и потому угодны богам, дававшим им благоприятные знамения. Не уступали им слагатели гимнов риши, к которым благоволила Вач. Они вытесывали свои песни, как плотник колесницу, они сплетали слова, как ткачи пестрые ткани, и то, что создавалось их вдохновением, переживало века.

Славились умением и мастера Айодхьи — прядильщики шелка, сверлильщики отверстий в драгоценных камнях, чеканщики, резчики, гончары, стеклодувы. Земледельцы Кошалы обеспечивали себя и жителей столицы рисом десяти видов, превосходным сахарным тростником, коноплей того прочного сорта, который шел на изготовление тетивы для царских луков и для священных одеяний. Скотоводы приводили упитанных быков и овец для пищи и приношения богам. Опытные лекари лечили от болезней Лицедей и фокусники развлекали народ, как всюду, охочий до зрелищ. Женщины Айодхьи были прекрасны телом и душой, веселы и благочестивы.

Великим царством и достойными его обитателями управлял доблестный Дашаратха, бесстрашный, грозный для недругов, платящий за дружбу приязнью, за вражду враждой, господин своим чувствам и поступкам, равный могуществом Индре, богатством — Кубере. Не был он похож на тех царей, которые свои недостатки представляют величиной с горчичное семя, а пороки других — размером в гору. К нему съезжались раджи со всего мира как младшие к старшему, и не было ни одного, кого не одарил бы он подарком, достойным своего богатства и щедрости, но самым ценным даром считался совет Дашаратхи, ибо мудростью он соперничал с богоравным Ману, прародителем рода человеческого.

Подданные гордились своим царем, а царь — своими подданными, и управляющие миром боги уже привыкли к тому, что обитатели той части мира, которой правил Дашаратха, менее всего досаждали им своими жалобами и сетованиями, реже всего требовали вмешательства в свои неполадки, ибо, подражая царю, они были честны, и не ведали зависти, лжи и коварства.

Ожидание

Дворец, столица и все царство были охвачены необыкновенным волнением. С быстротою Вайю распространилась весть, что не одна, а сразу три жены владыки ждут детей. По всем направлениям во весь опор скакали гонцы за разными диковинами, которые пожелали иметь будущие матери, ибо выполнение любого пожелания беременной — наипервейшая обязанность супруга, заложившего семя и желающего иметь здорового наследника. Одновременно к соседним царям были отправлены почтенные члены совета старейшин с извещением, что Дашаратха, поразмыслив, возвращает безвозмездно захваченные им земли, служившие на протяжении нескольких поколений яблоком раздора. И, конечно же, соседи понимали, с чем связана доброта Дашаратхи: во время беременности война опасна для супружеской пары и ожидаемого потомства. И хотя священны кон

запрещавший стрижку ногтей, купание в стоячей воде и постройку нового дома, касался лишь той семьи, где была роженица, из солидарности с Дашаратхой ему добровольно последовали очень многие, и в Айодхье можно было видеть мужей осторожно передвигающихся босиком, чтобы не обломать длинных ногтей. Возросло число тех, кого можно было принять по буйно растущим волосам за отшельников.

Со всей Индии прибыли в столицу врачи, чтобы следить за здоровьем царских жен. Брахманы перерывали священные книги и собственную память в поисках наставлений об обязанностях беременной, и не прекращались споры, какие из этих наставлений применимы в тех случаях, когда беременных сразу три.

Заблаговременно были выбраны три помещения в здоровой, юго-западной части дворца, из тысяч коров отобрали трех наилучших, которым требовалось поклониться за три дня до родов. С той же тщательностью были назначены женщины, имевшие здоровых детей, для сопровождения рожениц к месту родов. По всему дворцу, а затем и во всей столице были развязаны все узлы и, к великой радости узников, разбиты все колодки и оковы, чтобы ничто не могло помешать выходу новорожденных из материнского чрева на свет, чтобы роды были безболезненными.

Когда гонцы и трубачи возвестили наступление последнего дня перед родами, вся Кошала запела:

Четыре стороны у неба
У земли их четыре
Четыре семени боги вложили
Чтобы правде быть в мире

Затаив дыхание, ожидало родов все царство. Ведь если, не приведи Брахма, жены Дашаратхи произведут на свет одних девочек, тогда после кончины царя его власть достанется их мужьям-чужакам. В храмах и домашних молельнях дни и ночи приносили жертвы богу Пушану, чтобы он даровал хотя бы одного мальчика. Можно себе представить всеобщее ликование при вести, что в царском доме за одну ночь появилось сразу четыре наследника, столько же, сколько сторон света, столько же, сколько колес у прочной колесницы!

Четырежды счастливый

И вот уже во внутренних помещениях дворца вместе с горьковатым дымом сжигаемого сандала разносится запах горчичного семени, от которого, как от огня, разбегается всякая нечисть, опасная для новорожденного. И великие заботы, возлагаемые священным законом на отца, легли на плечи четырежды

счастливого Дашаратхи, отняв у него все время. Переходя от одного помещения к другому, безымянным пальцем он вкладывал в беззубые ротики младенцев священную смесь из молока, масла, меда, рисовой и ячменной муки, повторяя:

— Бхух! Я помещаю в тебя! Бхух! Я помещаю в тебя! Бхух! Бхух! Свах! Все это я помещаю в тебя!

Произнеся это, он наклонялся к ушку ребенка, стараясь не коснуться его бородой, и шептал: «Ты, Веда!»

Вместе с этой церемонией и этим словом сыновья обретали зародыш того, что станет главным в муже — разум. Но еще оставалось позаботиться об их долголетию, об их сопротивляемости злу. Церемонии, церемонии. А после них предстояло вознаграждение всех, кто помогал родителям, кто просто присутствовал и радовался, — золотом, серебром, коровами, постелями, зонтиками, гириандами за каждого из четырех сыновей. Всякий получил на благо то, что было угодно его душе.

Однако все это было лишь преддверием к главной из церемоний рождения — к наречению имени, ибо имя давалось не просто, чтобы не спутать одного сына или дочь с другим и другой, — оно пророчески определяло характер и судьбу. Сколько же надо было думать, принимая советы брахманов и звездочетов, чтобы не ошибиться в именах царевичей! Сына от Каушильи Дашаратха решил назвать Рамачандра («Темный как месяц»). Был младенец цветом кожи несколько темнее, чем сводные братья, и много подвижнее их. И впрямь, была судьба Рамы темна, и он провел много лет во мраке леса, где совершил великие подвиги, озарившие его имя сиянием славы. И оставался он темен для главного врага своего Раваны, который не сразу разгадал в царевиче великого противника, мстителя за богов и людей. Сын от Кайкейи получил имя Бхарата («Воспитанный»), и оно также определило его судьбу. Воспитание лишило его всего того недоброго, что он мог унаследовать от своей вздорной матери, сделало образцом порядочности. Сыновья от младшей, Сумитры, получили имена Лакшмана и Шатругхна, также соответствующие их судьбе.

Первые подвиги

Ивыросли сыновья Дашаратхи. Были они наделены красотой, силой, доблестью и жадой знания. Не было им равных в искусстве владеть луком, управлять колесницами, ездить верхом на конях и слонах. Могучерукие, крепко подпоясанные, готовые к схватке, они были любимцами горожан, взиравших на них с удивлением и восторгом. Поэтому слава о них обошла всю Индию.

Рама был мудрее и опытнее братьев. Еще будучи мальчиком и играя деревянным мечом, он вещал как опытный старец, был искусен в ведах и веданте, постигал человека с такой же быстротой, с какой выпускал стрелы из лука, был со всеми приветлив, умел обуздывать гнев, не терял достоинства в общении даже с дурными людьми.

Однажды во дворец явился прославленный праведник Вишвамित्रа. Предложил ему Дашаратха воду для омовения ног, поплавание для рта, почетное золотое сиденье. И рассказал праведник царю о бесчинствах, творимых в лесу нечестивыми ракшасами. Будучи наслышан о достоинствах Рамы, Вишвамित्रа попросил царя отпустить с ним сына, чтобы защитить лесную обитель. Не хотел Дашаратха расставаться с любимцем, но тогда отшельник разгневался, зашатался дворец и весь город, повалились на пол плохо закрепленные на стенах вещи. Испугался царь и уступил воле праведника. Рама был отпущен, и с ним вместе к подножью Хималаев отправился Лакшмана, неразлучный со старшим братом с детства.

Путь от тихой Сарайю к могучей Ганге занял много дней. Преодолевая через реку, великий отшельник впервые благословил юношей священной водой, произнес молитву, изгоняющую злых и чуждую волю.

На том берегу Ганги путники вступили в огромный и мрачный лес и сразу же увидели изуродованные деревья, безобразные ямы, разоренные гнезда, слышали стоны обитателей чащи.

— Это буйствует ракшаска Тарака, — объяснил Вишвамित्रа. — Она считает себя владычицей этого леса и вытворяет что хочет. Ростом она с гору и обладает мощностью тысячи взбесившихся слонов. Многие витязи пытались ее одолеть, но она ломала их мечи и копыя, как былинки. Рама и Лакшмана! Вам придется ее убить. Да вот она приближается к нам со стороны дороги!

Юноши повернули голову и увидели столб пыли, скрывавший очертания чудовища. В путников полетели огромные камни. Один из них упал совсем рядом, врезавшись в землю.

Глаза Рамы загорелись гневом. Вытащив стрелу, он наложил ее на дугу лука и отпустил тетиву. Раздался дикий вопль. Тарака схватилась лапами за лицо. Сквозь пальцы ее хлестала кровь. Носа у Тараки словно не было.

— Вот я ее и проучил! — проговорил Рама, опуская лук.

— Убей ее! — посоветовал Вишвамित्रа. — Это очень мстительное существо и опасное, особенно ночью.

Рама наложил на лук вторую неотвратимую стрелу, и огромная голова ракшаски скатилась на дорогу.

После этого Вишвамित्रа приказал Раме взойти на камень, и когда юноша выполнил приказ, произнес заклятие:

— Будь тверд как камень и прими священное оружие.

Тотчас перед Рамой выстроились палицы, мечи и секиры. Хором они произнесли:

— Владей нами, Рама! Ты господин, а мы твои слуги.

Рама поблагодарил Вишвамитру, а оружие опустил, приказав:

— Слуги мои! Отдыхайте. Придете ко мне, когда я вам прикажу.

Вишвамитра и его спутники продолжали свой путь, пока не достигли местности, изобилующей благоухающими тенистыми деревьями. Сладкогласие птиц сливалось с журчаньем бегущих по камням ручьев, в которых плескались серебристые рыбки. Это и была лесная обитель Вишвамитры.

Первую ночь царевици отдыхали, а затем Вишвамитра поручил им охранять священное пламя алтаря. Пять ночей прошли без тревоги, на шестую раздался грозный гул, и на алтарь обрушились потоки черной крови. Задремавший было Рама вскочил на ноги и увидел в небе две огромные тени с перепончатыми крыльями, как у летучих мышей. Достаточно было двух стрел, чтобы проносившиеся в небе кровожадные ракшасы подняли вопль. Один из них, Маричу, был отброшен стрелой к Океану, другой — Субаха, пронзенный насквозь, упал к ногам Рамы.

Лесной обители более никто не угрожал. Рама и Лакшмана могли возвращаться в Айодхью. Но Вишвамитра уговорил их отправиться вместе с ним к царю видехов Джанаке, обещав им показать лук, которого не удалось согнуть ни богам, ни смертным.

Лук Шивы

С великой радостью принял Джанака святого праведника и прибывших вместе с ним царевицей. Рассказ же Вишвамитры о подвигах Рамы поверг царя и придворных в изумление. Проведя почетных гостей по дворцу, он пригласил их за празднично накрытый стол. И тогда Вишвамитра обратился к царю:

— Достоин удивления твой чертог, о Джанака. Но ты не показал сыновьям царя Дашаратхи свой божественный лук.

И хлопнул царь в ладоши, приказав выполнить пожелание праведника, и пока шли за луком, рассказал братьям его удивительную историю:

— Однажды Дакша, тесть Шивы, устроил на небесах праздник, пригласив на него и земных царей. Так на небе оказался и мой предок Деварата. Но приглашение не было послано Шиве, и он, оскорбленный, явился с огромным луком. Не без труда удалось небожителям смягчить гнев Шивы, грозившего перестрелять всех. И тогда Шива, оглядев гостей, передал лук на вечное хранение моему предку

Тут послышался с улицы скрип колес, дополненный тяжелым дыханием. Пять тысяч мужей с трудом катили огромную телегу.

— Вот святыня нашего рода, — сказал Джанака, подходя к окну. — Человеку и поднять-то лук Шивы не под силу.

— О, Рама! — воскликнул Вишвамित्रа. — Мнится мне, что пора тебе взглянуть на это оружие!

Выбежав на улицу, Рама вскочил на телегу и откинул крышку огромного железного сундука. Все пространство вокруг наполнилось запахом сандала.

Царевич обратил лицо к Джанаке, вышедшему посмотреть, как Рама справится с луком.

— Хочешь, — спросил Рама, — я подниму лук и соединю его концы тетивой?

Джанака кивнул в знак согласия.

Рама наклонился над сундуком, поднял лук одной рукой, надел на него тетиву и согнул. Раздался звук, подобный раскату грома. Мужь, катившие телегу, в ужасе повалились на землю. Царь смотрел на обломки гигантского лука широко открытыми глазами.

Опомнившись, он подошел к Раме и склонил перед ним голову.

— Исполнилось задуманное мною! — проговорил он.

Прочитав в глазах юноши недоумение, он продолжил:

— Я царствовал в Митхиле много лет, а боги все не давали мне потомства. Обратился я за советом к всеведущим брахманам, что мне сделать, чтобы не умереть бездетным. Они мне выбрали место для возведения алтаря и повелили вспахать его плугом. И вот когда я шел, держась за ручки плуга, из борозды вышла прекрасная дева, дарованная мне Притхиви, матерью-землей. Обрадованный, я принес богам клятву, что отдам приемную дочь мою Ситу за того, кто сумеет натянуть тетиву на лук Шивы. После этого многие пытались это сделать, но отступили с позором, после чего, объединившись, пошли на меня войной и более года осаждали мою столицу.

— Эти же благосклонные боги прислали в Митхилу Раму. С таким зятем, как он, тебе никто не страшен, — сказал Вишвамित्रа. — Пошли, о царь, гонцов в Айодхью за Дашаратхой и пригласи его к себе. Думаю, что захочет он с тобой породниться.

Свадебный гар

В то утро дворец Айодхьи вместил едва ли не всех властителей Севера и Юга, Востока и Запада. Не было одного лишь Джанаки, раджи Митхилы, за которым второпях забыли послать гонца. Остальные же собрались в зале собраний и заняли места по старшинству, ожидая, когда появится любимец богов, покори-

тель вражеских городов Дашаратха. Царила атмосфера торжества и радостного ожидания, ибо каждый из собравшихся понимал, что не станут его приглашать издалека по маловажному делу

И вот распахнулись настежь парадные двери, и под пение флейт в окружении пышной свиты перед великим собранием предстал махараджа. Пока он проходил к своему золотому трону под белым балдахином, раджи стояли, опустившись на сидения лишь после того, как он сел.

Окинув взглядом зал, Дашаратха произнес речь голосом, подобным раскату грома

— Многие тысячи лет минули с тех пор как я начал править под сенью этого белого балдахина, следуя заветам предков, которые пеклись о подданных, как о своих детях. Ныне старость согнула мои плечи, и бремя дхармы утомило меня. Стремясь к покою, я возложил корону отчичей моих на старшего сына Раму, ставшего мужем дочери царя Митхилы и обладающего всеми достоинствами, какие надобно иметь государю. Я призвал вас, чтобы услышать ваше мнение о принятом мною решении. Рассудите меня, о мужи. Готовы ли вы подчиниться власти моего сына еще при моей жизни?

Едва отзвучали эти слова, как раздалась единодушные возгласы одобрения. Раджи приветствовали решение великого владыки стоя, со сложенными ладонями.

И снова взял речь махараджа

— Я имею честь, о мужи, пригласить вас на помазание моего сына в один из ближайших дней, когда луна войдет в созвездие Пушья. Пока же отправляйтесь в отведенные вам покои и ожидайте торжества.

В доме гнева

Весть о решении Дашаратхи и о приготовлениях к великому торжеству подобно счастливой птице облетела Айодхью и все царство, переполнив всех радостью. Дома и хижины украсились гирляндами цветов. Забросив все дела, умастившись сандалом, облекшись в нарядные одеяния, люди стекались к царскому дворцу, чтобы занять лучшие места.

И во всей Кошале нашлись только два глаза, не излучавшие радость, а пылавшие злобой. Они принадлежали горбунье Мантхаре, выросшей вместе с царицей Кайкейей в доме ее дяди. Выглянув из окна дворца, услышав музыку и пение ведийских гимнов, смешивавшуюся с радостным говором толпы, ржанием коней и ревом слонов, и узнав о решении царя, она отправилась к своей подруге и наперснице, покоившейся на широком ложе.

— Вставай, неразумная¹ — проговорила Мантхара — Известно ли тебе, какая надвинулась беда, готовая смыть твоё благополучие, как разлившаяся река² Знай же, что твой супруг решил отказаться от власти в пользу Рамы, а не твоего сына Бхараты Несчастный живет в доме своего дяди, не зная, как и ты, ни о чем

— Какое счастье¹ — воскликнула Кайкейя — Я горжусь Рамой не меньше, чем собственным сыном И он будет радоваться принесенной тобою вести Прими за нее в дар это ожерелье

Но капля за каплей вливалась Мантхара в душу недалекой царской любимицы яд зависти И наконец Кайкейя сама спросила совета, как сделать, чтобы царство досталось Бхарате

— Удались в Дом гнева — прошипела коварная советчица — Предайся притворной печали Супруг, увидев, что ты исчезла бросится за тобою И тогда ты выскажи две просьбы пусть отправит Раму на четырнадцать лет в изгнание и назначит царем Бхарату

— Но он верен своему слову и не нарушит его даже ради меня, — отозвалась Кайкейя

— Это верно¹ — воскликнула горбунья — Но вспомни когда ты вынесла раненого Дашарагху из боя он обещал тебе на выбор два дара Ты тогда от них отказалась, сказав, что жизнь с любимым — лучший из даров

Злая женщина словно в воду смотрела Отыскал царь свою любимицу в Доме гнева на голой земле, в затрапезном одеянии, без драгоценных украшений и бросился к ней со словами

— Что стряслось? В чем причина твоей обиды? Чем я провинился перед тобой?

— Помнишь, — сказала Кайкейя, вставая, — ты обещал выполнить две мои просьбы?

— Конечно, помню, — воскликнул царь — Я готов их выполнить и теперь

— Тогда, — сказала Кайкейя, — пусть воцарится не Рама сломавший лук Шивы, а мой сын Бхарата Рама же пусть удалится на четырнадцать лет в непроходимые леса и носит одеяние из бересты, как положено отшельнику

Услышав эти слова, царь потерял дар речи, когда же смог заговорить, объяснил Кайкейе, какой вред она готова принести государству и всему Солнечному роду, какую обиду причиняет она безупречному Раме, какой несмываемый позор навлекает на свое имя Но глупая и завистливая женщина была непреклонна Упал тогда царь к ее ногам, умоляя пощадить его старость и любовь, которую он доказал своей жизнью Но и это не помогло И послал царь, никогда не нарушавший своего слова, возничего Сумантру за Рамой и Ситой

Рама и Сита еще почивали, но перед дверью их спальни толпились друзья и слуги, чтобы, как всегда, приветствовать их с наступлением нового дня. Вот раздались тяжелые шаги Сумантры, царского возничего, и лица ожидающих засияли. «Конечно же, — думали они, — Дашаратха послал за Рамой, чтобы объявить ему решение, и поэтому возничему велено не дожидаться пробуждения, а немедленно вступить в брачные покои»

Когда за Сумантрой закрылись двери, все взоры были прикованы к ней, и каждый, в силу своего воображения, представлял, что происходит в опочивальне, что говорит возничий и как радуются Рама и Сита.

Но вот и они. Огромная прихожая наполнилась гулом приветствий:

— С прекрасным днем, царевич! Возвращайся царем. Будь счастлив, сын Каушалы!

Начало дня и впрямь казалось прекрасным. Ярко светило солнце, и лужайка перед дворцом, еще не успев высохнуть, горела изумрудами. По ней туда-сюда с отвратительным криком расхаживали павлины.

— Павлины кричат к грозе, — проговорил Рама, обращая взор к небу, — но оно безоблачно.

Сита хотела ответить, но вдруг из кустов выскочила лань и потерлась головкой о ее бедро. Сита и лань были словно две сестры, большеглазые творения Любви.

Видя это, Рама успокоился.

— Наверное, — сказал он, — царь и всегда благосклонная ко мне Кайкея решили ускорить коронацию. Иначе зачем бы им понадобилось прерывать наш сон?

— Да! Да! — согласилась Сита. — Я уже вижу тебя в одеянии из тигровой шкуры и слышу, как ты произносишь слова обета.

У входа в город Рама и Сита сошли с колесницы и двинулись ко дворцу пешком. Тысячи людей сопровождали их. За Рамой закрылись ворота. Стихли приветственные крики. Толпа ожидала в молчании выхода нового царя, начала нового царства и новой жизни. Обняв Раму на прощанье, Сита удалилась в женские покои.

Рама один медленно поднимался по ступеням царской лестницы, стараясь сдержать бешеное биение сердца. Слуга, ожидавший Раму на верхнем пролете лестницы, повел его не в тронный зал, а в покои Кайкеи. «Наверное, — подумал Рама, — в тронном зале еще не все готово для церемонии и Дашаратха решил мне что-то сообщить».

Но почему царь весь в черном? Почему так бледно и сумрачно его лицо? Почему он тяжело дышит — будто рыба, лишенная воды?

— Царь просил меня передать тебе, — властно произнесла Кайкейя, — что ты сегодня же должен покинуть столицу и отправиться в изгнание на семь и еще на семь лет. Готов ли ты выполнить приказание отца?

— Готов! — ответил Рама, складывая ладони.

И тогда Дашаратха обрел дар речи:

— Сын мой! У меня нет сил расстаться с тобой. Не уходи хотя бы сегодня. Уже близка ночь.

— Нет, государь. — ответил Рама. — Я обещал царице покинуть город сегодня и сдержу свое слово. Не печалься! Я вернусь через четырнадцать лет.

Изгнание

Почтительно приветствуя царевича, уже одетого в бересту, но не снявшего золоченых сандалий, Сумантра сказал:

— Взойди на повозку, доброславный, и я, как мне приказано, домчу тебя до цели.

И тогда из дворца выбежала Сита в грубом одеянии отшельницы. Напрасно умолял ее Рама не покидать Айодхьи и дожидаться его возвращения.

— Я не должна и не желаю расставаться с тобою, — отвечала Сита. И добавила: — Я не вынесу разлуки.

Рама и Сита заняли места в повозке. Слуги сложили на ее дно луки, мечи для Рамы, а для Ситы богатые одеяния и украшения, какие, рыдая, принес невестке царь. Дернул Сумантра поводья, и кони понеслись.

Высыпавшие на главную улицу люди умоляли замедлить бег коней, чтобы, может быть в последний раз, насладиться лицезрением Рамы и Ситы. В толпе был и царь в трауре, с лицом бледнее луны, когда ее заглатывает демон Раху. Выбежала и мать Рамы Каушалья и со стоном, заглушаемым ударами копыт о мостовую, побежала за колесницей.

Оглянулся Рама и едва не ослеп от зрелища горя родителей.

— Гони, Сумантра! Гони! — вырвался из груди его вопль.

И повозка помчалась, как яростный вихрь, как голубь, настигаемый ястребом.

Но почему Сумантра вдруг сдерживает коней? Это Лакшмана, милый Лакшмана стоит на дороге! Совсем недавно в ярости он порывался убить Кайкейю, а если понадобится, и царя, впавшего в детство и потерявшего волю, а когда это вызвало гнев Рамы, с плачем удалился. Теперь все ясно! Как истинный брат, он решил разделить с Рамой изгнание.

Возмездие

Дашаратха долго не мог отвести глаз от удаляющегося облака пыли. Когда же пыль рассеялась, он пошатнулся и упал бы, если бы его не удержали с правой стороны Каушалья, с левой — Кайкейя. Обратив голову влево, царь сказал:

— Не касайся меня, негодная. Я больше не хочу тебя видеть. Я от тебя отрекаюсь.

Каушалья отвела Дашаратху в его покои. Изнуренный горем, царь уснул. Но ночью, открыв глаза, увидел сидевшую у постели Каушалью, которая охраняла его сон.

— Царица! — обратился он к ней. — Я хочу тебе рассказать о том, что случилось со мною в давние времена, когда ты еще не была моей женой. Будучи совсем юным, я не помышлял о женитьбе, отдавая все время охоте. Не было лучника, равного мне, ибо я попадал в цель по слуху, не видя ее. Это составляло предмет моей гордости. В один несчастный день я приказал запрячь колесницу и отправился к берегу Сарайю, надеясь в темноте подстрелить какого-нибудь зверя, идущего на водопой. Ночь была темной, ибо луна еще была серпом, а не диском. Оставив колесницу, я направился к берегу и услышал идущий от воды звук, напоминавший сопение слона. Я наложил на лук стрелу и отпустил тетиву. И тотчас услышал предсмертный человеческий крик. Раздвигая заросли камыша, я бросился к воде и увидел лежавшего в крови юношу. Вода выливалась из опрокинутого кувшина. Открыв глаза, умирающий сказал:

— За что ты убил меня, царевич? Ведь вместе со мной ты лишил жизни моих родителей, дряхлых и немощных, для которых я пошел набрать воды. Пойдя по этой тропинке, ты найдешь их хижину.

Когда я вытащил из спины юноши стрелу, он испустил дух. И я понес его тело по указанной мне тропе и положил его перед стариками, обливаясь слезами.

И тогда старец сказал:

— Я мог бы тебя испепелить на месте. Но я вижу, что ты погубил моего сына без умысла и сам страдаешь от своей вины. Поэтому моя кара постигнет тебя не сейчас, а через много лет. Ты умрешь от тоски по сыну. Пока же помоги мне собрать сухих сучьев и удались навстречу своей судьбе.

На следующий день, уже придя к этому месту, я не застал стариков. Родители убитого мною юноши взошли на погребальный костер. Теперь я умираю, как мне предсказано, от тоски по своему сыну. Благословенны те, кто дождутся возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой.

Дашаратха внезапно замолк. Из его груди вырвался последний вздох.

Бхарата не ведал о том, что случилось в столице. Вместе с братом Шатругхной он гостил в далеком царстве у своего дяди. И в ночь смерти отца приснилось ему, что на землю обрушилась луна и тотчас погасла. Отец привиделся ему нечесаным, бледным, покрытым цветочными венками, на колеснице, влекомой ослами.

Пробудившись, стал Бхарата искать прибывших накануне poslov, чтобы узнать о доме. Но послы его избегали, если же он их настигал, отводили глаза. Ибо кто из людей, наделенных сердцем, хочет быть вестником горя?

И поспешил Бхарата в Айодхью. Вступив в ворота, он не узнал города, в котором вырос. Улицы были пустынные. Из домов доносились стоны и плач.

— Где отец? — закричал Бхарата, врываясь в царские покои. Но ему отвечало лишь эхо.

Наконец показалась мать в траурном одеянии и, склонившись перед Бхаратой, проговорила.

— Отца твоего постигла участь всех смертных.

Услышав эту весть, Бхарата лишился чувств. Кайкейя помогла ему подняться, и Бхарата нашел в себе силы спросить:

— Какой же его постиг недуг? Что он успел сказать перед смертью?

— Он сказал: «Благословенны те, кто дождутся возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой».

— А где же мои братья? Почему их нет в городе?

— Рама в изгнании, — ответила Кайкейя. — Ведь не могла же я допустить, чтобы трон был передан ему, а не моему сыну.

— Так это ты и есть недуг, погубивший моего отца! — воскликнул Бхарата. — И ты еще надеешься, что я займу трон, освобожденный таким путем? О, как мне смыть позор, павший на мою голову! О, как мне вернуть в Айодхью Раму!

С этими словами Бхарата кинулся в покои Каушалы. Увидев его, она сказала:

— Вот и ты, с помощью матери обретший царство. Повели же, чтобы меня и Сумитру отослали в лес, где ведут жизнь подвижников твои братья.

— Не укоряй меня, царица! — воскликнул Бхарата, бросаясь к ногам Каушалы. — Я ничего не знал о замыслах моей матери. Из всех, кого опозорила моя мать Кайкейя, я самый несчастный.

В тот же день тело Дашаратхи, дожидавшееся в масле погребальной церемонии, было предано огню. И Бхарата, как положено сыну, принес поминальную жертву и одарил брахманов совершавших погребальные обряды.

Дорога для Рамы

Окончились дни траура, и царские советники явились к Бхарате. Поклонившись ему, они сказали:

— Страна, лишенная царя, подвержена бедам и мятежам. Она становится легкой добычей врагов. Младшие не повинуются старшим. Жены — мужьям. Жители не строят домов. Стань же царем, о Бхарата!

— Вам известно, что царь, назначенный моим отцом, в лесу. Никто не может его заменить. И если жители не хотят строить домов, пусть хотя бы строят дорогу, по которой Рама сможет вернуться в Айодхью.

В то же утро из города вышли десятки тысяч людей с лопатами и топорами. Они расчищали заросли, прорубали в лесу просеки, засыпали рытвины и ямы. Вслед за первыми строителями дороги со всего царства двинулись другие. На тысячах повозок был подвезен камень для мощения дороги. Через реки и ручьи были переброшены мосты. Любовь к Раме преодолела все преграды. Прямая как стрела дорога была доведена до Ганги, и за ее сооружением с небес наблюдали сами боги.

Как только дорога была закончена, в назначенный день из Айодхьи по ней двинулось огромное войско. Сто тысяч всадников, шесть тысяч лучников на боевых колесницах, тысяча слонов сопровождали Бхарату к месту изгнания Рамы.

Рама вместе с Лакшманой и Ситой жил в лесу, не ведая о приговорах к его возвращению. Однако вскоре в лесу появилось множество оленей, буйволов, слонов и тигров, спасающихся бегством, и стал доноситься неясный гул. Рама попросил Лакшману забраться на дерево, чтобы взглянуть, что происходит. Обратившись к востоку, увидел Лакшмана проведенную через лес дорогу и двигавшееся по ней войско.

Взволнованный, он спустился на землю.

— Скорее отводи Ситу в знакомую одним нам пещеру. Я же пока буду отражать войско Бхараты, сына Кайкеи. Он намерен убить нас обоих, чтобы обеспечить свою власть. Это из-за него мы здесь. Нет греха его убить.

— Успокойся, брат, — проговорил Рама, положив ладонь на плечо Лакшманы. — Я не верю, что Бхарата может поднять против нас оружие.

Между тем, оставив войско, Бхарата в сопровождении Шатругхны и Сумантры по струйке дыма, поднимавшейся над деревьями, отыскал хижину отшельников и приблизился к ним, сидящим у горящего очага.

При виде Рамы, одетого в бересту, с оленьей шкурой на плечах, Бхарата зарыдал и бросился к его ногам.

— О, брат мой! — вопил он, обливаясь слезами. — Это из-за меня, несчастного, ты терпишь бедствия. Презренна моя жизнь!

— Не надо терзаться, брат! — успокаивал Рама Бхарату. — И как ты мог оставить в Айодхье нашего отца?

Еще пуще зарыдал Бхарата.

— У нас нет отца. Он покинул нас, сокрушенный горем. И всему виной моя мать, стремившаяся завладеть царством!

Весть о смерти отца лишила Раму чувств. Братья и Сита обрызгали его лицо вином, и Рама очнулся. И тогда Бхарата сказал:

— Я пришел за тобой от имени народа, который специально проложил для тебя дорогу через леса. Народ и мы с Шатругхной ждем тебя, повелитель!

— Что сказал отец, умирая? — спросил Рама.

— Последние его слова: «Благодарны те, кто дождутся возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой».

— Вот видишь, отец, умирая, не изменил своего решения. И я останусь в лесу.

Поняв, что Рама не уступит, Бхарата молвил:

— О, благородный! Я больше тебя ни о чем не прошу. Но сним с себя украшенные золотом сандалии и отдай их мне.

Недоумевая, Рама удовлетворил эту просьбу.

Принимая сандалии, Бхарата поклонился им и сказал:

— Я беру их с собою в Айодхью, чтобы водрузить на отцовский трон, заняв его для тебя. Сам же я одену бересту и буду править вне дворца от твоего имени.

Весть о непреклонности Рамы достигла столицы. И сразу же жители ушли в леса, чтобы, став отшельниками, молиться за Раму. Бхарата вошел в пустой город, встреченный не радостными возгласами подданных, а мяуканьем одичавших кошек. Айодхья стала как поток, обмелевший от нестерпимого зноя, как обгоревший после последнего жертвоприношения алтарь в покинутом храме, как корова с печальными глазами, разлученная с быком, как перерезанная вражьей рукой тетива.

Золотой олень

Братья и Сита продолжали жить в хижине на прекрасной поляне, окруженной цветущими деревьями. Сита занималась хозяйством, Рама и Лакшмана по очереди охотились, чтобы не оставлять Ситу одну.

Однажды в поисках дичи к ним забрела самая безобразная из ракшасок, сестра Раваны. Она застыла, не в силах оторвать взгляда от мягких кудрей Рамы, от его удлинненных глаз, сияющих из-под густых ресниц подобно голубым лотосам. Вспыхнуло

сердце уродины страстью, и она бесстыдно предложила себя Раме в жены, обещая оставить Ситу служанкой.

Братья расхохотались И тогда, выпустив когти, с воплем. «Я ее съем!» бросилась ракшаска на счастливую соперницу Глазами испуганной лани смотрела царевна в пылающие яростью грядки страшилища Защищая жену, Рама схватил ракшаску, а Лакшмана отсек ей мечом уши и нос

Обливаясь кровью, добралась изуродованная ракшаска до Ланки и предстала перед братом, призывая к мести

— Я его уничтожу! — воскликнул владыка ракшасов, выслушав рассказ сестры — Я пошлю против него четырнадцатитысячное войско

— Зачем? — проговорила ракшаска — Тебе лучше похитить Ситу Она так прекрасна

Искусно описывая красоту Ситы, она с ликованием наблюдала, как загораются глаза Раваны

Отпустив сестру, призвал Равана могучего и свирепого ракшаса Маричу, давно уже наводившего ужас на отшельников

— Ты отправишься вместе со мной к хижине Рамы, — приказал он ему, — и примешь облик золотого оленя Братья пожелают тебя поймать Тогда в хижину вступаю я

Маричу вздрогнул Однажды он уже чуть не погиб от руки Рамы и с той поры избегал встреч с ним.

— Второй раз мне живым от Рамы не уйти, — сказал Маричу, — но и тебе не сносить твоих десяти голов, если ты посягнешь на Ситу.

Не внял воспылавший страстью Равана этому предостережению.

Первые лучи солнца разбудили Ситу, и она вышла на лут нарвать цветов. В нескольких шагах от нее пронесся олень Золотая его шкура была покрыта серебряными пятнами. На кончиках ветвистых рогов сверкали алмазы, копыта блестели изумрудами. Олень прыгал, скакал, скрывался и вновь появлялся Громким криком разбудила Сита братьев, и они при виде оленя застыли в изумлении.

Первым обрел дар речи Лакшмана.

— Прекрасное животное. Но видано ли, чтобы олень разгуливал по лесу в золоте и драгоценных камнях? Не принял ли олений облик Маричу, гроза лесов?

— О, Рама! — воскликнула Сита. — Поймай мне оленя! Я приручу его, и он будет нам утехой

Рама взглянул на Ситу с любовью и не огорчил ее отказом. Лакшмане же, когда супруга удалилась, сказал

— Кем бы ни был этот зверь, нынче он будет в моих руках Ты же смотри за Ситой и не оставляй ее одну

Взяв лук со стрелами и веревку, Рама бросился за оленем. Животное то бежало, прячась за деревьями, то взмывало в воздух. Все дальше и дальше уходил Рама от хижины. Наконец ему удалось пустить вдогонку оленю стрелу, целясь ему в ногу. Но стрела пробила голову, и взревел смертельно раненый ракша. Рассыпались чары, и уже не олень, а Маричу распростерся под пальмой. Но, умирая, он успел крикнуть голосом Рамы:

— О, Сита! О, Лакшмана! Помогите!

В испуге, что жена и брат поддадутся обману, бросился Рама к хижине, но было поздно. Встревоженная Сита уговорила Лакшмана бежать на подмогу брату. Лакшмана помнил предупреждение Рамы, но крик взволновал и его.

Едва он удалился, как из-за дерева вышел Равана в облике пустынного Сита радушно встретила гостя, разложила на банановом листе угощения. Но тут перед хижинкой опустилась упряжка коней. Приняв свой истинный облик, Равана схватил Ситу и вместе с ней вскочил на колесницу.

И вот он уже уносит ее, потерявшую сознание, по воздуху. В своем желтом шелковом одеянии, развевающемся от ветра, царевна сверкала, как молния в черной грозовой туче, как золотая подруга на темношерстном слоне. Лепестки лотоса, слетавшие в быстром движении с головы Ситы, орошали кроны деревьев ливнем, украшения с ее ушей, рук и ног разбивались о землю, словно падающие звезды.

Поиски

Не найдя Ситы в хижине и не догадываясь, что с нею, Рама метался по лесу. Он звал подругу и вопрошал всю природу о ее судьбе. Он обращался к Сурье, свидетелю всего доброго и дурного, совершающегося на земле, к дереву ашоке, прогоняющему зло, к пальме, такой же стройной, как Сита, к воронам и гусям, к слонам и антилопам, к тиграм и львам. Но небесное светило, деревья, птицы и животные молчали, страшась гнева Раваны. В ярости угрожал Рама богам, уже готовый насытить воздух стрелами, преградить путь ветрам, обрушить вершины гор, погрузить всю землю во мрак, если они не вернут ему Ситу. Но безмолвствовали и боги. Рама бродил по лесу, натываясь на деревья, проливая слезы.

Но вдруг Лакшмана, страдавший не менее Рамы и к тому же вивший в случившемся только себя, заметил, что шедшие на водопой олени стремительно понеслись к югу и сразу же вернулись. Когда это повторилось трижды, понял Лакшмана, что животные, опасаясь из страха перед похитителем открыть тайну, своим движением указывают путь.

— Взгляни, Рама! — радостно воскликнул Лакшмана — Олены показали нам, куда идти

И двинулись сыновья Дашаратхи к югу, все время пристально вглядываясь в землю, нет ли на ней следов царевны Митхилы Вскоре Рама заметил разбросанные на поляне цветы

— Лакшмана! — воскликнул он — Эти цветы я подарил Сите чтобы она сплела из них венок Удивительно, что они не завяли!

Двигаясь дальше, братья увидели обломки золотой колесницы и усыпанные изумрудами разбитые доспехи, а рядом с ними — перья большой птицы Углубившись в лес они наткнулись на смертельно раненого царя коршунов Джатайю Узнав друга своего отца, Рама обнял его, и из прерывающейся речи братья узнали, что Джатайю услышал женский крик «Рама! Рама!» и, подняв голову, увидел летящего на золотой колеснице Равану с Ситой Он сразил могучим клювом крылатых коней, убил возничего, сломал колесницу, но Ситу отбить не смог ибо был уже дряхл

— Не отчаивайся, Рама, — закончил Джатайю свой рассказ — Боги дали мне понять, что ты отыщешь Ситу и ее освободишь Помощником же тебе будет царь обезьян

Это были его последние слова Рама повелел Лакшмане набрать сухих ветвей, выбрать у реки место для погребения и предать тело доблестного героя священному огню

— Теперь ты должен успокоиться, брат, — убеждал Лакшмана Раму — Крылатый Джатайю, облетающий небо, был близок к богам и знал их волю Сита к тебе вернется

— Не знаю, что и думать, — молвил Рама, грустно покачивая головой — Меня смущают его слова о царе обезьян Разве у обезьян бывают цари? А если они и есть, какая от обезьян помощь?

Долго шли братья непроходимым лесом расчищая себе дорогу мечами, преодолевая завалы деревьев, переплывая реки, пока не достигли прекрасного озера Прибрежные воды его сверкали белыми лилиями вокруг зеленого островка в центре плавали белые лебеди, на склонах уходящей в небо горы тысячи цветов сплетались в многокрасочный ковер, по которому, соперничая с ним яркостью красок, плясали павлины Шум колеблемой ветерком листвы сливался с гудением пчел Одурающе пахли жасмины

Но и это великолепное зрелище, эти звуки и запахи не могли утешить Раму Напротив он еще больше страдал от разгорающегося пожара Васанты Листья ашоки жгли его, как раскаленные угли Насыщенный ароматами ветер напоминал ему благоуханное дыхание Ситы Она вставала в его воображении такой, какой он ее видел, покидая хижину, — спокойной не ждущей беды И рыдающей, как в то мгновение, когда им сообщили об изгнании

Великий союз

В то утро царь обезьян Сутрива покинул пещеру, служившую ему убежищем, но увидев двух воинов, расположившихся на берегу, немедленно спрятал голову «Мой брат Валин изгнал меня, а теперь послал людей, чтобы отправить в царство Ямы», — подумал он и растолкал спавшую в углу огромную обезьяну

— Вставай, Хануман! — сказал он — Там, на берегу озера двое. Не их ли послал мой братец, чтобы меня убить? Если это не так, приведи этих людей, они могут оказаться нам полезными

Приняв облик отшельника, сменив копье на посох, Хануман полетел вниз таким образом, чтобы пришельцы не видели, как он опускается на землю

Приблизившись к братьям, занятым беседой, Хануман их приветствовал

— Мир вам, добрые люди!

— И тебе мир, — отвечал Рама — Ты выбрал для молитв хорошее место. Здесь все дышит покоем

— Так вы пришли сюда за покоем? — спросил Хануман

— Не совсем, хотя мы потеряли покой

— И мой господин тоже его потерял. Он изгнанник. Видите гору? Посредине ее отверстие. Это вход в пещеру. Там я живу с владыкой Сутривой

— Как же вы забрались по такой круче? — спросил Лакшмана

— Забрались, — неопределенно протянул отшельник — Мой господин приглашает вас в гости. Я помогу вам добраться к нам

— Ты? — удивился Рама

И тут на глазах братьев отшельник превратился в огромную обезьяну с длинными мощными лапами, в одной из которых было копье

— Ты обезьяна! — воскликнул Рама

— Да, ибо мать моя чистокровная обезьяна. Но рожден я от бога ветра Вайю. Отец наделил меня быстротой и способностью увеличиваться или уменьшаться в размерах — подобно тому, как сам он постоянно меняет форму и величину облаков. Разрешите мне перенести вас в пещеру, ибо мой господин будет гневаться на меня, если ему придется ждать пару дней, пока вы до него доберетесь

— Мы согласны, — сказал Рама, вспомнив о предсказании царя коршунов

Хануман охватил братьев за шеи, и через мгновение они оказались в пещере перед такой же обезьяной, как Хануман, только менее мощной

— Мы — Рама и Лакшмана, сыновья царя Дашаратхи, — представился Рама — Отец перед смертью осудил меня и мою

жену Ситу на изгнание. Брат последовал за нами. Отец же вскоре умер от горя. А Ситу похитил Равана. Не пролетала ли над тобой колесница ее похитителя?

Сутрива вытащил желтый лоскут.

— Это упало с колесницы, пролетавшей над нашей горой.

Схватив лоскут, Рама бросился к Лакшмане:

— Смотри! Это же клочок ее платья, ее знак — мы идем по верному следу.

— Я могу вам помочь, — сказал Сутрива, — а вы мне. Ведь и я потерял жену вместе с царством из-за козней моего злого и завистливого брата Валина. Мне удалось скрыться вместе с Хануманом и еще двумя слугами в пещере. Я уверен, что брат разослал людей, чтобы отыскать меня и убить.

— Будем действовать вместе, — проговорил Рама, протягивая Сутриве руку.

Ладонь его потонула в мощной обезьяньей лапе.

Пора войны

Сурья ярился, как вепрь, сжигая раскаленным оком травы и осушая ручьи. Но лето, сменившее весну, было для Сутривы счастливым временем. Рама помог ему убить брата, и изгнанник не только вернул себе престол, но, имея верную супругу Руму, завладел также женою брата Валина, луноподобной Тарой. Оставалось совершить церемонию восхождения на трон, и была назначена для этого ночь. Рама и Лакшмана были приглашены в обезьянью столицу как почетные гости. Однако они попрощались с Сутривой у ворот. Рама вспомнил о запрете отца вступать в какой-либо город четырнадцать лет. Царевичи удалились в прохладную горную пещеру, чтобы провести там лето.

Но вот наступило время дождей. Индра пролился с небес, чтобы поля, насыщенные влагой, проростили зерно. Свершив это, он удалился на покой. Растворились в небесной глубине громогласные тучи. Утихли ливни. Смолкли павлины. Стали просыхать дороги. Обнажились песчаные мели рек. А от Сутривы все еще не было вестей. Наслаждаясь любовью и властью, он, кажется, забыл о своем обещании. И Рама отправил к нему Лакшману, чтобы напомнить об их уговоре.

Взяв лук и стрелы, направился юноша к Сутриве, готовый его поторопить или покарать. При виде могучего воина, идущего по дороге к обезьяньей столице, всполошилась стража. И оторвался Сутрива от Румы и Тары. И отправил он навстречу Лакшмане луноликую Тару, которая ласками умерила его гнев.

И в то же утро разослал Сутрива гонцов во все пределы своих необъятных владений. Очень скоро под стены столицы стеклось

огромное лесное воинство, десятки тысяч хвостатых подданных, готовых выполнить любое приказание своего царя. К ловким обезьянам присоединились их союзники — на вид неповоротливые, но могучие медведи.

— Вот что, звери! — обратился Сутрива ко всему воинству с высоты стен. — Помогите мне отыскать супругу доблестного воина Рамы, моего друга и спасителя. Отомстим ненавистному всем нам царю ракшасов Раване.

С громогласным ревом двинулись за колесницей Сутривы ряды обезьян и медведей. Впрочем, звери не долго держали воинский строй. Обезьянам было невозможно долго двигаться по земле, и большая их часть передвигалась вдоль дороги прыжками, от дерева к дереву. Медведи же топали по земле, поднимая лапами огромный столб пыли, служивший обезьянам ориентиром.

Достигнув озера, над которым высилось убежище Рамы, Сутрива разделил звериное воинство на четыре корпуса. Каждому отряду было указано его направление. Во главе того, что пошел на юг, был племянник Сутривы и его наследник Ангада, которого сопровождал Хануман. После этого Сутрива отправился в пещеру, чтобы там вместе с Рамой и Лакшманой ожидать вестей от каждого из отрядов, которые должны были прочесать всю Индию.

У Агастьи

В это время, еще не зная о том, что Хануман в Ланке, Рама и Лакшмана ждали его возвращения. Представляя себе могущество Раваны, они понимали, что победа возможна лишь с помощью оружия богов.

— Как жалко, что ты, Рама, сломал лук Шивы, — вздохнул Лакшмана.

— Но ему не уступает лук Вишну, — проговорил Рама. — Я слышал, что при нем есть колчан с неиссякающими стрелами.

— Но как же получить эти лук и колчан? — оживился Лакшмана.

— Надо отыскать Агастью. Вишну вручил ему свое оружие в благодарность за то, что он помог одолеть асуров и заставил согнуться гору Виндхью. Вероятно, он где-то здесь, на юге, возжигает священный огонь.

— А захочет ли он отдать нам это оружие? — усомнился Лакшмана.

— Попытаемся его уговорить, — проговорил Рама. — Агастья за свою долгую жизнь столько натерпелся от ракшасов, что сможет нас понять.

Путь к Агастье указали братьям птицы. В лесной глуши жил великий риши, питаясь корнями и плодами. Он был любим

всеми животными, и они, следуя его наставлениям, не обижали слабых, не истребляли друг друга.

Агастья приветливо встретил царевичей, ввел их в свою хижину, предложил напиток, угостил фруктами, а затем обратился к Раме:

— Мне известно, что вас ко мне привело. И вы не уйдете с пустыми руками. — Произнеся это, Агастья снял со стены и протянул братьям колчан с тремя стрелами.

— Вот эти две стрелы простые, — отшельник прикоснулся к ним пальцами, — а эта, с алмазным наконечником — особая. Храните до тех пор, пока не наступит время решающей схватки с Раваной.

— Но я слышал, что у тебя есть лук Вишну, — не сразу отозвался Рама.

— Вишну и есть твой отец. Ты рожден им для подвига.

Старец поведал Раме и Лакшмане тайну их рождения, начав с совета богов, на котором было принято решение во имя победы над Раваной дать жизнь четырем сыновьям в семье Дашаратхи. Потрясенные, внимали братья рассказу отшельника. Теперь они были уверены, что помощь богов в борьбе с Раваной будет им обеспечена.

У Океана

Уже через месяц, не отыскав следов Ситы и ее похитителя, начало возвращаться воинство с севера, востока и запада. Лишь южный отряд, рассыпавшись широким фронтом, двигался к южной оконечности Индии, омываемой океаном. Но и ему не удалось найти Ситу и даже что-либо узнать о ней. Однако, опасаясь гнева Сутривы, эти обезьяны решили остаться на какое-то время у океана.

Однажды они увидели огромного ястреба. Он летел невысоко, чтобы, как обычно делают его собратья, камнем упасть на добычу.

И тут сказал Хануман Ангаде:

— Взгляни, как необычно поведение этой царственной птицы. Я не удивлюсь, если она расскажет нам что-нибудь о Сите, как это уже сделал царь коршунов Джатайю.

На самом деле у ястреба не было такого намерения. Обессиленный голодом, он намеревался напасть на обезьян и выбирал добычу пожирнее и послабее. Но услышав имя «Джатайю», птица опустила рядом с Хануманом.

— Что ты знаешь о Джатайю? — спросила птица.

— Я знаю со слов Рамы, что он пал в битве с владыкой ракшасов Раваной, пытаясь отнять у него похищенную деву. А тебе известен Джатайю?

— Это мой брат, — ответил ястреб. — Зовут меня Самнати. Я был неразлучен с ним в молодости и так же, как он, одержим мыслью взлететь на небо, чтобы утвердиться рядом с Солнцем. Теперь я понимаю, что это была безумная затея. Но мы были молоды и честолюбивы. Воздух поначалу был теплым, напоенным ароматом цветущих лугов и людских становий. Затем он утратил все запахи и стал холодным как лед, а пронизывающие его солнечные лучи стали подобны раскаленным иглам. Внизу под нами исчезли все подробности нашей земной жизни. Леса слились с полями и реками, и едва была различима громада Хималаев в виде белых зубцов гребня. Мы же поднимались все выше и выше, в бездонность, и все нестерпимее становился жар светила. «Останься, брат мой, — сказал мне Джатайю. — Дальше я полечу один». Но мог ли я его покинуть? И я от него не отставал. Солнечная колесница была совсем рядом, и мы не отводили от нее глаз. Мы видели самого Сурью и его колесничего Аруну. Но боги, возмущенные нашей дерзостью, приказали Сурье вспыхнуть с утроенной силой. Я почувствовал, как начинают тлеть мои крылья, и рванулся вперед, чтобы защитить брата от гибели. Огонь обрушился на меня, выжег глаза, обуглил перья. Я камнем полетел вниз. Джатайю, которому я сохранил крылья, не дал мне разбиться и помог достичь земли. Мы спустились здесь, в месте, где вы расположились лагерем. С тех пор я не могу летать далеко и высоко подниматься. Но здесь много корма. Ведь птицы, которых вы разогнали, здесь отдыхают перед перелетом через океан. Что же надобно вам в моих угодьях?

— Мы ищем жену Рамы Ситу, которую пытался спасти твой брат и был убит Раваной.

— Но царство Раваны не здесь, — сказал Самнати. — Оно на Ланке, прекрасном острове посреди Океана. Наверное, та, о которой ты говоришь, — там.

Едва ястреб успел произнести эти слова, как его обгоревшие крылья стали покрываться перьями и пухом. Обезьяны, и особенно сам Самнати, были этим очень удивлены.

— Наверное, бог Солнца простил твое прегрешение, потому что ты помогаешь нам отыскать Ситу, — предположил Хануман.

Попрощавшись с обезьянами, Самнати взмыл в воздух. Глядя ястребу вслед, Ангада сказал:

— Нам бы его крылья. Тогда мы бы вскоре оказались на Ланке и освободили пленницу Раваны.

Хануман шлепнул себя лапой по лбу:

— Прекрасная мысль. Я — бескрылый, но могу одним прыжком преодолеть расстояние, доступное птицам.

— Но что ты будешь там делать один? — удивился Ангада.

— Сражаться! — воскликнул Хануман. — Встречусь с Ситой. Ведь Рама передал мне свой перстень, чтобы Сита узнала меня как его посланца. А вы вернетесь и передадите Раме, чтобы он меня ждал.

Недолго думая, Хануман превратился в исполина, взлетел на гору и, оттолкнувшись от нее, взметнулся над Океаном в гигантском прыжке.

Рассказ Ханумана

Шли месяцы. Южное войско возвратилось к озеру, и дошла до Рамы весть о решении Ханумана, на которое мог пойти только безумец или безмерно преданный друг. Многие уже не ждали советника Сутривы, и поэтому весть о его возвращении грянула как с чистого неба гром Индры. Долгую зимнюю ночь длился рассказ смельчака о его удивительных приключениях в стране ракшасов.

— Я летел над волнами, — начал Хануман, — и моя огромная тень скользила по ним. Океан, мой дальний родич, был ко мне благосклонен. Повелел он горе Майнаке подняться из пучины, чтобы я мог на ней передохнуть, но я, едва коснувшись ее, продолжал полет. Вскоре моему взору предстал зеленый остров, и в центре его я увидел обнесенную стеной столицу и ее белоснежные дворцы. Опустившись на вершину горы неподалеку от столицы, я решил дожидаться ночи, чтобы, уменьшившись до размеров кошки, проникнуть в обрамленный золотом чертог Раваны. Конечно же, я решил, что Сита томится в этом дворце среди жен владыки ракшасов.

Рама застонал.

— Нет! Нет! — успокоил его Хануман. — Не волнуйся, друг мой. Внимательно осмотрев всех красавиц, чем бы они ни были заняты, я не нашел среди них твоей супруги.

Рама застонал еще громче.

— Не было ее ни в трапезной, ни в спальне. Тогда я вспомнил про сад, который рассмотрел, пролетая над столицей ракшасов. Я влез на стену и шел по ней до тех пор, пока не увидел в конце сада прекрасную женщину, сидевшую в окружении безобразных ракшасок. Тогда я вернулся во дворец, набрал из чаш, находившихся повсюду, жареных зерен пшеницы и стал посыпать ими дорожки сада. Сразу же слетелись птицы и стали с криком клевать зерна. Затеяв между собой драку, они носились между деревьев, сбивая на землю цветы. Ракшаски, оставив свою пленницу, бросились отгонять птиц. Тогда я беспрепятственно прыгнул на дерево и смог разглядеть ту женщину, юную и газелеоую. Ее блиставшее красотой тело было в нищенских лохмотьях.

По бледному исхудавшему лицу катились слезы. На ее шее я узрел ожерелье, подобное тому, какое ты мне описал, но потемневшее от долгого ношения. Осмотревшись и убедившись, что ракшаски далеко, я опустился на землю. Сита отшатнулась, и я понял, что она принимает меня за ракшаса в облике обезьяны. Тогда я протянул ей твой перстень и стал, глотая слова, рассказывать о тебе, о том, как ты вместе с Лакшманой в поисках ее обошел пол-Индии. И предложил ей переправиться через Океан, уверяя, что мне это проще простого. Но она отказалась от моих услуг, говоря, что боится высоты и может потерять сознание и упасть в пучину. После этого она сняла с ожерелья один драгоценный камень и попросила передать его тебе.

Принимая рубин, Рама дружески обнял Ханумана, тот же вскрикнул от боли.

— Что с тобой, друг? Ты ранен? — спросил Рама.

— Пустяки! — проговорил Хануман. — Ракшасы подожгли мне хвост. Одна из ракшасок меня заметила и подняла такой визг, что сбежались ракшасы со всего дворца.

Я укрылся на деревянной беседке, а они, принеся из кухни горшок с угольями, стали метать их в меня. Я ощутил, что на мне тлеет шерсть. Мои преследователи завопили с хохотом: «Смотрите! Мы запалили ей хвост!», я же подумал: «Сейчас вам будет не до смеха!» и перескочил одним прыжком на бамбуковый дом, в котором жили слуги Раваны. Дом вспыхнул. Еще один прыжок — и я на сторожевой башне. Загорелась и она. С башни я перенесся на крышу дворца. Вскоре пылала половина города, и стали слышны крики спасающихся бегством и обожженных. «Сам Агни принял облик обезьяны!» — вопили метущиеся в страхе между домами ракшасы. Перебравшись через городскую стену, я перебежал равнину и оказался на берегу Океана. Потушив хвост в его волнах и вновь приняв свой прежний облик, я взметнулся в небо, оставив пылающую Ланку.

Новый друг

На следующий день в поход на Ланку выступила великая лесная рать во главе с Рамой, Лакшманой и Сутгивой. От топота и рева медведей, от крика обезьян срывались камни с гор, а другие звери покидали свои норы и логовища. Дрожала земля. В небо вздымались облака пыли.

О походе стало известно на Ланке. Вибхишана, добродетельный младший брат Раваны, призывал владыку ракшасов опомниться и вернуть Ситу царевичу Кошала, чтобы не погибнуть самому и не погубить весь их род. Но Равана, ослепленный зло-

бой, не внял голосу разума и призвал к оружию всех ракшасов, вечных врагов небожителей и героев.

Еще до переправы на Ланку благородный Рама попытался решить спор миром. Он отправил к Раване посла с предупреждением: если Ситу не возвратят, город и дворец будут разорены, а его самого уничтожат. На совете Випхишана, употребив все свое божественное красноречие, вновь убеждал брата и его советников уступить, ибо все равно Рама и Сита неотделимы друг от друга, как вода и молоко. Но Равана, ослепленный греховной страстью, был неумолим.

— Никогда Рама не увидит Ситы! — яростно воскликнул он.
— Тебе же лучше жить среди явных врагов или среди разъяренных змей, чем среди нас, выдавая себя за друга.

— И тогда Випхишана вместе с четырьмя верными друзьями перелетел в стан Рамы.

Обезьяны вожди не поверили перебежчикам. Подозревая Равану в злом умысле, они умоляли Раму остерегаться чужаков и ни в чем им не доверять.

Но Хануман посоветовал не пренебрегать свалившейся с неба помощью. И поразмыслив, Рама встретился с Випхишаной. Обняв его при всем войске, он провозгласил его своим другом и будущим правителем Ланки.

И вскоре Вибхишана оказал Рама и всему его воинству неоценимую услугу. Он посоветовал Рама воздать почести Океану, обители Варуны, и попросить его о помощи.

— Не откажет он тебе в этом, — закончил Вибхишана свою речь. — Ведь Океан сотворен некогда твоим пращуром Сагарой. Устройся на берегу на ложе из травы куши и жди.

Переправа

Три дня и три ночи приносил Рама жертвы Океану и молил о том, чтобы он переправил его и войско на Ланку. И вместе с ним возносили мольбу и боги, напоминаящие, что Океан один раз уже пошел им навстречу и разрешил добыть амриту.

На четвертое утро, утомившись, Рама задремал, и во сне к нему явился владыка вод, изобилующих рыбами, в окружении своих многочисленных жен — рек и речек. «Сын Дашаратхи, — проговорил Океан громовым голосом, — есть в твоём войске обезьяний муж Нала, рожденный от божественного строителя Вишвакармана, воздвигшего Раване его прекрасную столицу Пушпаку. В Нале живет дух великого зодчего. Пусть он построит мост, а об остальном я позабочусь» Проговорив это, Океан скрылся, и вместе с ним исчезли и реки. Открыл глаза Рама, рассказал свой сон Хануману, и тот помчался за Налой.

И вскоре перед Рамой предстал обезьяний муж исполинского роста, а за его спиной на некотором расстоянии, приплясывая, двигалась вся его длиннорукая обезьянья дружина.

— Нала! — обратился к обезьяне Рама. — Покажи прославленное искусство своего божественного родителя. Переведи нас через Океан на Ланку.

— Будет сделано! — сказал Нала и удалился.

И тотчас обезьяны принялись за работу. Они быстро натаскали с берегов ближайших озер камыш и стали под руководством Налы сплетать из него циновки, связывая их друг с другом крепкими лианами. Через пять дней тростниковое полотно длиной в сто и шириной в десять йоджан было готово. Но выдержит ли оно тяжесть огромного войска? Океан обещал помочь. Но как он это сделает? Вот о чем думали Рама и его военачальники все эти пять дней.

Внезапно подул сильный ветер. Океан вспучился огромными валами. «Наверное, это козни Раваны, — подумал Рама, — ведь он великий чародей!»

Но ветер внезапно прекратился. Наступило затишье, которого так не любят мореходы: как лепестки лилий опадают паруса, и водная поверхность, недавно радовавшая глаз, напоминает степь, скучную, неподвижную, враждебную всякому порыву, движению и, кажется, даже мысли. Но на этот раз в одном месте этой степи, прямо под горой Махендрой, с которой недавно Хануман совершил свой знаменитый прыжок на Ланку, океанские валы не опустились, а застыли, образуя прерывистую линию огромных полупрозрачных зеленовато-голубых глыб. Точно такие подчас доставляют в Айодхью из Хималаев и изготавливают из них драгоценные камни, которые так ценятся не только царями Кошалы, но и во всей Индии и за ее пределами.

При виде этих глыб лесное войско разразилось ликующим ревом. И не было в нем ни одного столь непонятливого медведя, ни одной столь глупой обезьяны, которые бы с первого взгляда не поняли, что Океан воздвиг из своего пребывающего в вечном колебании тела неподвижные опоры для моста. Оставалось лишь накинуть на них полотно, сплетенное из деревьев и хвороста Налой, сыном Вишвакармана, и его хвостатыми помощниками.

И вот мост, блистающий как млечный путь в ночном небе, переброшен на Ланку. Обезьяны при виде его пустились в пляс, оглашая воздух торжествующим ревом. Услышали его на небесах боги, риши и гандхарвы. Мост предстал им подобно пробору на косматой голове Океана.

Рама и Лакшмана не скрывали своей радости. Хануман перенес их на остров первыми. Братья обнялись и принесли жертву Океану, оказавшему им помощь.

Первая битва

С плоской крыши своего дворца Равана наблюдал за тем, как вприпрыжку и вприскачку движутся бесчисленные отряды обезьян, как, поднимая столбы пыли, топают медведи. Несметная рать облепила холмы и долины. Кому не хватало места на земле зацепились хвостами за ветви и качались, пожирая какой-либо плод, корча физиономии и еще издали грозя ему кулаками. Зоркий взгляд царя ракшасов выхватывал огромные фигуры вожakov — царя обезьян Сутривы, его советника Ханумана, недавно побывавшего на острове и причинившего столько бед, исполинского обезьяньего мужа Налы, строителя моста.

— Взгляни, сын мой, — сказал Равана Индраджиту, — недруги уже разделились на четыре отряда и готовы начать нападение с четырех сторон. Приготовь свои ядовитые стрелы и порази ими вражеских вождей так, чтобы они тебя не видели.

Битва у стен столицы разгорелась еще утром. Засыпав рвы камнями, бревнами и землей, тысячи и десятки тысяч обезьян обступили твердыню Ланки. Они обрушили на золотые ворота города град камней и удары бревен. Сотнями они полезли на стены, оглашая местность ревом.

И тогда Равана, возгоревшись гневом, приказал своему войску выступить. Рама и его бойцы сражались яростно, крушили ракшасов топорами и палицами. Медведи сжимали врагов в своих мощных объятьях, ломали им головы. Обезьяны царапались и кусались. Весь остров наполнился воплями, иступленным ржаньем коней, звоном оружия, грохотом.

Раму окружило целое полчище ракшасов. Тысячи стрел летели в него, но отлетали от его панциря, не причиняя вреда. Стреляя из лука по средоточью врагов, он пробивал одной стрелой троих-четверых. Столь же успешно бился с ним рядом Лакшмана. Но внезапно Рама упал. Склонился к земле и Лакшмана. Это Индраджит, став невидимым, с близкого расстояния поразил их обоих ядовитыми змеями, которых он превратил в стрелы.

Небесный спаситель

Долго лежали братья неподвижно на поле боя. Обезьяны окружили павших героев кольцом, не давая никому приблизиться к ним. В это время со своим отрядом подошел Випшихана. Приняв отряд за ракшасов, многие обезьяны бросились враспынную. Но бегство было остановлено. Випшихана, увидев Раму и Лакшману, пронзенных стрелами, залился слезами, и вслед за ним завывали обезьяны, им медведи. Вой поднялся до самого неба.

И услышал его пролетающий в облаках Гаруда. Мгновенно опустился он на землю, наклонился над израненными, окровавленными лицами братьев и коснулся их перстами. Мгновенно кожа лиц и тел сделалась чистой и золотистой, а торчавшие стрелы, став змеями, в ужасе выползли наружу.

— Кто ты? — спросил Рама, приподнимая голову.

— Гаруда. Ты ведь слышал о моей вражде со змеями, — отвечал царь птиц. Боги дали мне власть над змеиным родом.

— Ты спас нам жизнь, — проговорил Рама, вставая. — Ты стал нам вторым отцом, и наши сердца исполнены благодарности к тебе, о сын прекрасной Винаты.

— Отныне вам змеиный яд не страшен, — сказал Гаруда, обнимая братьев. — Но будьте отныне осторожны. Берегитесь коварства ракшасов.

Проговорив это, Гаруда взмахнул огромными крыльями и поднялся в небо. Рама и Лакшмана благодарно глядели ему вслед.

При виде оживших витязей все войско взревело. Охваченные восторгом, запрыгали и заплясали обезьяны и медведи. Вырывая из земли деревья, с громкими воплями подступили они к стенам города.

Поединок

Весть о спасении Рамы и Лакшманы вызвало ярость Раваны. На сверкающей как солнце колеснице он выехал из ворот столицы. За ним следовали его лучшие военачальники, сын Индраджит на колеснице с огромным, натянутым до предела луком, на боевом слоне отважный, свирепоревущий воитель Маходара, на скакуне с раззолоченной сбруей бестрепетный всадник Пишача, ростом своим подобный горе, что уходит снегами своими за облака, на быке, словно месяц рогатом, великий Трешера, готовый метнуть свой зазубренный дротик, за ним же Нинумбха, муж чернокожий, схожий по облику с тучей.

Рама впервые узрел Равану в немыслимом блеске, могущим затмить сияние солнца, и понял, что предстоит битва, подобной которой еще не знали ни земля, ни небо. И вот уже могучей данью Раваны повергнут на землю Хануман. Гигантское копье поражает отважного царя обезьян Сутриву. Лакшмана посылает во владыку ракшасов одну стрелу за другой, но тот, улучив момент, направляет в него стрелу, дарованную ему некогда Брахмой. Лакшмана обливается кровью. Тем временем приходит в себя Хануман и ударом кулака сбивает Равану с ног и выносит из битвы Лакшману.

И тогда вступает в бой Рама. Натянув свой огромный лук, он несколькими стрелами убивает колесничего, коней, раскалывает вдребезги колесницу, расшвыривает оружие Раваны. И вот вла-

дыка ракшасов, еще не опомнившийся от нанесенного ему удара, пошатываясь, стоит перед Рамой

— Возвращайся к себе в столицу, — бросил ему Рама — С безоружными я не воюю

Пробуждение Кумбхакарны

Во дворце Равану окружили ракшасы и молча ждали его решения. Он же стоял, наклонив голову и размышлял. Вновь и вновь вспоминал Равана советы брата возвратить Раме Ситу. И, может быть, теперь он бы пошел на это, если бы не позор, который ему пришлось испытать. Рама даровал ему жизнь, посчитав совершенно не опасным. У него и впрямь сейчас нет сил вступать в новый бой. Но ведь есть еще Кумбхакарна, наведший на богов страх и погруженный в полугодовую спячку. Он и сейчас пребывает во сне, не зная, что враг уже на Ланке, что над царством нависла смертельная угроза. Разве можно спать в такое время?

— Разбудите Кумбхакарну! — приказал Равана. Зал дворца загудел — тысячи отправились к пещере со спящим исполином.

Его храп стал слышен сразу за городской стеной, несмотря на то, что до пещеры было не менее трех йоджан. По мере приближения к пещере свистящие звуки нарастали, а у входа в пещеру первых, кто туда собирался войти, отбросило словно бы порывом Ваты. Поняв, что войти к Кумбхакарне можно лишь тогда, когда исполин вбирает ноздрями воздух, в пещеру вбежала первая сотня ракшасов, за нею вторая и третья.

Устроившись таким образом, чтобы им не мешало дыхание Кумбхакарны, ракшасы разом крикнули. С неба попадали птицы, но Кумбхакарна даже не пошевелился. Длинные толстые волосы, вившиеся на его груди, продолжали колыхаться, как черные змеи. Тогда несколько десятков ракшасов, из тех, что посмелее, взобрались на грудь исполину и стали нещадно колотить по ней молотами, вбивать между ребрами острые осколки больших камней. И это не помогло. Кто-то придумал привести слонов, и целое стадо их провели по груди спящего. Кумбхакарна дышал так же ровно.

И когда уже была потеряна надежда его разбудить, Кумбхакарна приоткрыл щели глаз и, не поднимая головы, протянул руку к громоздившимся у входа в пещеру тушам животных. Открылась огромная пасть, подобная входу в царство Ямы, и туда одна за другой полетели туши кабанов и оленей. Послышались звуки перемалываемых костей. Огромный комок проскочил в горло, вздувшееся подобно горе.

Немного подкрепившись, великан приподнялся на локте и спросил ракшасов:

— Что там стряслось? Зачем вы меня разбудили?

И стали ракшасы наперебой объяснять исполину, что произошло за время его пятилетней спячки. Узнал Кумбхакарна о том, что сгорела столица, сожженная огромной обезьяной, но была восстановлена в прежнем великолепии, что на Ланке высадилось обезьянье войско, что брат его Вибишана перелетел к Раме и воюет на его стороне, что первую битву у стен столицы пришельцам удалось выиграть, что Равана просит его о помощи.

Кумбхакарна покачал огромной головой.

— Мой неразумный брат! Конечно же, ему надо было вернуть Ситу Раме. Упрямство до добра не доводит. Но все же я ему помогу. К тому же, — добавил он, облизывая растрескавшиеся губы, — что может быть слаще обезьяньего мяса!

И поднялся Кумбхакарна во весь свой огромный рост и зашагал к городской стене, сопровождаемый воинами Раваны. Самый высокий из ракшасов едва достигал его лодыжки.

Ракшас-гора

Воодушевленное победой, воинство Сутривы готовилось к штурму столицы ракшасов. Участки стены были уже распределены между отдельными обезьяньими племенами, выдвинутыми на переднюю линию. Был назначен сигнал, по которому должно начаться одновременное наступление, и определен план движения по вражескому городу.

Тем больший переполох вызвала тщательно подготовленная Раваной контратака. Загрохотали барабаны. Загудели трубы. И под эти звуки прямо через стену шагнул исполин, о существовании которого в обезьяньем войске и не подозревали. Над головою Кумбхакарны, казалось, клубились грозовые тучи. Сразу все вокруг потемнело. Взревел Океан, повелитель рек, как во время непогоды, до неба взметнул пену. Из леса выбежали стаи шакалов с пламенеющими как угли глазами и, запрокинув головы, завывали на почерневшее солнце. Среди бела дня промчалось с грохотом и упало в море, вызвав огромные волны, небесное тело в форме кувшина без ручек.

Одновременно с выходом исполина из ворот на равнину выкатили ряды двухколесных боевых колесниц, промчались отряды всадников на леопардах, львах, антилопах, гигантских быстрходных птицах и на змеях. За ними с грозным кличем двигались отряды пехотинцев, вооруженных чем попало.

Но обезьяны, казалось, ничего не видели. Охваченные ужасом, остоленев, они смотрели на великана, на его разверстую пасть, на огромные свирепые глаза, вращающиеся подобно тележным колесам, на дергавшееся над левым глазом веко, на цепь из бриллиантов сиявших на шее исполина подобно звездам.

Замерли их лапы, сжимавшие дубины, колья и секиры. Придя же в себя, с отчаянным визгом пустились они врассыпную, а Кумбхакарна, догоняя их, хватал и на ходу десятками отправлял в пасть, выплевывая оружие. Вопль «Человек-гора! Человек-гора!» охватил всю Ланку и, кажется, мог быть услышан и в Индии.

И тут на пути беглецов встал Ангада.

— Назад, обезьяны! — кричал он, простирая лапы. — Где ваше бахвальство?! Где хвастливые речи?! Над вами будут потешаться жены, усомнившись в вашей мужской силе. Вы навлекаете вечный позор на безупречный обезьяний род. Ведь все равно Рама расправится с братом Раваны в единоборстве и покажет, что мог бы обойтись и без нашей помощи.

Пристыженные обезьяны вняли голосу разума, подавили страх и с храбростью отчаяния, покинув деревья, избранные убежищем, ринулись в бой. Они ломали утесы, вырывали с корнями стволы и наносили Кумбхакарне удары то острыми камнями, то деревьями. Он же валил их сотнями, устилая трупами землю. Но отважные обезьяны атаковали вновь и вновь. Облепленный сплошь обезьяньей дружиной, исполин напоминал царственного Гаруду, истребителя змей. Тем, кого он отправлял в рот, удавалось выбраться через ноздри и уши. Ноги Кумбхакарны скользили по сплошному месиву поверженных обезьяньих тел.

В схватку ввязался сам Ангада. Забравшись на гору, он обломил скалу и угодил ею в голову исполина. Содрогнувшись всем своим огромным телом, Кумбхакарна швырнул в вожака обезьян свое копьё, но промахнулся. На помощь Ангаде бежал Сутрива с каменной глыбой. Она обрушилась на грудь брата Раваны, расколовшись на обломки. Кумбхакарна ответил железным копьём с отравленным наконечником. Защищая царя, Хануман подхватил это копьё на лету и под удивленные возгласы обезьян сломал его на колене, как былинку.

И в это время в бой вступил Рама. Меткой стрелой из дивного лука Вишну он отсек исполину левую руку, но тот, изловчившись, швырнул молот, сразу поразив сотни обезьян. Вытащив из земли дерево, он бросился на Раму. Тот же двумя стрелами отсек ему обе ноги. Всю землю оглушил изданный исполином вопль гнева и боли. Истекая кровью, на обрубках ног Кумбхакарна ринулся на царевича. И наложил Рама на тетиву еще одну стрелу, быстролетную и неотвратимую, ту самую, которой когда-то Индра поразил чудовище Вритру и спас человечество от жажды. И вылетела она, неотвратимая, настигла Кумбхакарну как бог огневластный, мгновенно снес ему голову. И упала она, сверкнув серьгами, сокрушая крепостные сооружения столицы. Тело же, покотившись по скользкому месиву, рухнуло в Океан, вызвав гигантскую волну.

Колдовство

*Склонила на Ланке главу краса Хималаев
Махадая, Меру великой сестрица родная.
Тоскует она века по отчизне далекой,
Надеясь и ныне на исполнение зарока,
Который был дан божественной обезьяной
Во имя спасения брата Рама Лакшманы.*

К ровавое светило спустилось в Океан, чтобы омыться, и землю поглотили мрак и покой. Но возбужденные гибелью Кумбхакарны и десятков тысяч своих собратьев обезьяны не могли погрузиться в сон. Воспламенив просмоленную паклю, с пылающими головнями они перебрались через крепостную стену, забрались на кровли зданий и дворцов, в оставленные караулом башни. И город, отстроенный после Хануманова пожара, вспыхнул во многих местах. Часть его превратилась в огромный костер, видимый на многие йоджаны. Но вдруг на поджигателей из лука, висящего в воздухе, посыпалась туча стрел. Это Индраджит, ставший вновь невидимым, спас столицу от полного уничтожения.

Город продолжал гореть, и оттуда слышались вопли и стоны гибнущих ракшасов и их жен. Но загорелся и Восток. Когда наступил новый день, на черной от копоти городской стене стало заметно движение. Ракшасы привели женщину. Да это же Сита! Рама, Лакшмана и Хануман явственно услышали голос, которого не спутаешь ни с одним другим. Сита рыдала и молила о пощаде, но Индраджит в красном одеянии палача заносит над ее шеей топор. Голова отлетает, открывая выход потоку крови.

Не было пределов горю Рама. Утратив сознание, он пал наземь. Открыв глаза, увидел над собою склонившегося Вибхишану.

— Вставай, Рама, — услышал несчастный. — Это ложное видение. Равана не решится убить ту, ради которой затеял эту войну. Ныне же он в священной роще приносит жертву Агни, чтобы твое оружие не могло его сразить. Но опасен Индраджит. Надо его убить, ибо нельзя знать, что он еще придумает. Я готов сразиться с моим преступным племянником.

— И я тоже! — послышался голос Лакшманы.

— Возьми стрелу Индры, побежденного Индраджитом, — сказал Рама, вставая. — Она ему отомстит за своего повелителя.

И вот на поле с грохотом вылетают две колесницы. Навстречу им мчится колесница Индраджита. Тучей летят и сталкиваются в воздухе, ломаясь как былинки, стрелы.

— Пускай стрелу Индры, пока он не применил своей хитрости! — кричит Вибхишана.

И вот Лакшмана накладывает на тетиву громоносную стрелу. Она вылетает как молния и сносит голову Индраджита. Вопль ликования обезьян и медведей сливается с горестным криком защитников Ланки. Это слышит Равана и, заканчивая жертвоприношение, решает осуществить то, что было представлено любимым сыном как зрелище, — убить Ситу. Но от этого злодеяния его отговаривает мудрый советник:

— Не лучше ли тебе убить Раму и завладеть Ситой? — говорит он ему.

Пылая яростью, в сопровождении ракшасов выезжает Равана на поле боя. И снова в воздухе тысячи стрел. С обеих сторон гибнут лучшие воины. Но сам Равана неодолим. Он берет свое лучшее копье и направляет его в грудь Лакшманы. Сын Сумитры падает бездыханным. У Раваны кончается запас оружия, и он вместе со своими воинами уносится в город.

Горе Рамы невообразимо. Он падает на окровавленную грудь брата и пытается влить в него свое дыхание.

И тут выступает вперед Джамбаван, царь медведей, и переваливаясь с лапы на лапу, произносит:

— Мой род, как и двуногие, страдает от ран и болезней. Мы бываем повсюду и знаем травы как никто. Есть в Гималаях гора Махадая, а на ней растет трава, возвращающая дыхание жизни.

— Рама! — воскликнул Хануман. — Разреши, я слетаю туда.

— Лети, мой друг! — говорит Рама. — Лети скорее на ту гору!

В его голосе слышится надежда.

И вот уже Хануман в Гималаях. Узнав от местных обезьян, где гора Махадая, он переносится на нее. Но как найти траву, возвращающую дыхание? Джамбаван дал ее описание, но такой нигде не видно. Может быть, трава прячется при его появлении? Тогда он унесет гору вместе со всем, что на ней есть.

— О, Махадая! — обращается Хануман к горе. — Тебе предстоит приятное путешествие. Ты увидишь прекрасный остров в океане. Когда же ты насладишься его красотами, я верну тебя на место.

И гора не воспротивилась. Как все существа женской породы, она была любопытна. Хануман вырвал всю гору и перенес на Ланку, где ее с нетерпением ждало обезьянье воинство. Джамбаван отыскал нужную траву и поднес ее к лицу бездыханного Лакшманы. Запах целебной травы вернул Лакшману к жизни. Гора же осталась на Ланке. Хануману было не до нее.

Колесница Индры

Боги, собравшись в небесном дворце Индры, не отрываясь, наблюдали за сражениями на Ланке. Горели их глаза, пылали их возбужденные лица, словно бы от тройной порции сомы. Порой они издавали ликующий крик, который можно было услышать во всех трех мирах, порой же — горестно вздыхали, и тогда их прекрасные лица мрачнели, как небосвод после удаления колесницы Сурьи. В тот миг, когда после гибели Индраджита на поле боя вновь показалась колесница Раваны, Агни завопил:

— Неужто ты, Индра, ослеп! Разве ты не видишь, что Равана на колеснице, а Рама — пеший?! Поединок неравен!

И тогда кликнул всепобеждающий владыка Востока своего верного возникшего:

— Матали! Нагрузи мою колесницу оружием и отвези ее на землю потомку Рагу.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Матали, складывая ладони.

Кони при виде своего повелителя нетерпеливо забили копытами. Из их расширившихся ноздрей вырвалось пламя. Матали оглядел колесницу, на какую не мог подняться, кроме Индры, ни один из богов, подтянул постромки и одним махом занял свое место. Щелкнул бич, и понеслась колесница, сверкая изумрудами и алмазами, рассеивая мрак, наполняя все три мира звоном укрепленных на дышлах колоколов. Гордо развевался стяг охранителя мира: темносиний лотос на золотом бамбуке.

Сражающиеся под стенами Ланки, отдыхая во время боя, вдруг услышали усиливающийся мелодичный звук. Вскинув головы, они долго вглядывались в небо и не могли понять, откуда он исходит, пока не связали его с каким-то увеличивающимся в размерах предметом, напоминающим птицу. И вот уже всем стало видно, что это не птица, а колесница, запряженная конями. Она плавно опустилась недалеко от перенесенной с Хималаев горы. Матали соскочил на землю и обратился к подошедшему Рама с почтительными словами:

— Я направлен к тебе благосклонной волей громоносного Индры. Сдоблаговолить подняться на его колесницу, доблестный Рама. В кузове ты найдешь оружие Индры, громовые палицы, заревые всполохи, исполнинский непробиваемый панцирь и лук. Я, Матали, рад быть твоим колесничим.

Обошел Рама колесницу слева направо, пощупал толщину борта, толкнул ногой одно колесо, чтобы проверить, прочно ли оно держится на оси, подтянул подпругу. Затем, наклонившись, он отвязал прикрепленный к скрепам панцирь, поднял лук и молниеносным прыжком занял место на превосходной колеснице рядом с Матали, уже державшим вожжами упряжку.

Гибель Раваны

И вот на поле под стенами Ланки в дыму и грохоте развернулся бой колесниц. Равана могучей рукой бросил дротик, но острое его расплющилось о панцирь Индры, скованный из небесного металла. Тогда Равана выпустил тучу приятных глазу золотых стрел, превращавшихся на лету в ядовитых змей. Рама же применил оружие, дарованное ему Гарудой. Его стрелы в полете превращались в орлов и пожирали змей. Тогда Равана выпустил другие стрелы. Одна из них ранила колесничего Индры. Другой стрелой Равана сбил стяг Индры, развевавшийся на золотом древке. Две стрелы Раваны застряли в крупе небесных коней. Стрелы Раваны не давали Рама приладить к бою лук, и неистовый гнев охватил великого воителя. Его пылающее яростью лицо заставило содрогнуться Равану, но все же владыка ракшасов пересилил страх и взял в руку оружие беспредельной мощи, низвергавшее огонь, схожее блеском и твердостью с алмазом.

— Сейчас, — крикнул владыка летающих ночью, — ты будешь уничтожен вместе с Лакшманой, разделишь участь моих воинов.

И занес Равана за плечо свое колдовское копьё, и полетело оно со звоном, ибо к древку было привязано восемь колоколов. Но и это оружие отразил Рама тучей стрел. Они неслись к пламени, как мотыльки к приманке, и погасили его. После этого Рама метнул копьё, посланное ему Индрой, и вдребезги разбил оружие, на которое Равана возлагал надежды, а затем засыпал стрелами коней Раваны и несколькими стрелами ранил его самого. Равана пошатнулся и мог бы упасть, если бы его не подхватил колесничий, который повернул коней и погнал колесницу к городским воротам.

Придя в сознание, Равана загорелся гневом:

— Как ты посмел увезти колесницу! — вопил он. — Теперь меня сочтут трусом!

— Я это сделал для твоей же пользы, господин, — оправдывался колесничий. — Ведь ты был без чувств. Но теперь я могу вернуться на поле боя, если ты прикажешь.

— Ты еще спрашиваешь?! — закричал Равана.

И вот снова разгорелась битва. Колесница Рамы ринулась навстречу показавшейся из ворот колеснице Раваны. Над головою Рамы гордо развевался стяг Индры. Охваченный яростью, Равана решил его во чтобы то ни стало сбить, но его стрелы лишь задевали золотое древко. Стрела же Рамы, рванувшись со свистом, снесла стяг Раваны. Еще сильнее разъярившись, пустил Равана тучу стрел в коней, ранив одного из них.

И тогда обратился к Рама Матали, возникший Индры:

— Сразить Равану может лишь оружие Брахмы, стрела, подобной которой нет ни в одном из трех миров.

И вынул Рама из колчана стрелу, сотворенную Брахмой, полученную от Агастьи. Она сверкала, словно бы вобрала в себя весь жар мироздания. И задержать ее были бессильны гранит и железо. Как игла мастерицы, что проходит сквозь лен, она могла пронзить всю землю.

Произнеся заклинание из Веды, приложил Рама стрелу к дуге огромного лука, заправил конец ее в тетиву и натянул лук могучим усилием. И понеслась Неотвратимая, пробила грудь Раваны и сама вернулась в колчан. Упал Равана, испуская дух, на землю. И тотчас послышалось гуденье раковин, рокот божественных барабанов, и Вайю, посланный богами, осыпал победителя ливнем цветов.

Когда все стихло, стало слышно причитание Вибхишаны:

— О мой могучий брат! Свершилось то, что я тебе предрекал. Ты погубил себя и все наше семейство.

И подобно эху на это причитание ответил вопль жен Раваны, донесшийся из города.

И сказал Рама Вибхишане:

— Царь! Твой брат был могучим воином. Принеся миру много зла, он пал в честном бою. Вражда уходит вместе со смертью. Прошу тебя, соверши погребальный обряд.

Брахманы накрыли тело павшего шелковым пологом, подняли на носилки и понесли к месту сожжения. В погребальной процессии участвовали все уцелевшие от побоища ракшасы, ставшие подданными Вибхишаны. Вся равнина к югу от столицы покрылась огненными точками факелов. И вскоре оттуда донесся запах сандала и благовоний от погребального костра, разносимых ветром и заглушающих все другие запахи.

Эпилог

Рама обратился к Хануману бледное, тохудевшее лицо:

— Где же Сита? — спросил он.

— Сейчас я ее приведу, друг мой, — отозвался Хануман.

И вот он уже бежит по улице Ланки, покрытой обуглившими-ся телами ракшасов и головнями.

Бледная и печальная сидела Сита в саду за дворцом, окруженная стражей из ракшасок. Не ждала она от будущего ничего хорошего. Но вот зашевелилась листва. Сита увидела Ханумана и услышала его голос:

— Рама победил! Могучий Равана пал от его руки.

Радость Ситы была столь велика, что она на мгновение утратила дар речи. И поднял Хануман лук, чтобы расправиться с ракшасками.

— Не трогай их! — раздался слабый голос Ситы — В бедах, выпавших на мою долю, нет вины их, подневольных

— Поднимись на паланкин, — сказал Хануман — Рама хочет тебя видеть

И вот предстала Сита перед Рамой во всем блеске своей красоты Толпы обезьян и медведей замерли, любуясь супругой Рамы

— Опустись на землю! — произнес Рама сурово

Удивляясь тону, с каким были произнесены эти слова, Сита сошла с паланкина

Встретившись с полным любви и радости взглядом, вздрогнул Рама и словно бы преодолевая себя, произнес ровным голосом

— Дочь Джанаки! Я исполнил свой обет Равана уничтожен Я смысл нанесенное тебе оскорбление кровью врагов Но кто из высокого рода сможет принять жену, так долго находившуюся вне дома? Если тебя не касались нечистые руки, то ощупывал нечистый взгляд Ты запятнана Тебе надо удалиться

Сита опустила голову Из ее глаз потоком хлынули слезы Но вот она выпрямилась, и Раме предстало ее лицо, гордое и прекрасное даже в горе

— Не забывай, Рама, что и я высокого рода, — проговорила она — Я дочь Земли и достойна другого обращения Если ты хотел со мной расстаться, почему послал ко мне Ханумана? Приготовь, о Рама, костер, пусть он испепелит мое горе

И вот уже сложены в пирамиду вязанки ароматного самшита и тонкие веточки бимбы Брошен пылающий факел Сита приблизилась к разгорающемуся костру и обратилась к пламени с мольбой

— Агни! Будь свидетелем, что сердце мои никогда не отверчалось от Рамы

С этими словами она вступила в костер

Взметнувшись лепестками огненной розы, охватило пламя прекрасное тело Ситы, и оно исчезло под вопль всеобщего ужаса Но вдруг лепестки почернели и опали, и появился муж в багровом одеянии, что-то прижимая к груди Поднял Агни ладони над вихрем своих развевающихся черных курдюрей и все увидели Ситу Она открыла глаза, и трижды подобно очистительному грому прозвучал голос

— Безгрешна! Безгрешна! Безгрешна!

И вот уже заложена воздушная колесница Раваны, которую Рама решил возвратить ее владельцу Кубере Держа за руку Ситу, Рама поднялся на колесницу Рядом с ним встали Лакшмана и Сугрива Колесница взметнулась ввысь Впереди нее, указывая путь, неся Хануман, похожий на льва и на птицу

Исполнен великий зарок
Иссякли «Рамаяны» шлоки

Из листьев багряных ашоки
Сплетен для Вальмики венок
И высится Рама как ствол
Лианою Ситой обвитый
Любовь что вкусила амриту
Справляет свое торжество

***

Шестая книга «Рамаяны» завершается возвращением Рамы и ее спутников в Айодхью и воцарением победителя на троне, сохраненном благородным Бхаратой. Правление Рамы («Рамараджья») описывается как Золотой век — без смерти, болезней, преступлений, войн. Затем Рама обретает облик своего небесного отца Вишну и вместе со всеми жителями Айодхьи переносится на небо, миновав муки смерти. Седьмая книга содержит рассказ об изгнании Рамой беременной Ситы, об укрытии ее певцом Вальмики в лесном убежище, о рождении двух сыновей Рамы — Куша и Лавы, похожих на отца, как две капли молока Вальмики, пораженный рассказом Ситы и ее благородством, перенес радости и страдания любящей пары в шлоки «Рамаяны». Росли Куша и Лава — и одновременно, как мощное дерево над кровлей хижины, разрасталась «Рамаяна», и ее шлоки, подобно птицам, разлетались по всей Индии.

Куша и Лава знал поэму о подвигах Рамы наизусть, и пришли они по совету Вальмики в Айдохью, чтобы спеть под окнами царского дворца. Рама пригласил их в свои покои, и они спели для царя и его гостей вступление к поэме. Восхищенные гости потребовали, чтобы они пропели поэму до конца. И только через несколько дней, когда поэма была окончена, Рама понял, что перед ним сыновья Ситы, и распорядился, чтобы ее привели.

Он не простил ее, но попросил доказать еще раз перед всем народом свою невиновность. И обратилась Сита к матери:

— О, Земля! Возьми меня в свои объятия, дай доказательство, что я невиновна перед моим супругом и перед людьми.

И Земля разверзлась, поглотив Ситу. Из образовавшегося провала выползли змеи, неся на головах золотой трон. На нем восседали Притхиви и ее дочь Сита, слившиеся в объятиях.

Народ ликовал, возглашая:

— Невинна! Невинна!

Рама стоял с опущенной головой. Слезы струились из его глаз. Он потерял Ситу навсегда.

Сорок жизней Будды и Бодхисатвы

Просветление

У подножья седых Хималаев жило небольшое племя шакьев, которым правил мудрый вождь Шуддходана. Однажды главная из его жен, Махамая, увидела себя во сне перенесенной к священному озеру в горах. Небесные хранители омыли ее в водах, после чего к ней приблизился огромный белый слон и вошел в ее бок. Обратилась Махамая за истолкованием приснившегося к домашнему жрецу, и тот сказал:

— Ты зачала великого сына, который станет либо вселенским правителем, либо учителем мира.

Минуло время для созревания семени назначенное, и Махамая, направляясь в дом своего родителя, в роще сандаловых деревьев родила младенца. Явившись на свет, он твердо стал на ножки и явственно произнес:

— Это мое последнее рождение. Отныне больше рождений у меня не будет.

Шуддходана решил посвятить всю свою жизнь столь одаренному ребенку. Чтобы он жил, не ведая о смерти, болезнях, страдании, было приказано огородить чертоги и окружавший их парк высокой стеной и не говорить ни о чем, что могло бы огорчить мальчика, которому дали имя Гаутама. Так в счастье и радостях текли его годы. Когда пришло время брака, Гаутаме было разрешено ненадолго выйти за стену для участия в состязаниях за право владения прекрасной Яшодхарой, двоюродной его сестрой. Гаутама затмил всех своих соперников, в том числе завистливого двоюродного брата Девадатту, получил руку красавицы и стал на двадцать девятом году жизни отцом, продолжая с наивностью ребенка считать, что всем людям живется так же легко и беззаботно, как ему.

Он бы и далее пребывал в этом счастливом неведении, не обвались в одном месте окружавшая парк стена. Прогуливаясь по саду в сопровождении верного и молчаливого слуги, Гаутама обнаружил отверстие. Его взгляду предстала каменистая дорога и с трудом передвигавший ноги человек.

— Кто это? — спросил Гаутама у своего спутника.

— Старец, — ответил слуга.

— Почему он так согнулся?

— От тяжести долгих лет, — ответил слуга.

— Значит, и я буду таким, — задумчиво произнес Гаутама. Его прекрасный светлый лоб впервые перерезала линия страдания.

Слуга промолчал, вспомнив, что ему было приказано не говорить ни о чем, что могло бы огорчить царевича.

С этого дня словно бы какая-то сила тянула Гаутаму к месту, откуда открывался неведомый дотоле мир.

Как-то Гаутама проснулся ночью и вышел, сопровождаемый слугой, в благоухающий сад. Дорога была освещена факелами. Люди молча шли с носилками, на которых недвижно лежал очень бледный человек. Время от времени из уст идущих вырывались какие-то странные, непонятные Гаутаме звуки.

— Что делают эти люди? — спросил Гаутама слугу.

— Они несут мертвого на сожжение, — отвечал тот.

— И меня так понесут? — спросил Гаутама.

Слуга молча отступил. Никто не заметил первой горькой морщины на челе царевича.

На следующий день Гаутама, сопровождаемый слугой, вновь подошел к проему в стене. Он увидел странное существо в грязном тряпье, то ли ковылявшее, то ли припадавшее на одну ногу. Оно чем-то напомнило ему обезьян, иногда проникавших в сад и опустошавших плодовые деревья. «Наверное, это неведомая мне порода людей», — подумал Гаутама.

Вдруг человек вскинул руку и зазвонил в колокольчик — так, как это делали в предтрапезные часы слуги, проходя по аллеям сада.

— Подойди сюда! — крикнул Гаутама.

Незнакомец сделал несколько шажков и остановился. Царевич увидел, что лицо остановившегося сморщено, как кожа печеного яблока, а грудь под лохмотьями в белых язвах и струпьях.

— Кто ты? — спросил Гаутама. — Как тебя зовут?

— Разве не видишь, я — прокаженный.

— И ты призываешь на помощь?

Из уст несчастного вырвался звук напоминающий бульканье воды в котле под огнем. А это был смех!

— Нет! Я звоню, чтобы все разбежались. Десять лет я не слышал человеческого голоса.

Гаутама был пронзен состраданием. Из его светлых глаз хлынула соленая влага. В ней расплылось очертание стены, отгораживавшей его от людского горя. Мир, полный страхов и страданий, звал к себе. И царевич пошел, повинувшись этому зову.

Удалившись от города, Гаутама снял с себя царские одеяния и облачился в простую одежду отшельника: цвета охры, представшую ему во время одного из видений, срезал волосы мечом и передал их вместе со всем, в чем покинул дворец, слуге. Не вынеся разлуки с господином, тот умер.

С тех пор во многих городах и селениях северной Индии видели удивительного человека. Его не привлекали дома, откуда доносились пение, музыка и счастливый смех. Он появлялся лишь там, где слышались плач и стоны. Став добровольным помощником лекаря, он поил больных, обмывал зловонные раны. От стоял у шалаша чандалы, питающегося отбросами из разбитой посуды, и на его лице не было и тени отвращения. Он не творил чудес, не исцелял больных, слепых и хромых, и лишь однажды, откликнувшись на призыв соперничавших с ним проповедников, ненадолго поднялся в воздух.

Как-то, собирая подаяние, Гаутама посетил главный город страны магадхов. Царь Бимбисара, увидев его с террасы, удивился благородному облику нищего.

— Взгляните! — обратился царь к приближенным. — Этот нищий в желтом держится прямо. Чело его прекрасно. Нет, не низкого он рода. Слуги! Приведите его ко мне.

Пока слуги сообразили, чего от них хотят, пока они бежали к воротам, Гаутама скрылся. Царь обещал наградить каждого, кто укажет место обитания странника царственного вида в одеянии нищего.

Прошло немало времени, пока одному из царских пастухов удалось удовлетворить любопытство владыки. Склонившись перед троном, он сказал:

— О, махараджа! Юноша, которого ты ищешь, отшельник. Он обитает в жалкой хижине далеко в горах.

Царь приказал запрячь в колесницу коней и отправился в горы. Когда начался подъем, он сошел с колесницы и стал подниматься по тропинке, змеившейся по склону горы.

Переступив порог хижины, царь приветствовал отшельника, сидящего за своей жалкой трапезой, и обратился к нему с такими словами:

— Неподражаемый! Я увидел тебя, когда ты проходил мимо моего дворца. Твоя красота достойна лучшей доли. Я буду счастлив разделить с тобою мои покои. Идем со мной. Но сначала скажи, как тебя зовут и какого ты рода.

— Я Гаутама, сын Шуддходаны, из племени шакьев.

Я покинул отца и мать, жену и сына, чтобы узнать, как живут людям и чтобы наставить их на путь добра и праведности. Нет лучшей доли, чем та, которую я избрал, и я не намерен ее менять.

И ушел царь, поняв, что отшельнику не нужно то, что он ему предложил, что он тверд в своем решении.

А Гаутама вновь пустился в странствия, чтобы познать людское горе, а когда душа переполнилась им через край, он отыскал неподалеку от города Варанаси дерево с пышной кроной, защищавшей от палящих лучей, и сел под ним. Случайный прохожий

мог бы подумать, что этот человек охраняет зарытое под деревом золото. Но он оберегал свою мысль, как еще не окрепшую молодую веточку.

Дав торжественный обет, что не встанет и не удалится, пока не разрешит загадку жизни, даже если ему придется сидеть до тех пор, пока не высохнут его кости и не истлеют кости, он сидел сорок девять дней. Лишь один раз за это время он поел кашу, сваренную на молоке, принесенную Суджатой, дочерью земледельца.

Через некоторое время Гаутаме предстали сонмы богов и духов, ожидавшие великого мига просветления. Затем их место занял искуситель Мара, принесший весть, что злой Девадатта поднял мятеж, бросил мать и жену в темницу и что они ждут его помощи. Но Гаутаме не тронулся с места. Тогда Мара силой майи призвал полчища ракшасов, наслав с их помощью такой смерч, что могучее дерево, под которым сидел Гаутаме, закачалось и осыпало его ливнем листьев. Но Гаутаме даже не шевельнулся. Затем разлилась текущая внизу река, и ее воды коснулись ног праведника. Но он продолжал сидеть. И потребовал искуситель, чтобы Гаутаме доказал свою щедрость и великодушие. Не открыл Гаутаме рта, а лишь коснулся пальцами земли, и отозвалась она голосом грома:

— Свидетельствую за него!

И отступил Мара, раненный истиной, но вскоре вернулся вместе со своими юными и прекрасными дочерьми. Они приплясывали, и глаза их колебались, как чашечки лотоса при порыве ветра.

— Отрекись! — нашептывал злой волшебник. — Отрекись, и красота моих дочерей будет твоею.

— Нет! — отрезал мудрец. — Во время странствий я видел фокусника с размализованной деревянной куклой. Она танцевала так забавно, что все покатывались со смеху. Но стоило разрезать нитку, и игрушка распалась. Что в ней может пленить сердце? А красота истины не увядает.

И зашишел Мара, как кобра, когда ей наступают на хвост, и растворился в воздухе. Потеряв надежду соблазнить Гаутаму, он низвергал с неба молнии, обрушивал скалы, но не мог сокрушить мудреца: человек, верный истине, крепче каменной горы.

Однажды мудрец поднялся и твердым шагом спустился в долину. Там он увидел пятерых своих прежних учеников оставивших Гаутаму, когда тот отказался от сурового учершвления плоти. Они продолжали сидеть, выразив этим свое отношение к нему. Но как только он заговорил, ученики встали и слушали как замороженные. Так началась первая проповедь того, кого с этого дня называли Просветленным Буддой. На самом деле он стал

Просветленным еще тогда, когда был впервые пронзен жалостью к людям.

Совсем недолго Будда побыл в родительском доме, где сумел обратить в свою веру отца, жену, сына Рахулу и даже двоюродного брата, завистника Девадатту. После этого он вновь пустился в странствия в сопровождении учеников, оказавшихся свидетелями его проповедей и бесед. Самый молодой его спутник, Ананда, записал наставления учителя после его смерти.

Немало опасностей и приключений выпало на долю Гаутамы после просветления. Однажды в горах близ Матхуры он был схвачен дикарями, заставлявшими чужеземцев разгадывать загадки и при неправильных ответах их убивавшими. Будде удалось убедить нечестивцев отказаться от их образа жизни, а некоторых сделать своими последователями. В другой раз Будда отправился в стан свирепого разбойника Ангулималы, убивавшего каждого встречного. Пораженный бесстрашием гостя, разбойник выслушал его, присоединился к его последователям и кончил жизнь буддийским монахом. Ему приходилось сталкиваться с презрением со стороны людей, видевших в каждом, не занятом повседневным трудом и питающемся подаянием, бродягу и бездельника, и с открытой ненавистью таких же, как он, бродячих проповедников, считавших его опасным соперником. Однажды некий брахман, привлеченный цветущим видом скитальца, предложил ему в жены свою красавицу-дочь, а отказ кшатрия воспринял как оскорбление. В нем и его дочери, вскоре вышедшей замуж за царевича, Будда обрел злейших врагов.

На пути Будды встречались и люди, испытывающие к нему симпатию и готовые сделать для него все возможное и невозможное. Богатейший из купцов Судатта, к которому Будда попал во время дождей, купил для отдыха ему и его спутникам рощу, заплатив за нее затребованную владельцем сумму — столько серебряных монет, сколько могло уместиться на ее площади. Среди горячих сторонников Будды были брахманы, шудры и даже чандалы, питавшиеся мясом собак, мужчины и женщины.

Многие из них, оставаясь на своих местах, образовывали группы монахов, следовавших наставлениям учителя и ведших отшельнический образ жизни, не соприкасаясь с обществом. Он же продолжал свой путь с немногими учениками, удивляя их своей выносливостью. В семьдесят девять лет, пока ученики искали лодку или плот, чтобы переправиться через Гангу, он переплыл реку и приветствовал их с другого берега.

Однажды Будда с учениками оказался близ дерева, давшего ему когда-то свет истины. Один из учеников, самый преданный и любимый, пал на колени, чтобы поклониться месту рождения истины. Будда поднял его и, взяв с земли горсть листьев, спросил:

«Скажи, юноша, есть ли еще листья, кроме тех, что у меня в руке?» — «Осенние листья падают повсюду, — ответил ученик, — их не счесть». «Вот так и я, — сказал Будда, — оставляю вам лишь горсть истин, но кроме них имеется бесчисленное множество других».

Веер

И взял ученик из рук Будды горсть листьев и прижал их к своей груди и никогда с ними не расставался. После смерти Учителя он разложил эти листья веером — их было восемь — и попытался, вспоминая проповеди Будды, закрепить за каждым из них одну из частей учения.

С первым листом он связал убежденность Будды в том, что мир полон скорби, порожденной жадностью, алчностью, своекорыстьем. Подавление желаний — начало пути ко всеобщему умиротворению.

Второй лист — любовь к ближним и забота об их счастье. Не надо увеличивать богатство за счет других и искать власти над людьми, предаваться роскоши и чувственным наслаждениям.

Третий лист — правдивая речь, чуждая лжи, клеветы, дружелюбная и сдержанная.

Четвертый лист — праведность деяний, совершение поступков, не приносящих вреда живому, отказ от насилия.

Пятый лист — добывание средств к существованию праведным путем; не торговать спиртным, не гнать животных на убой.

Шестой лист — праведно мыслить, отторгать от себя все злое, настраиваться на одно добро.

Седьмой лист — правильная оценка самого себя, осознание того, что тело состоит из нечистых частей, зовущих к грязи и злу; подчинение плоти духу.

Восьмой лист — праведное созерцание, умение сосредоточить мысли на главном и достойном.

Подняв все восемь листьев над головой как знамя, ученик отправился в странствия путем Будды, разъясняя смысл каждого листа, если он нуждался в толковании.

Первый лист был доступен каждому, ибо не требовал от верующего ничего того, что нарушало бы привычный образ его жизни.

Второй лист вызывал споры: как понимать отказ от чувственных наслаждений? Ведь без них нет брака, а отсутствие брака приведет к вымиранию рода человеческого. Приходилось объяснять, что от брака должны отказаться лишь те, кто составляет узкую группу последователей, что Будда благосклонно отнесся к престарелой супружеской чете, счастливо прожившей вместе

много лет и наивно добивавшейся того, чтобы остаться мужем и женой в последующей жизни, что он нашел слова, чтобы укрепить их брак на праведных основах и сделать его образцом для всех.

Более всего сомнений вызывал четвертый лист — отказ от насилия. Как отказаться от насилия по отношению к преступнику, готовому убить тебя и твоих детей? Может ли последователь Будды быть воином, для которого насилие — обязанность? Пришлось растолковывать, что воин не может быть принят в монастырь, стать монахом; что находясь на службе, он обязан оставаться справедливым к своим товарищам по оружию и милостивым к врагу, если последний складывает оружие.

Говоря о пятом листе, ученик Будды объяснял, что учитель добывал средства к существованию милостыней, но не призывал к этому всех, что он не убеждал купца Судатту стать нищим, но ставил его в пример другим купцам, которые копят сокровища вместо того, чтобы делиться ими со всеми нуждающимися. Он вспоминал также и кузнеца, ковавшего не только лемехи для плугов и косы, но и оружие, несущее смерть. Будда за это его не осуждал. Когда же кузнец, желая доставить ему удовольствие, накормил его грибами и довел до гибели, беседуя с ним, Будда уделил ему столько же внимания, сколько и праведникам.

В годы после кончины Будды его путем следовало много учеников, умевших столь же наглядно, как и обладатель листьев, объяснять смысл великого учения. Один из них в большом городе собрал целую толпу перед домом, используя для наглядности ступени лестницы. Поднимаясь по каждой из первых восьми ее ступеней, он разъяснял содержание учения, не исключая того, что кто-то сможет подняться и выше, на девятую и десятую ступени, ибо Будда не отрицал других ступеней истины.

Среди слушателей монаха в оранжевом одеянии были два стражника, крестьянин с корзиной, в которой был большой гусь, фокусник с обезьянкой на плече, брадобрей и стоявший особняком мусорщик. Проповедник обращался ко всем сразу, не говоря ничего такого, чтобы могло бы сблизить слушателей или увеличить разнь между ними. При этом, спустившись с восьмой ступени на землю, он перешел к рассказу о прежних жизнях того, кто еще не был Буддой, но готовился им стать, упомянув и белого гуся, и обезьяну, и слона, призывая быть милосердными и к меньшим братьям.

Чулаккасеттхи

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисатва возродился в семье торговца при царском дворе. Звали его Чулаккасеттхи.

Однажды по дороге на службу он увидел дохлую мышь. Сопоставив это обстоятельство с расположением созвездий, он сказал сопровождавшей его дочери:

— Если бы какой-нибудь сообразительный юноша взял бы эту мусику, он смог бы содержать жену и быть при деле.

Один бедный юноша из хорошей семьи услышал эти слова и, будучи наслышан о мудрости Чулаккасеттхи, подумал: «Не станет он такое зря говорить».

Когда отец с дочерью удалились, он подобрал мусику и понес ее, держа за хвостик, на базар и там продал ее как корм для кошки за каканик. На этот каканик он приобрел ложку патоки. Набрав в кувшин воды, он бросил туда патоку и напоил из черпака водой выходящих из царского парка садовников. За это каждый из садовников дал ему по букету цветов. За них он тотчас получил восемь каршапан.

Однажды ночью в Варанаси был сильный ветер. Едва он утих, юноша отправился к царскому парку. Он увидел сторожа, сносящего к воротам сбитые ветром сучья.

— Почтенный! — обратился он к нему. — Хочешь я тебе помогу, если ты мне позволишь унести этот мусор?

— С удовольствием! — ответил обрадованный старик.

Через некоторое время гончар, идущий на базар, увидел юношу с вязанкой сучьев и купил ее у него, а также и другие сучья, сложенные в кучу у ворот парка, за шестнадцать каршапан и согласился уступить цену за горшки, кувшины и другую посуду. Так юноша обзавелся посудой.

Наполнив ее водой, он поставил все это у городских ворот и вдоволь напоил пятьсот косцов.

У косцов не оказалось денег, но они были благодарными людьми и сказали юноше:

— Дорогой! Что нам для тебя сделать?

— Когда будет нужно, что-нибудь сделаете, — ответил юноша.

Через некоторое время один торговец сообщил:

— Завтра в город приезжает барышник, чтобы продать пятьсот коней.

Узнав об этом, юноша сказал косцам:

— Принесите мне сегодня по вязанке травы, свою же больше никому не продавайте.

Косцы согласились и, принеся пятьсот вязанок травы, сложили ее у его дома. Барышник, не найдя во всем городе корма для

лошадей, взял у юноши всю траву и заплатил за нее тысячу каршапан

Потом юноша узнал, что в порт пришел большой корабль. Он за восемь каршапан нанял колесницу и прибыл в порт с большой пышностью. Дав корабельщикам залог за все привезенные на корабле товары, он расставил по дороге к порту своих людей, чтобы никто из перекупщиков не мог подойти к кораблю без его согласия.

Таким образом, став посредником, юноша получил от каждого торговца по тысяче каршапан в качестве залога за товары на корабле, после же продажи товаров они ему дали еще по тысяче каршапан.

Получив двести тысяч каршапан, юноша вернулся в Варанаси и взяв тысячу отправился к Чулаккасаттхи.

Передавая бодхисатве тысячу каршапан, юноша сказал:

— Прими от меня это в благодарность. Четыре месяца назад у меня не было ни одного каршапана, а теперь их двести тысяч.

— Как же тебе удалось разбогатеть? — удивился Чулаккасаттхи.

— Я следовал указанному тобою пути, благочестивый, — ответил юноша и рассказал все по порядку, начиная со случайно услышанного разговора бодхисатвы с дочерью.

Слушая юношу, бодхисатва думал: «Вряд ли я смогу отыскать для моей дочери более предприимчивого мужа, чем этот человек. Ведь он извлек выгоду даже из дохлой мыши».

И отдал бодхисатва юноше в жены свою дочь, красивую девушку, уже достигшую зрелости, ввел его в свои дела и объявил своим наследником.

После кончины Чулаккасаттхи его зять занял должность при царском дворе, стал самым богатым человеком в Варанаси, а бодхисатва возродился согласно карме.

Бодхисатва и раб

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в семье богатого саттхи. В тот день, когда жена родила ему сына, родился мальчик и у его рабыни. Дети росли вместе. Когда сын бодхисатвы стал ходить к учителю, юный раб провожал его, нес ученическую доску и ожидал, когда окончится урок. Так он обучился грамоте, а затем постиг несколько ремесел и со временем стал красивым и образованным юношей.

Исполняя обязанности эконома, он однако, тяготился положением раба и часто думал: «Стоит мне совершить какой-нибудь проступок, меня пошлют на тяжелую работу, а то и побьют, бро-

сят в оковы, поставят на мне клеймо. Пойду-ка я в соседнюю область к одному сеттхи, другу моего хозяина, и назовусь его сыном»

Он взял пальмовый лист и написал на нем «Посылаю я к тебе своего сына Катахаку. Если ты сочтешь родство полезным для наших отношений, отдай моему сыну в жены свою дочь, посели его у себя. Я же навещу тебя при случае»

Оттиснув на листе печать хозяина, Катахака взял денег на дорогу, благовония, одежду и все другое, что ему могло пригодиться, и отправился в соседнюю область.

Явившись к сеттхи, которому он не раз писал от имени господина, беглый раб приветствовал его поклоном.

— Откуда держишь путь, любезный? — спросил хозяин.

— Из Варанаси, — отвечал раб.

— По какому делу ты явился?

— Прочти и все узнаешь, — сказал Катахака, протягивая письмо.

Прочитав письмо, сеттхи возликовал, ибо для него породниться со столичным сеттхи было высочайшей честью.

И поселился раб в его доме как зять, пользуясь его богатствами. У Катахаки появилось много слуг, которые ухаживали за ним. Желая показать, что все это ему не в новинку, он часто ворчал.

— Ох, эта деревенщина! Не умеет она ни обед приготовить, ни стол накрыть.

Между тем бодхисатва, обнаружив отсутствие раба, отправил своих людей на его розыски. Один из посланных разыскал Катахаку и, оставшись неузнанным, вернулся и сообщил обо всем бодхисатве, который сказал «Я его пристыжу» — и стал готовиться в дорогу.

Весть об этом достигла города, где жил Катахака, и он сказал тестю.

— Почтенный! Мой отец хочет тебя навестить. Готовься к приезду, а я пойду ему навстречу с дарами.

И вот отправился Катахака с большой свитой в путь. Встретившись с бодхисатвой, он поклонился ему и вручил дары, а затем, отведя в уединенное место, бросился к его ногам, умоляя не разоблачать его.

— Не бойся, — утешил бодхисатва раба. — Ты плохо поступил, но я не из тех, кто мстит.

После этого бодхисатва отправился в город, где жил Катахака, и с величайшим почетом был принят его тестем. Когда гостя усадили на почетное место, тесть Катахаки сказал.

— Господин! Я отдал свою дочь в жены твоему сыну. Хочешь на нее взглянуть?

Бодхисатва милостиво кивнул головой.

Когда жену Катахаки привели, бодхисатва принял ее как свою дочь и удалился с нею, чтобы она могла почесать ему голову. Когда она это сделала, он поблагодарил ее и спросил:

— Действительно ли мой сын и в счастье и в несчастье заботлив, и вы оба живете в согласии и дружбе?

— Это так, как ты сказал, господин, — ответила жена Катахаки. — У твоего сына лишь один недостаток. Он очень разборчив в еде и ворчит, что наш стол хуже столичного.

— Он всегда был ворчлив, — сказал бодхисатва. — Но я научу тебя, как его исправить. После того как он сядет за стол, прочти ему эту шлоку:

За стол чужой садясь, не задирай ты, Катахака, нос
А то лишишься ты всего, когда придет знакомый гость.

С этого времени Катахака перестал привередничать, полагая, что бодхисатва раскрыл его тайну жене.

Бодхисатва и брахман

Как-то блуждая по земле магадхов, бодхисатва остановился в одной из брахманских деревень. Была пора сева. Уже запрягли быков в плуги. Дымился котел. Работникам раздавали пищу. Блаженный подошел к месту раздачи и в свой черед подставил чашу для пищи. Видя это, брахман, следивший за раздачей, сказал:

— Прежде чем есть, я пашу и сею. И ты, странник, сначала вспаши свое поле и посеи свои зерна, а потом насыщайся.

— Так я и делаю, — ответил бодхисатва.

— Но что-то я не вижу у тебя упряжки, быка, плуга, кнута — всего того, без чего немыслима ни вспашка, ни посев.

Бодхисатва ответил гатхой:

Есть и взору невидимый труд
Ведь ничто не дается само
Выдержка — дождь мой, память — мой кнут
Верность — зерно и мудрость — ярмо
Мужество служит мне вместо быков
Тянет прямую оно борозду
В край, который не знает оков
Отдых и счастье там пахаря ждут
Каждый может пахарем быть
В руки свое грядущее взять
И о печалах мира забыть
И в труде нирвану познать

Выслушав эти мудрые и вдохновенные слова, брахман от души наполнил большую бронзовую чашу сваренной на молоке рисовой кашей и обратился к пришельцу:

— Отведай кушанья, почтенный Воистину ты — пахарь
Бодхисатва вновь ответил гатхой:

Не беру я награды за пение гатх
Истина не имеет цены
Мудрые обходятся без наград
Дхарме они до смерти верны

— Как же мне распорядиться этой молочной кашей? — спросил брахман

— Не знаю, — ответил бодхисатва — Только в трех мирах не найдется никого, кто смог бы переварить предназначенное мне кушанье Пожалуй, вылей кашу туда, где не растет трава, или в горькую воду, не имеющую живых существ

Брахман отыскал такую воду и опрокинул туда чашу Вода закипела, задымилась Клубы дыма достигли неба Пораженный случившимся, дрожа от ликования, брахман приблизился к бодхисатве и припал к его ногам

— Поразительно, — воскликнул он, — какими разнообразными, не повторяющимися словами тебе удалось разъяснить суть своего учения! Отныне ты — мое прибежище Посвяти меня в свою веру.

Бодхисатва и царь Махапинтала

В отличие от сутр, связанных с практикой обучения молодых монахов приемам вовлечения инорверцев в истинную веру, существовал специальный жанр произведений, обращенных к мирянам, — джатаки Они построены как рассказ самого Будды о своих прежних рождениях, когда он был бодхисатвой

Давным-давно в славном городе Варанаси правил злой и несправедливый царь Махапинтала Не было для него большей радости, чем причинять боль Грубый, жестокий и суровый, он не ведал жалости, был неумолим не только к своим женам, сыновьям и дочерям, но и к придворным, брахманам, знатнейшим кшатриям, невыносим, словно песчинка в глазу, словно камень в пище, словно колючка в пятке

В то время бодхисатва возродился в образе сына того царя Когда после долгого правления несносный и ненавистный царь умер, жители Варанаси ликовали так, будто одержали победу над внешним врагом На место сожжения праха навезли тысячу возов дров надеясь, что сильное пламя унесет подальше от города ненавистную душу Надо ли рассказывать, с какой радостью была вручена власть Махапинталы его сыну? В городе состоялось торжественное шествие, и каждый дом был празднично украшен. Непрестанно бухали барабаны, гудели рога и раковины,

всякий колотил в какую-либо металлическую посудину, стараясь этими звуками изгнать навсегда память о злом царе.

Каково же было удивление бодхисатвы, занявшего золотой, украшенный гирляндами цветов трон, когда до его слуха донеслось всхлипывание. Повернув голову, бодхисатва увидел старого привратника, смахивавшего с морщинистого лица слезы.

— Что с тобой? — удивился бодхисатва. — Неужто ты скорбишь об уходе того, кого в Варанаси называли Красноглазым?

— О, нет, — отозвался старец, — разве можно скорбеть о смерти такого изверга! Не было дня, чтобы твой отец, покидая дворец, не ударял меня по голове тяжелым кулаком. Возвещая о прибытии во дворец, он вновь меня ударял. Это вошло у него в привычку. Вот я и подумал, каково придется привратнику нижнего мира, когда Яма не пожелает принять твоего отца и отошлет его назад, а он будет вновь и вновь пробиваться к нему, так что отцу твоему не останется ничего, как возвратиться сюда.

— Не бойся! — улыбнулся бодхисатва. — Тот, кто над тобой издевался, сожжен на костре из тысячи возов хвороста и поленьев, а место сожжения залито водою из тысячи кувшинов и окопано рвом. К тому же существа, попавшие в тот мир, никогда не возвращаются на то место, которое они покинули.

Акробат

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в одной семье сильным и ловким мальчиком. Его отдали в обучение акробату. Он быстро усвоил эту науку и так же легко, как его учитель, играл мячами и искусно владел своим телом, но не воспринял ни одного из пороков своего наставника. К тому же бодхисатва не стремился превзойти других акробатов, был безразличен к тому, сколько бросят на его коврик монет, угостят ли его в трактире обедом или он уйдет голодным. Он никогда не сетовал на отсутствие имеющегося у других, радовался жизни, видя в ней высшее из благ.

Как-то перед представлением в одной деревне они зашли в трактир и люди налили им вина. Ученик не стал пить, а учитель, радуясь даровому угощению, выпил много и расхвастался:

— Как сейчас шел я в город, мне дорогу перебежал заяц. Это плохая примета, подумал я, и погнался за косым. От туда, сюда. Но от меня не уйдешь! Нагнал я его, хватя за уши и приволок в город. Вокруг меня собралась огромная толпа. Сколько крику было! Подняли меня на руки и понесли. И все показывали пальцами: «Вот человек, нагнавший зайца!»

Трактир заполнился удивленными возгласами. Ободренный акробат продолжал:

— В другой раз вместе со многими я шел в город на великий праздник. Дело было в пору разлива. Разбушевавшаяся река снесла мост. Видя это, люди постояли и повернули назад. Я же, разбежавшись, совершил прыжок, котсрому мог бы позавидовать Хануман, и оказался на другом берегу реки.

И тут кто-то из находившихся в трактире выразил сомнение:

— Этого не может быть!

— Ты мне не веришь?! — возмутился учитель. — Сейчас ты увидишь, что я прыгну через пять дротиков.

— Не делай этого, почтенный, — шепнул бодхисатва. — Ты прыгаешь лишь через четыре дротика.

Акробат отмахнулся от него, выбежал на улицу и воткнул в землю пять дротиков острием вверх.

Бодхисатва подошел и настойчиво предложил:

— Разреши, я уберу один дротик.

— Не смей! — закричал акробат, дыша в лицо бодхисатвы винным перегаром. — Ты еще не знаешь, на что я способен!

Разбежавшись, он прыгнул, перескочил через четыре дротика, а на пятый же накололся животом и стал похож на цветок мадхуки, нанизанный на собственный стебель. Тогда бодхисатва сказал:

Перед народом не хвались ни ловкостью, ни скоростью.

Четвертый дротик одолев, на пятом ты наколешься.

Золотой гусь

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в семье одного брахмана и, достигнув зрелости, взял в жены дочь брахмана. У нее родились три дочери-близнецы. Им дали одно имя — Нанда.

Эта жизнь бодхисатвы была недолгой. Он не успел обратить жену в свою веру, объяснить ей, что алчность — первый из пороков, что алчный омерзителен не только людям, с которыми ему дано жить, но и матери, его родившей.

После смерти Будды его жена и дочери жили в бедности. Переноса ее как величайшее из наказаний, они завидовали каждому, кто хоть немного богаче их. А Будда возродился в облике золотого гуся, наделенного разумом и знанием былых воплощений. Вспомнив о жене своей и дочерях, он прилетел к их хижине и незаметно стал за ними наблюдать. Видя, что они живут, прислуживая соседям, бодхисатва решил: «Покажусь-ка я им! Мое тело покрыто золотыми перьями. Буду отдавать им по одному перу, и они заживут безбедно».

Утром, проснувшись, увидели вдова и три ее дочери золотую птицу на соломенной кровле, и разгорелись у них глаза.

— Откуда ты, почтеннейший? — спросила мать.

— Оттуда! — сказал гусь, поднимая клюв к небу — Я твои супруг и отец твоих дочерей После того как мы расстались, я возродился в образе гуся Теперь вы заживете в достатке

С этими словами он вырвал клювом одно из своих перьев и бросил его вниз Женщина кинулась на землю, закрыв перо грудью, так и не заметив, как улетел гусь

И сгнал гусь прилетать время от времени, оставляя семье по одному перу Однажды мать позвала своих дочерей и обратилась к ним с такими словами

— Милые! Теперь у нас появился достаток, и мы уже не прислуживаем чужим людям, как шудры Но у нас нет служанок и слуг Мы ходим пешком, живем в хижине Давайте, когда прилетит отец, выдернем у него все перья и разбогатеет

— Но ему будет больно, — робко возразили дочери

— Перетерпит! — упрямовала жадная женщина

На следующий раз, когда прилетел золотой гусь, брахманка ласково подозвала его к себе Когда же он, ничего не подозревая, приблизился, схватила его и ощипала Но перья бодхисатвы, вырванные против его воли из золотых стали серыми, как у журавля Взмахнул гусь крыльями, чтобы улететь, но не смог Брахманка поместила его в ящик и стала закармливать, чтобы он стал жирнее, надеясь продать подороже Когда у гуся отросли перья, они стали белыми И тогда он улетел и больше не возвращался

Священное древо

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в образе священного дерева, росшего на берегу реки и ушедшего корнями в ее дно Тогда же среди рыбаков, ловивших сообща рыбу и деливших доходы поровну, возродился и его враг Девадатта

И вот Девадатта взял удище и отправился с маленьким сыном к месту, где был хороший клев, под огромное дерево Насадил он на крючок червяка, закинул удочку и почувствовал, что не может ее вытащить «Наверное, — подумал он, — на крючке большая рыба Я ее продам и разбогатею Лишь бы о моей добыче не узнали в деревне!» И сказал он сыну

— Милый! Беги к матери и передай ей, что мы поймали большую рыбу и скажи, чтобы она затеяла ссору с соседями

Когда мальчик ушел, рыбак, опасаясь оборвать леску, разделся, сложил одежду на берегу и полез в воду Ему не терпелось поскорее вытащить свой улов, и он не заметил, что крючок зацепился за подводную корягу

Наткнувшись на ее острие, он сразу же лишился обоих глаз, когда же вынырнул, не нащупал своей одежды — ее унес вор

Жена тем временем вырядилась как чучело. Намазала лицо сажей, прицепив к уху пальмовый лист и взяв на руки дворовую собаку, стала ходить из хижины в хижину. Видя ее, люди говорили:

— Ты рехнулась, что ли? Вымазалась и держишь собаку, как ребенка.

В ответ она стала оскорблять соседей. Поднялся шум. Прибежал деревенский староста и, увидев жену рыбака, сразу понял, кто виновник ссоры.

Видя эти бедствия — одно в лесу, другое в деревне, — бодхисатва, высунившись из дерева, произнес гатху:

Слышна в деревне брань. Рыбак всего лишен.

Кто зовет к тому беда идет со всех сторон.

В поисках нового имени

Возродился бодхисатва в Таксиле наставником и начал обучать Дхарме пятьсот учеников, слетевшихся к нему со всех концов Индии, как мотыльки на свет. Был среди них некто по имени Паршва. Слыша без конца «Паршва, иди туда», «Паршва, иди сюда», он возненавидел собственное имя и, явившись к учителю, сложил ладони и обратился к нему с просьбой:

— Не могу я слышать свое дурное имя. Дай мне хорошее.

— Я знаю хороших и дурных людей, — ответил учитель. — Имена для меня безразличны. Но я готов называть тебя так, как это тебе по душе. Назови свое новое имя.

Паршва замолчал, перебирая в памяти имена.

Не дождавшись ответа, учитель сказал:

— Походи по стране и поищи себе имя. По возвращении ты его обрешь.

Паршва поклонился учителю, взял с собою в дорогу провизии и отправился в путь, из деревни в деревню, из города в город, спрашивая у всех встречных их имена.

В одном месте он увидел похоронную процессию и, будучи человеком благочестивым, к ней присоединился. На кладбище, после того как тело умершего было предано огню, он спросил у родственников:

— Как звали безвременно скончавшегося?

— Живака, — ответили ему.

— Как же мог Живака умереть?

— Умирает не имя, а тело того, кто его носил, — ответили ему.

— Ты, кажется, не в своем уме.

Услышав это, Паршва отказался от понравившегося ему имени и отправился на поиски другого.

Идет он по городу и слышит свистящие удары, сопровождаемые стоном. Пошел он на эти звуки и увидел привязанную к

дереву обнаженную женщину, наказываемую хлыстом. После каждого удара бьющий приговаривал: «Вот тебе, Богатыка!»

— Эту женщину зовут Богатыкой? — удивился Паршва. — За что ты ее бьешь?

— Таково имя моей рабыни, — ответил хозяин, заноса хлыст для нового удара. — Она, негодная, утаила часть заработка.

— Почему же, будучи Богатыкой, она рабыня и вынуждена работать на других?

— Да ты не в своем уме! — воскликнул хозяин, нанося удар. — Имена ведь даются не для того, чтобы можно было судить о состоянии людей, а чтобы отличать одних от других.

И отправился Паршва далее, пока не встретил человека, растерянно оглядывавшегося по сторонам.

— Ты кого-то ищешь? — спросил Паршва, поздоровавшись с незнакомцем.

— Я сбился с дороги. Скажи, какая дорога ведет в Варанаси?

— А как твое имя? — спросил Паршва.

— Меня зовут Провожака, — ответил заблудившийся.

— И ты, Провожака, спрашиваешь дорогу у меня, Паршвы! — воскликнул ученик Будды и поспешил в Таксилу.

Учитель, увидев его, спросил:

— Каким же именем тебя называть?

— Называй прежним, — ответил Паршва. — Ведь о людях судят не по имени, а по делам их.

И произнес Учитель следующую строфу:

Живаку мертвецом узрев, а Богатыку — нищей,
Доволен именем мудрец и перемен не ищет.

Одинокий слон

*Когда тебя в трясину занесло,
И слышится последний звук свистящий,
К тебе спешит на помощь белый слон,
От глаз людских скрывающийся в чаще.
Когда волками будешь окружен,
Прощаясь с жизнью, вдруг услышишь топот.
К тебе спешит на помощь белый слон,
Сверкающий протягивая хобот.
И ели мир в конце своих времен
От молнии небесной запылает,
Придет ему на помощь белый слон,
Священный слон, живущий в Гималаях.*

Давным-давно в Гималаях родился слоненок. Выйдя из мрака на свет, он был белым, как слиток серебра, огромные глаза его сверкали, как драгоценные камни, рот пламенел, как красная ткань, а хобот светился, как серебряная цепь с искорками алого

золота. Ноги его были гладкие и блестящие, словно покрытые лаком, походка быстрая.

Когда слоненок вырос и возмужал, не утратив красоты, он обрел мощь, и восемь тысяч слонов, сойдясь в одно место, дружным ревом избрали его своим вожаком. Но он недолго правил слонами. Увидя, что слоны нарушают справедливость, разоряют участки мирных земледельцев, буйствуют из-за самок, он удалился и стал жить в лесу один.

Слава об одиноком и справедливом белом слоне распространилась по всем Хималаям, и риши слагали о нем песни, но мало кому удавалось с ним встретиться. Однажды житель города Варанаси — да сотрется из памяти его недостойное имя — заблудился в чаще. Долго он метался, наталкиваясь на деревья, запутываясь в лианах, вопя, как шакал, пока понял, что дороги к городу не отыскать.

Потеряв всякую надежду на спасение, он лег на землю и приготовился к смерти. И вдруг он слышит шум продирающегося сквозь чащу большого зверя. Бодхисатва, — а это он возродился в одной из своих блаженных жизней в облике слона, — решил помочь несчастному. Но человек, не поняв намерений животного, обратился в бегство. Тогда бодхисатва остановился и трижды дружелюбно помахал человеку хоботом. Остановился и человек. Так повторялось несколько раз, пока заблудившийся понял, что ему не желают зла и подпустил слона на близкое расстояние.

— Почему ты плачешь? — спросил бодхисатва, обратив к человеку огромное ухо.

— Я заблудился в твоём лесу, — отвечал человек, от волнения даже не удивившись, что слон разговаривает. — И вот я не знаю, как найти дорогу в город. К тому же я ослабел от голода и уже не могу идти.

Слон привел человека к себе, накормил его досыта сладкими плодами и, обхватив его поясницу хоботом, посадил себе на спину. Он шел медленно, выбирая дорогу таким образом, чтобы человек не ушибся и на него не упала с дерева змея.

Стражники еще с башни над воротами увидели приближающегося к городу слона и созвали трубами весь город. Горожане высыпали из всех ворот навстречу слону. Они никогда не видели слона, к тому же такого могучего. Человека же, которого доставил слон, считали давно погибшим. Но, кажется, никто ему не обрадовался, кроме ростовщика, которому он задолжал.

Подойдя к слону, ростовщик потрогал клык и сказал, обращаясь к спасенному:

— Этот клык настоящее сокровище!

Слон покачал головой, словно соглашаясь с этой оценкой, а затем, повернувшись, с царственным достоинством удалился.

Человек же, не заходя в свою хижину, отправился на рыночную площадь в ряд резчиков по кости. Обращаясь к мастерам, он спросил:

— Скажите, дорого ли стоят бивни живого слона?

— Клыки живого слона стоят вдвое дороже клыков мертвого слона — ответил старший мастер и назвал цену.

Вскоре после этого спасенный вернулся в лес и нашел там убежище одинокого слона.

— Ты снова заблудился? — воскликнул бодхисатва удивленно.

— Нет, — ответил человек. — Я пришел к тебе за помощью.

— Чем теперь я могу тебе помочь? — спросил слон с готовностью.

— Видишь ли, я бедный человек и мне не на что жить. У тебя же два клыка, а ты можешь обойтись одним. Дай мне клык, я его продам и буду кормиться.

— Что ж, — сказал слон. — Сходи за пилой.

— Я ее захватил, — сказал человек, сбрасывая со спины мешок с острый зазвенел.

Слон подогнул ноги, чтобы человеку было удобно работать, и тот отпил один клык, а потом, подумав, и другой.

— Ты не думай, — сказал слон, поднимаясь, — что клыки мне не дороги. Знай, с их помощью можно достигнуть спасения и просветления.

Но человек, кажется, не понял смысла сказанного. Он засунул бивни в мешок и, взвалив его на спину, зашагал к городу.

В городе он продал клыки по обещанной ему цене, рассчитался с ростовщиком и некоторое время жил в роскоши. Когда же золото кончилось, он вновь пошел в лес и, отыскав слона, сказал ему:

— Почтенный! Я продал твои клыки. Но деньги пришлось отдать за долги. И снова мне нечего есть. Дай мне остатки твоих клыков.

— Возьми, — сказал слон, опускаясь на землю.

Человек достал пилу и, срезав остатки клыков, отправился во-свояси.

Через некоторое время он пришел еще раз и потребовал корни клыков.

Слон молча лег на землю. Неблагодарный забрался по хоботу слона, как по серебряной цепи, на голову, напоминавшую снежную вершину, и стал пяткой отбивать корни клыков. Потекла кровь. Видимо слону было больно, но он не пошевелился, не застонал. Отбив корни клыков, негодяй ушел. Но недалеко. Земля, выдержавшая тяжесть гор, дрогнула под его ногами. Донесся отвратительный запах человеческих нечистот. Из трещины вырвалось пламя в форме хобота и, схватив предателя, швырнуло в бездонную пропасть.

Бодхисатва тогда сказал:

Глаза неблагодарного повсюду так и рыскают.
Всем миром не насытится душа людская низкая.

Любовник

Давным-давно, когда в Варанаси правил юный царь Шамба, Бодхисатва возродился в облике нага и царствовал над подобными себе в Серумадине

Однажды он явился в Варанаси чтобы померяться с Шамбой искусством игры в кости И застучали кости о доску Началась азартная игра Наблюдавшие за игрой служанки царицы отправились к ней, прелестной Суссонди, и, поклонившись сказали

— Наш господин играет в кости с каким-то красавцем Как бы он не проиграл ему царство

Принарядившись, царица явилась в игральную комнату со своей свитой, но игра и судьба царства ее не интересовали Она не отводила глаз от прекрасного юноши Почувствовав это бодхисатва оглянулся, увидел лицо несравненной красоты, вдохнул аромат неведомых ему благовоний и потерял голову от любви

Уловив в глазах царицы зов, он силой своего колдовства поднял в городе ураган Люди свиты опасаясь, что обрушится дворец, разбежались Затем, навевая тьму, царь нагов подхватил Суссонди и скрылся И никто не знал, как и куда исчезла царица Иногда бодхисатва вновь появлялся во дворце, чтобы продолжить игру, а остальное время наслаждался с Суссонди любовью

Был у Шамбы музыкант по имени Сагга, которому он доверял больше, чем другим слугам Призвал он его к себе и сказал

— Вот тебе деньги на дорогу Обойди сушу, оплыви моря, разыщи царицу

Обходя Индию, Сагга дошел до портового города Бхригукагчи, где купцы снаряжали корабль Подойдя к ним, он сказал

— Возьмите меня на борт Я вам заплачу и буду играть на вине, ибо я музыкант

— Поднимайся! — отозвались купцы — В долгие дни плаванья нам музыки не хватает

Когда берег скрылся из виду, купцы позвали Саггу и сказали

— Развесели нас музыкой

— Я готов, — ответил Сагга — Но знайте, что развеселятся не только ваши сердца, но и сердца тех, что живут в океане

— Ты смертный человек? — спросили купцы

— Да, — ответил певец

— Тогда играй Игра смертного не может привлечь рыб

— Пеняйте на себя, — сказал Сагга, настраивая вину Затем, не заглущая своего голоса музыкой, запел

Просьба несчастного Шамбы на сердце моем как гиря

Сумею ли отыскать я красавицу первую в мире?

Опьяненные мелодией, рыбы пришли в движение, и многие из них высунули морды из волн а неповоротливая Макара прыг-

нула на корабль и разбила его. Сагга схватился за одну из досок и, лежа на ней, по ветру доплыл до Магадиппы.

Это произошло как раз в то время, когда Будда играл с Шамбой в кости, а его супруга, скучая, бродила по берегу, вглядываясь, не подойдет ли какой-нибудь корабль. Увидев вместо корабля доску и сидящего на ней обнаженного мужчину, она подбежала и, узнав в спасшемся певца Саггу, воскликнула:

— Тебя послал ко мне сам Кама!

Сагга рассказал Суссонди свою историю и поделился опасениями, что царь нагов, узнав о его появлении, может с ним расправиться.

— Не бойся! — сказала Суссонди. — Его сейчас нет, а когда он вернется, я тебя спрячу.

После этого Суссонди повела Саггу во дворец, дала ему сытной пищи, омыла его в благоуханной воде, умастила благовониями, украсила яркими цветами и отвела в спальню на свое широкое ложе. Там она наслаждалась с ним любовью и ухаживала за ним, а когда ее супруг возвращался, прятала, чтобы затем снова с ним наслаждаться, когда царь отправлялся играть.

Когда прошел месяц и еще полмесяца, купцы из Варанаси высадились на острове, у подножья баньяна, чтобы запастись водой и топливом. Сагга сел с ними на корабль, вернулся в Варанаси и увидел двух царей, увлеченных игрой. Тогда он взял вино и, удалив по струнам, запел первую строфу:

Шумит неумолчное море, благоухает тимира

Далеко отсюда Суссонди, красавица первая мира

Услыхав это, наг пропел вторую строфу.

Но как ты попал на остров, что посреди Океана

И как ты встретился, Сагга, с Суссонди, моею желанной?

И тогда Сагга пропел три строфы:

От Бхригукаичхи отплыли купцы за наживой с товаром

Я спасся один, когда судно разбила рыба-Макара

Сжичая в жарких объятьях, благоухая сандалом,

Суссонди по матерински, как сына, меня обласкала

Дала царица сама мне одежду, питье и ложе

Узнай же об этом царь Шамба, владыка острова, тоже

В то время, когда певец пел, царь нагов преисполнился раскаяния: «Хотя я жил на далеком острове, где не было людей, я не сохранил верность Суссонди. И она поступила так же. Зачем мне эта распутница?» И он принес ее обратно, отдал царю и больше не возвращался, чтобы играть в кости.

В одной из своих жизней был бодхисатва богачом, обладателем величайших сокровищ, оставаясь при этом человеком непорочным и незлобивым, готовым прийти на помощь любому. Многие пользовались его щедростью, так что богатыми стали все, кому он не устал давать.

Однажды в час трапезы, когда бодхисатва вкушал яства, приготовленные опытным и благородным поваром, к его жилищу подошел нищий, сжегший огнем своей мудрости все, что могло поддерживать пламень нечистых страстей, и пожелавший общением с бодхисатвой умножить его мощь.

Стоял нищий спокойно, безмятежно, с выражением доброты и твердости на лице, держа в руках чашу для подаваний. Видя это, Мара, не выносивший щедрости бодхисатвы, создал между почтенным пришельцем и порогом дома глубочайшую пропасть, откуда поднимались языки пламени и слышался зловеющий гул.

Бодхисатва увидев нищего, сказал своей супруге:

— Дорогая! Передай благородному святому полную меру пищи.

Женщина, повинувшись мужу, набрала из всего, что было на столе, самое лучшее и поспешила к воротам, но, увидев бездну и в глубине ее корезившихся в страшных муках людей, отпрянула назад. Когда же супруг спросил у нее, почему она остановилась, женщина не смогла вымолвить ни слова, настолько ее сковал ужас.

Бодхисатва поспешил к ней, опасаясь, как бы нищий не ушел. Когда же приблизился к воротам, сам увидел бездну. Он не понимал, откуда она появилась. И в это время из-за его спины от стены отделилась длинная тень и заколыхалась в воздухе. И услышал бодхисатва слова, произнесенные так, словно бы исходили от доброжелателя:

— Домовладыка! Перед тобою великая преисподняя по имени Махараурава. Вглядишься! Ты видишь внизу тех, кто был прельщен пороком щедрости, поддавшись уловкам нищих, кто раздавал свои богатства направо и налево. И вот они внизу уже много тысяч лет, не зная, как им вырваться наружу. Тот, кто распыляет богатство, тот губит праведность. Как за это не оказаться в преисподней? Она пришла за тобой, ибо ты согрешил щедростью. Поэтому остановись, если не хочешь разделить участь тех, кто внизу.

Ни тон, ни сами слова не обманули бодхисатву. Он понял, что перед ним Мара, и ответил ему ласково, но и решительно:

— Спасибо тебе за добрый совет, за твою заботу о моем благополучии. Если ты считаешь, что щедрость это недуг, то ты опоздал. Он настолько в меня проник, что я не в состоянии даже понять, как можно, чем-либо обладая, не быть щедрым. Раздавая богатство, мы помогаем бедным, а сохраняя его, обогащаем во-

ров, охотников до богатств. Что же касается того, что дающие попадают в ад, то меня это не пугает, ибо все, что я делаю, не имеет целью достигнуть высшего блаженства самому. Все мои деяния для блага мира.

— Но ты все-таки подумай о сказанном, — продолжал Мара.

— Верь мне, что идя таким путем, ты потом будешь раскаиваться.

— Прости меня, господин! — сказал бодхисатва. — Я готов хоть сейчас броситься в преисподнюю, но не откажусь от привычной мне щедрости.

С этими словами богач отстранил жену, пытающуюся его удержать, и шагнул в пропасть, которая в тот же миг исчезла, а на ее месте выросли прекрасные лотосы с открытыми рядами белых тычинок. Казалось, они насмеются над еще одной неудачей совратителя. При виде этого Мара позеленел от злости и исчез. Нищий же с сердцем, полным спокойствия и радости, принял милостыню.

Чаша

И в прежних своих рожденьях Великосущный стремился к благу мира. Однажды, озирая мир, увидел он царя Сарвамитру, вконец опустившегося от употребления опьяняющих напитков и поведшего весь свой народ по этому же зыбкому и порочному пути. Долго думал бодхисатва, как направить царя и народ к истине и добру, и наконец принял решение, обратившись в брахмана.

Во дворце Сарвамитры пир еще не начался, но стол был накрыт. Слуги уже наливали в бокалы суру, сидху, майрею и другие опьяняющие напитки. И в это время из воздуха возник брахман с ликом цвета расплавленного золота и волосами, заплетенными в косу. На нем было платье из мочала. В левой руке он держал большую чашу.

При виде этого чуда все поднялись и приветствовали брахмана благоговейным соединением ладоней. Он же обратился к присутствующим с речью.

— Вот чаша, полная до краев. Всем чашам чаша. Кто ее желает, у меня купить?

— Кто ты, сиянием подобный солнцу? — спросил царь. — Под каким именем ты известен в мире?

— Об этом ты узнаешь потом, — продолжал бодхисатва, — пока же постарайся купить эту чашу, если не страшишься бед в этом мире и кары в преисподней.

— Станный способ продажи, — отозвался царь. — Обычно продающий выставляет достоинства и скрывает недостатки сво-

его товара Но ты еще не сказал, с чем у тебя эта чаша и что ты хочешь за нее в обмен

— Не водою наполнена она, — продолжал брахман, — не медом ароматным, собранным с тычинок лотоса, не чудным маслом, не молоком цвета лучей луны В нем зелье, от которого утрачивают разум, спотыкаются и падают на ровном месте Выпивший его становится тупым и неразумным теряя стыд Он способен пуститься в пляс перед многолюдным собранием и стать посмешищем Вот что я вам предлагаю купить Выпив этого зелья, даже женщина способна наложить оковы на родителей своих, готова оскорбить своего супруга, хотя бы он был богат как Кубера Не из-за этого ли зелья древние боги утратили свое высокое блаженство и утонули в океане? Оно же погубило высокоблагородные когда-то роды Ведь именно оно позволяет лгать так же смело, как говорить правду творить постыдное с такой же радостью, как достойное похвалы Поистине содержимое этой чаши — воплощение проклятья

Слова эти проникли в самое сердце Сарвамитры и, осознав греховность употребления хмельных напитков, он почувствовал к ним отвращение Добившись своей цели, бодхисатва исчез Царь же с горожанами и селянами перестал употреблять хмельное

Казначей

Некогда бодхисатва был царским казначеем Высокое происхождение, ученость, возвышенный образ мыслей, красноречие, сострадание к людям, щедрость обеспечили ему всеобщее уважение Был он счастлив и в семейной жизни Жена в нем души не чаяла

И вот как-то он отправился во дворец на встречу с царем, а в его отсутствие в дом явилась навестить дочь теща Разговор пошел о том, о сем В конце же, собираясь уходить, старая женщина спросила

— Не пренебрегает ли тобой супруг доченька? Как он с тобой обращается?

— Мой муж добродетельнейший человек Такого обращения, полного благородства не встретишь даже у нищенствующего монаха, — тихо промолвила жена бодхисатвы

Мать же, у которой от старости ослабел слух, решила, что зять ее стал нищенствующим монахом и разразилась громкими рыданиями

— Как он может, — причитала она, — покинуть добродетельную и любящую супругу! Где это видано, чтобы такой молодой и красивый человек, оставив дом, город, царскую службу, ушел в лес к диким зверям!

Эти вопли привели дочь в такое состояние, что, забыв, с чего они начались, она тоже решила, что ее супруг намерен уйти в монахи, но об этом ей пока не сказал, чтобы не волновать. Плач матери и дочери поднял на ноги весь дом. Забились в рыданиях служанки и слуги. Сбежались соседи и просто прохожие, испытывавшие благодеяния бодхисатвы и решившие разделить горе семьи.

Между тем бодхисатва, завершив беседу с царем, в добром настроении возвращался домой. Приняв его отчет о доходах и расходах казны, царь осыпал его благодарностями и назвал первым из друзей. Уже в начале улицы, на которой стоял его дом, казначей увидел огромную толпу и сразу подумал, что в доме случилась какая-то беда. Поэтому он послал слугу узнать, что случилось. Тот, вскоре вернувшись, не только успокоил его, но и обрадовал.

— Все живы и здоровы. Но говорят, что ты решил покинуть свой дом, стать нищим монахом.

Лицо бодхисатвы покрылось румянцем стыда. «Как же так случилось, что я сам не пришел к мысли оставить город, вместилище дурных страстей? Выходит, народ лучше, чем я о нем думал. И он обо мне такого высокого мнения, что считает способным презреть все, что меня здесь удерживает!»

Не возвращаясь домой, бодхисатва пришел во дворец и, получив разрешение на прием, обратился к царю с такими словами:

— Дозволь мне, царь, оставить службу и этот мир.

Царь был настолько удивлен, что утратил дар речи. Прийдя в себя, он спросил.

— Что же могло произойти за столь короткое время после того как мы расстались, чтобы ты решил изменить свою жизнь и нанести мне, столь тебя любящему, жестокую обиду? Отвечай!

— Идя к дому, о царь, я узнал, что народ верит в то, что я могу стать нищенствующим монахом.

— Что с тобою, мой друг? — проговорил царь, обхватив голову обеими руками. — Я ведь знал тебя как благоразумного, трезвомыслящего человека, содержащего государственную казну в образцовом порядке, не поддающегося ни слухам, ни соблазнам. И ты прислушался к болтовне людишек, которым пришлось в голову невесть что?

— Ты не прав, царь, — возразил бодхисатва. — Я достиг уважения людей честностью и исполнительностью. Но есть высшие добродетели, доступные лишь тому, кто не связан с этим миром путями, кто может отказаться от имущества и мирской славы. Не ставь мне в этом преграды, о царь!

Слова эти убедили царя, и он не стал задерживать казначея, который, оставив все, тотчас отправился в лес. Но у городских ворот бодхисатву нагнали друзья. Одни протягивали к нему с

мольбой руки, другие пытались преградить ему путь, третьи обрушивали на него брань, упрекая в бессердечии. Нашлись и такие, которые пытались убедить бодхисатву вернуться, приводя мудрые изречения из священных книг об обязанностях главы дома. Бодхисатва обратился к ним с такой речью:

— Не оплакивайте меня, друзья. Ибо это следует делать по отношению к умирающим и мертвым. Если же причина скорби — разлука со мною, то что вам мешает разделить мой жребий? Взгляните на меня: я не скорблю, не страдаю. Я ухожу от страданий, ибо причина их в привязанности к путам, которые я разрываю.

Простившись с друзьями, бодхисатва ушел в лес и провел там жизнь в счастье, сияя своими добродетелями.

Кормчий

Бодхисатва сидел на берегу, обратив неподвижное лицо к морю. Уже несколько лет как он потерял зрение, но проведя большую часть жизни в море, по-прежнему ощущал себя его частью, и говор волн заменял ему человеческую речь со всеми ее оттенками — от тихой ласки до гнева и ярости. Но он уже не мог предвидеть капризы погоды, ибо для него были скрыты знакомые ему приметы — изменение цвета воды, парение птиц, прыжки рыб.

За спиною послышался стук перекатывающихся голышей, и слепец повернул голову.

— О, Супарага, победитель бурь, тигр среди кормчих, — услышал он. — Позволь припасть к твоим ногам.

— Говори, — сказал бодхисатва.

— Мы, кормящиеся торговлей, просим тебя отправиться с нами в плавание и разделить будущую прибыль.

— Неужто и вы ослепли, почтенные?¹ — изумился Супарага.

— Разве вам не ясно, что от меня на море не будет никакой помощи? Даже если вы хотите взять меня в трюм для тяжести вместо камня, то я и на это не гожусь.

— О нет! — затараторили купцы. — Мы все видим и все знаем о тебе. Мы не ждем, что ты поможешь избежать мелей или покажешь более короткий путь. Но само твое пребывание на корабле — залог безопасности. Так как ты чувствуешь течения, вихри, водовороты, то и стихии должны ощущать твое присутствие и робеть перед тобою, как робеем мы, твои почитатели.

И был внесен Супарага на судно, ибо тело его настолько ослабело, что сам он не смог бы дойти до сходней и тем более подняться по ним. Устроившись рядом с кормчим, Великосущный сидел, вслушиваясь в море. Первые десять дней оно было удивительно спокойным, словно бы и впрямь робело перед господи-

ном. Но потом стало роптать, и Супарага ощутил, что судно потеряло уверенность хода.

— Какого цвета море? — спросил он у кормчего.

— Темно-синего, — ответил тот, — как будто кто насыпал в него груды сапфиров и украсил ее гирляндами из морской пены. Земля же исчезла из виду.

На лице Супараги промелькнула тревога.

— Закрепляйте паруса! — посоветовал он.

И впрямь, вскоре океан стал страшным, словно сбросил око-вы молчания. Огромные валы неслись рядами, рассыпаясь пеной. Солнце закрыли тучи, темные, как многоголовые змеи. Засверкали лианы молний, раздались страшные раскаты грома, а затем стрелы ливня осыпали пучину волн. И тогда корабль весь задрожал, словно напуганный заяц, повергнув в уныние сердца мореходов. Несколько дней судно находилось в полной власти бурных волн, вздымаемых ураганом. Нигде не было видно ни берега, ни благоприятных признаков, сулящих успокоение стихии. И это привело мореходов в ужас и отчаяние.

И обратился к ним бодхисатва со словами ободрения:

— В том, что происходит, нет ничего необычного. Мы достигли великого Океана. Поэтому не нужно падать духом. Беритесь за дело.

Купцы приободрились и бросились на помощь гребцам.

Но вдруг корабль огласил вопль.

— Что случилось? — встревожился бодхисатва.

— Там, внизу, — дрожащим голосом проговорил кормчий, — тела, подобные человеческим, словно воители в серебряной броне, ужасные на вид, с мордами, безобразными, как копыта.

— Это не люди, не демоны, но рыбы, — засмеялся Супарага. — Не бойтесь их. Значит, мы далеко отплыли от нашей гавани. Это море Кхурамалин — Копытоцветное море. Постарайтесь поскорее повернуть назад.

Но ураган дул в спину, вздымая огромные массы воды и с неодолимым бешенством увлекая корабль все дальше и дальше. И вот уже судно в другом море, сиявшем подобно серебру. Пораженные мореходы обратились к Супараге:

— А это что за море, словно бы потонувшее в белой пене?

— Беда! — встревожился Супарага. — Это Датхималин — Млечное море. Нас занесло совсем далеко. Если можете, возвращайтесь.

Но ход корабля нельзя было замедлить из-за необычайной быстроты течения и неукротимого ветра. И корабль вступил в новое море, с красноватой, как пламя, водою. Его беспокойные волны переливались подобно золоту. Пораженные мореходы вновь бросились к Супараге.

— Теперь мы видим море, пылающее огнем, сияющее красотою солнечных лучей. Скажи, как оно зовется?

— Это Агнималин — Златоцветное море. Было бы в высшей степени своевременно повернуть хотя бы отсюда, — сказал бодхисатва, благоразумно промолчав о том, что цвет огня придает морю растворенное в нем золото, — ведь он знал тягу рода человеческого к этому металлу, ставшую причиной множества бед.

А корабль тем временем стремительно несло к новому морю, вода которого сверкала топазами и сапфирами.

— А сейчас мы входим, надо думать, в Изумрудное море — вода его блещет драгоценным камнями.

— Это море Кушамалин, — пояснил бодхисатва, еще больше испугавшись, что купцы бросятся черпать воду и опрокинут корабль. — Цвет ему дают водоросли, напоминающие священную траву кушу. Оно подобно неукротимому слону. Оно неодолимо.

Купцы всеми силами пытались повернуть корабль подальше от этого моря. Но это им не удалось. И перед ними открылось еще более прекрасное море, с блестящими, как смарагд, зелеными волнами, украшенными, словно цветами лотоса, прозрачной пеной.

Купцы не могли скрыть своего восторга, а из груди бодхисатвы вырвался глубокий вздох.

— Необычайно далеко зашли мы, — проговорил он. — Это море Намамалин — Тростниковое море, лежащее почти у края света.

Заметались купцы при этих словах. Но еще больший страх охватил их, когда солнце начало погружаться в море и стал слышен шум наподобие треска охваченного пламенем тростника, и вскоре показался обрыв, куда с грохотом вливался океан.

Услышав это, Великосущный застонал:

— Горе! Горе! Мы достигли зловещей Вадабамутхи, откуда никто не возвращается.

При этих словах раздались крики. Некоторые от ужаса потеряли рассудок, другие обращались с мольбами к богам — Индре и другим адитьям, марутам и васу, а также к самому Океану. Третьи же припали к ногам Супараги:

— О, тигр среди кормчих! Ты всегда спасал попавших в беду, ибо сердце твое переполнено высокой добродетелью и состраданием. Уйми же жестокое волнение Океана — не посмеет он преступить твою волю.

Тогда Супарага-бодхисатва, накинув на одно плечо верхнюю одежду, опустил на правое колено и возгласил:

— Будь же свидетелями вы, купцы и боги, обитающие в лоне Океана! Напрягая память, я не вспомню, чтобы когда-нибудь обидел живую тварь. Так пусть же силой моих заслуг корабль вернется, минуя пасть Вадабамутки!

Едва прозвучали слова праведника, как ветер задул в противоположную сторону, и вместе с течением корабль повернул обратно. Увидев, что корабль удаляется от гибельного места, купцы испытали величайшую радость и, почтительно поклонившись Супараге, сообщили ему о чуде. И тогда Великосущный обратился к ним с такими словами:

— Скорее поднимайте паруса!

И вот уже натянут парус, и корабль, блистая словно лебедь на безоблачном ясном небе, понесся с быстротою колесницы как бы по своей воле. Кормчий же внезапно крикнул:

— Я вижу берег!

Но это был не берег, а мель. И узнав об этом, бодхисатва скакал купцам:

— Наберите здесь на случай бури песок и камни и загрузите ими трюм.

Преисполненные величайшего уважения к Супараге, купцы понесли на корабль, как им казалось, песок и камни, на самом же деле это были бериллы и другие драгоценности.

На следующее утро корабль пристал к берегам своей страны, полный драгоценностей.

Дятел

Возродился как-то бодхисатва в одной лесной стране в облике дятла — птицы с красивым оперением и длинным острым клювом, могущим пробить любое дерево. Но обычная жизнь дятла была для него невозможна. Проникнутый состраданием, он не питался личинками, во множестве обитавшими в деревьях. Ведя жизнь праведника, он довольствовался побегам и упавшими на землю плодами, следя за тем, чтобы не съесть живущего в них червяка. Перелетая от дерева к дереву, он спасал птенцов, упавших из гнезд, поучал хищных птиц и змей не разорять гнезда. Случалось ему указывать дорогу и людям, зашедшим в чащу. Птицы, змеи, насекомые и люди вскоре стали почитать этого дятла как наставника и справедливого царя. И среди всех лесов, покрывающих землю, появился уголок, где вместо взаимного уничтожения и злобы процветало добро.

И вот однажды, облетая свои владения, бодхисатва увидел льва с растрепанной и грязной от пыли гривой, корчившегося от боли.

Спустившись на землю, бодхисатва подошел к царю зверей и почтительно к нему обратился:

— Что с тобою, почтенный? Мне кажется, ты тяжело болен. Может быть, ты пострадал от слонов или устал от погони за оленем? Или тебя поразила стрела охотника? Скажи, чем я могу тебе помочь?

— О, добродетельнейшая из птиц! — отвечал лев. — В моих бедах я виновен сам. Растерзав оленя, я ел слишком быстро, и кость застряла у меня в горле. Я не могу от нее избавиться. Никто мне не может помочь.

— Открой рот, насколько можешь, — потребовал дятел.

Когда лев послушно открыл свою пасть, усеянную острыми зубами, и высунул длинный шершавый язык, бодхисатва укрепил между двумя рядами зубов палку и просунул клюв вплоть до основания глотки. Он вытащил кость так ловко и безболезненно, как не смог бы сделать это самый искусный из хирургов.

Поблагодарив птицу, лев отправился своим путем, а дятел поднялся на дерево, радуясь, что избавил существо от боли, и будучи уверен, что обрел нового друга.

Вскоре ему пришлось встретиться с этим же львом, наслаждавшимся мясом только что убитой им антилопы.

С испачканными кровью пастью, когтями и гривой царь зверей напоминал осеннее облако, освещенное огнем заката. Бодхисатва сильно страдал от голода, но все ж из скромности обратиться ко льву не смог, а стал прогуливаться перед ним с робким видом, надеясь обратить на себя его внимание. «Лев, кажется, меня не узнает, принимая за другого дятла», — подумал бодхисатва и решил напомнить о себе.

— Да будет тебе благо, царь зверей. Не почтишь ли ты меня своим благодеянием, увеличив тем самым свои заслуги и добрую славу?

Лев повернул голову и взглянул на дятла взглядом, полным ярости.

— Разве тебе мало того, что я отпустил тебя живым, когда ты уже был в моей пасти? Или тебе надоела жизнь?

Пораженный неблагодарностью и грубостью, бодхисатва улетел, поняв, что услуга неблагодарному все равно что семя, брошенное на скалу, или жертва, вылитая на потухший пепел.

Царь племени Шиби

Накопив во множестве своих рождений великий опыт мудрости и добра, стал бодхисатва царем племени Шиби. Было его явление подобно облаку Критаюги, пролившему людям дождь даров. Нуждающимся он предоставлял пищу и одежду, повелев устроить специальные дома бесплатной раздачи. Каждый, пожалевший от него что-либо, получал желаемое. Обойдя весь мир и ни в ком не встретив расположения, бедняки стремились к нему, как лесные слоны к большому озеру на водопой.

За всем этим с вершины сияющей блеском сокровищ горы Меру наблюдал царь богов Шакра. И однажды гора задрожала,

словно от землетрясения. Задумавшись над причиной этого явления, Шакра понял, что гора дрогнула от высочайшей добродетели царя племени Шиби, от его готовности отказаться от всего во благо другим.

Потрясенный таким могуществом, решил Шакра испытать этого царя. Приняв вид старого слепого брахмана, Шакра спустился с горы Меру на землю и влился в поток нуждающихся, следующих к царю племени Шиби. Когда до него дошел черед, царь, полный дружелюбия, обнял пришельца и спросил о его нужде.

— Я стар и слеп, — сказал Шакра. — У тебя же, лотосоокий, два глаза. Не уступишь ли ты один мне?

— Но кто тебя научил прийти ко мне? — спросил бодхисатва.

— Кто такого высокого мнения о моих достоинствах, что надомил тебя обратиться ко мне, презрев поговорку: «С оком разлука — высшая мука»?

— Эту мысль мне внушил Шакра, — ответил брахман.

— Неужели он думает, что я не смогу расстаться и с другим глазом?! — сказал бодхисатва. — Я отдаю тебе оба, почтенный.

Услышав это, министры стали уговаривать царя этого не делать. Один из них сказал:

— Есть, о царь, у тебя царство, которое можно обрести лишь созерцанием и тяжкими трудами и которое своим благополучием может поспорить с царством Шакры. Почему же ты отдаешь свои глаза и лишаешь себя света? Этим ты не достигнешь высшей власти, какой ты достоин.

— Я не стремлюсь к высшей власти, — ласково ответил царь.

— Моя цель — спасти мир. И если я отклоню чью-либо мольбу, мир не будет спасен.

После этого царь приказал вынуть у себя сначала один глаз. Когда согласно указаниям врачебной науки один глаз был вынут и царь увидел его сияющим наподобие лепестка голубого лотоса на лице слепца, другой глаз царя зажегся величайшей радостью, и он отдал и второй глаз.

После этого сердце Шакры переполнилось изумлением и он подумал: «О стойкость! О доброта! О высокое стремление ко благу всех живых! В подобное совершенство я не могу даже поверить».

Через некоторое время, когда раны на лице царя зажили, он сидел в уединении на берегу заросшего лотосами пруда, вдыхая аромат цветов и внимая жужжанию пчел. Услышав шаги, он повернул на их шум лицо и спросил:

— Кто это?

— Я — Шакра, владыка богов, — услышал он.

— Добро пожаловать! Какая просьба свела тебя с сияющей вершины на землю?

— Я не хочу от тебя ничего, — ответил Шакра. — Я пришел тебя одарить. Выбирай всё, что тебе угодно.

— Богатства мои велики, моя армия огромна и сильна, — ответил с достоинством царь. — Я могу иметь все, что ты мне можешь предложить, кроме смерти. И я ее хочу, ибо я исполнил желания всех, кто ко мне обратился с какой-либо просьбой, а теперь не вижу их лиц. Пришли мне ее, о Индра!

— Оставь эту мысль! — отозвался Шакра. — Объясни мне, почему твое сердце привязано к тем, кому ты благодетельствовал? Ведь ими же ты и доведен до состояния, в каком находишься!

— Я думаю о них и радуюсь, — ответил царь. — Но хотя бы краешком глаза увидеть их счастливыми!

Едва были произнесены эти слова, как на лице царя засветилось одно око, как кусочек сапфира, прикрытый веком — лепестком лотоса.

— Я вижу тебя, Шакра, — сказал царь. — Но оку не положено быть одному. Пусть явится и другое.

И тотчас на лице царя загорелось второе око.

И задрожала земля вместе со всем, что на ней находилось. Реки вышли из берегов. Разлился океан. Низкими и приятными тонами зазвучали в небесах литавры небожителей. Дивная даль небес засияла безмятежной лаской от исходящего из очей бодхисатвы света. С небес посыпались чудные цветы, и воздух наполнился запахом сандала. Со всех сторон слышались напевы, сливающиеся в один могучий хор:

Все славное станет презренным

Все юное будет старо.

Рассыпятся вечные стены.

И только одно неизменно:

Воздастся добром за добро

***

Таковы были передававшиеся из уст в уста рассказы о спасителе мира и великом учителе человечества Сиддхартхе Просветленном, историческом Будде, совершавшем подвиги любви и милосердия, и о его предшествующих воплощениях в животных и растения. Перенесение Будды в прошлое человечества и всего природного мира не просто ставило его в глазах верующих выше всех богов, обитавших на горе Меру или в небесных сферах, но и делало причастным к реальной, полной забот жизни простых людей — подобно близкому другу или доброму соседу, учило добру, состраданию ко всему живому. Джатаки ввели в буддийскую проповедь огромное богатство народной сказки и басни с их занимательностью и поучительностью. Многие из сюжетов джатак стали известны за пределами Индии и вошли в сокровищницу мировой литературы и изобразительного искусства.

Мифы древней Индии во времени и пространстве

Индию, не уступающую в величине всем странам Переднего Востока, вместе взятым, отличает, при редкостном природном многообразии, удивительная целостность и гармоничность духовного наследия. Эту целостность, складывавшуюся на протяжении тысячелетий великой цивилизации, обороняли высочайшие в мире снежные горы. Могучие реки, берущие начало в Гималаях, сыграли роль, сходную с ролью Нила в древнем Египте или Тигра и Евфрата в Месопотамии, отделяя области надежного земледелия от бесплодных пустынь и малопроезжих тропических лесов, изобилующих млекопитающими, птицами, змеями.

Исключительное природное богатство огромной страны стало питательной почвой, на которой возник, расцвел и разросся поистине фантастический мир ее мифов. В них запечатлена тысячелетняя память великого множества племен и народов, населявших эту благодатную землю, их исторический и духовный опыт. Но как отделить миф от реальности? Ведь подчас единственный источник сведений о древнейших этносах Индии — те же мифы, то есть вымысел. Как выйти из этого порочного круга или, если хотите, лабиринта, не причинив ущерба научной истине? Многие исследователи пытались и пытаются найти ее с помощью археологических и языковых данных. Разумеется, эти данные достаточно надежны и объективны; и тем не менее они не всегда могут быть использованы в строго историческом контексте, ибо принадлежат иной генетической системе. «Состыковка» мифов с другими источниками — и Индия здесь не исключение — осложняется также и тем, что сплошь и рядом археологические сведения принадлежат одним народам, а языковые и мифологические — другим. Во избежание ошибок, подобных тем, которые допустил открыватель Трои Генрих Шлиман, объясняя мифы археологией, а археологию — мифами, мы до поры до времени воздержимся от синтеза источников и будем излагать их порознь.

В XIX в., когда европейская наука, захлебываясь от изобилия археологических данных и сопутствующих им надписей, впервые намечала впечатляющую картину ближневосточных цивилизаций, Индия также была в поле ее зрения. Но тогда образ

Индии складывался по необходимости лишь на основе литературных памятников, оставленных индоевропейскими переселенцами, и это создавало впечатление, будто культура была привнесена в джунгли Индии извне. Однако в первой четверти XX в. в научный оборот были введены ошеломляющие археологические открытия, показавшие со всей очевидностью, что эта страна обладала городской цивилизацией, не уступавшей в древности и богатстве классическим цивилизациям Востока (Marshall J., Mackay E., 1931; Маккей Э., 1951). Поэтому, какая бы из специфических сфер индийской культуры не становилась отныне предметом изучения, его принято начинать с археологических, а затем — и лингвистических данных.

Города и сельские поселения, выявленные в ходе раскопок на протяжении почти трех последних человеческих поколений, — это целый мир, для обозначения которого существует понятие Хараппская цивилизация. По охваченной территории она соперничает с египетской и месопотамской цивилизациями, протянувшись на субконтиненте примерно на 1600 км с запада на восток и на 1250 км с севера на юг (Бонгард-Левин, 1993, 5). Ее хронология — предмет давних споров, возникающих каждый раз с новой силой по мере того как расширяются возможности датировки памятников материальной культуры. Наиболее надежным датирующим ориентиром признаны находки индийских вещей в археологических слоях Двуречья, где их можно датировать с помощью месопотамской хронологии. Как бы то ни было, Хараппская цивилизация хронологически охватывала почти все III тысячелетие и первую половину II тысячелетия до н. э. (Бонгард-Левин, Гуртов, 1988, 58 и сл.).

Холмы мертвых

Давайте же вслед за археологами вступим в один из древнейших городов Индии, получивших название по холму над ним — Мохенджо-даро («Холм мертвых»). За воротами крепостной стены начинается достаточно прямая улица, время от времени принимающая в себя переулки. По обе ее стороны — двух- и трехэтажные добротные здания с плоскими крышами. Они сооружены из обожженного кирпича или сырца. Выходящие на проезжую часть дома несколько закруглены, чтобы их не задевали при поворотах повозки. Войдем в один из дворов. Недавно пролился дождь, но луж не видно. Натекшая с крыш вода уже шумит у нас под ногами в проложенной ближе к дому глиняной трубе. Значит, есть канализация — признак высокоразвитой технологии.

Окна в стенах напоминают щели-бойницы средневековых замков. Они одновременно освещали жилье и защищали его от

летней жары. Дверь была деревянной и потому не сохранилась. В комнате на земляном полу несколько больших кувшинов. В стене стержень для полотенца. Мы попали в комнату для омовений. Глиняных или каменных ванн не найдено. В своих домах хараппанцы мылись стоя, поливая воду из кувшина себе на голову. Можно было охладиться в двухметровой общественной купальне, сложенной из кирпича. Отверстия между кирпичами для водонепроницаемости залиты специальной смесью, напоминающей асфальт. Неподалеку — горячая баня, подогреваемая обогретым воздухом.

В Мохенджо-даро имелись и общественные сооружения — возможно, зернохранилища. В верхней части города, находившейся под защитой крепостной стены и сторожевых башен — дворцы, дома знати и обширный храмовый комплекс (Wheeler, 1959). В Калибангане выявлены платформы из сырцового кирпича, служившие местами для жертвоприношений.

Главным занятием обитателей Мохенджо-даро было земледелие, не менее развитое, чем в Месопотамии и Египте, но с большим разнообразием культур. Едва ли не в каждом из домов были обнаружены зернотерки. Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, просо, гречиха, бобовые, сезам, горчичник, а в некоторых богатых влагой местах — рис. Выращивались и овощи — тыквы, арбузы, баклажаны; культивировалась финиковая пальма, находил применение в изготовлении парусов и одежды хлопчатник, зафиксированный раскопками в Белуджистане. Помимо растительной пищи употреблялось мясо домашних животных и молочные продукты. На окружающих города пастбищах вскармливался крупный рогатый скот — коровы, быки, зебу, а также овцы и козы. В домашнем хозяйстве держали свиней и кур (последние, кажется, впервые были одомашнены в Индии). Полагают, что хараппанцам известна и лошадь, но она не находила применения ни в транспорте, ни в сельском хозяйстве, ни в военном деле. Признавали только одно выючное животное — буйвола.

Города хараппанцев были центрами ремесленного производства — прядения, ткачества, гончарного дела, деревообработки, резьбы по кости, изделий из бронзы. Железо еще не было известно. В строительном деле мастерами использовались природные камни и глина, из которой изготавливались разнообразные по форме кирпичи. Кирпичная кладка хараппских стен отличалась не только прочностью, но и изяществом.

Ремесленники жили в городах, занимая улицы жилищами-мастерскими по профессиям; некоторые селились за городской стеной. Сосуды бытового и ритуального назначения, различных размеров и форм, выделялись на гончарном круте, а затем

обжигались в специальных печах. Типичной была керамика с декором черным по красному фону, с изображением растений, животных, птиц, геометрических фигур. Своеобразный тип керамики представляли собой сосуды, украшенные в наружной своей части рядами тесно расположенных шишечек (они найдены также в Месопотамии, в слоях, соответствующих хараппским и служат для датировки последних). Химический анализ изделий из бронзы показал, что использовались месторождения меди в пустынной части Индии, а олово и драгоценные металлы доставлялись караванами из Центральной Азии. Некоторые орудия труда хараппанцы продолжали выделывать из местного камня и твердых пород дерева. Им был известен лук со стрелами. Технология ремесленного производства была весьма изощренной. Предметы быта и украшения свидетельствуют о своеобразном художественном вкусе.

Такому уровню производства и его масштабам соответствовала интенсивная торговля по сухопутным дорогам, речным путям и вдоль океанского побережья. Хараппанцы обладали и средствами водного транспорта — лодками, барками, морскими судами.

В ходе раскопок одного из хараппских центров, Лотхалы, выявлены портовые сооружения типа доков, рассчитанные на стоянки крупных судов (Бонгард-Левин, 1993, 246). В текстах Шумера и Аккада III тысячелетия до н. э. упоминаются страны Мелаха (Мелухха) и Дильмун, откуда доставлялись «красный камень», эбеновое дерево, экзотические животные — «огромные слоны, обезьяны», кони, какие-то особые собаки, которых водили по улицам городов. При этом люди Мелахи названы «черными». На этом основании Мелаха отождествлена с Западной Индией, а в Дильмун — с Бахрейнскими островами, промежуточной базой при транспортировке индийских товаров в Двуречье. Само название страны Мелуха соотнесено с санскритским обозначением иноземцев — млеччха (Иванов, 1979). Караванные пути соединяли города Западной Индии с Афганистаном и современным Южным Туркестаном. Свидетельство тому — открытие на севере Афганистана, на реке Аму-Дарье, хараппской торговой фактории и находки в Южном Туркестане печатей типа Хараппы (Массон, 1977, 4 и сл.).

Протоиндийская мифология

Хараппские печати, амулеты и другие предметы с пока еще окончательно не прочитанными надписями и изображениями — самый красноречивый тип памятников древнейшей цивилизации Индии, характеризующий, помимо хозяйственной, и духовную жизнь древних ее обитателей, их религиозно-мифологический мир и искусство (Альбедиль, 1991, 75 — 112; Gordon, 1958, 68

и сл.). Герои хараппских изображений — мифологические персонажи в сценах почитания и умиловления. Печати, подобно словесному повествованию, раскрывают представления хараппцев о мифологическом пространстве и времени и в основе своей сходны с теми, какие существовали и у других народов древности. Пространство ориентировалось по сторонам света и по вертикалям — «верхнему» и «нижнему» мирам. Одна из печатей — как бы изображение мирового дерева со стволом из сплетения бамбука. От нижней части ствола отходят две симметрично расположенные мощные шеи с бычьими головами, образующие подобие ветвей. Каждая состоит из прямых тонких ветвей кроны и завершается древесным листом (всего листьев — девять). Таким образом, мировое дерево мыслилось как первоначально животного и растительного миров. Число листьев — скорее всего, число месяцев или лет. Другой вариант аналогичного осмысления пространства и времени — прямоугольная печать, в центре которой — божество с бычьей головой и туловищем человека; слева от него — фигуры тигра и слона, справа — быка и фантастического зверя, рогатого тигра. Симметричное расположение фигур и само их число, возможно, указывают на то, что перед нами изображение календарного мифа: каждое из животных олицетворяет один из сезонов года. Между тигром и львом схематически изображена человеческая фигурка, обозначающая осенний месяц и дату праздника, зафиксированного печатью.

Одно из наиболее часто встречающихся на хараппских печатях существ — единорог. Античная греко-римская традиция видела в нем реального зверя, как правило, связывая его изображение с Индией. В позднейшей индийской мифологии великий бог Вишну в образе кабана или единорога спасает первочеловека во время потопа, привязывая его ковчег к своему рогу. Среди других фантастических животных обращает на себя внимание тур с тремя головами, бык с выросшей на спине сразу за шеей еще одной головой; звери, состоящие из частей быка, слона, змеи и тигра. За всеми этими химерами хараппского мира, без сомнения, скрываются повествования об их происхождении, мифы, содержание которых мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Многочисленные глиняные женские фигурки, обнаруженные в ареале хараппской цивилизации, служат свидетельством широчайшего распространения у аборигенов культа богини-матери (Gonda, 1985 b, 32 и сл.). Не исключено, что это древнейшие следы культа богини, известной в индуистской традиции как Дурга, Ума, Паравати.

Боги имели у хараппцев человеческий облик, но с обязательным присутствием какого-либо признака животного, чаще всего, это рога. Такова, например, богиня с лунообразными ро-

гами, обвѣтая ветвями дерева. Рога и у человека, застывшего в позе преклонения перед этой «дриадой», — видимо, жреца.

К хараппскому богу-быку (и его супруге корове) восходят известные нам из индийского эпоса мифы о Нандине, быке бога Шивы, о «корове желаний», разметавшей вражеское войско, о схватке предводителя войска богов Сканды с духом буйвола, о боге Валине, убивающем буйвола, и многие другие. Таким образом, распространение культа быка-коровы в Индии не всегда связано с появлением на ее территории индоевропейских пришельцев, скотоводов арьев, как можно было предположить до раскопок городов хараппской цивилизации. Подобного рода обожествление, засвидетельствованное впервые в изображениях бизонов на стенах палеолитических пещер, было характерно для многих народов Евразии.

Археологией доказано, что города долины Инда были внезапно оставлены их обитателями. На этих местах больше никто не селился, что, пожалуй, способствовало их удивительной сохранности. Но в чем же причина столь внезапного поспешного бегства из благоустроенных городских центров? Чье-то неожиданное вторжение? Катастрофическое изменение природных условий (наводнения, засоление почв)? Эпидемии? Какие-либо особенности внутреннего развития хараппского общества? Или сочетание всех этих или каких-либо иных факторов? И можно ли надеяться на однозначный ответ? Ведь даже при массе литературных памятников, современных падению античной цивилизации, нет удовлетворяющего всех ответа на аналогичный вопрос.

Арьи

Между тем, появление в ареале угасшей или угасавшей хараппской цивилизации пришельцев с северо-запада, арьев, не вызывает сомнений. Они появились после того, как эта цивилизация начала клониться к упадку (Бонгард-Левин, 1993, 9 и сл.). Принадлежность арьев к обширной группе народов, говоривших и продолжающих говорить на близких арьям языке, дает в распоряжение науки в качестве источника ценнейший лингвистический материал. Наличие в языке индоарьев терминологии и образов, сохранившихся в других индоевропейских языках, служит свидетельством того, что они перешли за Гималаи с уже сложившимся уровнем освоения окружающего мира и знаний о нем, а не обрели все это на новых местах расселения. Помимо того, с помощью сведений об арях в текстах Передней Азии удастся если не решить, то хотя бы поставить вопросы о том, откуда вышли арьи и когда это произошло.

За давностью лет не удастся выяснить, что заставило один из индоевропейских народов сняться с мест многовекового обита-

ния и искать убежища в чуждой природной и этнической среде — палящее ли солнце, вызывавшее засуху, подобную той, от которой, согласно индийским мифам, избавил человечество Индра; потоп, описанный в индийских и иных древних мифах, набеги других могущественных племен или просто жажда обогащения. Переселение могло длиться несколько поколений — отправлялись в путь прадеды, перешли Гиндукуш правнуки. Сходство религиозно-мифологических представлений ариев Индии с мифами иранцев в «Авесте» и, соответственно, ведийского языка с авестийским делают вероятным, что переселенцы отделились от иранцев, с которыми жили рядом на территории Иранского нагорья, Афганистана или Средней Азии. Но не может быть исключена возможность того, что индоарьи отделились от говоривших на родственном им языке обитателей Малой Азии, о которых известно по памятникам этого региона середины II тысячелетия до н. э., а также выходцев из этого региона этрусков. Так совпадают этрусские и ведийские боги солнца *Suri* и боги *deva* (ведийск. *angiras*) и сами термины для обозначения богов (этр. *tiv*, ведийск. *divah*).

В мифах индоарьев содержатся представления об обитании богов на севере, в полярных областях. Есть даже научная гипотеза, согласно которой побережье Северного океана — первоначальная территория проживания создателей этих мифов (Tilak, 1903). Однако эта деталь указывает лишь на общность мифологий индоевропейских народов, ибо у греков страна гипербореев («живущих выше северного ветра») служит местом обитания Аполлона, и у этрусков обиталище главных богов — север (Немировский, 1986, 112). И если образ севера в мифологии индоарьев занимает большее место, чем у других индоевропейских народов, то это скорее всего связано с тем, что на их пути в Индию встали высочайшие в мире горы, и мифологические представления слились с воспоминаниями о суровых испытаниях, которые приходилось преодолевать.

Еще у себя на родине, где бы она ни находилась, индоарьи, как и остальные народы Евразии, обожествляли природный мир и его обитателей. Особенно почиталась корова, дающая людям не только пропитание, но и прочие блага. Коровами расплачивались, ими обменивались. Волы запрягали в повозки, колесящие по степным просторам. Быков и яловых коров приносили в жертву богам. Эти четвероногие настолько прочно вошли в жизнь и сознание индоарьев, что весь окружающий мир воспринимался ими в образах соответствующей символики. Грозовая туча, из которой проливалась небесная влага, представлялась черной или пегой коровой, а заря — розовогубым теленком. Богов наделяли силой быка. Океан наполняли в своем воображении молоком, а не бесплодными солеными водами.

Корова была кормилицей, а конь, запрягаемый в двухколесную колесницу, — непревзойденным защитником от нападения (или, напротив, средство нападения), дающим преобладание над другими народами, которым он либо был неизвестен, либо не использовался в военном деле. Изучение терминологии древнеиндоевропейских текстов, современных переселению индоарьев, связанной с содержанием и использованием лошадей, во многом проясняет не только вопрос территории перемещения индоарьев, но и продолжительность этого процесса.

Арьи в долинах Инга и Ганга

Пришельцы, оказавшиеся включенными в городскую хараппскую цивилизацию скорее всего по периферии, некоторое время сосуществовали с нею и впитывали ее влияние. Однако мирное взаимодействие перемежалось войнами, притом не только с приемниками хараппцев, но и между самими арьями. Опустошительные наводнения, бывшие, скорее всего, главной причиной оставления хараппцами своих городов, могли быть использованы арьями, жившими в верховьях рек и менее пострадавшими от стихии, для расселения на опустевших территориях.

К этому времени у ариев уже сложилась довольно стройная иерархия прослоек (сословий): брахманы, кшатрии, вайши. Брахманам принадлежала привилегия владения знаниями — и не только о богах, но и об окружающем мире, считавшемся созданием и вотчиной этих богов. Поэтому их главным назначением было способствовать общению простых смертных и властителей государства с благосклонными к ним богами, а также распоряжаться жертвоприношениями и молебствиями. Второй прослойке, кшатриям, наделенным «могуществом», для которых главной профессией была война, отдавалась власть. Третья прослойка, вайши, состояла из скотоводов, земледельцев, торговцев.

Принадлежность к этим трем первоначальным группам (варнам) определялась рождением и подтверждалась особым обрядом посвящения, символизирующим второе рождение. Проходившие через этот обряд мальчики получали звание «дваждырожденного» и особым родом сплетенный шнур (для каждой варны из разного материала), который были обязаны носить на шее. Допущенное в общины ариев местное население первоначально, в эпоху создания вед, еще оставалось вне варны. Были среди аборигенов и люди, владевшие большими стадами, и неимущие. Но поскольку они почитали других богов, а потому не могли участвовать в богослужениях ариев, их считали людьми низшего порядка; но отнюдь не презирали. В эпической поэме «Махабхарата», приобретшей законченную литературную форму в середине I тысячелетия, можно прочесть: «Свидетельством

праведности служит дружелюбное отношение со стороны членов трех варн к лишенному варны шудре... Подобно тому, как при восходе солнца предмет на горе начинает блестеть, так блестит даже лишенный варны при общении с благими».

Предания арьев относили возникновение варн ко времени появления первых людей и считали их освященными богами. Размытые следы деления общества на три группы сохранились на евразийском континенте у народов, говоривших на родственных арьям языках (Дюмезиль, 1990, 132 и сл.), но в столь завершенной форме такая система присутствует лишь в Индии, что, очевидно, связано со специфическими условиями освоения огромного субконтинента. В мифах имеются многочисленные намеки на вражду между кшатриями и брахманами. Видимо, эти явления могли иметь место в ту эпоху, когда, начиная с VI в. до н. э., брахманские династии в возникавших государствах повсеместно стали сменяться кшатрийскими. В условиях напряженной борьбы за власть правители-кшатрии становились деспотами, ущемляя авторитет и интересы жречества.

Влившись в чуждую этническую среду (дравидскую или мундскую), арьи поначалу оказались в явном меньшинстве; однако влияние пришельцев, как правило, определяется не численностью, а степенью востребованности тех или иных элементов их ментальности и культуры. Арьи не уничтожили хараппскую цивилизацию, не вытеснили ее; напротив, они слились с нею, придав ей новую динамику и ритм. То же самое произошло, если оставаться на почве древневосточной истории, с шумерами в Двуречьи, с хеттами в Малой Азии, с филистимлянами и евреями в стране Ханаан. Это обстоятельство помогает полнее и точнее понять и мифологию древней Индии.

В подтверждение вывода о контактах арьев с хараппской цивилизацией более всего свидетельствует установленное во второй половине XX века соответствие культуры арьев, представленное памятниками словесности, с археологической культурой «серой расписной керамики», обнаруженной в верховьях Инда с его притоками, в верховьях Ганга и главного его притока Джамны и в пространстве между этими речными системами (Раджастан). При этом первая стадия названной культуры, локализуемая в Пенджабе, характеризуется чертами бронзового века, тогда как вторая стадия — это уже культура раннего железного века. Оказалось, что серая расписная керамика находится над слоями тех поселений, которые упоминаются в индийском эпосе и ранних буддийских текстах, и археологически представлены черно-красной керамикой и культурой «медных кладов». Таким образом, в некоторых местах хараппская цивилизация дожила до прихода арьев.

Индийские эпические поэмы рисуют лес как враждебную стихию, населенную четвероногими хищниками и еще более страшными, чем они, злыми духами — ракшасами, борьба с которыми требовала огромного напряжения физических и духовных сил. Теперь же нам известно, что для вырубки лесов использовался железный топор, а в борьбе с «ракшасами», под которыми, возможно, подразумевались местные племена охотников и рыболовов — оружие из железа. Употребление железа позволило быстрее осваивать новые территории и превращать непроходимые дотоле лесные массивы в места, пригодные для земледелия и скотоводства.

О материальной стороне жизни арьев дает представление их словесность, в незначительной мере дополняемая археологическими данными. В сравнении с богатством языка гимнов арьев свидетельства археологии применительно к ранней эпохе скудны, сбивчивы и ненадежны. Гимны характеризуют аскетизм арьев, их сознательную обращенность к миру идей и презрение к накопительству (Елизаренкова, Топоров, 1999, 487 и сл.). Хотя из гимнов мы знаем о грабительских набегах, сопровождавшихся захватом добычи, она, видимо, не украшала жилищ и явно не сопровождала покойников на тот свет, как это имело место у обитателей европейских степей, родственных арьям по языку. Индоарьи верили в силу Вач, речи, а не вещи, полагая, что Вач обладает неограниченными возможностями для сохранения истинных, нетленных богатств мысли и воображения. Сокровища Речи доверялись не камню и металлу, а текучей человеческой памяти, и она благодаря сохранению религиозной традиции оказалась вечнее пирамид, а на почве самой Индии — письменности мертвых городов.

Индийская поэтическая речь сохранила в терминах и образах сведения о том, что можно назвать бытом или обиходом, ибо витавшие в небесах певцы жили все же на земле и доверяли свои земные заботы богам. Центром социальной жизни было жилище, дом (*dam, dama*). Другой термин жилища — *duṛga* (т. е. дом с дверью) указывает на существование дома, где входом и выходом служил лаз. Но в любом случае под домом мыслилась хижина из бамбука или тростника, обмазанная глиной, подобная той, которую сохранили «всечеловеческие холмы» Тосканы.

Один из ведийских гимнов («Атхарваведа», IX, 3) сохранил детальное описание сборки хижины. На избранном участке земли рисовалось схематическое изображение человека — Пуруши из которого была создана вселенная («Ригведа», X, 90). Пуп Пуруши становился центром дома. В него вбивался опорный столб — древесный ствол, очищенный от сучьев. Об этой опоре, помимо текста гимна, свидетельствуют выявленные археологически

отверстия в земляном полу Видимо, поблизости располагался резервуар с водой и очаг-жертвенник, отдававший огню и его богу Агни Отверстие в кровле, через которое пропускался столб, соединяло обитателей дома с небом и одновременно служило выходом для дыма От столба в разные стороны отмерялись части будущего дома, среди которых названы помещения для женщин и для скота «Хижина, что отмеривается с двумя сторонами с четырьмя сторонами, с шестью сторонами, в хижине с восемью сторонами, с десятью сторонами огонь покоеится, как зародыш Повернувшись к тебе, о хижина, я прохожу через тебя, невредящую — ведь внутри огонь и вода, первые врата закона» («Атхарваведа», IX, 3, 21 — 22) Таким образом, дом мыслился как микро косм «Та ширь, что между небом и землей, — я ее забираю для тебя, хижина Тот воздух, что есть мера пространства, его делаю чревом для сокровищ» («Атхарваведа», IX, 3, 15)

Обстановка жилища арьев неизвестна Упоминается лишь лежанка (*tolp*), скорее всего из дерева, как в доме Одиссея, но вряд ли украшенная Были и сиденья (*sad*) но, надо думать, обитатели располагались на полу, застеленном циновкой из тростника или ковриком из шерсти Лучшее всего применительно к индоарьям известно о древнейшей спутнице человека керамике Ее индийские термины позволяют выделить сосуды для питья, варки пищи, переноса воды Посуда лепилась от руки и обжигалась в печах Археологически индоарьи времени создания гимнов отождествляются с носителями серой расписной керамики, выявленной в ходе раскопок в Восточном Пенджабе верховьях Ганга и Джанаки Этому соответствуют и упоминаемые в «Ригведе» гидронимы и топонимы

Обитатели мазанок и домов с дверью разводили скот и обрабатывали землю Основной их пищей и лакомством было коровье молоко и изготавливаемые из него продукты Поэтому и океан мыслился молочным и путем его пахтанья было добыто бессмертие богов Из злаковых культур был известен ячмень (*yava*), рис стал культивироваться позднее Лепешками из ячменной муки кормили богов, для тех же из них, кому мясо было не по зубам, варили на молоке ячменную кашу В одежде арьи были непритязательны Использовали шкуры животных и их шерсть Ткачество было принесено из индоевропейской прародины, о чем свидетельствует термин ткать — *otum* (ср рус «уток») Достаточно разнообразен был набор инструментов топор, лопата, заступ, стамеска шило Они были из металла, но не железа Под словом *ayas* подразумевался металл вообще Функции кузнеца на небе выполнял бог Триту, пользовавшийся мехами для раздувания огня В какой-то мере был подобен кузнецу бог Вишвакарман Однако особого бога-кузнеца типа греческого Гефеста или

этрусского Сетлунса индийская мифология не знала. В пахоте использовался плуг (*langaba*), влекомый быками. Применялось искусственное орошение и удобрение почвы навозом.

Война была излюбленным, освященным небом занятием индоарьев и их главным призванием. Это нашло отражение в терминологии оружия. Большим количеством названий представлены лук и стрелы, нередко смазываемые ядом. В ассортименте были пики и копья (*rsti*, *culf*), боевые секиры (*culica*, *palaca*) палицы (*ghano*, *drughana*) пращи для метания камней панцирь (*valman*). Особое место занимала боевая колесница — оружие формирующейся аристократии. Ее термин *ratha* является индоевропейским (вспомним итальянского колесничего Ратумену). *Ratha* — это колесо (ср. лат. *rota*, нем. *Rad*, лит. *rathas*, но также и фин. *rata*, свидетельство древности общения индоевропейцев и угрофинов). Согласно ведам, Индра запустил солнечного бога Сурью в небо, как колесо, и все, что было связано с колесом, обладало особым престижем, блеском и святостью. Стремительность, сияние, блеск колесницы в «Ригведе» подчеркивается около 200 раз, нередко сопоставляясь с сиянием солнца (Елизаренкова, Топоров, 1999, 509).

Недостаточно ясна политическая структура и политическая история древнейшей Индии. Применительно к хараппской цивилизации выявлены некоторые археологические следы, обычно оставляемые царской властью (например, руины дворцовых сооружений), однако нет данных о культе носителей верховной власти. Для эпохи, сменившей хараппскую, подобных археологических данных нет, но в ведийской литературе имеется немало сведений о царях. Последние описываются как вожди племен (куру, панчала, яду и пр.), а не как правители тех или иных регионов. Монархия рассматривается как норма организации общества, имеющая небесный прототип. Согласно мифу, поражение, понесенное богами в войне с асурами, заставило их задуматься о причинах этого бедствия и прийти к выводу, что оно — результат отсутствия царя и военного предводителя. Им был назначен Индра. Эта параллель наталкивает на мысль, что усиление царской власти в ведийском обществе, неизвестное нам в деталях, было результатом завоевания Индии и установления господства над более многочисленным местным населением, отличавшимся от ариев по языку, образу жизни и религии. Миф о победе Индры над Вритрой, поглотившим все реки и ввергшим «нижний из миров» в губительную засуху, был переосмыслен как победа над дасью (не-арьями) и приобрел такую не свойственную космологическому противоборству подробность, как захват крепостей (риги). Однако организация ведийского общества в целом и царская власть как ее элемент долгое время сохраняли пережиточ-

ные патриархальные черты: во главе сельских общин — виш (ср. лат. vicus) — находились старейшины, само обозначение которых — вишпати — указывает на отцовскую власть

Постепенно власть царей становилась наследственной, но певцы вед еще помнили о временах, когда царей выбирали и могли их изгнать и даже убить за нарушение обязательств, которые брал на себя отец своего народа. Напоминанием о первоначальном характере царской власти была церемония помазания на царство. Из непременно сопровождавших ее магических заговоров можно понять, что царь наделялся полномочиями защитника своего племени и охранителя его от других племен. Пережитком патриархального совета старейшин было ближайшее окружение царя, состоявшее из его родственников. В нем, судя по эпосу, были домашний жрец (пурохита), военачальник, возничий, казначей, сборщик налогов, домоправитель.

Сами царства, судя по их описаниям, были невелики и не превышали по своим размерам греческих полисов, которыми первоначально также управляли цари. Нет недостатка и в именах царей, распределенных по двум династиям — Солнечной и Лунной. Бесспорно, за рассказами об этих царях стоит какая-то реальность, но не представляется возможным отделить ее от мифов и прямых вымыслов, имевших целью возвеличить те или иные царства. Тем более затруднительно представить даже в самых общих чертах процесс возникновения древнеиндийского государства.

Однако ко времени Будды (VI в. до н. э.) уже существовали достаточно мощные государственные образования, обозначенные в источниках как «шестнадцать великих стран» (маханджапад), в число которых входили Магадха, Кошала, Гандхара и другие. Сам термин «великие страны» предполагает и множество других, менее значительных. Их названия фигурируют и в сравнительно ранних, и в поздних источниках. Раздробленность Индии, сохранявшаяся до времени Александра Македонского, вела к постоянному соперничеству между правителями, непрекращающимся войнам между ними, делавшим Индию легкой добычей.

Веды

У ариев в процессе освоения ими Индии не было письменности, а значит, и летописей, фиксировавших события внешне- и внутривосточной истории. Духовная же их история, восходящая к этим и еще более отдаленным временам, дошла до нас в ведах — поэтических сборниках на особой, не совпадающей с санскритом разновидности древнеиндийского языка, наиболее близкой к авестийскому языку. Слово *veda* восходит к индоевропейской основе *ved*, от которой в русском произошли слова

«ведать», «ведьма» Это священное знание, обладание которым постигалось интуицией, внутренним взором Создатели вед были не столько жрецами, сколько провидцами, подобными не Гомеру, а его героям Орфею и Калханту, а само сочинение гимнов и их воспроизведение воспринималось как священнодействие Наиболее архаичный материал вобрал в себя огромный сборник «Ригведа» — первый по времени из дошедших до нас памятников древнеиндийской словесности К «Ригведе» примыкают два других сборника — «Самаведа» содержащая наставления об исполнении гимнов, и «Яджурведа», включающая описание деталей ритуала Особое место среди ведийских текстов занимает «Атхарваведа», сборник заклинаний и заговоров, используемых для защиты от всякого рода напастей — болезней, укусов змей, колдовства, нечистой силы Создатели гимнов прибегают и к помощи богов, но прежде всего они рассчитывают на магическую силу слова и обряда В центре, таким образом, — человек, но он живет в мире мифов, и косвенно сборник дает ценнейшую информацию о том, как воспринималось на простонародном уровне религиозно-мифологическая концепция «Ригведы» и двух ее сестер, объединенных не только содержанием, но и общим названием — «Тройкое знание» Но возвратимся к «Ригведе», самой древней и самостоятельной части вед Гимны «Ригведы» образуют мандалы («круги», ср лат *mundus* — «мир», «мироздание») Всего их десять, при этом первая и десятая мандалы состоят из одинакового числа гимнов, явное свидетельство стадии упорядочивания, собирания собрания, возможно, совпавшей с записью гимнов Точное время последней неизвестно Первое упоминание рукописи «Ригведы» принадлежит знаменитому путешественнику XI в. Ал-Бируни (Бируни, 1995, 143)

На работу составителей указывает содержание и форма отдельных мандал Гимны мандалы VIII имеют особую строфическую структуру (объединение в одну строфу стихов разных размеров) При этом она содержит наибольшее число длинных и зачастую редких гимнов с персонажами, имена которых не поддаются толкованию на индоевропейской основе Особенностью мандалы IX является то, что все ее гимны посвящены богу Соме Мандала X выделяется новизной космогонических идей исчезновением некоторых старых и появлением новых богов — персонификаций абстрактных явлений, развитием редких в предшествующих мандалах элементов диалогического повествования На этом основании ее считают добавлением к ранее существовавшим мандалам

Значительная часть гимнов имеет имя певца, обращающегося во вводной части с мольбою к богу или группе богов Но эти указания столь же недостоверны, как в библейских псалмах Подчас

авторами гимнов названы сами боги, в других случаях имя риши извлекается из самого гимна. В то же время пометки об авторстве важны для установления отдельных школ риши, которым приписывалось полубожественное происхождение.

В «Ригведе» гимны отождествляются с колесницами, и за этой метафорой, которая может показаться надуманной, стоит социальная реальность. Для певцов-риши гимн был таким же знаком общественного положения, как для раджани (кшатриев) — боевая колесница. Он был единственной возможностью выявить интеллект, талант и благоволение богов. Между риши устраивались такие же состязания, как между колесничими, и поэтому можно было говорить о том, что они «запрягают свои гимны».

Гимны «Ригведы», созданные разными певцами в разное время, едины в миропонимании и мироощущении. Они исходят из существования двух главных одушевленных частей вселенной — богов и людей, бессмертных и смертных. Термин, обозначающий бога, восходит к общеевропейскому обозначению неба и дня (греч. *theos*, лат. *deus*, этр. *tiv*, рус. «диво») и имеет форму *devah*. Среди смертных выделены правоверные арьи и чуждые их богам *dasa* (местное темнокожее население). Этот же термин прилагается к демонам.

Промежуточной группой между богами и людьми были питары («отцы»), обожествленные предки, перенесенные мифами на небо, где они получали новые тела. Как и в других мифологиях, в ведийской существовало представление о поколениях богов. Старшие боги назывались асурами (*asura*), и отношения между ними и богами (*devah*) мыслились такими же, как в греческой мифологии между титанами и олимпийскими богами.

В «Ригведе» мировое пространство мыслилось уже вырванным из хаоса, освобожденным от чудовищ и освоенным богами. История этого освоения составляет содержание мифов, раскрываемых, однако, не полностью. Более того — то, что при чтении воспринимается как фрагмент повествования или отрывок диалога между людьми и почитаемыми ими богами, на самом деле есть магия: заклинание, заговор, либо молитва с их функциональным или ритуальным назначением. Например, рассказ о подвигах Индры, разрушающего крепости дасью, завершается словами: «Умело метни в дасью дротик! Умножь арийскую силу и блеск, о Индра!» Для поющего гимн его смысл — в возбуждении ярости у призываемого бога, в умножении его сил, а рассказ о былом подвиге, служащий как бы напоминанием о его прежней удаче, не обращен к слушателям. В этом глубокое отличие ведийских мифов от греческих (гомеровских), прославляющих подвиг бога и рассчитанных на его восхваление. Вообще ритуальный аспект главенствует над повествовательным. Однако создатели

вед знали мифы, как бы держали их в уме, и по ведам, используя параллельно древнюю комментаторскую литературу и эпические поэмы, можно реконструировать мифологический сюжет, разумеется, без полной уверенности в том, что реконструкция в точности соответствует оригиналу (Кейпер, 1986, 32 и сл.).

В ряде случаев ведийский миф разворачивается, подобно побегу из семени, разрастается, как тропическое дерево и, сплетаясь с подобными себе, наполняет шумом, шелестом и звучанием множества имен. Непостигаемое искусство создателей индийских мифо-поэтических текстов таково, что не кажется преувеличенным восторженное отношение к ним индийской традиции. Их обозначение — риши (от глагола в значении «течь», «изливаться») — связано с Вач, владычицей речи, на том же уровне, на каком она сама связана с рекою (рус. «река» — «речь» сохранило эту семантику). Создателей гимнов называли также «кави», мудрецами, используя индоевропейскую основу «ков», от которой происходят наши ковать и ковы в смысле «чародейство». Третье их имя — качи — «восхвалители», «вдохновители». И, конечно же, среди тех, кого они восхваляли, была и Вач, провозглашенная в одном из гимнов «Ригведы» духовным началом, заполнившим небо и землю, несущим на себе богов и обладающим чувством признательности к тем, кто постиг ее законы: «Кого возлюблю, того наделю могуществом, сделаю брахманом или риши», — так о себе говорит сама Вач. Степень древности вед не поддается точному определению. Сходство имен богов в ведах и древних религиях других индоевропейских народов приводила ученых к мысли, что некоторые части вед могут восходить даже к III тыс. до н. э. Но для датировки вед решающий признак — не эта общность, а расхождение между религией вед и авестийской (древнеиранской) ветвью индоевропейской религии. При всей общности пантеона и культа авестийской и ведийской религий существуют и кардинальные различия: в «Авесте» дэва — злой дух, а в ведах — бог; соответственно в первой Индра — демон, а во второй — один из главных богов. Таким образом, веды могли возникнуть лишь после того, как их создатели покинули общую индоиранскую почву, т. е. в начале освоения ими Западной Индии.

От вед к веданте

На фундаменте вед еще в древности возникла необозримая словесность, очевидной целью которой было сделать доступным понимание этих ранних произведений последующими поколениями и облегчить их использование в культе. К первой группе комментариев принадлежали «Брахманы» — священные книги, отображающие ритуальную сторону вед, разъясняющие связь между отдельными ведами и предлагающие их всестороннее

теологическое, этимологическое и грамматическое толкование. Так же, как веды, они анонимны, но приписаны древним авторитетам. Эти тексты служат свидетельством приоритета культа, осуществлявшегося брахманами-жрецами, подчас ставящими мистическую силу жертвоприношения выше власти богов. Наиболее известны священные книги — «Шатапатха» («Брахмане ста путей»), содержащая наибольшее число мифологических сюжетов, и «Айтарейя». Весьма интересен сюжет о мудреце и знатоке жертвоприношений Шунахшепе. Это единственный литературный текст с множеством стихотворных вставок («Айтарейя-брахмана», VII, 13). В «Шатапатхе» наряду с объяснением ритуала Белой Яджурведы приводится миф об апсаре Урваши в версии более развернутой, чем в ведах («Шатапатха-брахмана» XI, 5, 1). Часть легенд создана самими жрецами на предмет лучшего усвоения деталей ритуала. Так для объяснения почему при жертвоприношениях Праджapati молитвы произносятся шепотом, приводится спор между Разумом и Речью, победу в котором — благодаря судейству самого адресата жертв — одерживает Разум, после чего обожженная Речь переходит на шепот. Тем не менее речь впервые рассматривается как универсальная категория, используемая не только людьми, но и животными («Шатапатха-брахмана», IV, 1, 6). В то же время брахманы ценны изложением ведийской космогонии. Шатапатха-брахмана сохранила рассказ о рождении из изначальных вод яйца и появлении из него бога-творца Праджapati. Автор уверяет, что у Праджapati не было противников, ибо произведенных им же асуров он истребил в самом начале. В других частях этой же книги асуры — постоянные противники Праджapati и других, созданных им богов.

Хронологически «Брахманам» близки араньяки («лесные книги»), как полагают, названные так потому, что тайный их характер требовал ухода в глухоту. Основное содержание араньяков — аллегорическое истолкование ритуала.

«Брахманы» не внесли в религиозную мысль Индии ничего принципиально нового. Эта некая систематизация вед, в сущности нарушающая их естественную целостность и угрожающая растворить религиозную экзальтацию и парение поэзии в мелочной обрядности. Вкрапленные в брахманы мифологические сюжеты находятся на службе у жреческой касты, используя для объяснений происхождения ритуала. Реакцией на столь губительную формализацию стали упанишады — религиозные трактаты, авторы которых вернулись к идее о нерасчленном единстве природы и человека, пронизывающей «Ригведу», и дали внутренней сущности бытия художественно-философское обоснование. И если «Ригведу» именуют «великим началом священного знания», то упанишады стали ее великим концом — ведан-

той, соединив «услышанное» («шрути») с другой традицией — «запомненным» («смрити») Всего известно более двухсот упанишад, древнейшие из них датируются VI — III вв до н э Они написаны, как научные произведения, но имеют повествовательные вставки, подчас в стихах, диалоги между учителем и учениками, а также содержат аллегории и притчи

Буквально термин «упанишады» восходит к санскритскому глаголу sad («сидеть») и толкуется как «сидящие возле» (учителя), но, характеризуя смысл своего труда, древние авторы в пояснениях исходят из того, что упанишады «разрушают» природное незнание или, что одно и то же — «вводят» в «сокровенное знание» Упанишады — доступное лишь избранным учение о том, что видимый мир вещей, сам по себе лишенный значения, представляет собой продукт деятельности некогда породивших его высших сил Веды были инстинктивным и поэтическим проникновением в смысл человеческого существования, в связь человека с огромным множеством богов и духов, обитающих в трех мирах (К этому сюжету мы еще вернемся) Упанишады сводят все это многообразие к двум основным понятиям — Атману (субъективному, личностному, духовному началу) и Брахману (космическому, безличному абсолюту, пронизывающему собой все существующее), дополняющими друг друга вплоть до полного слияния Атман мыслится как нечто более древнее и поэтому познанное, Брахман — как молодое и еще нуждающееся в познании Это взаимосвязанные и в то же время противоположные понятия — как знание и незнание, как сила, присутствующая во всех существах, во всем космосе, все созидаящая и все в себе принимающая, и как то, что присутствует лишь в человеке и стремится к познанию и слиянию со всеобщим

В соответствии со спецификой подходов в толковании Атмана и Брахмана выделяются четыре системы ведант 1) теология, учение о принципе всего сущего, 2) космология, учение о проявлении принципа во вселенной, 3) психология, учение о вхождении его как мировой души, явленной в мир, 4) этика и эсхатология, учение о судьбе души при жизни и после смерти В применении к мифологическим сюжетам вед вся эта система стремилась выявить скрытый в них сокровенный смысл и усилить их моральную направленность Так, Пуруша, присутствующий в ведах в качестве первочеловека, жертвенного материала для создания мира, человечества, общества, трактуется в упанишадах как воплощение духа, сознания в его абсолютной противоположности первоматерии Таким образом, в упанишадах ведийский обряд с его фетишистским или анимистическим истолкованием заменяется цельной философией стремящейся объяснить «откуда мы произошли где мы живем и куда мы движемся по чьему повелению мы существуем здесь то в страда

нии, то в удовольствиях, будет ли этому причина и время, или природа, или необходимость, или случайность, или элементы, или тот, который называется Пуруша, представляя собой верховный дух».

Более всего пострадали от абстрактизации космогонические представления вед и священных книг, ибо Атман в упанишадах рассматривается как единственная реальность, за которой нет ничего, и этот исходный пункт по сути исключал существование мира вне Атмана, ибо Атман и мыслился как мир. Поэтому космогония упанишад сводилась к выяснению роли Атмана в сотворении мира и его вхождению как мирового духа в отдельные души. Конкретно это выглядит следующим образом: «Мир тогда еще не был создан, и он создавался в именах и образах... в него вплоть до кончиков ногтей вступал Атман, как нож входит всем своим острием». Или: «Атман возжаждал: я хочу быть многим, хочу разрастаться, и он создал весь мир и в него вошел». Или: «Вначале не было ничего, кроме Атмана, и не на что было бросить взгляд, и он решил: "Я буду создавать миры, и он создал эти миры: поток, пространство света, мертвое, воду"». Но Атман, таким образом, — не просто первоначальная одухотворенная материя, а материя, обладающая волей, способной принимать решения и их осуществлять. Создавался образный миф, единственным персонажем и действующим лицом которого был Атман.

Первозлементом сотворенного мира считалась, в соответствии с «Ригведой», «правода», содержащая в себе землю, пространство света, небо, горы, богов, людей, диких зверей и домашних животных, птиц и прочие живые существа вплоть до червей, равно как и деревья, и все остальное в природе. Дальнейшим шагом мироздания, если бы авторы упанишад следовали своему источнику, должен был быть переход «праводы» в остальные элементы (в неорганическом мире их было пять: помимо эфира и ветра — огонь, вода и земля); но в этом случае творческие возможности Атмана приняла бы на себя вода, принизив его роль. Поэтому, несмотря на признание «праводы» первозлементом, сообщается о сотворении сразу нескольких элементов, причем вода оказывается на четвертом месте — после эфира, ветра и огня: «Из этого Атмана возник эфир, из эфира — ветер, из ветра — огонь, из огня — вода, из воды — земля». Для перехода Атмана в органическую природу потребовалось введение еще одного звена творения — Брахмана и вхождение в него Атмана как в индивидуальную душу «вплоть до кончиков ногтей». Таким образом, все живое создается Брахманом, который изображается как организатор социального бытия.

Как города, он создал двуногих,
Как города, он создал и четвероногих.
В города, как птица, вступил он,
В города, как гражданин, вступил он.

Органическая природа делится упанишадами на три класса: рожденные из яйца, рожденные из зародыша и живорожденные, к которым были в поздних текстах добавлены рожденные с хвостом. В каждом из этих созданий, будь то животное, насекомое, растение, обитает свой Брахман как проявление жизненной силы Атмана, ибо «джива атман» — это индивидуальная душа, проникающая во все живое. По отношению к ней вторичны даже боги, потому что Атман составляет и их сущность, выковывая прекрасные образы небожителей, как это делает кузнец, когда он использует драгоценные, а не обычные материалы. Впрочем, вхождение Брахмана во все живое мыслилось как внутренний, непостижимый процесс, подобно превращению сока цветов в мед, и сами творения остаются в неведении о предстоящей им метаморфозе, не зная, кто из них получится в следующей жизни — тигр или лев, волк или кабан, червь или муха.

Представление о возникновении человеческого рода и животных в одной из упанишад приобретает форму мифа такого же «научного» типа, какими были мифы Платона. Читая упанишады, мы можем найти в них и многое другое, созвучное Платону — это и понимание души, и центральное место человека в мире. Гжество Платона близко верховному богу упанишад, ведущему человечество через мрак к свету. Разумеется трудно себе представить, что до Платона дошли идеи упанишад: видимо, появление мистической струи в том и другом учениях было естественным развитием философской мысли, совпавшим по времени.

Упанишады возникли в среде мудрецов-отшельников, для которых интеллектуальная деятельность стала не только профессией, но и способом общения с внешним миром. В связи с этим и внешний мир приобретает в них философскую окраску. Царь Видебхи Джанака, известный индийскому эпосу как могущественный воитель, превращается в мудреца, организатора и верховного арбитра публичных философских диспутов. На одном из них мудрец, засыпавший присутствующих вопросами о причине всех вещей и устройстве мира, получил в награду тысячу коров с золотыми слитками на рогах.

В соответствии с этим образом царь-философ, глядя на свою сгорающую в пожаре столицу, не испытывает сожаления, говоря: «Митхила горит, но в ней нет ничего моего».

Джанака был, скорее всего, реальным правителем, мифологизированным в упанишадах и героизированным в эпосе. В этом преображении реальных персонажей для тех, кто знаком с европейской историко-поэтической традицией, нет ничего нового: достаточно вспомнить эволюцию образа Александра Македонского. Отсутствие светской литературы типа летописей делает невозможным определение того, каким в действительности был

Джанака в годы создания упанишад — как, впрочем, и все остальные их персонажи

Одна из упанишад сохранила рассказ, действующие лица которого — животные, выступающие в качестве ораторов. Это древнейшие из басен, сведенные позже в сборник «Панчатанатра». Индию трудно назвать родиной басен, поскольку, скажем, греческие басни древнее, но не исключено, что индийская идея переселения душ в животных оказала влияние на развитие этого жанра не только в Индии.

Боги вед

Ведийский пантеон складывался тысячелетиями. Индийская мифология, как и многие другие разветвленные мифологические системы, напоминает большой странноприимный дом на перекрестке дорог. Состав его обитателей постоянно менялся. Одни, едва поселившись, исчезали, оставив лишь имена в книге для гостей, другие, ютившиеся в помещении для слуг, переселялись в господские покои. И вот в глазах уже пестрит от множества имен, лиц и одеяний. К старым богам, незримым спутникам арьев в «страну обетованную», присоединялись новые, которых почитали аборигены. И это означало не просто увеличение числа небожителей, но и изменение представлений о них, придание им нового облика и свойств. Наиболее могущественные прежние боги порой уступали новичкам, становясь их слугами. Их черты размывались. Общее число богов оставалось загадкой даже для древних знатоков религии. Встречаются цифры 3339 и 33, и при этом ни одна из них не соответствует сведениям, содержащимся в ведах и комментариях к ним. Вообще число 33 было священным, поскольку в нем имелись три десятки и тройка.

С радостью узнавания мы встречаем среди богов ведийского пантеона соответствия богам древней и средневековой языческой Европы и Ирана. Дьяус-Питер (бог-владыка, бог-отец) — Юпитер, Параджани, бог грозы — литовский Перкунас, славянский Перун, Ушас — латышское Усиньш, славянское Утро, маруты — итальянский Мамерс, латинский Марс, Митра — иранский, а затем и средиземноморский Митра, Яма — иранский Йиму, Сома — иранский Хома. И мы уже начинаем вслушиваться в звучание имен и понятий, узнавая некоторые сразу (например, Агни — «огонь», Вата — «ветер»), другие с трудом (Индра — «ядренный», Тваштар — «творец», амрита — «бессмертие»). Однако все они персонажи собственного мифологического мира, действующие по его законам и подчас наделенные пугающим обликом.

Еще на ранней стадии религиозно-мифологического развития арьев прослеживается тенденция к выделению высшего божества, творца всего мира — богов, людей, установителя культа, соз-

дателя добра и зла Это Праджапати, первым своим выдохом («бхух») сотворивший землю вторым («бхувах») — воздушное пространство, третьим («свах») — небо Первым принесший жертву, он сам едва не стал жертвой сотворенного им Агни (огня) и для прокормления последнего создал на земле растительность а для ее произрастания и распространения — еще двух сыновей Сурью (Солнце) и Вайю (Ветер), а затем и дочь Ушас (Зарю), дающую росу Как и другие индийские абстрактные божества, Праджапати надеялся некоторыми человеческими свойствами — чувством страха, хитростью Ведома ему и усталость после утомительной работы по сотворению мира у него огвалились руки и ноги

Близок к Праджапати по своим деяниям и назначению бог Тваштар («творец»), один из многих абстрактных богов ведийского пантеона с единственным антропоморфным признаком — рукой, вооруженной топором, орудием созидания К этому же типу мифологических персонажей принадлежит Сурья, «глаз богов» и сам бог, подчас принимавший облик рыжего коня Вокруг него группировались Савитар, олицетворявший животворящую силу солнца, с которым иногда отождествлялся Митра, воплощавший дружественное отношение солнца к людям, объединявшийся под его лучами, а также одна из наиболее загадочных фигур ведийского пантеона — Пушан, воплощение плодотворной силы солнца Он ассоциировался с набуханием почек, с пухом, разносящим семена, с пушным зверем и стадами, которым покровительствовал Но в то же время он и господин путей, обладатель колесницы, запряженной конями и козлами (В индоевропейской мифологии Пушану соответствует божество вымершего балтийского народа прусов Пушкайтс и греческий Пан)

Арьи, как и другие индоевропейские народы, почитали реки Первое место из них занимала Сарасвати, описываемая как мать и богиня (Rv , II, 41, 16), превосходящая все другие реки славой и величием (Rv , VI, 61, 13) При этом остается неясным была ли это реальная река или сакральное имя Инда, первой крупной реки, с которой столкнулись проникшие в Индию арьи Как и другие божества, Сарасвати соединялась с себе подобными — как с реками так и с богами-небожителями В первом случае это реки Ида (Ила) и Бхарати, к которым поэты зывали как к сообществу, во втором — боги природного цикла Агни, Индра Варуна, Пушан и связанное с ними животное корова (Gonda, 1985a, 39 и сл.)

В плане легкости перехода из одного мира в другой показательна мифологическая судьба Вивасвата сына Адити, родившегося без рук и без ног Старшие братья отсекали у него все остальное, после чего Вивасват, округлившись, стал Солнцем Сурьей (Вивасват — эпитет Сурьи) От дочери Тваштара Сараньи он

рождает близнецов Яму и Ями, становясь первым прародителем человечества и родоначальником Солнечной династии. В числе чисто природных божеств и Ушас, соответствующая греческой Эос, римской Авроре, латышскому Усиньшу. Она показывается утром на розовеющей колеснице, чтобы вытеснить свою мрачную сестру Ночь, пробудить и поднять к молитвам, обнадеежить и одарить все живое. Заря и Ночь рассматривались как некое единство, подобно паре Небо — Земля. Оставаясь девой, Ушас, согласно мифу, имела от Сурьи небесных близнецов-ашвинов, связанных с предрассветными и вечерними сумерками. Разбуженные матерью, они, светозарные, мчатся на золотой колеснице, влекомой конями, ослами или орлами, или же плывут на стовесельном корабле, трижды в день совершая объезд вселенной, творя чудеса и развозя достойным небесные дары — кому жену, кому золото. Ашвины считались спасителями арьев, дарующими коровам молоко, а их владельцам — богатство, здоровье, счастье, спасающими утопающих, исцеляющими слепых и хромых.

Важнейшим из божеств считался Варуна — хранитель, как и Митра, универсального миропорядка, вечного закона (риты), небесный судья, карающий отступивших от правды и изменивших долгу. Поэтому в обязанности того и другого входило устранение погрешностей в жертвоприношениях. Женами Варуны считались обитательницы вод, и сам он представлялся живущим в водах, что при последующем перераспределении между богами трех миров — «верхнего», «среднего» и «нижнего» — обеспечило ему власть над «нижним» — водной стихией.

Наибольшим могуществом веды наделяют бога-грозовика Индру, самого антропоморфного из индийских богов. В эпоху создания «Ригведы» он превзошел своих соперников адитьев, будучи младшим из них, и принял функции Праджapati, став Махендрой («Индрой Величайшим»). Его победа над Вритрой — нечто большее, чем преодоление засухи. Это космогонический акт освобождения изначальных вод (Кейпер, 1986). В этой же функции он отрезает у гор крылья, чтобы они, спускаясь при перелетах на землю, не давили ее своей тяжестью. Как в победе над Вритрой, так и в других своих деяниях, Индра — бог брани. Он дает арям победу над местными племенами, сокрушает их крепости, громит их, а также и демонов своим страшным оружием ваджрой, в которой можно видеть громовую стрелу. Богубийца, он наделяется также чертами целителя, не раз спасая раненых мудрецов (риши) и возвращая им жизнь.

Иindre близок Рудра, обитатель горных высот, пастух, покровитель пастухов и в то же время — воплощение буйства неконтролируемых сил природы. Сыновья Рудры маруты считались воплощением грома и молнии. Это юноши, восхищающие красотой

и в то же время внушающие ужас. Относясь к классу архаических божеств, они впоследствии были отданы в услужение Индре.

Значительную эволюцию претерпел первый из богов — Агни, постепенно превратившийся из олицетворения огня — небесного, земного и подземного — в божество алтаря, своего рода посредника между людьми и богами, защитника человеческого жилья от холода, от ракшасов и иных порождений мрака. Близкими к Агни, богу жертвоприношений, считали Сому — обоженный жертвенный напиток. Перенесшись подобно многим божествам на небо, Сомы стал мыслиться луною, господином неба и звезд, первым творцом, стимулирующим могущество солнца и подвластное ему творческое вдохновение людей, прежде всего певцов и сказителей.

Среди ведийских богов имеется и Гибель (Ниррити), но миф о гибели мира разворачивается в рамках мифа о мировых эпохах («югах»), сходного с греческим мифом о четырех поколениях — с тем же соединением судеб космоса с падением добродетелей. Превращению космоса в хаос предшествует нарушение нравственных норм («дхармы») в человеческих взаимоотношениях. При этом уничтожается не только космос со всеми его обитателями, но и сам творец мира Брахма.

Веды уделяют мало внимания судьбе человека после смерти. В одном из гимнов поздней, десятой, книги «Ригведы» можно прочитать, что взор умершего обращается к солнцу, дыхание — к ветру, речь — к огню, а кровь — к воде. Таким образом, первоначальные четыре элемента человеческого организма как бы растворяются в четырех стихиях, соответствующих четырем богам. Из других гимнов видно, что душа представлялась уносимой ветром или дымом погребального костра на небо, где соединялась с себе подобными. Путь же на небо первым указал дух первого из умерших — Ямы. Представлений о подземном царе мертвых, подобном греческому Аиду, в ведах первоначально не было. При последующем разделении мира на четыре части мир мертвых, помещенный на крайнем юге, был отдан смерти Яме.

Наряду с «распределением» богов в мифологическом пространстве ведийская теология разработала сложную систему отношений между ними: каждый мыслился не «богом в себе», а частью некоей «группы богов» с общим родовым именем — маруты, якши, гандхарвы, апсары и т. д. Подобные групповые божества — «братья» и «сестры» — существовали и у других народов на ранних стадиях их развития. И везде они постепенно оттесняются на периферию религиозного мышления, им отводится подчиненное положение по отношению к богам, приобретавшим индивидуальный облик и мыслившимся «главными». Система господства / подчинения в фантастическом мире зеркально от-

ражает реальные «земные» процессы, начавшиеся в эпоху замены родоплеменной организации общества зарождавшимся государством.

Иногда религиозное сознание сбивало в группы божества с индивидуальными именами. Этот механизм может быть прослежен на примере группы адитьев. Ее основа — пара богов Митра-Варуна, служившая воплощением магико-юридической функции общества. Митра — первоначально солнечное божество, почитавшееся под этим именем иранцами, — выступал как бог справедливости и охранитель договоров. Варуна (ср.: греч. Уран) — первоначально бог изначальных вод, а затем неба, блюститель нравственности, всевидящий верховный судья, избличающий любую ложь, карающий за грехи и преступления. Эта великая пара притянула к себе в качестве третьего — древнего бога Арьямана, также почитавшегося в «Авесте», покровителя брачных связей, наподобие греческого Гименея. Он отделял невесту от отчего дома, подобно тывке от ее плетей, и соединял ее другими «плетями» с домом супруга.

Эта тройца получившая имя «адитья», присоединила к себе четвертого — Бхагу (в «Авесте» — Бага), распределителя благ (богатств), счастья, счастливой доли. В славянской мифологии это имя стало нарицательным — бог. К этой четверке примкнули боги Дакша и Анша. Главная черта Дакши — ловкость, умелость, позволившая ему, родившемуся от матери Адити, быть одновременно ее родителем. Анша, так же, как и Бхага, считался божеством счастливой доли. Так образовалась шестерка богов, к которой обращались в одном из гимнов: «Да услышат нас Митра, Арьяман, Варуна могучего рода, Бхата, Дакша, Анша!». Эта шестерка была открыта для дальнейшего расширения. Число адитьев постоянно менялось, но не выходило за пределы дюжины, и все они стали мыслиться сыновьями Адити, у которой не было супруга.

Сообщества богов не только распались, но и возникали в соответствии с потребностями обслуживания главных богов. «Ригведе» известен только один полубог — Гандхарва, соответствующий древнеиранскому водному демону Гандарве (и возможно, греческому Кентавру). Он супруг «женщины вод» Апсары. В «Атхарваведе» Гандхарва, размножившись, превратился в несколько тысяч вредоносных духов воздуха, лесов и вод. Для их обитания пришлось создать в небесах особый город, который подчас можно было увидеть, подобно миражу в пустыне, что фатально грозило бедой узревшему.

Ведийский пантеон видоизменялся — со временем небесных богов стало гораздо меньше, но сила и власть их необозримо возросли. Отметим, однако, что боги, оттесненные на обочину культа, оставались в памяти людей, о чем свидетельствуют кра-

сочные предания. Они теряли абстрактные очертания адитьев и наделялись вполне конкретными живыми чертами. Так, Дакша стал отцом пятидесяти дочерей, двадцать семь из которых были отданы в гарем Сомы, предпочитавшего, однако, общаться, к неудовольствию отца, лишь с одной из них, Рохини. Этому же Дакше приписывалось знаменитое жертвоприношение, в ходе которого обойденный приглашением Рудра-Шива, олицетворявший разрушительные силы, учинил богам разгром.

Воздушная сфера была заселена тремя братьями Рибху («умелыми»), показывающими чудеса ловкости и сообразительности. Согласно мифу, они превзошли в ювелирном искусстве самого Тваштара. Духами вод, речными богинями, подобными греческим нимфам, римским каменам, славянским русалкам, считались апсары. Перенесенные в небесное царство, они стали мыслиться танцовщицами и гетерами.

Наряду с богами и духами почитались предки, судя по похоронным гимнам «Ригведы», забота о пропитании духов-отцов (питаров) была священной обязанностью сыновей. Поэтому рождение дочери считалось несчастьем. Обряд трупосожжения рассматривался как отделения образа и духа от тела, открывавшее возможность воссоздания предка на небесах: «В солнце уйдет твоё зрение, в ветер — твоё дыхание, вступая в землю, как должно, или удаляясь к водам, если это тебе на благо, члены тела да пребудут в растениях». Но четкого представления о загробной жизни, о новом рождении в «Ригведе» еще нет. Нет ясного представления и о наказании за грехи, хотя иногда упоминается бездна, куда низвергаются демоны и грешники (Эрман, 1980, 94).

Космогония вег

Тому, кто привык судить о языческих богах по хорошо знакомым греческим мифам, индийский пантеон покажется непроходимыми джунглями, выбраться из которых — задача не из легких. Это и понятно, ибо здесь мы имеем дело с богами самых разных мифологических уровней. Одни из них еще сохранили в своем облике первоначальные черты мира обожествленных природных явлений, другие же — плод абстрактного мышления, отождествляющего богов с высшими непостижимыми силами и идеями. Единственное, что может внести некоторую ясность в понимание мира индийских богов, — это космогония.

Согласно «Ригведе» вселенная произошла из хаоса, мыслившегося как теснота. В этой лишенной пространства тесноте небо и земля были огромным единым комком. Творение мыслилось как два акта: 1) разделение неба и земли; 2) создание в промежуточном широком пространстве опоры для их поддержания. Эта операция чаще всего приписывалась Индре или Варуне, а их

помощником выступал Вишну, расширивший пространство тремя своими шагами, второстепенное божество местного происхождения, получившее в эпической мифологии одну из первых ролей.

Опора, поддерживавшая вселенную, виделась то как столб, то подобный держащему кровлю жилища, то как мировое дерево, уходящее корнями в первичные воды и служившее источником священной очистительной влаги, питавшей бессмертие и мощь богов (Кейпер, 1986, 30).

Греческому «космос» в индийской мифологии соответствует понятие «лока» (ср.: лат. locus) — «место», «пространство», «мир». Космогонические мифы вед толкуют локу не как данность, а как нечто, созданное воображением богов и ими «организованное» таким образом, чтобы оно было открыто «свету небес»; если какое-либо пространство заполняется враждебными небу силами, оно перестает быть локой. Так, Индра, смертельно ранивший Вритру, покрывшего своим гигантским телом всю землю, вновь создает локу. Всего же их мыслилось три (трилока): небо, воздушное пространство и земля, образующие строгую триединую систему.

Появление мира небес (сваргалока), также как и земли, ведийская мифология связывала с присутствием и деяниями богов. В «Ригведе» земля и небо — это два камня, между которыми Индра возжег пламя, или два колеса на разных концах оси; но для большей части ведийских текстов сваргалока — мир небесного света. В одном из гимнов некто «румяный» (подразумевается солнце) описывается не просто как небесное тело или божество, но и как создатель и охранитель всего очерчиваемого им пространства. Идея солнца, солнечного света, небесного сияния неразрывно связана с понятием благополучия, счастья, активности, нормального человеческого существования. В одном из ведийских гимнов Солнцу можно прочесть: «Ты проходишь, как небесный свет, который все создания получают от тебя». Солнце — средоточие небесного света, оно дает его всему живому. Сваргалока считалась также местом «небесной жизни» части умерших — тех, кому указывали туда путь брахманы. В ведах содержится представление о нескольких небесах, высшее из которых отдается творцу всего сущего.

В одном из гимнов «Ригведы» небо и земля мыслились как две наложенные друг на друга чаши мироздания, а воздушное пространство между ними отдавалось Сурье.

Таковы «три мира» в их классическом понимании, образующие замкнутый шар. Все, что находится за их пределами — вне поля зрения поэта, создавшего гимн, как и вообще индийской космологии. «Три мира» скреплены не своими краями (они размыты, как и границы греческого космоса), а связаны осью —

горой Меру, опорным столпом мироздания. Меру мыслилась в виде пирамиды, каждая из граней которой имела свой цвет и была обращена к четырем сторонам света горизонтальной плоскостью, разделенной на две половины: одна ориентировалась по северному, другая — по южному полюсу. Меру — место обитания богов, откуда их взорам открывается вся «трилока»; в то же время сама гора — русло для спуска на землю священных небесных рек и лестница, по которой достойные души поднимаются на небо. В индийской космологии упоминается, вне какой-либо связи с Меру, также «пуп земли» — место, куда Всеведающий поместил мудреца Бхригу и где Агни совершает свои жертвоприношения.

С моделью двуединого мира вед, видимо, связано представление о двух группах могущественных сверхъестественных существ — асурах и богах, борьба между которыми рассматривается как основополагающая концепция ведийской мифологии (Кейпер, 1986, 31 и сл.). Как уже говорилось, асуры (*asura*) и боги (*devah*) уходят своими корнями в индоевропейскую древность. В религии иранцев термин *asura* входит в имя верховного бога Ахурамазды, дэвы же — это класс враждебных Ахурамазде небогов, демонов. В ведийской религии, напротив, *devah* — боги, а *asura* — их противники, наделенные демоническими чертами, однако не являющиеся порождением зла. Это соперники богов в еще не оформившемся космосе, а порой и их союзники, как, например, в мифе об обретении бессмертия.

И более того — асуры древнее богов. Они подчас мыслятся отцовской почвой, из которой выросли боги. В одном из гимнов «Ригведы» Агни и Соме — сыновья древнего отца Вритры, отождествляемого с асурой, настолько тесно связанные с ним, что знают о его коварных помыслах и могут предупредить о них Индру. С другой стороны, у Индры встает проблема, как убить Вритру и не причинить вреда Агни и Соме (Кейпер, 1986, 48).

Могущественное космическое божество Варуна колеблется в выборе статуса: одной ногой он находится в мире асуров, другой — в мире богов. Когда его помыслы склоняются к девам, Индра предлагает ему власть (Rv., X, 124, 5). И эта двойственность выходит за рамки вед. В «Махабхарате», где уже мир мыслится разделенным между богами, Варуна описывается находящимися в подземном дворце в окружении прислуживающих ему асуров.

И при этом асуры трактуются как непримиримые противники богов, вынесенные за пределы освоенного богами мира. Они — могущественные боги изгнания, обладающие собственными твердынями, словно бы оставленные для того, чтобы богам было на ком проявлять свое могущество.

Буддизм

Во второй половине VI — первой четверти V в. до н. э. возникло еще одно религиозно-философское учение, вступившее в открытое противоборство с ведийским религиозно-мифологическим мышлением и так ярко проявившееся в ведах и эпосе. Оно связано с проповедями религиозного деятеля Северной Индии Сиддхартхи Гаутамы (623 — 544 гг. до н. э.), призывавшего к религиозному очищению человечества, к его освобождению от противоречащих монотеистической идее социальных, половых или каких-либо перегородок и к переходу от созерцания истины к внутреннему перерождению (Лысенко, Терентьев, Шохин, 1994, 126 — 145).

Ведическая традиция уже подготовила индийцев к мысли, что человек может быть озарен огнем божественной истины и поставлен рядом с богами. В Будде ощущается аскетизм и религиозная сосредоточенность отшельников индийского эпоса. Рассказы о его жизни, полные фантастических деталей, сочиненных благочестивыми почитателями, воспринимаются не как обычная биография, а как священная история обретения религиозным мыслителем нового видения жизни, нового слова, нового мировоззрения. В сведениях об открытии Буддой истин и их распространении имеется много неясного, вызывающего сомнения. И сам образ Будды, обросший мифами, как днище идущего сквозь века корабля ракушками, сформировался под непосредственным воздействием брахманской мудрости. Воинствующий аскетизм соединился в нем с глубочайшим религиозным сосредоточением Ману и Маркондеи. Однако согласно буддийской традиции вскоре после смерти вероучителя его ученики и последователи собрались в Паталипутре — столице государства Магадхи, и один из ближайших учеников Просветленного воспроизвел хранившиеся в его памяти наставления о монашеской жизни (Виная-питаку), тогда как другой ученик огласил свод проповедей учителя (Вутта-питаку), свидетельствующий о традиции. Только через сто лет после смерти Будды его последователи вновь сошлись, чтобы разрешить возникшие разногласия в понимании учения. Но это им не удалось.

Третий собор буддистов в Паталипутре проходил под предводительством царя династии Маурьев Ашоки, о религиозной деятельности которого можно судить по множеству его указов, так называемых «Надписей Ашоки», высекавшихся на скалах, на колоннах и на стенах пещер (Бонгард-Левин, 1993). В царствование Ашоки (273 — 237 гг. до н. э.) буддизм не был государственной религией, но пользовался необычайной популярностью. Количество памятников, связанных с вероучением Будды и его почитанием от времени Ашоки до 200 г. до н. э., превосходит все

оставшееся от брахманизма и джайнизма вместе взятых. Надписи свидетельствуют о пожертвованиях в пользу буддийских монастырей от царей и частных лиц. Во многих местах Индии появляются буддийские святыни, из которых поныне наибольшей сохранностью славится монастырь у деревни Санчи. Для понимания специфики буддийской мифологии наиболее типичны так называемые ступы — символические и мемориальные сооружения, хранилища реликвий из камня или земли, как правило, в форме башни. Таковы, например, знаменитая ступа в Санчи или ступа в Бхархуте, рельефы которой воспроизводят эпизоды жизни Будды таким образом, что сам Будда в них не присутствует.

Буддисты всячески подчеркивали свое неприятие брахманистских идей, полную самостоятельность и новизну своего учения. Такая позиция характерна для любого ответвления древней религии, стремящегося к самоутверждению. Однако применительно к буддизму объективное сопоставление его с установками упанишад — а именно с ними буддисты спорят чаще всего, — показывает, что как раз ряд главных положений (прежде всего идея кармы, закона перерождения, представления об иллюзорности индивидуального существования) заимствован у последних. Совпадают также понимание высшего назначения человека (в брахманизме — мокша, в буддизме — нирвана), отношение к монашеству и многое другое. Различными были акценты, нюансы, которым сами буддисты придавали решающее значение, и это опять-таки характерно для вновь возникающих религий (и идеологий), ответвляющихся от первоначального ствола. Буддизм не ниспровергал богов, и это сближало его с христианством, принявшим Ветхий завет с его представлением о высшем и единственном божестве. Из брахманизма в буддизм вошли боги Брахма, Индра (под именем Чакра), Вишну, Ганеш и другие. Но допущенные в буддийскую догматику и мифологию, старые боги утрачивают не только свое могущество, но и первоначальную специфику и отныне действуют в соответствии с предписаниями Будды, выступающего и для них в роли учителя, освободителя, спасителя.

Нетерпимость, будь то в политической, социальной или теологической сферах, вообще-то чужда буддизму, но своим толкованием священных книг брахманизма буддизм ограничил всепроникающую силу богов пределами девалоки (пространства), оставив им в качестве места обитания лишь гору Меру и воздушное пространство над нею. Оттуда они могли созерцать жизнь, развивающуюся по чуждым им законам, без права вмешательства в нее. Они были лишены бессмертия, а после смерти получали возможность перерождения лишь в низших формах. Достигнуть нирваны боги могли лишь в том случае, если они родились людьми. И это лучше всего выявляет место в буддизме человека, поставленного над богами, обреченными на вымирание

Будучи в принципе безразличен к культу, буддизм не препятствовал сохранению его в тех формах, которые усиливали воздействие идей и способствовали их популяризации. Сохранялось в разумных пределах почитание деревьев, хранящих в своих корнях святость погребенных под ними праведников, в особенности же дерева бодхи, под которым достиг просветления Будда, цветов, преимущественно лотоса, символа чистоты и чудесного рождения, ряда животных (газелей, быка, слона, льва и других). Связь древнейшего их культа с Буддой находила отражение в мифах, согласно которым в прошлых своих жизнях он многократно был тем или иным животным, а также в легенде, рассказывающей что среди первых слушателей Будды были и олени.

В то же время буддизм отрицательно относился к тому, что в брахманизме рассматривалось как высшая форма почитания богов — к подвижничеству, превращавшемуся в издевательство над природой человека, ибо освобождение толковалось буддистами не как механический, а как глубоко осознанный процесс. Буддизм утверждал, что жизнь — это страдание, причина которого — желания, поскольку исполнение любого желания неотвратимо порождает новые и новые, что человек должен стремиться к прекращению жизни, т. е. разрыву цепи бесконечных перерождений, и что путь к этому спасительному избавлению от жизни — в моральном самоусовершенствовании. Именно поэтому для буддизма характерно главенство этических предписаний как своего рода практических наставлений, принятие которых делает добровольный переход в новую веру не формальным, а продуманным и прочувствованным.

Главными были те заповеди, которые отражали представление о добродетели (метта). Высшей добродетелью считалась любовь ко всему живому: «Пусть каждое существо, слабое или сильное, большое или малое, видимое или невидимое, близкое или далекое, рожденное или нерожденное, — пусть каждое живое существо возрадуется». Исходя из этого постулата, верующий должен был принести обет: «Я буду воздерживаться от причинения вреда живым существам». Это первоначально не предусматривало полного вегетарианства, но впоследствии первый обет стал толковаться именно в таком смысле. Другой обет исходил из представления о священном характере частной собственности, изначально чуждого родоплеменным религиям: «Я даю обет не брать того, что мне не дают», — гласит еще одно предписание. «Я буду воздерживаться от дурного поведения, внушенного влиянием страстей». В культовой сфере это стало означать безбрачие. Буддийские монахи и монахини не могли иметь семьи и обязаны были устранить в своем облике все, что могло придать им привлекательность (отсюда — обязательное бритье головы,

запрещение пользоваться благовониями, мазями, украшениями). Предусматривалось также воздержание от лжи, клеветы, любого рода доносительства, хвастовства.

В дальнейшем в правила поведения приверженцев новой религии было введено воздержание от алкогольных напитков, от ганцев, музыки, театральных представлений, от пользования широкой и высокой постелью, от приобретения золота и серебра. Запрет на танцы и музыку не распространялся на культовые действия, имелось в виду светское искусство, возбуждающее дурные инстинкты, служащее злу. Заповеди предусматривали благотворительность, милосердие, не просто соответствующий образ мыслей, но и активность в осуществлении добра — помощь бедным, заботу о больных, неприятие воинственности и, в соответствии с этим, всего, что входило в понятие доблести у арьев. В философском плане буддизм близок к упанишадам и выработанному ими толкованию абсолютного, знания и незнания, дхармы, но в нем почти ничего не оставалось от вед с их чувственными порывами к богам, воплощавшим явления природы. Чувство вытесняется нравоучениями. Любимые народом предания о Пандавах и Кауравах, о Раме и Сите, о любовных приключениях Кришны заменяются мифами о духовных подвигах Будды и Бодхисатвы.

Буддийская мифология

Понимание человека как вершины цепи бесконечных переРождений (сансары) изменило характер буддийской мифологии. Центром ее становится Бодхисатва — существо (человек, зверь, растение), становящееся в последнем рождении Буддой, чтобы спасти от страданий все живое. Все другие существа — боги, асуры, герои — участники грандиозного психологического действия, лишенные, однако, возможности вырваться из порочной цепи бытия (для этого они должны были бы стать обычными людьми). В буддийский пантеон включены многие боги брахманизма, действующие под своими или новыми именами. В народном буддизме — они реальные существа, а в философском — создания человеческой психологии (Малль, 1987, 184 и сл.).

Буддийская мифология сохраняет и космогоническую систему брахманистской мифологии, переосмысливая ее под углом зрения собственной концепции. Все элементы мироздания умножаются до бесконечности. Бесчисленное количество миров группируется в огромные мировые системы, которых, по образному выражению буддийских текстов, больше, чем песчинок в Ганге. Мир в отдельности представляет собой плоский диск. Воздух же является частью пространства. Как прежде, в центре мира высится окруженная семью горными хребтами, гора Миру, вокруг нее вращаются Солнце, Луна и звезды. Остающиеся части

диска занимали четыре континента, к каждому из которых при-
мыкал архипелаг из 500 островов, омываемых мировым океаном.

Континенты были населены людьми, отличавшимися време-
нем жизни и способностями. На востоке располагался континент
Пурвивидеха, на западе — Апарагодана, на севере — Уттаракуру,
на юге — Джамбудвина. Последний, по описанию, наиболее
близкий к Индии, был населен людьми, обладавшими благоче-
стием, мудростью и мужеством. Там время от времени появлялись
будды и идеальные справедливые цари (чакраватины —
«поворачивающие колесо»). Каждый из них обладал семью со-
кровищами: летающим по воздуху диском, могущим перенести в
любой из миров целое войско, слоном и конем, наделенными
человеческим разумом, драгоценным камнем, бросающим свет
на далекое расстояние, красавицей-царевной, мудрым советни-
ком и талантливым полководцем, чаще всего из числа ста его
сыновей. На материке Уттаракуру у людей не было собственности,
зерно на полях вырастало само собой без труда.

Боги, возглавляемые Индрой, находились на горе Меру и в
небе над нею. Они считались смертными, подчиненными дхарме,
но были наделены долголетием, используемым для наслаждения
благами духовного созерцания. Брахма считался обитателем
иной высшей сферы, разделенной на четыре части. Он мог ока-
зывать некоторое влияние на ход событий, но мир развивался по
своему независящему от него закону. Сохранялись представле-
ния об асурах (им были отданы пещеры горы Меру), о претах —
душах умерших, соединяющихся при выполнении их родствен-
никами определенных ритуалов с питарами. Местом обитания
претов мыслились земные глубины. Еще ниже находились раз-
личные круги ада.

Таковы некоторые черты мифологии, общие для всего буд-
дизма. Однако каждое из трех его основных течений, восходя-
щих к учению Будды, обладало собственным духовным складом и
своей более или менее обширной мифологией. Наиболее разно-
образна мифология махаяны, основателем которой считался
буддийский богослов Нагарджуна (I в.), выходец из брахманской
среды. Махаяна, исходившая из утверждения о недоступности
буддизма простонародью, нуждающемуся в боге, была уступкой
брахманизму. Таким богом стал сам вероучитель. Однако при
этом возникло представление, что он лишь один из многих Будд,
в число которых оказались заключенными брахманские боги и
буддийские святые (архаты). Предметом почитания стали и бод-
хисатвы — предшественники Будды, отказавшиеся от перехода в
нирвану ради спасения других существ. Уступкой брахманизму
было также учение о «рае», размещенном в блаженной стране
Субххавате, доступной лишь праведникам, и «аде» — для тех, кто

нарушает установления Будды. В то же время буддисты махаяны начали проповедовать доступность нирваны не только монахам, но и мирянам.

Эти уступки, мало что оставившие от первоначального буддизма, все же оказались недостаточными для вытеснения народных религий Индостана. Буддизм обнаружил меньшую стойкость и сопротивляемость, чем христианство, столкнувшееся со сходными сложностями, но сумевшее их преодолеть. Индуизм, вросший в почву Индии всеми своими корнями на протяжении многих веков, в конце концов вытесняет буддизм, который подхватывают обитатели Ланки, Бирмы, Сиамы, островов Индонезии и, наконец, Китая. Главной же страной, воспринявшей буддизм в форме махаяны, стал Тибет, постепенно покрывший сетью буддийских монастырей. Здесь была создана строгая иерархия, а вероучитель окончательно превращается в верховное существо без начала и конца, — в Адибудду.

Буддийская литература

Оригинальное в своей этической основе учение породило великую литературу. Она начала складываться в монастырях Индии на разных ее языках, а после продвижения в долину Ганга мусульман, разгрома ими монастырей и бегства уцелевших монахов — в монастырях Тибета, Бирмы и Шри-Ланки. Кодификация буддийских текстов произошла на этом острове, считавшемся ранее обиталищем ракшасов и местом великой победы над ними Рамы.

Ученый Буддхагоша, живший на Шри-Ланке в V в., перевел буддийский канон с сингальского пракрита на язык пали и, очевидно, его переработал. Канон этот состоял из трех частей, получивших название «корзин» (питака), поскольку рукописи, писавшиеся на специально обработанных пальмовых листьях, складывались в корзины и там хранились. В одной из корзин, наряду с приписанными Будде изречениями, проповедями и поучениями, рассуждениями философского и религиозного характера, собраны гимны монахов и монахинь, произведения высокой поэзии, а также «Джатаки» — сборник первых сказаний (ок. III в. до н. э.) о перевоплощениях Будды. Включенные в него стихотворные отрывки светского характера приписываются самому Буддхагоше. Со времени первой джатаки этот жанр древнеиндийской литературы (проза, перемежающаяся стихами) получил широкое распространение. Их сюжетная основа — басни и сказки о животных, притчи, исторические предания.

Быт Индии нашел также отражение в небольших лирических поэмах, написанных монахами и монахинями, гатхах — «Тхера-гатхе» и «Тхери-гатхе», величайших произведениях мировой

лирики. Но главное в них — тончайшая передача переживаний людей, ушедших от мирской суеты, открывших для себя красоту природы, чистоту дружбы, радость духовного просветления. Поистине сокровищницей мудрости стала «Дхаммапада», в которой абстрактные этические идеи буддизма переданы в форме афоризмов, подобранных таким образом, что они вписываются в одну смысловую линию, дополняя друг друга.

На санскрите были написаны некоторые сутры — своды лаконичных афористичных высказываний, дошедшие до нас в китайских и тибетских переводах. Для мифологии наиболее важны «Лалитавестара» (описание жизни Будды, неизмеримо более красочное, чем в палийских вариантах), «Лотос благого закона» — собрание диалогов теологического содержания, «Описание Счастливой земли» (о буддийском «рае», где праведники растут в лотосах перед престолом Будды), «Вступление на Ланку». Многие мифологические элементы содержатся в комментариях к каноническим буддийским текстам, в жизнеописаниях учеников Будды, превратившихся в мифологические персонажи. Ценнейший источник для изучения буддийской мифологии — памятники буддийского искусства, дополняющие и развивающие литературное повествование изобразительными средствами. Из них наиболее знамениты фрески пещер Аджанты.

От богхисатвы к Бугге

Из памятников буддийской литературы в историческом контексте наиболее интересны уже упомянутые нами джатаки — своего рода синтез буддийской религиозной идеи с богатейшим фольклором, включенным буддизмом в свою орбиту. Внедряясь в сокровищницу народного творчества, буддизм сохранил его в преображенном виде, в литературной форме рассказов из жизни различных сословий индийского общества, животных и даже растений, ибо идея аватары — воплощения («нисхождения») бога Вишну в облике героев — Кришны, Рамы, а также вепря, карлика и т. д., совершивших подвиги на земле, — не препятствовала тому, что в одной из своих прошлых жизней Будда был не только брахманом, кшатрием, вайшьей, но и слоном, зайцем, рыбой и даже деревом. При этом каждая из жизней того, кто готовился стать Буддой, рассматривалась как ступень к просветлению, после которого, достигнув нирваны, к этой жизни он уже не возвращался.

Буддизм, зародившийся как нравственная и философская реакция на социальное неравенство, встретил поддержку среди экономически окрепшего купечества, и героями джатак вследствие этого часто выступают сеттхи — купцы, казначеи, дельцы, перекупщики; одобряются и предпринимательский дух и богат-

ство, хотя и не как самоцель, а лишь как условие благополучной жизни и возможности для проявления милосердия. Полубожество Бодхисатва сам часто возрождается в облике сеттхи или окаживает им помощь — например, в качестве кормчего.

Джатаки — это своего рода свод моральных заповедей: любви ко всему живому, честности, кротости, терпимости, показывающий, к чему приводят противоположные свойства — предательство, невоздержанность плоти, жестокость, скаредность, носителями которой были вселявшиеся в человека духи скареды. Испытывая на себе зло окружающей жизни, бодхисатва с каждой новой жизнью становился все мудрее, благороднее, ближе к просветлению, порой не удерживаясь от того, чтобы покарать зло. Слушатели или читатели джатак на примерах жизней бодхисатвы проходили школу буддийского воспитания, постигая, что их будущее зависит от каждого их помысла, каждого шага. При этом джатаки не звали к монашеской жизни, рассчитывая на то, что каждый останется в своем звании и даже будучи торговцем, стремящимся к обогащению, не будет этого делать неправедным путем и использует богатство для помощи страждущим.

До нас дошли 547 наиболее ранних джатак буддийского канона на языке пали. Каждая из них включает стихи, приписываемые самому Будде, и обрамляющую их прозу в виде художественного комментария. Впоследствии этот сборник неоднократно переводился и пересказывался на многих языках, став основой литературы джатак.

Из ранних пересказов наиболее интересен санскритский (не позднее VI в.) — «Гирлянда джатак», автором которого назван Арья Шура. Это сборник из 34 рассказов о предшествующих жизнях Будды. Некоторые из таких переложений составлены из двух или нескольких палийских джатак, большая часть им соответствует, но имеются джатаки, отсутствующие в палийском сборнике.

Санскритские джатаки, отражая ту же идеологию буддизма, отличаются необыкновенной изысканностью поэтических образов, обилием красочных описаний и более развитой моралистической тенденцией. Единые по стилю, они носят отпечаток творческого дарования человека высокой культуры. Бодхисатва в санскритских джатаках — спаситель человечества, отличающийся от своего палийского предшественника еще большим благородством и величием духа.

От ведизма к индуизму

С победой над буддизмом как реформаторским течением, с его вытеснением из субконтинента ведизм (мы включаем в это понятие и брахманизм как его позднюю стадию) приобретает на

гончарном круге истории форму новую религиозной системы — индуизма. Это был чрезвычайно сложный и во многих аспектах скрытый для нашего понимания процесс, ранний этап которого отражен в эпосе, а поздний — в пуранах. Политеистическая религия вед сменяется тем, что может быть по сути обозначено как монотеизм — возможно, здесь определенную роль сыграло противодействие буддизму. Как бы то ни было, главными персонажами новой стадии мифологического развития становятся Брахма, Вишну и Шива.

В ведах Брахма входил в молитвенную формулу «брахман», не имея зримого образа и действенной роли в мифах. Властные функции принадлежали появившемуся в период брахман богутворцу Праджапати. Он и передал Брахме в числе множества титулов самые главные: Творец (Тваштри), Установитель (Дхатри), Распределитель (Локагуру), а в конце концов и свое основное имя — Праджапати, Владыка сущего. Брахма обретший облик лотосоглазого бородатого старца с четырьмя туловищами, столькими же лицами и восемью руками — на все четыре стороны света, — стал главным действующим лицом космогонических и космологических мифов, к участию в которых по его милости на вторые роли были допущены ведийские боги и мудрецы — Рудра, как порождение гнева Брахмы, и Нарада, как сын, рожденный из его бедра (подобно тому, как из бедра Зевса родился Дионис). Великие риши вед Ангирас, Дакша и другие были объявлены порождением духа Брахмы, родоначальниками богов и людей. Ему отдается верхнее, седьмое небо, становящееся «миром Брахмы» (брахмалокой) и мировое яйцо (брахманда), плавающее в первозданных водах, в котором он — «золотой зародыш» — пребывал в начале своего бытия.

Усилению могущества Брахмы способствуют местные боги, подчас дублирующие ведийских. Брахме мало образа Рудры, обитателя Хималаев, и он обретает Кали в качестве одной из супруг. Ее чернота толкуется как проявление гнева Брахмы, однако во всем другом она ракшаска, злая демоница тропических лесов, с отрубленными головами в четырех руках, с ожерельем из черепов, с высывающимся из пасти языком, красным от крови жертв.

Второй член великой триады — Вишну — был известен ведам как бог неопределенного облика, «широко ступающий» (совершающий «три шага»). Будучи младшим партнером Индры, Упендрой («Младшим Индрой»), Вишну становится Атиндрой («более могущественным, чем Индра»), главным героем мифологического мира. Само его имя трактуется как «всеобъемлющий», «всепроникающий». Ведийский мудрец Маркандея, спасенный Вишну, проникает в его чрево и видит там все три мира. В конце каж-

дого мирового цикла (юги) Вишну, как губка, вбирает в себя всю Вселенную и дремлет, лежа на мировом змее Шешу, замышляя новое творение (Кейпер, 1986, 110 и сл.).

У создателей вед был могучий интеллект, выразивший себя в осмыслении мира как системы, и богатое воображение. Но им была чужда сфера эмоций, в которой проявили себя аборигены уже в эпоху хараппской цивилизации. В процессе перерождения ведизма в индуизм эту эмоцию влились в религию потомков пришельцев мощным потоком. Воплощением беспредельной сексуальности стал восприимчивый ведийского Рудры Шива.

К тому времени уже не оставалось незанятых богами гор. Меру была резиденцией древних ведийских богов; горным хребтом Кайласа, отделявшим Индию от Тибета, владел бог местного происхождения Кубера, объявленный «владыкой Севера». Кубере пришлось потесниться, дав место буйному соседу и его супруге Дэви. Здесь Шива вместе с нею совершал на телах поверженных противников сексуальную пляску и вовлекал во грех тысячи умерщвлявших свою плоть отшельников-аскетов. Шива изображался в виде фаллоса (лингама), пронизывающего женские гениталии. Он одолел «саморожденного» ведийского бога любовной страсти Каму, испепелив его своим третьим, открывавшимся во время любовной игры глазом. Будучи в триаде третьим, он добился первенства, заставив Брахму и Вишну добираться до нижнего и верхнего конца лингама, облик которого он принял, и после их неудачи был признан верховным богом и творцом мира. Сексуальность сочеталась в Шиве с невероятной кровожадностью. Он участник кровопролитных сражений (в собственном облике или вселившийся в могущественных воителей), чья цель — освобождение земли от отягощающей ее людской массы. Как бог смерти, Шива, подобно Кали, супруге Вишну, носит на шее вместо ожерелья гирлянду человеческих черепов. Во многом близкий к Вишну (что, кстати, характеризует и мирские взаимосвязи между шиваитами и вишнаитами), Шива враждебен Брахме, и потому последний оберегает себя от могущественного соперника, время от времени погружая его в состояние медитации.

Тогда же в образе кровожадной богини в мифологию ариев входит богиня-мать аборигенов, олицетворяющая жен Шивы и Вишну под родовым именем Дэви (Богиня) и различными личными именами (Ума, Дурга и др.) Последовательность браков Шивы отражает изменения в представлениях о нем по мере распространения его культа.

С Вишну связана совершенно новая для индийской мифологии фигура Кришны, мыслившаяся как восьмая его аватара. В «Махабхарате» он предстает как могущественный царь и бог, согласившийся участвовать в битве, решающей судьбу героиче-

ской Индии; он становится колесничим, взявшим на себя роль вдохновителя одного из главных героев поэмы, обнаружившего нерешительность в исполнении воинского долга. В других текстах, возможно, более поздних, Кришна — бог, воспитанный пастухами и пастушками, в среде, далекой героическому миру, но уже в младенчестве проявивший необыкновенные способности воителя и любовника. Можно было бы считать бога-царя и бога-младенца разными персонажами, слившимися, как это нередко бывает, в один мифологический образ, если бы во время своей проповеди на поле боя Кришна-царь не высказал совершенно чуждую брахманизму истину: самый короткий путь человека к богу проходит не через подвиги, физические или духовные, а через любовь. Ведь эта идея пронизывает и образ младенца-бога, хотя там любовь включает в себя не только духовную близость, но и необъятное сексуальное влечение. Чуждость Кришны ценностям героического века проявляется и в том, что он выступает не только как борец с демонами (и в этом Кришна един с героями эпоса), но и как победитель самого Индры которого он заставляет прекратить потоп.

Другие ведийские боги сохранили свои имена, но изменили роли. Варуна, лишенный положения владыки мира, остается лишь властелином вод. Яма из первого умершего превращается в бога смерти и властителя предков. Появляется новая грозная десятирукая богиня-мать Дурги, олицетворение созидательной и разрушительной силы природы. Ее колесницу влекут львы или она сама сидит то на льве, то на слоне (Gonda, 1985, 71).

Уже в ведах по присущему индийскому мифологическому мышлению свойству ассоциировать явления, весьма отдаленно напоминавшие друг друга, бог эликсира жизни Сомы был отождествлен с луной (иранский Хаома, тот же алкогольный напиток, этого изменения не претерпел). В индуизме Сомы полностью утвердился в ипостаси небесного тела, получил несколько десятков небесных имен, стал «супругом» «красной» Рохини и одновременно приобрел антропоморфные черты. В пуране он сын Атри, одного из древнейших мудрецов, обладавших властью над солнцем. Антропоморфные черты усиливаются и в других богах, демонах и сакральных атрибутах. Матали, упомянутый в Атхарваведе как добытое Индрою в водах волшебное средство, превращается в лучшего в мире колесничего Матали, ближайшего друга Индры (Mhb., 5, 104, 2).

Ведийские боги не отождествлялись с животными. В постведийскую эпоху — это обычное явление. Богу Агни сначала придается баран или козел, используемый им как средство для передвижения, а потом он и сам превращается в барана (Mhb., 13, 84, 47), и это не препятствует ему воссесть в человеческом облике

на колеснице, запряженной семью красными конями, обладать семью лицами и семью красными языками.

Происходят изменения и в представлениях о священных животных. Сохраняет святость корова, но рядом с ней становится боевой конь, в котором видят «самое возвышенное, благородное, крепкое, могущественное, прославленное и быстрое из четвероногих» (Mhb., 13, 3, 1), столь же близкое кшатриям, как корова была близка брахманам. Соответственным образом жертвоприношение коня (Ашваметха) рассматривалось как царь жертвоприношений и главная церемония царской коронации. И в этом акте особую роль играет Варуна, оттесненный на обочину пантеона. Он к этому времени превратился в поильца и кормильца коней, которые так любят остающиеся под его властью воды (Gonda, 1985, 79). Впрочем, в этом нет особой индийской специфики: конь является символом воды и в других индоевропейских религиях (Negelein, 1903, 70 и сл.).

Одновременно боги мыслятся уже не отцами, а господами, владыками. Термин господства выражен в латинском *dominus*, в литовском *visipat*, в русском «господь», английском *lord*, восходит к понятию «владыка дома, племени, народа». Расширяясь, оно переносится на территорию, пространство, на землю, на живой мир, на всю природу. Общеиндоевропейское *poti* (греч. *posis*, лит. *pats*, рус. слог «под» в слове «господь») является составной частью в имени владыки пресных вод Посейдона. Но *poti* имел и значение «путь», превратившее Пушана в господина дорог. В Греции те же функции выполнял Гермес, не только владыка дорог, служивших для передвижения, но и пути к знанию, сокрытому для людей, в том числе и пути в мир смерти.

Эпос

Тематически примыкают к ведической литературе эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», отделенные от нее значительным промежутком времени. Они являются памятником индуизма, победившего буддизм и поэтому о них приходится говорить после буддийской литературы (Бонгард-Левин, 1993, 125 и сл.).

«Махабхарата» (санскр. «Сказания о битве Бхаратов»), первая из эпических поэм Индии, видимо, сначала состояла всего лишь из 8800 строк (джайя), затем расширилась до 24 000 строк (Бхарата), а впоследствии разрослась в огромное произведение из 170 000 строк (85 000 двустиший), включив многочисленные дополнения к первоначальным сюжетам и новые произведения, с этими сюжетами не связанные.

В своем ядре «Махабхарата» содержит повествование о соперничестве в борьбе за господство в царстве Хастинапуры двух родов потомков Бхараты — Пандавов и Кауравов. Симпатии

авторов, от имени которых ведется повествование, в начальных частях поэмы всецело на стороне Пандавов, законных наследников племени бхаратов, упоминаемого в «Ригведе». Однако в центральных книгах они не уступают по коварству своим соперникам Кауравам. По мнению, высказанному в конце XIX в. американским исследователем Э. Хоркинсом, в «Махабхарате» столкнулись два культурных и социальных комплекса — кшатрийский и брахманский (Horsins, 1895). Позднее развитие сюжета было связано с ритуалом межродового и межплеменного обмена в дуальной племенной организации (Held, 1935, 241 и сл.)

Великая битва между Пандавами и Кауравами, относимая к концу калиюги («железного века»), — это крушение мира, подобное германским эсхатологическим мифам о сумерках богов, и конец героического века, наступивший в результате бесчестной игры.

Разнородность слагаемых, кричащая пестрота сюжетов не превратила поэму в искусственное собрание «малых песен», ибо в них присутствует некая дидактическая идея. Носители ее, Пандавы, не только благородны, самоотверженны, отважны; они не просто сражаются за власть и богатство, а служат добру и этим выполняют свое человеческое предназначение. Но и их противники Кауравы, несмотря на все коварство и неразборчивость в средствах, следуют непреложному моральному закону: служение долгу и верность друг другу. Именно поэтому на их стороне сражаются такие «невольники чести», как Карна и Бхишма, вызывающие восхищение и симпатию даже у непримиримых противников. Борьба Пандавов и Кауравов — это своего рода состязание человеческих качеств, итог которого до самого трагического конца ясен одним богам. Боги даруют бессмертие только одному, самому человеческому из героев, Юдхиштхире, в служении которого добродетели нет ничего личного, показного. Его слова: «среди болящих о добродетели худший тот, кто ею торгует», раскрывают суть духовного превосходства старшего из Пандавов.

«Махабхарата» — это целый мир, напоминающий солнечную систему. Вокруг основного сюжетного ядра — войны Пандавов и Кауравов — вращаются небольшие поэмы-спутники, которые, хотя и населены собственными персонажами, пронизаны светом центральной дидактической идеи. Среди них известная русскому читателю по стихотворному переводу В.А. Жуковского трогательная история любви Наля (Налы) и Дамаянти; религиозно-философский трактат «Бхавадгита», который не устают толковать все современные философские школы и религиозные конфессии, выявляя каждая по-своему его смысл (Суменцов, 1985, 18-32); этико-политический трактат «Шантипарва», авторство которого приписывается герою поэмы Бхима. Мифы о древних ведийских богах и рассказы об отшельниках и царях как бы венчают художественное и философское «обрамление» повествования о Пандавах и Кауравах.

Как и в «Илиаде», наряду со смертными в «Махабхарате» действуют боги, с интересом наблюдающие за течением событий и в критические моменты его направляющие. Но в отличие от олимпийских богов, не имеющих после победы над гигантами, титанами и Тифоном соперников, обитатели Меру находятся в постоянном напряжении и страхе перед могущественными противниками и нередко оказываются их рабами. И эта борьба сказывается на людских судьбах — боги обычно спускаются на землю не для встреч с возлюбленными, а для укрепления своих позиций в борьбе с асурами или ракшами. И в этом отражается ситуация, в которой находились почитатели ведийских богов, пришельцы арии, заброшенные в огромный чуждый им мир.

Миф о соперничестве богов и асуров, пронизывающий веды, унаследован и «Махабхаратой», занимая в ней центральное место. Его главный герой — Индра. Наряду с ним действуют и другие ведические боги — Агни, ашвины, Вайю, Яма (уже бог, а не первый смертный). Но в ряде сказаний появляются неизвестные ведам божества — Сканда, Лакшми, Дурга. Кришна — еще не бог, а воин, друг и наставник Пандавов. Важную роль играет триада Брахма, Вишну и Шива.

Влияние упанишад сказалось в размышлениях героев эпоса о смысле жизни, о будущем человеческой души. Уже знакомы учения о карме и метампсихозе. И в то же время эти герои продолжают жить в мире, который в эпоху создания поэмы стал анахронизмом. У братьев Пандавов одна жена Драупади, в ходу умыкание жен, выбор жениха невестой и другие архаические брачные обычаи. Это преднамеренная архаизация, знакомая нам и по «Илиаде», но более развернутая и интенсивная, отражающая тенденцию идеализации старины в эпоху крушения аристократического общества и его идеалов под давлением экономических и социальных перемен.

Все это затрудняет использование «Махабхараты» как источника социальной истории, однако это ценнейший памятник для понимания постоянно меняющейся этнической картины субконтинента (Гринцер, 1974, 108). Наряду с ведийскими племенами бхаратов, панчалов, куру, «Махабхарате» известны тохарцы, саки, китайцы, греки и римляне. Герою Сахидеве приписывается даже завоевание Антакхи и Ромы, т. е. Антиохии и Рима (I, 28, 49). Здесь можно вспомнить, что и в римском эпосе Вергилия Август назван покорителем индийцев. Эпос отразил реальные этнические контакты и конфликты, но передал их в обобщенном виде, свел стычки, длившиеся столетиями, в одну грандиозную битву таким же образом, как «Илиада» представила столкновения между ахейцами (Аххиявой) и троянцами в виде грандиозной Троянской войны.

Определение времени создания эпоса возможно преимущественно путем извлечения из него сведений о контактах с иноземными народами. И это позволяет видеть окончательную редакцию «Махабхараты» современницей пуран, памятником IV-V вв. н. э., т. е. времени торжества индуизма. О Будде и буддизме «Махабхарата» молчит, поскольку для ее создателей — это прошлое, не представляющее интереса; так же и для «Рамаяны» Будда — не соперник, а вор (II, 109, 34). Таким образом, «Махабхарата» была создана в эпоху величайшего развития индийской литературы. Однако ее трудно назвать искусственным литературным эпосом, ибо она включила огромный материал древних сказаний, не сумев их как следует «переварить». И в этом ее особая историческая ценность.

Оставаясь, как и «Махабхарата», развернутым повествованием о героическом прошлом, широко используя мифологические мотивы, «Рамаяна» в большей мере, чем ее сестра по эпосу, обращена к личным переживаниям, чувствам. Это история любви и разлуки персонажей героического мира — Рамы, потомка богов, и Ситы, дочери богини земли, но чувства их и переживания — чисто человеческие. Сита вспоминает о своем высоком происхождении лишь тогда, когда Рама отторгает ее от себя, напоминая любимому, что она по своему рангу выше обычных женщин. Раскрытие глубины переживаний героев потребовало приемов чуждых эпическому стереотипу и прежде всего — психологического обоснования поступков, в котором важна каждая деталь (Гринцер, 1974, 355 и сл.).

Принадлежность «Рамаяны» к более поздней, чем «Махабхарата», стадии литературного творчества явствует также из присутствия в ней значительных элементов выросшей из эпоса волшебной сказки. Участниками действия являются не только люди и боги, но и обезьяны, при этом одна из них, Хануман, наделенная магической способностью увеличивать свой размер, входит в число главных героев повествования. В поэме достаточно широко используются чуждые эпосу сказочные мотивы, создающие особый колорит. Человеческими чувствами наделены деревья, горы, реки и озера. Ландшафт служит не только материалом для излюбленных эпических сравнений — он сопереживает героям, радуется или страдает вместе с ними.

Пураны

Традиция вед и эпоса была возрождена в эпоху Гуптов (IV-VI вв.), создавших на севере субконтинента могущественную державу. Именно тогда окончательная победа над буддизмом была закреплена текстами, известными под названием пураны, термином, впервые появившимся в «Атхарваведе» и упанишадах как

некий синоним слова веды. Это 18 «больших» и столько же «малых» сборников, названных по именам богов или мудрецов. Наиболее ценными среди «больших» считаются пураны «Маркондея», «Ваю», «Вишну», «Бхагавита» и «Матсья». Применительно к культу бога, с которыми связаны пураны, они считаются вишнуитскими, шиваистскими и брахманистскими, но отражают они идеологию и культовую практику индуизма как сложившейся религиозной системы, допускающей соперничество между различными религиозными течениями (Бонгард-Левин, 1993, 138).

Главные темы литературы пуранов — становление мира, новое его возникновение из элементов распавшегося мира после каждой космической эры, родословная богов, асуров, и мудрецов, история легендарных династий, Солнечной и Лунной. Таким образом, в пуранах последовательно раскрывалась мифологическая картина мира, но в отличие от вед она привязывалась к реальным фактам политической истории.

Наряду с этим в поле зрения создателей пуранической литературы — различные области знания (география, астрономия, медицина, музыка, живопись, архитектура), неотделимые от индуистской мифологии и теологии. Пураны открыты картине мира, они изменяются в связи с научными достижениями. Это отражено и в легенде о ветшающей пуране, в которую добавляет новую страницу сам Вишну, принимая облик мудреца Вясы. Открытость выражалась и в стремлении покончить с замкнутостью вед и обрести для них более широкую аудиторию. Так, в «Деве-бхагавата-пуране» сказано: «Женщины, шудры и не отмеченные достоинствами дваждырожденные не имеют права слушать веды, и только для их блага были написаны пураны». Но при этом оставалась неизблемой система сословных перегородок, и нарушение их рассматривалось как тягчайшее преступление, грозящее страшными карами в будущей жизни.

Драматургия

Хронологически, тематически и идейно к эпосу и пуранам примыкает индийская классическая драматургия, подобно своей греческой предшественнице, черпающая сюжеты из мифологии. Чувствуется, что некоторые части «Махабхараты» были рассчитаны не только на чтение, но и на инсценировку. Такова например «Виратапарва», где герои примеряют к себе маски и, действуя в соответствии с ними, создают театральный эффект. Можно себе представить, что подобные сценки разыгрывались в глубокой древности умельцами типа скоморохов.

И на самом деле известно, что задолго до классической драмы существовала лирическая народная драма — джатра, являвшаяся

частью праздника бога аборигенов Кришны. События из его жизни воспроизводились актерами-любителями, использовавшими не только речь, но и мимику, пение, пляску. Но только при Гуптах театр стал неременной частью дворцовой жизни — в этом его коренное отличие от греческого театра, бывшего достоянием гражданства полиса. Индийский театр был зрелищем для общественной элиты. Его герои говорили на разных языках — семи пракритах, каждый из которых был закреплен за определенным персонажем из числа простолюдинов и женщин, и санскрите, сохранявшемся в качестве языка религии, науки и придворного искусства. Последним пользоваться на сцене могли только цари, брахманы и кшатрии. Элитарность индийского театра, отделенного от рядового населения, пользовавшегося пракритами, сохранила его в качестве источника мифологии. Пользуясь ведами, брахманами, эпосом и пуранами, великий драматург Калидаса не просто их пересказывал: он предлагал зрителям осмысление древнего мифа с позиций своего времени, — и это требовало внесения сюжетных изменений и трактовки образов мифологических персонажей. Так, в пьесе Калидаса «Сакунтала», основывающейся на традиционном сюжете обмана девушки, дочери Природы, сладострастным царем, выстроена трагедия любящей пары, ставшей жертвой судьбы. Царь забыл о своем счастье под влиянием проклятия отшельника, которого Сакунтала неумышленно оскорбила невниманием, а затем, когда ему напомнили о прошлом, он оказывается в плену лицемерной морали.

В этой и других пьесах в соответствии с открытостью индуизма эпохи Гуптов новым веяниям: верность, любовь, искренность, чисто человечески чувства, распространяются на мир богов и героев. Они, спускаясь с небес на землю, исполняют вместе с людьми торжествующий гимн жизни.

Согласно Гете, не находившему слов для восхищения Калидасой, «Сакунтала» — «это женственная чистота, невинная покорность, непостоянство мужчины, материнская самоуглубленность, естественное состояние человеческой жизни, поэтически вознесенная в сферу чуда». Индийская драма, раскрывая заложенный в мифологии потенциал, принесла великому циклу, открытому ведами, мудрую и умиротворяющую завершенность и в то же время стала посредником для его понимания в категориях европейской философии и культуры.

Библиография

Религиозно-мифологические и историко-правовые тексты в русских и западноевропейских переводах

Аннамбхатта Тарка-санграха (Свод умозрений) и Таркадипика (Разъяснение) / Пер и примеч И П Островской — М, 1989

Артхашастра / Пер В И Кальянова — М — Л 1959

Арья Шура Гирлянда джатак или сказания о подвигах Бодхисатвы / Пер А П Баранникова и О Ф Волковой — М 1963

Атхарваведа Избранное / Пер и комм Т Я Елизаренковой — М 1976 1977, 1989, 1995

Ашвакхоша Жизнь Будды / Пер К Бальмонта — М, 1913 1990

Брихадараньяка упанишада — М 1964

Бхагавадгита / Пер, послесловие комм Б Л Смирнова — М 1994

Джатаки / Пер Б А Захарьина — М, 1979

Дхаммапада / Пер введ и комм В Н Топорова — М 1960 СПб 1993

Законы Ману / Пер Д Эльмановича исправл Г Ф Ильиным — М 1960

Законы Нарады // Хрестоматия по истории Древнего Востока — М 1963

Махабхарата Книга первая Адипарва / Пер и комм В И Кальянова — М — Л 1950 М 1992

Махабхарата Книга вторая Сабхапарва или Книга о собрании / Пер и комм В И Кальянова — М 1992

Махабхарата Книга третья Лесная Араньякапарва / Пер и комм Л В Васильева — М, 1987

Махабхарата Книга четвертая Виратапарва, или Книга о Вирате / Пер и комм В И Кальянова — Л, 1993

Махабхарата Книга пятая Удйогопарва или Книга о старании / Пер и комм В И Кальянова — Л, 1976

Махабхарата Книга седьмая Дронапарва, или книга о Дроне / Пер и комм В И Кальянова — СПб, 1993

Махабхарата Книга восьмая Карнапарва, или Книга о Карне / Пер, предисл и комм Я В Василькова Л Невелевой — Л, 1990

Махабхарата Книга девятая Шальяпарва / Пер и комм В И Кальянова — М, 1996

Махабхарата Книга десятая Саупптикапарва / Пер предисл и комм Я В Василькова, Л Невелевой — М 1998

Махабхарата Книга одиннадцатая Стрипарва / Пер предисл и комм Я В Василькова, Л Невелевой — М, 1998

Махабхарата Mokṣadharmā (Основa освобождения) / Пер, предисл Б Л Смирнова — Ашхабад, 1983

Махабхарата / Пер С Липкина, Рамаяна / Пер В Потаповой — М, 1974 (Библиотека всемирной литературы)

Панчатанатра / Пер, примеч А И Сыркина — М 1962

Повести, сказки, притчи Древней Индии — М 1985

Поззия и проза Древнего Востока — М 1969 1973

Ригведа Мандалы I — IV / Изд подгот Т Я Елизаренкова — М 1989

Ригведа Мандалы V – VIII / Изд подгот Т Я Елизаренкова – М, 1993, 1999

Ригведа Мандалы IX – X / Изд подгот Т Я Елизаренкова – М, 1999

Ригведа Избранные гимны / Пер Т Я Елизаренковой – М, 1972

Упанишады / Пер, исслед и комм А Я Сыркина – М, 1967, 2000

Bhagavata Purana / Trans by T G Tagare // Ancient Indian Tradition and Mythology – Vol VII – XI – Dehli, 1976–1979

Buddhistische Marchen / Einleitung von H Luders – Jena, 1921

Jataca / Trans, editorship of E Cowell – Vol I–VII – Cambridge 1895 – 1913

Ramayana / Trans by H Prasad Sastri – Vol 1–3 – L, 1951

Sechzig Upanischad's des Veda / Ubers von P Deussen – Lpz, 1897

Литературные переложения

Гусева И Р «Махабхарата», или сказание о великой битве потомков Бхараты / Пересказ для детей – М, 1964

Ильин Г Ф Старинное индийское сказание о героях древности Махабхарата – М, 1958

Наль и Дамаянти Индийская повесть / Пер В А Жуковского – СПб, 1844, (любое изд)

Пол Томас Легенды, эпос и мифы древней Индии – СПб, 2000

Рамаяна / Лит излож В Г Эрмана, Э Н Темкина – М, 1965

Темкин Э Н, Эрман В Г Мифы древней Индии М, 1985

Три великих эпических сказания Древней Индии / Лит излож Э Н Темкина, В Г Эрмана – М, 1978

Обобщающие труды

Ардзимба В Г Ритуалы и мифы древней Анатолии – М, 1982

Гамкрелидзе Т В, Иванов В В Индоевропейский язык и индоевропейцы – Тбилиси, 1984

Голосовкер Я Э Логика мифа – М, 1981

Гринцер П А Эпос древнего мира – М, 1971

Дьяконов И М Архаические мифы Востока и Запада – М, 1990

Дюмезиль Ж Верховные боги индоевропейцев – М, 1986

Жирмунский В М Народный героический эпос Сравнительно-исторические очерки – М, 1968

Иванов В В Чет и нечет – М, 1978

Матье М Э Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта – М, 1996

Мелетинский Е М Поэтика мифа – М, 1976

Мелетинский Е М Происхождение героического эпоса – М, 1963

Немировский А И Этруски от мифа к истории – М, 1983

Немировский А И Мифы древности Италия – М, 2001

Немировский А И Мифы древности Эллада – М, 2000

Потебня А А Символ и миф в народной культуре – М, 2000

Пропп В Я Исторические корни волшебной сказки – М 2000

Религии древнего Востока / Под ред Г М Бонгарда-Левина – М 1995

Стеблин-Каменский М И Миф – Л 1976

Фрезер Дж Золотая ветвь – М любое изд

- Хук Г Мифология Ближнего Востока — М 1991
 Элиаде М Миф о вечном возвращении — СПб 1998
 Bowra V Primitive sang — Cleveland New York 1962
 Brandon M A Criation legend of the Ancient Near East — Manchester 1963
 Dumezil G Mythe et épopée L'ideologie des trois fonctions dans les épopées des peuples Indo-europeens — Paris, 1968
 Negelein J Das Pferd im arischen Altertum — Königsberg, 1903
 Wissowa K Religion und Kultus der Römer — München 1912

Исследования по Индии

- Альбедиль М Ф Забытая цивилизация в долине Инда — М 1991
 Альбедиль М Ф Протоиндийская цивилизация Очерки культуры — М 1994
 Альбедиль М Ф, Алаев И Б, Алиханова Ю М и др Индуизм джайнизм, сикхизм Словарь — М, 1996
 Бируни Абу Рейхан Индия — М, 1995
 Бонгард-Левин Г М Боги Брахманы Люди — М, 1969
 Бонгард-Левин Г М Древнеиндийская цивилизация — М, 1993
 Бонгард-Левин Г М Индия эпохи Маурьев — М, 1973
 Бонгард-Левин Г М К проблеме историчности III (собора) в Паталипутре // Индия в древности — М, 1964
 Бонгард-Левин Г М, Герасимов А В Мудрецы и философы древней Индии — М, 1975
 Бонгард-Левин Г М, Грантовский Э А От Скифии до Индии — М, 1983
 Бонгард-Левин Г М, Гуров Н В Древнейшая этнокультурная история народов Индостана // Древний Восток Этнокультурные связи — М, 1988
 Бонгард-Левин Г М, Ильин Г Ф Индия в древности — М, 1985
 Бэшэм А Чудо, которым была Индия — М, 1977
 Васильев В Буддизм, его догматы, история и литература — Ч 1, 3 — СПб, 1857 — 1863
 Васильков Я В «Махабхарата» и потлач (этнографический субстрат эпического сюжета) // Санскрит и древнеиндийская культура — Т 1 — М, 1979
 Вигасин А А, Самозванцев А М «Артхашастра» проблемы социальной структуры и права — М, 1984
 Грантовский Э К «Серая керамика» «расписная керамика» и индоевропейцы // Проблемы истории Центральной Азии в древности — М, 1981
 Гринцер П А Древнеиндийская литература // История всемирной литературы — Т 1 — М, 1983
 Гринцер П А Древнеиндийская проза — М, 1963
 Гринцер П А Древнеиндийский эпос Генезис и типология — М, 1974
 Гринцер П А Тайный язык «Ригведы» — М 1988
 Елизаренкова Т Я Язык и стиль ведийских риши — М, 1993
 Елизаренкова Т Я Мир идей ариев «Ригведы» // Ригведа Мандалы V — VIII — М, 1999

Елизаренкова Т Я, Топоров В Н Мир вещей по данным «Ригведы» // Ригведа Мандалы V – VIII – М, 1999

Иванов В В К истории значения санскритского mleccha // Санскрит и древнеиндийская культура – Т 1 – М, 1979

Иванов В В, Топоров В Н Исследования в области славянских древностей – М, 1974

Ильин Г Ф Религии древней Индии – М, 1959

История и культура древней Индии / Текст и сост А А Вигасина – М, 1990

Кальянов В И Краткие сведения о «Махабхарате» // Махабхарата – Книга I – М, 1992

Кальянов В И Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе // Махабхарата – Книга IV – Л, 1993

Кейпер Ф Б Я Труды по ведийской мифологии – М, 1986

Кнорозов Ю В Протоиндийские надписи (К проблемам дешифровки) // Советская этнография – 1981 – N 5

Комороци Г Гимн о торговле Тильмуна // Древний Восток – 1976 – N 2

Косамби Д Культура и цивилизация древней Индии – М, 1968

Кудрявский Д Н Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов – Юрьев, 1904

Лелеков К А Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традиции // Древняя Индия – М, 1982

Лысенко В Г, Терентьев А А, Шохин В К Ранняя буддийская философия Философия джайнизма – М, 1994

Маккей Э Древнейшая культура Инда – М, 1951

Малль Л Э Буддийская мифология // Мифы народов мира – Т I – М, 1987

Малль Л Э Некоторые проблемы возникновения махаяны // Центральная Азия в Кушанскую эпоху – Т 2 – М, 1975

Массон В М Алтын-депе – Л, 1981

Невелева А «Махабхарата» Изучение древнеиндийского эпоса – М, 1991

Невелева Л Мифология древнеиндийского эпоса Пантеон – М, 1975

Норман Браун У Индийская мифология // Мифологии древнего мира – М, 1977

Огибенин Б Л Структура мифологических текстов «Ригведы» – М 1968

Ольденбург Ф Буддийские легенды – СПб, 1898

Романов В И Древнеиндийские представления о царе и царстве // ВДИ – 1978 – N 4

Сафронов В А Индоевропейские прародины – Горький 1989

Семенцов В Проблема интерпретации брахманической прозы – М 1981

Семенцов В Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике – М, 1985

Тедден М, Верарди Дж Археология и буддизм Вклад итальянского института Среднего и Дальнего Востока // ВДИ – 1993 – N 2

- Топоров В Н Веды́ская мифология // Мифы народов мира — Т I
— М 1987
- Топоров В Н Дхаммапада и буддийская литература // Дхаммапада
— М 1960 СПб, 1993
- Шохин В К Брахманская философия — М, 1994
- Щетенко А Я Древнейшие цивилизации долины Ганга // Древний
Восток и мировая культура — М, 1981
- Эрман В Г Очерк истории ведийской литературы — М, 1976 1980
- Clayton A The Rgveda and vedic religion — New Dehli 1981
- Gaur R The Painted Grey Ware and the Aryan Problem // Этнические
проблемы истории Центральной Азии в древности — М 1981
- Gonda J Change and continuity in Indian religion New Dehli, 1985 b
- Gonda J Prajapati and year — Amsterdam Oxford New York 1984
- Gonda J Prajapati 's relations with Brahman, Brahspati and Brahma —
Amsterdam, Oxford, New York, 1989
- Gonda J Pusan and Sarasvati — Amsterdam Oxford, New York, 1985 a
- Gonda J The epithets in the Rgveda's — Gravenhage 1959
- Gonda J The vision of the Vedic poets — Hague, 1963
- Gonda J Vedic literature — Wiesbaden, 1975
- Gordon D H The prehistoric background at Indian culture // Bombay
1959
- Held G J The Mahabharata, an ethnological study — Leiden, 1935
- Hopkins E W The religions of India — Boston, 1895
- Lal B B Indio-Aryan Hypothesis vis-a-vis Indian Archaeology // Этнические
проблемы истории Центральной Азии в древности — М,
1981
- Marshall J, Mackay E Mohenjo-Daro and the Indus civilisation —
London, 1931
- Piano S Nito del Gango — Roma, 1990
- Ragozzino G Legendi dell' antica India — Roma, 1986
- Renou L Etudes vedique — Vol 1—3 — Paris, 1955 — 1968
- Ruben W Die Homerische und altindischen Epen — B, 1975
- Tilak B The Arctic Home in the Vedas — Bombay, 1903
- Winternitz M Geschichte der Indischen Literatur — Bd I — III —
Leipzig, 1908

Сокращения

AV — «Атхарваведа»

Liv — Тит Ливий, «История Рима от основания города»

Macr, Sat — Макробий, «Сатурналии»

Theog — Гесиод, «Теогония»

Mhb — «Махабхарата»

Ovid, Fast — Овидий, «Фасты»

Plin, N H — Плиний Старший, «Естественная история»

Ram — «Рамаяна»

Rv — «Ригведа»

Serv, Aen — Сервий, «Комментарий к «Энеиде» Вергилия»

ВДИ — журнал «Вестник древней истории»

Указатель персонажей мифов

А

Агастья, 30 – 32, 46, 195, 196
 Агни, 8 – 17, 26, 29, 39, 40, 43, 51, 55 – 57, 75, 78, 79, 90, 92, 134, 144, 157, 160, 173, 174, 199, 207, 209, 212, 256, 266 – 269, 273, 284, 287
 Аджигарта, 55, 57
 Адити, 21, 26, 89, 102, 267, 270
 Адитьи, 50
 Адхиратха, 107
 Айравана, 80, 89
 Айравата, 90
 Ананда, 218
 Ангада, 195, 197, 206
 Ангарапарна, 113
 Ангирасы, 24, 62
 Аншуман, 47
 Апсары, 70, 270
 Арджуна, 62, 104 – 107, 113 – 116, 124 – 128, 131 – 139, 143, 146 – 156
 Аруна, 44, 75
 Арьяман, 270
 Асаманджа, 45
 Астика, 83 – 85, 93, 94
 Асурахан, 29
 Асуры, 73, 148
 Атри, 284
 Ашваттхаман, 144 – 146, 152, 153
 Ашвины, 14, 37, 56, 78, 268

Б

Баларама, 59, 62
 Бимбисара, 216
 Бодхисатва, 222 – 227, 231, 232, 235, 239, 243, 277, 281
 Брахма, 18, 22, 27, 29, 30, 35, 40, 43, 48 – 51, 59, 69, 70, 173, 177, 269, 275, 278, 282, 287
 Брихаспати, 12, 17, 18, 29, 30, 38 – 40, 78, 124
 Будда, 218 – 220, 227, 234, 275, 276, 280, 288
 Будха, 30, 95
 Бхага, 270
 Бхарата, 100, 178, 183, 187 – 189, 285
 Бхима, 104 – 116, 123 – 125, 131, 132, 145 – 152, 155 – 159, 166 – 169
 Бхишма, 102 – 104, 117, 118, 138, 142 – 144, 286
 Бхригу, 44, 51, 273
В
 Вайю, 12, 13, 78, 148, 173 – 176, 193, 211, 267, 287
 Вала, 24, 40
 Валин, 193
 Вальмики, 172, 173, 213
 Вamana, 69

Варуна, 7, 16, 17, 26, 35, 54 – 56, 157, 160, 173, 174, 267 – 270, 273, 284, 285
 Варчина, 29
 Варшней, 158, 161, 166 – 170
 Васиштха, 19, 52 – 55, 70
 Васу, 19, 21, 30, 144
 Васудева, 59, 60
 Васуки, 71, 73, 83, 85, 92
 Вата, 266
 Вач, 14, 175, 255, 261
 Вивасват, 36, 267
 Видура, 110, 117 – 124
 Вината, 72 – 77, 85
 Випашита, 68 – 69
 Випрачитти, 28
 Випула, 40
 Вирата, 131, 135, 136
 Вишвакарман, 15, 200, 201, 256
 Вишвамитра, 52, 53, 55, 58, 98, 179, 180, 181
 Вишварупа, 21, 38
 Вишну, 29 – 40, 46 – 51, 58 – 65, 76 – 85, 97, 102, 137, 153, 174, 175, 195, 196, 206, 213, 250, 272, 275, 280 – 283, 287, 289
 Вритра, 21 – 24, 29, 38, 71
Г
 Ганга, 34
 Гандхари, 124, 154

Ганеша, 51
Гаруда, 44, 61, 71, 75 –
80, 85, 203
Гаутама, 214 – 217

Д

Дакша, 18, 49, 102,
180, 270, 271, 282
Дашаратха, 174 – 179,
182, 184 – 186
Девадатта, 217, 228
Деваки, 59, 62
Девашарман, 40
Джамбу, 70
Джанака, 180, 181, 265
Джанамеджая, 91, 93
Джанту, 41
Джарасандха, 61
Джараткара, 83 – 85, 93
Джатайю, 192, 196, 197
Дити, 26, 28, 32
Драупади, 114 – 119,
122 – 128, 132, 134,
136, 138, 145, 147,
150 – 156, 287
Дрона, 103 – 108, 117 –
120, 124, 138, 143 –
147
Друпада, 115 – 118
Дурга, 250, 283, 287
Дурьйодхана, 62 104 –
109, 117 – 124, 136,
137, 144 – 152
Духшанта, 98 – 100
Духшасана, 123
Дхатри 90, 282
Дхритараштра, 124,
154
Дхришадьямна, 114
115, 145 – 148, 153
Дьяус, 19 266

И

Ида, 267
Илу, 14, 35, 95

Индра, 8, 10, 13, 21 –
29, 33, 38 – 42, 56 –
61, 65, 68, 77 – 80,
90, 92, 100, 136, 140
– 144, 149, 150, 156
– 163, 173 – 175,
194, 206, 209, 245,
252, 257, 260, 261,
266 – 268, 272 – 275,
282, 287
Индраджит, 174, 202,
203, 207

К

Кадру, 72, 74, 77, 85,
89
Кали, 157, 160, 161,
165, 168 – 171, 282,
283
Кама, 50, 51, 86, 95, 97,
101, 159, 234
Канва, 98, 99, 100
Канду, 100, 101
Капилла, 46
Каркатака, 164
Карна, 106 – 108, 116,
117, 120 140 – 151,
286
Каушалья, 174, 175,
185, 186
Кашьяпа, 26, 81, 82, 91
Кешини, 44, 45, 159,
170
Кирата, 126
Крипа, 146
Кришану, 24, 25
Кришна, 58 – 62 136 –
139, 142 144 146 –
149, 153, 154, 284
287
Кубера 70, 237, 283
Кумбхакарна, 204 –
206

Кунти, 109, 110, 117,
120, 123, 126, 127,
131, 153, 154
Куру, 143, 145, 150

Л

Лакшмана, 178 – 180,
185, 188 – 195, 201
203, 207, 208, 212
Лакшми, 61, 287
Лопамудра, 32

М

Мадри, 131
Майя, 27 – 28
Макара, 233, 234
Манаса, 92
Ману, 11, 34 – 36, 43,
44, 175, 176, 274,
291
Мара, 217, 235, 236
Маркандея, 63 – 65,
282
Марута, 78
Махаладма, 69
Митра, 7, 17, 35, 266,
267, 268, 270

Н

Наги, 83
Накула, 129 – 132, 135,
136, 155
Наль, 157 – 171, 292
Нанда, 60, 227
Нарада, 54, 125, 128,
172 173 282
Нараяна, 97 146 148
Нахуша, 32 38 40

П

Панду 81 109 110
118
Пании, 24
Паракшита, 93
Пипра, 29

Прамадвара, 86
 Пратиша, 19; 20
 Прахлада, 32; 33
 Притхи, 44
 Притхиви, 19; 44; 125;
 181; 213
 Пунчана, 109; 110; 117
 Пурурава, 95 – 97
 Пуруша, 10; 263
 Пушан, 13; 14; 18; 267
 Пушкара, 161; 171

Р

Равана, 173; 175; 190;
 191; 194; 199 – 212
 Ракшасы, 199; 207
 Рама, 93; 172; 179 –
 213; 288
 Раху, 76; 125; 185
 Рита, 11
 Риши, 55
 Роhini, 59; 271; 284
 Рудра, 18; 30; 33; 43;
 70; 268; 271; 282
 Рукмини, 62
 Руру, 85 – 87

С

Савитар, 13; 30; 56; 267
 Сагара, 44 – 47
 Санджая, 125; 146
 Сарам, 23; 24
 Саранью, 15; 16
 Сарасвати, 14; 267
 Сахадева, 132; 155
 Сваха, 57; 115

Сита, 157; 184; 185;
 189; 190 – 192; 198 –
 200; 207; 211 – 213;
 288
 Сканд, 287
 Сом, 8, 10; 13; 14; 24 –
 26; 29; 30; 51; 73;
 266; 269; 273; 284
 Стхулокеша, 85 – 86
 Сугрива, 193 – 195;
 206; 212
 Судатта, 218
 Суканья, 36; 37
 Сумати, 44; 45
 Сумитра, 174; 175
 Сурабхи, 52; 53
 Сурья, 12; 13; 78; 108;
 130; 140; 141; 150;
 267

Т

Такшака, 81; 82; 88; 90;
 92; 93; 94
 Тара, 30
 Тарака, 27; 179
 Тваштар, 13; 21; 266;
 267

У

Уграсена, 58
 Ума, 49 – 51; 250; 283
 Урваши, 32; 70; 95 –
 98; 262
 Уттанка, 87 – 91
 Утгара, 154
 Ушас, 266 – 268

Х

Хануман, 174; 193; 195
 – 208; 211; 212; 227;
 288
 Хираньякапарва, 32 –
 33
 Харишчандра, 54; 55
 Химават, 18; 50; 68

Ч

Чьявана, 36; 37; 5

Ш

Шакти, 69
 Шакуни, 104; 119 –
 124; 146; 150
 Шакунтала, 98 – 100
 Шантану, 20
 Шатругхна, 178
 Шачи, 38; 39
 Шекьямуни, 71
 Шеша, 62; 73
 Шива, 22; 40; 48 – 52;
 70; 125; 127; 180;
 271; 282; 283; 287
 Шикхандин, 143
 Шри, 73; 122; 279
 Шуддходана, 214
 Шунахшепа, 54 – 58

Я

Яма, 13 – 17; 66; 68; 93;
 131; 152; 156; 160;
 174; 226; 266; 284;
 287
 Яшода, 60; 61

Оглавление

Откуда пошел, как был органи-
зован и защищен мир 5

Кому ведома тайна 6

Вначале было яйцо 7

Вначале был Пуруша 10

Вначале был Прагжапати 11

Вначале было солнце 13

Речь 14

Где это было? 14

День и ночь 15

Бегство и возвращение Агни

16

Буян Химаваты 17

Наказание Дьяуса 19

Восемь Васу 19

Деяния Индры 21

Напиток богов 24

Противостояние 26

Трипура 26

Укрепление земли 28

Боги и асуры 29

Рождение Будхи 29

Выпивший море 30

Великое пополнение 32

Воплощения Вишну 32

Гибель и воссоздание жизни 34

Чьявана 36

Индра-изгнанник и Шачи 38

Царь сомака и сын его Джанту

41

Очищение земли 42

Припху 43

Тыквенные дети 44

Нисхождение Ганги 47

Рождение красоты 48

Корова желаний 52

Шунахшета 54

Кришна 58

Откровение Маркандея 62

Душа гравесника 65

Хранители мира 69

Птицы и змеи 71

Птица Гаруда 72

Жертвоприношение змеи 81

Решение Васуки 83

Астика 84

Руру и мудрый змей 85

Ученик Веды 87

Алтарь 91

Время дхармы 92

Цари и апсары 95

Пурурава и прекрасная

Урваши 95

Шакунтала 98

День любви 100

Пандавы и кауравы 102

Посланник войны 102

Бхима волчебрюхий 104

Состязание 105

Смоляной дом 108

В дремучем лесу 111

У вод Ганги 113

Сваямвара 114

Царский совет 117

Посольство 118

Индрапрастха 119

Вызов 119

Игра 120

Коварство 124

Уход 124

Оружие Шивы 125

Испытание 127

Озеро смерти 128

Выбор 131

Наставления Дхаумьи 133

В страну Вираты 134

Собрание знати 135

У Кришны 136

Курукшетра 138

Индра и Карна 140

Бхishма 142

Дрона 143

Нараяна 146

Поездок 148

Отчаяние 151

Сова и вороны 152

Утро гобеты 153

Последнее спиритство 154

Наль и Дамаянти 157
Любовь и разлука Рамы и Ситы 172

- Пролог на земле 172
Пролог на небесах 173
Кошала 175
Ожидание 176
Четырежды счастливый 177
Первые подвиги 178
Лук Шивы 180
Свадебный дар 181
В доме гнева 182
Гроза 184
Изгнание 185
Возмездие 186
Бхарата 187
Дорога для Рамы 188
Золотой олень 189
Поиски 191
Великий союз 193
Пора войны 194
У Агастьи 195
У океана 196
Рассказ Ханумана 198
Новый друг 199
Переправа 200
Первая битва 202
Небесный спаситель 202
Поединок 203
Пробуждение Кумбхакарны 204
Ракшас-гора 207
Колдовство 207
Колесница Ингры 209
Гибель Раваны 210
Эпilog 211
Сорок жизней Будды и
Бодхисатвы 214
Просветление 214
Веер 219

- Чуллакасеситхи 221
Бодхисатва и раб 222
Бодхисатва и брахман 224
Бодхисатва и царь
Махапинтала 225
Акробат 226
Золотой гусь 227
Священное древо 228
В поисках нового имени 229
Одинокый слон 230
Любовник 233
Богач 235
Чаша 236
Казначей 237
Кормчий 239
Дятел 242
Царь племени Шиби 243
Мифы древней Индии во времени
и пространстве 246
Холмы мертвых 247
Протоиндийская мифология 249
Арьи 251
Арьи в долинах Инга и Ганга 253
Веды 258
От вед к веданте 261
Боги вед 266
Космогония вед 271
Буддизм 274
Буддийская мифология 277
Буддийская литература 279
От Бодхисатв к Будде 280
От ведизма к индуизму 281
Эпос 285
Пураны 288
Драматургия 289
Библиография 291
Сокращения 295
Указатель персонажей мифов 296